

№ 21 (192) 2014
Выпуск 32

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Издатель:

НИУ «БелГУ».

Издательский дом «Белгород».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-21121 от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

О. Н. Полухин,

ректор НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Зам. главного редактора

И. С. Константинов,

проректор по научной и инновационной работе НИУ «БелГУ», доктор технических наук, профессор

Научный редактор:

В. М. Московкин,

профессор кафедры мировой экономики НИУ «БелГУ», доктор географических наук

Ответственные секретари:

О. В. Шевченко

зам. начальника УНИД НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Главный редактор серии

В. А. Шаповалов,

проректор по качеству, заочному обучению и дополнительному образованию НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Н. Н. Болгов,

заведующий кафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

И. Т. Шатохин,

профессор кафедры российской истории НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

В. Н. Шилов,

профессор кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ», доктор философских наук, профессор

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

История Политология Экономика
Информатика

Belgorod State University
Scientific Bulletin

History Political science Economics
Information technologies

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

К вопросу об отношениях между Аргосом и Спартой в VII в. до н.э.

А.В. Унжаков 5

Территориальный спор Мессении и Мегалополя: новый эпиграфический документ **С.К. Сизов 10**

К вопросу об утверждении римского влияния в Африке (на примере Нумидии) **К. Бембай 24**

О трансформации погребального обряда Херсонеса-Херсона на примере использования кремации **Н.О. Супрун 28**

Еще раз о списке народов Эрманариха **С.В. Ярцев 35**

Изучение Газской школы риторики в последние годы **А.М. Болгова, Н.Н. Болгов, В.В. Литич, В.Н. Шилов 43**

К вопросу о дипломатической миссии Джакомо Соранцо во Франции 1554–1558 гг.: военная кампания 1556–1557 гг.

М.В. Третьякова 47

Миграционные процессы в Северной части Пруто-Днестровского междуречья в XVIII веке. **Д.И. Хайдарлы 53**

Реформа британского парламента 1867 года по материалам российских журналов 60-х гг. XIX века **С.А. Зотов 58**

Нацистская пропаганда во внешней политике Германии (1933-1939): германоязычная историография

С.Ю. Крупская 65

Ретроспективный анализ трансформации сельской поселенческой структуры в Украине: государственно-управленческий аспект **Ю.С. Малько 69**

Соотношение традиции и новаторства в формировании целостности художественного сознания в европейской культуре

Л. И. Сорокина 74

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Грунтовые могильники скифского времени в днепро-донской лесостепи: историографический обзор исследований

Ю.Д. Разуваев 81

Оренбургская губернская администрация рубежа XVIII-XIX вв. в оценках современников **Н.Л. Семенова 86**

Земская ветеринарная организация Таврической губернии (вторая половина XIX – начало XX ст.) **Я.В. Березняк 94**

Забывтый деятель народного образования Курской и Воронежской губерний А.К. Димитриу как известный византист

В.М. Московкин 101

Ответственный секретарь

Онопrienко И. Г.,
доцент кафедры документоведения
НИУ «БелГУ», кандидат
исторических наук, доцент

Члены редколлегии:

М. Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор (Магнитогорский государственный университет)

В. И. Бортников, доктор политических наук, профессор (Восточно-Европейский национальный университет им. Леси Украинки, г. Луцк, Украина)

А. В. Глухова, доктор политических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

М. Казански, доктор истории (Центр изучения византийской цивилизации, Париж, Франция)

А. В. Коробков, доктор политологии (Университет штата Теннесси, США)

К. Н. Лобанов, доктор политических наук (Белгородский юридический институт МВД России)

Е. А. Молев, доктор исторических наук, профессор (Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского)

Н. Н. Никитенко, доктор исторических наук, профессор (Институт археологии и источниковедения им. М. С. Грушевского Национальной академии наук Украины, г. Киев)

М. Плувиано, доктор истории (Генуэзский университет, Италия)

С. И. Посохов, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Украина)

И. М. Пушкарёва, доктор исторических наук, старший научный сотрудник (Институт российской истории Российской академии наук)

С. Б. Сорочан, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Украина)

И. М. Тодоров, доктор истории, доцент (Великотырновский университет «Св. Кирилла и Мефодия», Болгария)

Х. Р. Туманс, доктор истории, (Латвийский национальный университет, г. Рига)

Статьи представлены в авторской редакции.

оригинал-макет *И. Г. Онопrienко, Н. А. Гапоненко*
E-mail: onoprienko@bsu.edu.ru

Подписано в печать 23.12.2014
Формат 60×84/8
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 23,25
Тираж 1000 экз.
Заказ 344

Подписной индекс в каталоге агентства
«Роспечать» – 18078

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован
в Издательском доме «Белгород»
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Российское дворянство и государственная служба в XIX – начале XX вв. **И.Т. Шатохин, С.Б. Шатохина 106**

Повседневность казаков-переселенцев на Дальнем Востоке России во второй половине XIX в. **А.А. Голик 111**

Политические репрессии против научных кадров службы связи военно-морских сил **С.С. Близниченко, С.Е. Лазарев 117**

Изучая «рабочую историю» периода Первой мировой войны **И.М. Пушкарёва 125**

Общество бывших морских офицеров в Сан-Франциско в 1920-1930-е гг. **Н.А. Низовцев 134**

Проблемы, состояние учреждений здравоохранения и медицинское обслуживание населения города Выборга в послевоенные годы (1945 – 1953 гг.) **Н. Н. Гордеева 140**

Опыт сотрудничества в научной и образовательной сферах ДРВ и СССР в 1960 – середине 1970 гг. (по материалам советской периодической печати) **К. В. Птицына 147**

Проблема продовольственного обеспечения населения городов Приангарья в 1990-е гг. **Т.П. Урожаева 152**

Формирование церковной позиции к процессам глобализации: официальный и внутрицерковный дискурсы **А.В. Еремин 158**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Распад государства и трансформация политического насилия **В.Ю. Кравченко 165**

Роль доверия в легитимации власти **Е.В. Реутов 172**

Гендерный подход в политике: мировой опыт и реалии современной России **Т.В. Саенко 177**

Юго-восточная Европа: реформы правоохранительных структур на рубеже XX – XXI века **А.К. Киселёв 181**

Журнал немецких социал-демократов о внешней политике России **В.Н. Шилов 189**

Сведения об авторах 194

Информация для авторов 196

**№ 21 (192) 2014
Issue 32**

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education
«Belgorod National Research University»

Publisher:

Belgorod National Research University,
Belgorod National Research University Press.
The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media
ПИ № ФС 77-21121 May 19, 2005.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief

O. N. Polukhin,

Rector of Belgorod National Research University, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I. S. Konstantinov,

Vice-Rector on Scientific and Innovative Work of Belgorod National Research University, Doctor of Technical Sciences, Professor

Science Editor

V. M. Moskovkin,

Professor of World Economy Department of Belgorod National Research University, Doctor of Geographical Sciences

Assistant Editors

O. V. Shevchenko,

Deputy Head of Department of Scientific and Innovative Activity of Belgorod National Research University, Candidate of Historical Sciences

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Editor-in-Chief of the Series

V. A. Shapovalov,

Vice-Rector on Quality Issues, Distance and Supplementary Education Doctor of Historical Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief

N. N. Bolgov,

World History and International Area Studies Department Chair Doctor of Historical Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

I. T. Shatohin,

Professor of the Russian History Department, Candidate of Historical Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Belgorod State University

Scientific Bulletin

History Political science Economics

Information technologies

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

История Политология Экономика

Информатика

CONTENTS

WORLD HISTORY

Relations between Argos and Sparta in the Seventh Century B.C.

A.V. Unzhakov 5

The territorial dispute between Messenia and Megalopolis: a new epigraphic document **S.K. Sizov 10**

The question of the approval of the roman influence in Africa (example of Numidia) **K. Bembaye 24**

Transformation of funeral rites in Hersonissos-Kherson on example of using cremation **N.O. Suprun 28**

Back to the list of Ermanaric's people **S.V. Yartsev 35**

Study of Gaza school of rhetoric in recent years **A.M. Bolgova, N.N. Bolgov, V.V. Lipich, V.N. Shilov 43**

About Giacomo Soranzo's legation to France 1554–1558: military campaign 1556–1557 **M.V. Tretyakova 47**

The migration processes in part north of Prut-Dniester interfluve in the 18 century **D.I. Haidarly 53**

The reform of british parliament of 1867 according to Russian magazines of 60-s years of the XIX century **S.A. Zotov 58**

Nazi Propaganda in the Foreign Policy of Germany (1933-1939): German-speaking Historiography **S. Yu. Krupskaya 65**

Retrospective analysis of the transformation of rural settlement structure in Ukraine: state-administrative aspect **Y.S. Malko 69**

The relationship between tradition and innovation in the formation of the integrity of artistic consciousness at european culture

L.I. Sorokina 74

RUSSIAN HISTORY

Cemeteries of scythian time in the dnepro-don forest-steppe: historiographic review of researches **Yu.D. Razuvaev 81**

The Orenburg provincial administration at the turn of the XVIII-XIX Centuries in the contemporaries' evaluations **N.L. Semyonova 86**

Zemstvo veterinary organization of Tavria province (the second half of 19th – beginning of 20th centuries) **Y.V. Bereznyak 94**

The forgotten actor of people education of Kursk and Voronezh provinces F.K. Dimitriu as a well-known Byzantinist **V.M. Moskovkin 101**

The russian nobility and the state service in the XIX – early XX cent **I.T. Shatohin, S.B. Shatohina 106**

V. N. Shilov,
Professor of the Cultural and Political Studies Department, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Editorial Assistant

I. G. Onoprienko,
Associate Professor
of the Records Management Department,
Candidate of Historical Sciences

Members of Editorial Board:

M. G. Abramzon, Doctor of Historical Sciences,
Professor (Magnitogorsk State University)

V. I. Bortnikov, Doctor of Political Sciences,
Professor (East European National University after
Lesya Ukrainka, Lutsk, Ukraine)

N. A. Gavrilyuk, Doctor of Historical Sciences
(Institute of Archaeology of National Academy
of Sciences of Ukraine)

A. V. Glukhova, Doctor of Political Sciences,
Professor (Voronezh State University)

M. Kazanski, PhD in History (Center
for History and Civilization of Byzantium,
Paris, France)

A. V. Korobkov, PhD in Political Science
(Middle Tennessee State University, USA)

K. N. Lobanov, Doctor of Political Sciences,
Associate Professor (Belgorod Juridical Institute of
Ministry of Home Affairs of Russia)

E. A. Molev, Doctor of Historical Sciences,
Professor (Nizhniy Novgorod State University
after N. I. Lobachevskiy)

N. N. Nikitenko, Doctor of Historical Sciences,
Professor (Institute of Archeography and Source
Studies n. a. M. S. Grushevsky, National Academy
of Sciences of Ukraine, Kiev)

M. Pluviano, PhD in History
(University of Genoa, Italy)

S. I. Posokhov, Doctor of Historical Sciences,
Professor (Kharkov National
University after V. N. Karazin, Ukraine)

I. M. Pushkareva, Doctor of Historical Sciences,
Senior Scientific Worker (Institute of Russian
History of Russian Academy
of Sciences)

S. B. Sorochan, Doctor of Historical
Sciences, Professor (Kharkov National
University after V. N. Karazin, Ukraine)

I. M. Todorov, PhD in History, Associate
Professor (Velikotyrnovo University
«St. Cyril and Methodius», Bulgaria)

H. R. Tumans, PhD in History
(Latvian National University, Riga, Latvia)

The articles are given in authors' editing.

dummy layout by *I. G. Onoprienko*,
N. A. Gaponenko
e-mail: onoprienko@bsu.edu.ru

Passed for printing 23.12.2014
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 23,25
Circulation 1000 copies
Order 344

Subscription reference
in Rospechat' agency catalogue – 18078

Dummy layout is replicated at Belgorod National
Research University Publishing house «Belgorod»
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia, 308015

Everyday life of the cossack settlers in the Far East of Russia in the second half of the 19th century **A.A. Golik 111**
Political repression against the scientific personnel of the communication services naval forces **S.S. Bliznichenko, S.E. Lazarev 117**

Studying labor history of the World War I period
I.M. Pushkareva 125

Society of the former naval officers in San Francisco in 1920-1930th
N.A. Nizovtsev 134

Problems, the state of health institutions and public health service in Vyborg in the postwar period (1945 – 1953 rr.)
N. N. Gordeeva 140

Experience of cooperation in science and education of DRV and the USSR in 1960 – mid. 1970. (based on soviet periodicals)
K.V. Ptitsina 147

The problem of food supply to the population of cities in the Angara region in the 1990s **T.P. Urozhaeva 152**

The formation of the Church position to globalization: the official Church and internal discourses **A.V. Eremin 158**

POLITICAL SCIENCE

The collapse of the state and the transformation of political violence
V.J. Kravchenko 165

Role of trust in the legitimation of power **E.V. Reutov 172**

Gender approach in politics: world experience and the realities of modern Russia **T.V. Sayenko 177**

Southeast Europe: reform of law enforcement agencies on the boundary XX – XXI centuries **A.K. Kiselev 181**

Magazine of german social democrats about foreign policy of Russia
V.N. Shilov 189

Information about Authors 194

Information for Authors 196

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94 (38) «-5»

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ АРГОСОМ И СПАРТОЙ В VII В. ДО Н.Э.

А.В. УНЖАКОВ*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова*e-mail: alun18@gmail.com

На основе анализа имеющихся сведений об Аргосе автор делает вывод, что начало взаимной вражды между аргивянами и спартанцами могло основываться на столкновении интересов этих полисов, появившихся лишь около середины VII в. до н.э.

Ключевые слова: Аргос, Спарта, Арголида, Навплия.

Приступая к реконструкции истории Аргоса VII в. до н.э., следует в первую очередь рассмотреть ряд существующих точек зрения, относящихся к Аргосскому полису этого периода. Сведения из литературных источников весьма ограничены и принадлежат авторам, жившим значительно позже. Аргос в основном упоминается в связи со Спартой, что создает впечатление непрекращающейся борьбы между этими двумя полисами, уходящей своими корнями в далекое прошлое¹.

Вряд ли стоит полностью исключать возможность отдельных стычек между аргивянами и лакедемонянами. Вместе с тем, нам представляется, что степень враждебности в отношениях зачастую необоснованно преувеличивается. Во-первых, необходимо иметь в виду географическое положение Аргоса и Спарты – отсутствие общей границы между ними в этот период², что не могло не затруднять возможность контактов³. Вдобавок к этому, топографические особенности данной области Пелопоннеса также не способствовали легкому продвижению между полисами. Горная цепь между Лаконией и Аргосским заливом полностью отделяла Спарту от Аргосской долины. Если даже допустить, что проход через горы был возможен, явно, что такой маршрут был не из простых. Значительно более удобный, хотя и более дальний, путь вел на север от Спарты в направлении Тегеи, вблизи которой он выводил на дорогу в Аргос. Но, поскольку этот путь проходил

¹ Платон (*ΝΟΜΟΙ* III. 686b), например, подразумевает, что вражда между Аргосом и Спартой существовала еще со времен поселения дорийцев: Ταῦτα δὴ τὰ μεγάλα οὕτως προοδοκώμενα διέπτατο, ὡς εἶκοι, τότε ταχὺ, λήν ὄλερ εἰλομεν νυνδὴ σικροῦ μέρους τοῦ περὶ τὸν ἡμέτερον τόπον, καὶ τοῦτο δὴ πρὸς τὰ δύο μέρε πολεμοῦν οὐ πόλοτε πέπαυται μέχρη τὰ νῦν. (Но все это ожидаемое величие [дорийцев], видно, быстро тогда рассеялось, за исключением, как мы теперь указали, небольшой части вашей области, которая никогда не прекращает войны против остальных двух частей, даже и в наши дни.)

² По справедливому замечанию сэра Адкока, злейшими врагами чаще всего становились соседние полисы вследствие конфликтов территориальных интересов и прав доступа к территориям, что служит объяснением возникновению альянсов с более удаленными городами в целях создания противовеса силам соседа-противника. См.: Adcock F. E., Sir, Mosley D. J. *Diplomacy in Ancient Greece*. London, 1975. P. 128.

³ П. Картледж считает, что свидетельство Геродота (I. 82) о том, что помимо области под названием Фиреатида аргосцам принадлежали также материковая область на запад вплоть до Малейского пролива, затем остров Кифера и другие острова, не следует принимать во внимание. См.: *Sparta and Lakonia. A Regional History 1300-362 B.C.* London and New York: Routledge, 2002. P. 121.

Нам представляется, что эти сведения были заимствованы Геродотом у Гомера (*Ил.* II. 108).

через земли Тегей и вблизи самой Тегей, спартанцы вряд ли могли воспользоваться им до завоевания полиса.

Во-вторых, дополнительным препятствием для ведения военных действий могла послужить неразвитость флота у Аргоса. Т. Келли обращает внимание на отсутствие в Позднегеометрический период мотива морского судна в росписи аргосской керамики, что указывает на отсутствие или зачаточное состояние аргосской флотилии⁴. Необходимость наличия флота также очевидна для осуществления торговых контактов, каковых у Аргоса не было в избытке, и для осуществления колонизации территорий, в которой аргивяне, по-видимому, не принимали никакого участия.

Представляется, что основным условием возникновения столкновений между Аргосом и Спартой могли послужить появившиеся у Спарты перспективы занять господствующее положение в Пелопоннесе и у Аргоса – осуществлять контроль над Арголидой. Очевидно, что последнее не могло иметь место до консолидации территорий, окружавших каждый из этих полисов. Крайне маловероятны серьезные военные действия до синойкизма долины Эвроты и Аргосской равнины.

Несмотря на то, что порядок спартанской экспансии в Пелопоннесе не до конца понятен, в общих чертах его можно представить нижеследующим образом⁵.

Если верить Геродоту, это был значительно более затянутый процесс, чем принято считать. Продвижение Спарты могло начаться после синойкизма долины Эвроты и объединения пяти деревень в Спартанский полис с середины VIII в. За этим последовало завоевание Мессении. При этом серьезные сомнения вызывает точка зрения о том, что спартанцами была завоевана вся территория Мессении еще во время Первой Мессенской войны⁶. Война, по-видимому, послужила источником серьезных внутренних проблем в Спарте, которые лакедемоняне попытались решить путем высылки мятежников для основания колонии Тарент. Даже этого не оказалось достаточным, и вдобавок мессеняне были далеко не покорены. Также из того, что нам известно о Спарте 2-й пол. VII в., внутренние неурядицы привели к обнародованию Великой Ретры⁷. Как видно, вероятность серьезных военных действий между Спартой и Аргосом в контексте этих внутренних раздоров весьма незначительна.

Аргос, с другой стороны, в основном консолидировал свои территории к концу VIII в. – началу VII в. и вряд ли мог вступать в серьезные разногласия с отдаленными полисами до этого времени. Вполне очевидно и то, что процесс укрепления аргосского влияния продолжался и в более позднее время.

Индикатором здесь может послужить сообщение Павсания (IV. 35. 2), в соответствии с которым, в царствование аргосского царя Дамократида аргивянами была разрушена Навплия, а навплиоты изгнаны со своей земли. Далее, Павсаний сообщает приблизительную дату, упоминая, что изгнание имело место во время Второй Мессенской войны или вскоре после ее окончания. Хотя достоверность этого сообщения иногда подвергается сомнению, неверным, как нам представляется, может оказаться лишь сообщаемое Павсанием имя правящего в это время аргосского царя⁸. Принимая во внимание сообщение Страбона (VIII. 6. 14) о существовавшей примерно в это время амфикионии вокруг святилища на островке Калаврия, созданной семью городами, одним из которых была Навплия (но не Аргос, который даже не вошел в список амфикионских городов, приводимый Страбоном), можно заключить, что степень независимости Навплии могла

⁴ Kelly Th. A History of Argos to 500 B.C. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1976. P. 74. Это, в свою очередь, вызывает еще большие сомнения относительно приведенного сообщения Геродота (I. 82) о контроле со стороны Аргоса не только над островами, а также над побережьем вдоль Аргосского залива, где путешествие по суше представляет трудности и в наши дни.

⁵ Ряд авторов дискуссий об экспансии Спарты основывают свою точку зрения на сообщении Павсания (II. 24. 8) о победе аргивян над спартанцами в битве при Гисиях в 669 г. См.: Huxley G. L. Early Sparta. Cambridge, 1962. P. 13-36; Forrest W. G. A History of Sparta 950-192 B.C. London, 1968. P. 35-39.

⁶ Большая часть информации о войне содержится у Павсания (IV), и, по-видимому, нет оснований не доверять его сообщению. См.: Toynbee A.J. Some Problems of Greek History. London and New York, 1969. P. 183-202.

⁷ Подробно о внутренних проблемах Спарты начала VII – конца VIII вв. см.: Early Sparta. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1962. P. 33-39; Forrest W. G. Forrest W.G. A History of Sparta 950-192 B.C. London, New York: W.W. Norton & Company, 1968. P. 40.

⁸ Еще К. Белохом высказывается мнение, что Дамократид не мог принадлежать линии Теменидов, а описанные Павсанием события относятся к более позднему времени. См.: Beloch K.J. Griechische Geschichte. Bd. I. Abt. II. Strassburg, 1913. S. 194.

оказаться чрезмерной с точки зрения Аргоса, и такое положение действительно могло спровоцировать поход аргивян⁹.

Важно также отметить, что Навплия оказалась единственным городом, который подвергся в это время атаке, что может свидетельствовать, во-первых, о вполне успешном продолжении политики укрепления влияния и, во-вторых, о признании другими соседними городами аргосского лидерства.

Отметим также малую, как нам представляется, вероятность того, что причиной выступления могла послужить возникшая необходимость полностью контролировать навплийский выход к морю. Во-первых, Аргос, по-видимому, никогда не делал ставку на морские силы; более того, аргивянам в дальнейшей истории зачастую приходилось полагаться на помощь своих союзников в случае необходимости транспортировки по морю¹⁰.

Во-вторых, данные археологии указывают на то, что Аргос VII в., по-видимому, не являлся центром коммерции и производства. Отмечается, в частности, постепенное снижение количества аргосской расписной керамики и рост количества глиняных изделий коринфского производства¹¹.

С другой стороны, достаточно очевидно и то, что Аргос отнюдь не страдал от нехватки ресурсов, о чем, в частности, свидетельствует строительство алтаря Афродиты в Аргосе (на месте которого впоследствии был возведен храм)¹². Можно отметить также строительство Храма Ареса Эниалия в небольших Микенах, что также демонстрирует достаточно высокий экономический потенциал и за пределами Аргосского полиса¹³.

Таким образом, поход против Навплии был, по-видимому, вызван лишь желанием Аргоса укрепить свое влияние в Арголиде.

Возвращаясь к вопросу об отношениях между Аргосом и Спартой, из повествования Фукидида можно заключить, что формальным индикатором, указывающим на возникновение трений между этими двумя полисами, может послужить столкновение по вопросу о контроле над Кинурией¹⁴. Важно отметить, что сама по себе Кинурия, которая не располагала ни природными ресурсами, ни большими площадями плодородной почвы, ни удобными гаванями, не могла представлять какого-либо экономического интереса ни для одной из сторон. Показательно здесь и то, что, оставаясь весьма слабо развитым районом, Кинурия, по-видимому, на протяжении всей своей истории находилась в изолированном положении, о чем могут свидетельствовать особенности используемого там цаконского диалекта. Так, У.М. Лик отмечает, что в диалекте сохранилось большое количество лексики и грамматических форм из гомеровских времен¹⁵.

Очевидно, единственным интересом, который эта территория могла представлять, являлось ее стратегическое местонахождение – расположенная между Аргосской равниной и Лаконией, Кинурия служила своего рода буферной зоной между Аргосом и Спартой. Без контроля над Кинурией Спарта не могла реализовывать свои амбиции по обретению господствующего положения во всем Пелопоннесе. С другой стороны, чтобы воспрепятствовать планам лакедемонян в отношении Арголиды, аргивяне должны были сами контролировать Кинурию.

По всей видимости, процесс проникновения аргивян в Кинурию был достаточно долгим и постепенным, о чем можно сделать вывод из сообщения Геродота (VIII. 73):...ἐκδεδωρίευνται δὲ ὑπὸ τῆ Ἀργείων ἀρχόμενοι καὶ τοῦ χρῶνους /...доризованы (местные жители) были, будучи под властью аргивян, **и временем**./

⁹ Как и Т. Келли, мы считаем маловероятным, что причиной похода аргивян могли быть спартанские симпатии навплиотов, указываемые Павсанием. Помимо уже приведенных здесь причин сомнения, действительно, вызывает сходство объяснений, которые Павсаний приводит, рассказывая о походе аргивян против Асины и против Навплии. Kelly Th. Op. cit. P. 89.

¹⁰ См., например: Phuc. V. 56; VII. 20.

¹¹ Следует, однако, признать, что Аргос в данный период был далеко не единственным греческим городом, предпочитавшим покупать коринфскую керамику и постепенно сокращать производство своей. См.: Kelly Th. Op. cit. P. 79.

¹² Подробное описание храма: Daux G. Chronique des fouilles et des travaux de l'École française en 1968 // BCH, 1969. Vol. 93. Issue 2. P. 986-1003.

¹³ Daux G. Chronique des fouilles et découvertes archéologiques en Grèce en 1965 // BCH, 1966. Vol. 90. Issue 2. P. 782.

¹⁴ Соответствующая информация содержится, в частности, у Фукидида: V. 41. 2.

¹⁵ У.М. Лик приводит также список слов из цаконского диалекта (*Tzakonic dialect*), имеющих когнаты лишь в родственных языках. См.: Leake W.M. Peloponnesiaca: A Supplement to Travels in the Morea. London, 1846. P. 304-338 (список слов – P. 310-313).

Добавим также, что и Павсаний (III. 7. 5) сообщает о споре лакедемонян с аргиевцами из-за Фиреатидской равнины, датируемом приблизительно 650 г.

В завершение обратимся к еще одному свидетельству Павсания, вызывающему определенные трудности в нашем рассмотрении. Павсаний (II. 24. 8) сообщает о битве при Гисиях, датируемой 669 г., где произошло избиение лакедемонян аргиевцами.

В научной литературе по данному вопросу можно выделить два вполне прогнозируемых подхода.

1. Битва действительно имела место.

Сторонники этой точки зрения либо безоговорочно принимают сообщение Павсания¹⁶, либо делают некоторую попытку аргументации. П. Картледж, в частности, делает вывод о тяжести потерь со стороны лакедемонян, указывая на учреждение фестиваля Гимнопедии спартанцами и на то обстоятельство, что после своего поражения Спарта в течение более половины века избегала военных столкновений с Аргосом¹⁷.

2. Битвы при Гисиях между лакедемонянами и аргиевцами не было¹⁸.

В качестве обоснования здесь приводятся по сути перечисляемые в данном параграфе доводы об отсутствии общей границы и необходимости консолидации территорий вокруг рассматриваемых полисов до того, как могло иметь место столкновение интересов. Среди других аргументов следует отметить скептицизм, вызываемый тем обстоятельством, что названная битва кроме Павсания не упоминается ни в одном другом источнике¹⁹.

Особо выделим еще одну интересную и достаточно убедительную точку зрения Т. Келли, который полагает, что порядок, в котором Аристагор, тиран Милета, перечисляет врагов Спарты в разговоре с Клеоменом, отнюдь не случаен – он отражает не только географическую последовательность, но и хронологический порядок военных операций²⁰: ἀλλὰ περὶ μὲν χώρης ἄρα οὐ πολλῆς οὐδὲ οὕτω χρηστῆς καὶ οὕρων σμικρῶν χρεόν ἐστὶ ὑμέας μάχας ἀναβάλλεσθαι πρὸς τε **Μεσσηνίους** ἔδοντας ἰσοπαλέας καὶ **Ἀρκάδας** τε καὶ **Ἀργεῖους**, τοῖσι οὔτε χρυσοῦ ἐχόμενον ἐστὶ οὐδὲν οὔτε ἀργύρου /...к чему вам воевать за незначительные и даже скудные земли с равными вам по силам врагами, как мессенцы? Или с аркадцами и аргосцами, у которых нет ни золота, ни серебра.../ (Hdt. V. 49).

В качестве дополнительного аргумента представляется возможным привести другой рассказ Павсания (IV. 12. 2) о неудачной попытке лакедемонян разрушить союз мессенян с их соседями, где послы из Спарты, получив резкий отказ от аркадян, решили воздержаться от переговоров с аргиевцами. Вряд ли спартанцы могли решить отправить своих послов и ожидать какого-либо успеха от этого предприятия при наличии серьезных конфликтов/ведении военных действий между сторонами.

Хотя второй подход представляется в целом более аргументированным, мы, как отмечалось ранее, не считаем целесообразным полностью исключать возможность стычек между аргиевцами и лакедемонянами в VII в. Мы допускаем, что в одном из возможных мелких сражений небольшой отряд лакедемонян действительно был полностью разбит аргиевцами. Причиной поражения в таком случае (как отмечается П. Картледжем) могло оказаться отставание Спарты от Аргоса в вопросе внедрения гоплитской тактики ведения боя²¹. Более того, можно предположить, что, столкнувшись с превосходящей тактикой противника, лакедемоняне действительно могли осознать

¹⁶ Fine J.V.A. The Ancient Greeks. A Critical History. Cambridge; Massachusetts; London, 1983. P. 120. Критикуя точку зрения Т. Келли, Дж. Файн, однако, не приводит никаких контраргументов.

¹⁷ Cartledge P. Op. cit. P.109. Относительно названного фестиваля существует и иная точка зрения – он был основан в честь павших в битве 546 г. См., например: Фукидид История / пер. и прим. Г.А. Стратановского. М, 1999. Прим. 3 к гл. 82. С. 655.

¹⁸ В качестве основного сторонника данного подхода следует назвать Т. Келли. Сюда же, по видимому, следует отнести и те работы, в которых авторы игнорируют сообщение Павсания и не касаются данного вопроса вообще. См., например: Hanson V.D., Hornblower S., Hall J. [and others] The Cambridge History of Greek and Roman Warfare. Vol. I: Greece, the Hellenistic World and the Rise of Rome / ed. by Sabin Ph. [and others]. Cambridge and N.Y., 2007. (Для краткости: P. 517-532 – Chronological Table/Greece and the East: Military); Sage M.M. Warfare in Ancient Greece. A Sourcebook. London and N.Y., 2003.

¹⁹ Т. Келли также высказывает предположение, что Павсаний мог ошибочно принять военную кампанию за беотийские Гисии между Афинами и Беотией за аргосско-спартанскую кампанию. См.: Kelly Th. Op. cit. P. 87.

²⁰ Kelly Th. The Traditional Enmity between Sparta and Argos: The Birth and Development of a Myth // ANR, April 1970. Vol. 75. No 4. P. 974-975.

²¹ Cartledge P. Ibid.

необходимость тщательной и долгой подготовки перед ведением крупномасштабных действий против аргивян.

Вместе с тем, повторим, что вероятность полномасштабной битвы между Аргосом и Спартой в этот период нам представляется крайне низкой.

Таким образом, Аргос 1-й пол. VII в. до н.э. представлял собой, по-видимому, достаточно богатый город, принимающий, однако, малое участие в торговле. Как и в более ранний период, основным направлением политики полиса являлся внутренний вопрос укрепления самого полиса за счет усиления влияния внутри Аргolidы. Как следствие, более аргументированной представляется точка зрения, в соответствии с которой та взаимная вражда, которая приписывается аргивянам и лакедемонянам, имеет не слишком глубокие корни и основывается на столкновении интересов, появившемся около середины VII в. до н.э.

RELATIONS BETWEEN ARGOS AND SPARTA IN THE SEVENTH CENTURY B.C.

A.V. UNZHAKOV

*Nizhny Novgorod State
Linguistic University
name of N.A. Dobrolyubov*

e-mail: alun18@gmail.com

On the basis of the analysis of the available evidence about Argos, the author makes the conclusion that the mutual enmity between Argives and Spartans could have its origins in the conflict of the poleis' interests ca. the middle of the seventh century B.C.

Key words: Argos, Sparta, Argolid, Nauplia.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ СПОР МЕССЕНИИ И МЕГАЛОПОЛЯ: НОВЫЙ ЭПИГРАФИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ*

С.К. СИЗОВ

*Нижегородский
государственный универси-
тет им. Н.И. Лобачевского*

e-mail: sergey_sizov@yahoo.com

Опубликованная в 2008 г. надпись SEG. LVIII. 370 содержит сведения о территориальном споре между городами Ахейского союза Мессений и Мегалополем. События, о которых идет речь в документе, датируются периодом 182 – 175 гг. до н.э. Несмотря на то, что мессеняне незадолго до этого подняли мятеж и вышли из Ахейской федерации, власти союза заняли в споре беспристрастную позицию и передали вопрос на рассмотрение независимым арбитрам. Спор возобновлялся несколько раз, решение выносили три разные судебные комиссии, и в итоге два из четырех спорных районов остались в составе Мессении. Надпись дает основание для определенных выводов об отношениях полисов внутри Ахейского союза и о порядке разрешения территориальных споров между ними.

Ключевые слова: Древняя Греция, эллинистический период, эпиграфика, Полибий, федерализм, Ахейский союз, древнегреческий полис, Мессения, Мегалополь, территориальные споры, арбитраж, стратег, дамиурги, псефисма.

В 2004 г. при раскопках агоры в Мессене была обнаружена массивная каменная плита с большой, почти полностью сохранившейся надписью, разделенной на четыре столбца. Первые две колонки под заголовком «Псефисма» содержат текст постановления мессенян, посвященного тому, как был урегулирован их территориальный спор с соседним Мегалополем. Эта часть надписи была опубликована известным историком и археологом Петросом Темелисом в 2008 г.¹ В 3-м и 4-м столбцах находится текст прилагаемых к постановлению документов: письмо с вызовом на суд, которое было отправлено из Мегалополя в Мессению, постановление коллегии должностных лиц Ахейского союза (дамиургов) о наложении штрафа на мессенян за их отказ вторично согласиться на арбитраж по поводу уже разрешенного спора, и, наконец, решение судей, приглашенных из Милета, которые признали действия мессенян правомерными. Эта вторая часть надписи, к сожалению, не опубликована до сих пор, хотя ее содержание, в общем и целом, уже известно, благодаря тому, что П. Темелис дал возможность австрийскому исследователю Герхарду Тюру ознакомиться с неопубликованными столбцами и использовать их в своем исследовании, хотя и без прямого цитирования². Несмотря на то, что пока опубликована лишь половина надписи (хотя и самая важная ее часть), уже вышло в свет несколько статей, посвященных как надписи в целом, так и отдельным аспектам ее истолкования³. Таким образом, некоторые предварительные выводы можно делать уже сейчас.

Надпись из Мессении содержит множество интереснейших сведений, которые касаются и исторических событий, происходивших в Пелопоннесе в начале II в. до н.э., и деятельности государственных органов Ахейского союза по урегулированию конфликтов

* Работа поддержана грантом (соглашение от 27 августа 2013г. № 02.В.49.21.0003 между МОН РФ и ННГУ).

¹Themelis P.G. Κρίμα περί χωρας Μεσσηνίων και Μεγαλοπολιτών // Ιστοριες για την Αρκαδία. Προ-χρονισμός της διεθνιστικής συμπεριφοράς των πόλεων / Πικουλάω, Ι. (εδ). Στεμνίτσα (Αρκαδία), 2008. Ρ. 211-221. В том же году текст надписи появился в издании Supplementum Epigraphicum Graecum (SEG. LVIII. 370). В нашей работе учтены также некоторые уточнения и конъектуры, предложенные Н. Лураги после осмотра надписи in situ (Luraghi N., Magnetto A. The controversy between Megalopoli sand Messeneina new inscription from Messene // Chiron. 2012. Bd. 42. P. 512-513).

²Thür G. Dispute over Ownership in Greek Law: Preliminary Thoughts about a New Inscription from Messene (SEG. LVIII. 370) // Symposium 2011. Akten der Gesellschaft für griechische und hellenistische Rechtsgeschichte, 23. Wien, 2013. S. 293-316.

³Помимо уже упомянутых статей Н. Лураги, А. Магнеттои Г. Тюра, это также работа: Arnaoutoglou I. Dispute settlement between poleis-members in the Achaean League. A new source // Dike. Rivista di storia del diritto greco ed ellenistico. 2009/10. V. 12/13. P. 181-201.

между полисами, и судебно-процессуальных норм, которые применялись в Греции в эллинистическую эпоху. Подробный анализ этих сведений может стать сюжетом целого ряда исследований. В данной статье речь пойдет лишь о предполагаемой реконструкции исторических событий, упоминаемых в надписи, и об их политической подоплеке.

Исторический контекст ситуации, которая привела к территориальному спору между Мегалополием и Мессенией, хорошо известен по материалам литературной традиции. Мессения, которую ахейцы с помощью Тита Квинкция Фламинина вынудили вступить в Ахейскую федерацию в 191 г. до н.э., явно тяготилась своим новым положением, и в 183 г. попыталась вернуть себе независимость. Собрание ахейцев проголосовало за объявление войны мессенянам, которые некоторое время успешно сопротивлялись наступлению ахейских войск⁴. Весной 182 г. до н.э. союзный стратег Филопемен с небольшим отрядом совершил рейд в Мессению, попал в плен и, согласно официальной ахейской версии, был отравлен в темнице. Вскоре ахейская армия вторглась в Мессению под предводительством нового стратега Ликорта и вынудила мессенян капитулировать. Виновники мятежа и смерти Филопемена частью покончили с собой, частью были казнены, а останки «последнего эллина» были в торжественной процессии перенесены в его родной город Мегалополь, где Филопемен нашел свое последнее пристанище⁵.

Ахейский синод (регулярное союзное собрание) в конце весны 182 г.⁶ утвердил условия возвращения Мессении в федерацию (Polyb. 23. 16. 12). Эти условия были еще более жесткими, чем при первоначальном вступлении этой области в Ахейский союз: если в первый раз территория Мессении была урезана за счет выделения нескольких городков – Мофоны, Короны, Колонид, возможно, Кипариссии – в качестве самостоятельных полисов-субъектов Ахейской федерации, и тем самым лишена удобных гаваней на западе и юге⁷, то теперь из состава Мессении были выведены также Абия, Фурия и Фары (Polyb. 23. 17. 1-2), что отнимало у мессенян выход к морю на северо-востоке. В цитадели мессенян на горе Ифома был поставлен гарнизон из ахейских пельтастов (Polyb. 23. 16. 10). Вновь открытая надпись (сткк. 2-3) сообщает нам, что ахейцы, кроме того, оккупировали граничащие с Аркадией районы Андании (Андании) и Пиланы. Утрата контроля над Анданией была особенно болезненной для мессенян, поскольку именно там было расположено древнее и очень почитаемое в Мессении святилище Аполлона Карнейского. Пилана, в свою очередь, была расположена у стратегически важного горного прохода, через который проходил путь из Аркадии в Мессению и который в древности, возможно, носил название Πύλαι - «Врата»⁸. Окончательно условия возвращения Мессении в Ахей-

⁴ Недовольство мессенян действиями ахейских властей, которые, в частности, касались условий возвращения изгнанников: Polyb. 22. 10. 4-6. Голосование ахейского собрания за войну против Мессении и начало военных действий: Polyb. 23. 9. 12; 24. 9. 12-13; Liv. 39. 48. 5; Plut. Philop. 18. 3; Paus. 4. 29. 11; 8. 51. 5-6.

⁵ Источники: Polyb. 23. 12. 1-3, 23. 16. 1-13; Liv. 39. 49.1-39. 50. 9; Liv. 39. 49. 1-39. 50. 9; Plut. Philop. 18-21; Paus. 4. 29. 11-12; 8. 51. 5-8. О хронологии этих событий см.: Aymard A. Les assemblées de la confederation achaienne: étude critique d'institution set d'histoire. Bordeaux, 1938. P. 274-279; Roebuck C. A. A history of Messenia from 369 to 146 B.C. Chicago, 1941. P. 98-100; Errington R. M. Philopoemen. Oxford, 1969. P. 125-131; 189-190; 241-245; Walbank F.A historical commentary on Polybius. Vol. 3. Oxford, 1979. P. 239-241; Bastini A. Der achäische Bund als hellenische Mittelmacht. Frankfurt am Main, 1987. S. 107-109; Grandjean C. Les Messéniens de 369 au 1er siècle de notre ère. Monnayages et histoire. Athènes; Paris, 2003. P. 227-228; Luraghi N., Magnetto A. Op. cit. P. 518-520.

⁶ Aymard A. Les assemblées ... P. 274-279.

⁷ Прямого упоминания об этом в источниках нет, однако исследователи единодушно предполагают, что эти общины, которые позднее демонстрировали некоторые признаки самостоятельности, были отторгнуты от Мессении в 191 г. до н.э.: Aymard A. Les premiers rapports de Rome et de la confederation achaienne. Paris, 1938. P. 345-348; Roebuck C. A. Op. cit. P. 93-94; Walbank F. Op. cit. V. 3. P. 193; Grandjean C. Les Messéniens de 369 ... P. 225-226. Относительно Кипариссии высказывалось предположение, что она могла стать самостоятельным полисом намного ранее (Marasco G. La politica achean el Peloponnes o durante la guerra demetriaca // Atene e Roma. 1980. An. 25. P. 121), однако есть и основания думать, что она оставалась в составе Мессении даже после 182 г. (Luraghi N. The ancient Messenians: constructions of ethnicity and memory. Cambridge, 2008. P. 262, n. 50). Еще два прибрежных городка Мессении – Пилос и Азина – были отторгнуты и включены в Ахейский союз еще до начала II в. до н.э. (Polyb. 18. 42. 7).

⁸ О примерном географическом положении Андании (окрестности современного поселка Каллирои) см.: Valmin N.S. Études topographiques ur la Messénie ancienne. Lund, 1930. P. 89-98; Shipley G. Messenia // An Inventory of Archaic and Classical Poleis. An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation / Ed. by M. Hansen, Th. Nielsen. Oxford, 2004. P. 553; Themelis P.G. Op. cit. ... P. 215-216; Gawlinski L. The Sacred Law of Andania: A New Text with Commentary. Berlin; Boston, 2012. P. 33-40. Пилана, очевидно, была расположена севернее Андании. П. Темелис считает, что «Врата» – горный проход, который сейчас называется Деврени и находится к востоку от Андании (Themelis P.G. Op. cit... P. 215). Сохрани-

ский союз были утверждены на одном из следующих союзных собраний, вероятно, в конце 182 или в начале 181 г. до н.э.⁹

Именно в то время, пока происходило урегулирование после подавления мятежа, мегалополиты, северные соседи мессенян, пользуясь благоприятной ситуацией, попытались отторгнуть часть мессенской территории в свою пользу. Об этом и повествует вновь открытая надпись. Речь идет об уже упомянутых Андании и Пилане. Таким образом, Мегалополь претендовал на довольно широкую полосу территории по ту сторону границы, причем мегалополиты откровенно действовали с позиции силы. По-видимому, им казалось, что подобная перекройка границ встретит полное одобрение со стороны Ахейского союза: аннексия мессенских территорий могла рассматриваться как еще одно, дополнительное наказание провинившегося полиса за мятеж и смерть Филопемена, который, к тому же, был родом из Мегалополя, как и Ликорт, возглавивший федерацию после его гибели. Поэтому первоначально мегалополиты рассчитывали на то, что изменение границ будет узаконено решением союзных органов власти¹⁰. Именно это и имеют в виду составители псефисмы, повествуя о том, что мегалополиты хотели отобрать Анданию и Пилану «с помощью ахейцев» (δία τῶν Ἀχαιῶν – сткк. 6). Этот вопрос рассматривался, скорее всего, на том же самом синоде 182 г. до н.э., на котором утверждались условия урегулирования в Мессении, и который, кстати, проводился в Мегалополе (Polyb. 23. 16. 12)¹¹. Несмотря на все эти очевидные преимущества, мегалополиты в ответ на свои требования все же получили отказ (сткк. 9-11). Формальное основание для такого отказа, как видно из дальнейшего содержания надписи, заключалось в том, что подобные конфликты должны были разрешаться путем арбитража. Политическая же подоплека такого решения, очевидно, состояла в том, что правящие круги Ахейского союза должны были продемонстрировать «великодушные» (μεγαλοψυχία – Polyb. 23. 17. 1) в отношении побежденных мессенян, как в расчете на скорое превращение Мессении во вполне лояльного участника федерации, так и с оглядкой на Рим¹². Позднее такая политика была продолжена: возвратившимся в союз мессенянам были сделаны «гуманные уступки» (τα φίλανθρωπα), включая освобождение от взносов в федеральную казну на три года (Polyb. 24. 2. 3). Принятое на мегалопольском синоде 182 г. решение о предоставлении самостоятельности трем общинам Мессении (Абии, Фурии и Фарам) не должно было серьезно подорвать эту политику «великодушия», т.к. в Ахейском союзе подобные меры принимались и прежде, а в 193 г. до н.э. Филопемен даже настоял на том, чтобы статус полиса был дан нескольким городкам в области Мегалополя, его родного города¹³. Насильственная аннексия приграничных районов, чего добивались мегалополиты, напротив, поставила бы мессенян в настолько униженное положение, что ахейцам пришлось бы готовиться к неминуемым осложнениям, будь то новые волнения в Мессении, или жалобы в Рим. Вот почему попытка мегалополитов увеличить свою территорию, добившись благоприятного для себя политического решения на ахейском собрании, не увенчалась успехом. Партия Филопемена, теперь возглавляемая Ликортом, по-прежнему ставила интересы Ахейского союза выше интересов Мегалополя¹⁴.

лась надпись римского времени с упоминанием *πολιῶ Πυλανεῶν* (SEG.XI. 979). В статье Н. Лураги и А. Магнетто сделана попытка связать локализацию городка Пиланы с местом находки плиты с этой надписью. Предполагается, что Пилана находилась в окрестностях современного селения Като Мельпия, где сохранились следы неидентифицированного древнего городища (Luraghi N., Magnetto A. Op. cit. P. 522–523). О том, где могли проходить дороги из Мегалополя в Анданию, см.: *ibid.* P. 523–524.

⁹ Polyb. 24. 2. 3; о датировке см. ниже, примеч. 16.

¹⁰ Дополнительные надежды на успех мегалополитам мог внушать недавний прецедент. В 188 г. до н.э. именно так, без судебного разбирательства, а лишь на основании старого постановления времен Коринфской лиги у Спарты была отобрана ахейцами и передана Мегалополу местность Бельминатида (Liv. 38. 33. 8).

¹¹ Так считают также: Luraghi N., Magnetto A. Op.cit. P. 524; Thür G. Op. cit. P. 301.

¹² Мессеняне могли обратиться с жалобой в сенат и найти там поддержку. Накануне решающих событий предотвратить военную операцию ахейцев в Мессении безуспешно пытались Тит Квинкций Фламинин и легат Квинт Марций Филипп; позже ахейские послы пытались добиться содействия или хотя бы нейтралитета Рима в войне против мессенян, но получили от сената очень холодный и двусмысленный ответ (Polyb. 23. 5. 14–18; 23. 9. 8; 23. 9. 12–14). О подоплеке такого поведения римлян см.: Errington R. M. Op.cit. P. 244; Gruen E. *The Hellenistic world and the coming of Rome*. Berkeley; London, 1984. P. 495; Pfeilschifter R. *Titus Quinctius Flamininus. Untersuchungen zur römischen Griechenland politik*. Göttingen, 2005. S. 345–346.

¹³ Plut.Philop. 13. 5; см.: Errington R.M. Op. cit. P. 90–91; Bastini A. Op.cit. S. 88–89.

¹⁴ Менее вероятным представляется предположение, согласно которому политика «великодушия» в отношении Мессении восторжествовала вопреки воле Ликорта, который жаждал мщения, и была результатом

Тем не менее, мегалополиты не оставили попыток присоединить к своей территории спорные пограничные районы и через некоторое время решили использовать традиционную для Ахейского союза процедуру разрешения территориальных споров с помощью третейского суда¹⁵. Когда в Элиде, по-видимому, осенью 182 г. или весной 181 г. до н.э.¹⁶, собрался очередной союзный синод, представители Мегалополя потребовали назначения арбитров, которым следовало определить принадлежность спорных территорий, причем включили в их число не только Анданию и Пилану, но «прежние земли», т.е. районы, о которых спор возник ранее (сткк. 11-15). Из дальнейшего текста псефисмы вытекает, что под «прежними землями» подразумевались местности под названием Акрейатида и Випейатида (Ακρεϊατις, Βιπειατις), которые, по-видимому, были расположены к северо-востоку от Андании и к югу от реки Неды, отделявшей Мессению от Аркадии и Элиды¹⁷.

Во второй, неопубликованной части надписи, упоминается предыстория этого спора. Ранее мегалополиты уже посылали Мессении вызов на суд, утверждая, что Акрейатида является их собственностью¹⁸, ссылаясь при этом на то обстоятельство, что они владели этой землей, когда Мегалополь вступал в Ахейский союз, а Мессении в момент ее присоединения к союзу эта территория не принадлежала¹⁹. Поскольку Мегалополь стал субъектом Ахейской федерации в 235 г. до н.э., а Мессения — в 191 г. до н.э., переход Акрейатиды во владение мессенян следует датировать периодом от вступления Мессении

усилий некоей оппозиционной партии среди ахейцев (Luraghi N., Magnetto A. Op. cit. P. 540). Подробнее об этом речь пойдет ниже.

¹⁵ Подборку документов о судебном разрешении территориальных споров внутри Ахейского союза и подробное исследование этих источников см. в работе: Harter-Uiboruu K. Das zwischenstaatliche Schiedsverfahren im achäischen Koinon. Zur friedlichen Streitbeilegung nach den epigraphischen Quellen. Köln, 1998.

¹⁶ Стратегом Ахейского союза во время проведения синода был Аполлонид из Сикиона (сткк. 30 – 31), стало быть, время пребывания в должности Филопемена, которого после его смерти заменил Ликорт, уже истекло. Во II в. до н.э. ахейский стратег вступал в должность примерно в октябре (Aymard A. Les assemblées ... P. 239). Представляется крайне маловероятным, чтобы мегалополиты отложили предъявление территориальных претензий к Мессении до следующего ахейского года, который начинался осенью 181 г. до н.э. Кроме того, последовательность событий в описании Полибия заставляет считать, что стратегом 181/0 г. до н.э. был Гипербат (см.: Aymard A. Études d'histoire ancienne. Paris, 1967. P. 43-44; Errington R.M. Op. cit. P. 264; Walbank F. Op. cit. V. 3. P. 18-19). Поэтому наша надпись позволяет внести некоторые уточнения в хронологию ахейских стратегов. До сих пор предполагалось, что Ликорт, занявший место Филопемена, являлся стратегом не только в последние месяцы 183/2 г., но и в течение всего 182/1 г. до н.э. (Aymard A. Études d'histoire ancienne. Paris, 1967. P. 39–42; Walbank F. Op. cit. V. 3. P. 248, 258–259; Harter-Uiboruu K. Op.cit. S. 67; Arnaoutoglou I. Op. cit. P. 184). Косвенные аргументы в пользу этого традиционного мнения и ранее признавались весьма спорными (Errington R.M. Op. cit. P. 263), а теперь, с открытием новой надписи, могут быть признаны полностью несостоятельными (Luraghi N., Magnetto A. Op. cit. P. 541-542). Стратегом 182/1 г. до н.э. был не Ликорт, а Аполлонид. Этот вывод позволяет также уточнить время повторного принятия Мессении в Ахейский союз (традиционная датировка — 181 г. до н.э.: Walbank F. Op. cit. V. 3. P. 17, 255). Собрание, на котором решался данный вопрос, также выслушало сообщения представителей лакедемонских изгнанников, а затем ахейских послов; и те, и другие только что вернулись из Рима (Polyb. 24. 2. 1-5). Эти посольства были отправлены в то время, когда стратегом еще был Ликорт (Polyb. 23. 17. 5-12; 23. 18. 1-5), т.е., не позднее начала октября. Первое ахейское собрание после их возвращения могло проходить либо поздней осенью 182, либо весной 181 г. до н.э. В литературе дебатруется вопрос о том, было ли это собрание регулярным (синод) или чрезвычайным (синклит), причем большинство исследователей склоняется к тому мнению, что это был очередной синод, поскольку на нем рассматривался не один вопрос, а несколько, чего не бывало на чрезвычайных собраниях, а кроме того, синклит не созывался для заслушивания посольских отчетов (Larsen J. Representative Government in Greek and Roman History. Berkeley; Los Angeles, 1955. P. 179; Walbank F. Op. cit. V. 3. P. 255; Bastini A. Op. cit. S. 252, Anm. 6; синклитом эту ассамблею считал А. Эймар: Aymard A. Les assemblées ... P. 207, 342). Для хронологии событий эта разница не является существенной, однако решение данной проблемы интересно в другом отношении: если описанное Полибием собрание действительно было синодом, то возникает возможность его отождествления с ассамблеей, упомянутой в надписи (синод в Элиде). В таком случае отказ ахейского собрания удовлетворить без суда территориальные претензии мегалополитов представлял собой одну из тех «гуманных уступок» (τα φιλανθρωπα – Polyb. 24. 2. 3), которые вошли в постановление о повторном приеме Мессении в федерацию. Если же у Полибия и в надписи упомянуты два разных собрания, то остается только гадать, какое из них состоялось раньше другого; в любом случае, временной промежуток между ними был очень небольшим.

¹⁷ Река Неда как естественный пограничный рубеж Мессении в связи с данным территориальным спором упоминается на строке 34. Топонимы Ακρεϊατις и Βιπειατις в других источниках не фигурируют. О возможной локализации этих территорий см.: Luraghi N., Magnetto A. Op. cit. P. 526–527.

¹⁸ Первоначально речь шла только об этом районе, который, судя по всему, являлся маленькой плодородной долиной. Главный интерес представляла не столько сама эта территория, сколько урожай, которые она приносила. Позднее к Акрейатиде как объекту спора была присоединена Випейатида, очевидно, соседний с ней участок горной местности, пригодный лишь в качестве пастбища.

¹⁹ Строки 104-112: текст мегалопольского послания с вызовом на суд (Thür G. Dispute over Ownership... P. 299-300).

в Ахейский союз (191 г.) до начала мессенского мятежа (183 г.)²⁰. Можно предположить, что спор за Акрейатида восходил к гораздо более ранним временам и не раз служил поводом судебных разбирательств. Может быть, одно из таких разбирательств состоялось в промежутке между 191 и 183 гг. до н.э., и этот суд выиграли мессеняне. Мегалополиты, разумеется, не смирились с таким решением. Мессенская псефисма представляет их большими мастерами процессуального крючкотворства, так что основание для того, чтобы оспорить результат арбитража, в Мегалополе, конечно же, нашли.

Есть и еще одно возможное объяснение того, каким образом Акрейатида перешла от Мегалополя к Мессении после 191 г. до н.э. Первоначальное вступление мессенян в Ахейский союз в 191 г. до н.э. было следствием указаний Тита Квинкция Фламинина, который вначале велел ахейскому стратегу Диофану снять осаду с главного города мессенян, а затем объявил Мессении, что она должна войти в Ахейскую федерацию. Важно отметить, что встреча Фламинина и Диофана, на которой ахейцам было приказано остановить войну, а мессенянам — вступить в Ахейский союз, состоялась в Андании (Liv. 36. 31. 1–9), т.е. в северной части Мессении, занятой ахейцами. Это наводит на мысль о том, что ахейская оккупация пограничных территорий, включая Акрейатида, продолжалась и в период мирного урегулирования. Мессеняне смогли восстановить контроль над этими районами лишь после того, как официально были признаны участниками Ахейского союза. Поэтому с чисто формальной точки зрения мегалополиты имели право заявлять, что мессеняне не владели Акрейатидой в момент вступления в федерацию.

Как бы то ни было, из неопубликованной части надписи вытекает, что мессеняне вынуждены были принять вызов мегалополитов, и обе стороны договорились передать спор на суд митиленян²¹. На этом этапе тяжба за Акрейатида имела весьма своеобразный характер. Соглашение о суде было достигнуто без всякого участия Ахейского союза, а в процедуре самого судебного процесса применялись нормы, характерные скорее для частного права и применявшиеся в судах между гражданами одного полиса, а не в международных спорах²². По-видимому, именно тогда мегалополиты договорились с мессенянами и о том, какие имущественные санкции будут наложены на сторону, которая проиграет процесс. Псефисма мессенян упоминает *μεσοκοίνους τους καρπούς* (стк. 69), т.е. плоды спорной земли, которые временно считались общими и делились пополам²³, но после решения суда проигравший должен был возместить победителю стоимость полученной им доли в двойном размере (*δίπλασιου* – стк. 68). Из содержания надписи явствует, что судьи из Митилены не приезжали в Пелопоннес, и сам процесс так и не состоялся, однако мессеняне полагали, что, несмотря на это, договоренность о двойном возмещении доли урожая оставалась в силе. Все эти обстоятельства – мирное соглашение между полисами без участия союзных органов, некоторые процессуальные нормы, типичные для судебных процессов между гражданами одного государства, и, наконец, тот факт, что дело не было доведено до судебного заседания, – свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что тяжба за Акрейатида была затеяна незадолго до мессенского мятежа²⁴. Третейский суд митиленян был, по-видимому, сорван в последний момент, когда Мессения вышла из Ахейского союза, и была объявлена война. О том, в чьих руках находилась Акрейатида во время военных действий, надпись не сообщает; по крайней мере, в период последующего мирного урегулирования ею по-прежнему владели мессеняне.

²⁰ Предположение Г. Тюра о том, что мессеняне силой захватили Акрейатида в первые месяцы восстания (Thür G. Dispute over Ownership... P. 300) представляется совершенно неправдоподобным. Если бы дело обстояло именно так, данная территория, скорее всего, была бы возвращена мегалополитам без всякого суда, да и в судебном споре у мессенян не было бы ни малейших шансов на успех.

²¹ Сткк. 147, 153 (Thür G. Dispute over ownership... P. 300).

²² Thür G. Dispute over Ownership... P. 310–314, 316.

²³ Такое толкование ранее неизвестного термина *μεσοκοίνους* подтверждается разъяснением в неопубликованной части надписи (стркк. 131–133). Мессеняне как владельцы спорной земли ежегодно отправляли в Мегалополь половину собранного на ней урожая (стркк. 131 – Thür G. Dispute over Ownership... P. 300, 313).

²⁴ Г. Тюр относит начало этого спора ко времени сразу после подавления мятежа, исходя, прежде всего, из своего не слишком правдоподобного предположения о насильственном захвате Акрейатиды мессенянами в начале восстания (Thür G. Dispute over Ownership... P. 300). Следует заметить, что переговоры между Мессенией и Мегалополем о передаче спора на суд митиленян носили вполне обыденный, мирный характер и несколько не отражали признаки той напряженности, которая возникнет в отношениях между этими полисами после смерти Филопемена и подавления мятежа.

После подавления мессенского мятежа и неудачной попытки Мегалополя аннексировать спорные земли мегалополиты официально призвали мессенян разрешить спор о границах между полисами в согласии с законодательством Ахейского союза²⁵. Последовал обмен посольствами: мессеняне призывали соседей отложить обращение в суд и попытаться прийти к соглашению в ходе двусторонних переговоров, но мегалополиты твердо стояли на своем: суд должен состояться как можно скорее. В конечном итоге мессенянам пришлось уступить²⁶. Теперь арбитраж должен был проходить под контролем и при непосредственном участии союзных властей.

Возвращаясь к событиям, описанным в мессенской псефисме, отметим еще раз, что мегалополиты, заявив на ахейском синоде в Элиде территориальные претензии к Мессени, включили в список спорных районов не только Анданию и Пилану, но и Акрейятиду, тяжба относительно которой так и не была завершена, а также соседнюю с ней Випейятиду. Как сказано в надписи, мессеняне, то ли в одностороннем порядке, то ли после консультаций с мегалопольской делегацией²⁷, предложили создать судебную комиссию из 17-ти именитых граждан Ахейского союза, названных в псефисме «гегемонами» (αρχημονες) во главе с высшим должностным лицом федерации – стратегом Аполлонидом. Вряд ли можно поверить, что подобный выбор был сделан мессенянами самостоятельно, без настоятельной «рекомендации» со стороны ахейских властей. Мегалополиты согласились с составом суда, и обе стороны стали готовиться к арбитражу, предоставив стратегу Аполлониду свои варианты пограничного размежевания в виде словесного описания или чертежей (сткк. 15-35). Судебное разбирательство происходило в святилище Аполлона Карнейского близ Андании²⁸, т.е. непосредственно на спорной территории, и длилось несколько дней²⁹. Кроме заслушивания прений сторон, длительность которых, как и положено было в судебном заседании, регулировалась с помощью водяных часов, арбитры лично осмотрели местности, где должны были проходить указанные обеими сторонами границы (сткк. 35-41). О том, к какому решению пришли судьи, в псефисме не сообщается; говорится лишь, что мегалополиты отступились от своего требования передать им Акрейятиду и Випейятиду (сткк. 42-43).

Примечательно, что документ обходит молчанием вопрос о том, как решилась судьба Андании и Пиланы³⁰. В научной литературе уже давно высказывается предположение, что после подавления мессенского мятежа Андания была передана мегалополитам, свидетельством чему является упоминание об Андании как о «городке Аркадии» у Страбона (8. 3. 6) со ссылкой на Деметрия из Скепсиса, автора середины II в. до н.э., комментатора гомеровского «Каталога кораблей» и большого знатока исторической географии Эллады. В римскую эпоху Андания вновь оказалась в составе Мессении, по-видимому, в результате урегулирования ситуации в Пелопоннесе после Ахейской войны³¹. Теперь, по-видимому, есть основания считать, что передача Андании и Пиланы Мегалополю была

²⁵ В неопубликованной части надписи (сткк. 117-121) приводится текст вызова на суд (προκλησις), который мегалополиты направили в Мессению, требуя от мессенян явиться на ахейский синод, чтобы приступить к судебному разбирательству «о границах» в соответствии с союзными законами (Thür G. Dispute over Ownership... P. 301-302).

²⁶ Строки 121-139 неопубликованной части надписи (Thür G. Dispute over Ownership... P. 303, 305, 316).

²⁷ Выражение ἀρχημονων συνελομενον κριτηριον (сткк. 15-16) может означать и то, и другое.

²⁸ Священная роща Аполлона Карнейского в полутора километрах от Андании упоминается в путевых записках Павсания (4. 33. 4-6). Она служила местом для мистерий, порядок проведения которых регулировался дошедшим до нас священным законом римской эпохи (IG.V. 1. 1390 = Syll³. 736, последнее издание текста: Gawlinski L. Op. cit. P. 65-96; см. также: Deshours N. Les Mystères d' Andania. Étude d'épigraphie et d'histoire religieuse. Bordeaux, 2006). В роще и близ нее, судя по содержанию надписи о мистериях, должны были находиться различные строения (Gawlinski L. Op. cit. P. 41-49); какое из них было использовано для арбитража, сказать трудно.

²⁹ Количество дней было названо в испорченной части строки 41, П. Темелис предлагает конъектуру «трех», Н. Лураги и А. Магнетто – «двух».

³⁰ По мнению издателя надписи П. Темелиса, суд 17-ти «гегемонов» сразу же отверг претензии Мегалополя на эти территории («This body rejected the first territorial claims of Megalopolis over the region around the cities of Andania and Pyrana» – Themelis P. G. Op. cit. ...P. 222). С нашей точки зрения, такое утверждение основано на неточном толковании первых строк надписи, где говорится о том, что вначале ахейцы отказались принять политическое решение о присоединении Андании и Пиланы к Мегалополитиде, и лишь после этого мегалополиты прибегли к судебной процедуре. В контексте рассказа о самом процессе арбитража Андания и Пилана по-прежнему фигурируют как предмет спора (сткк. 31-32), но о том, кому они достались в конечном итоге, в псефисме умалчивается.

³¹ Roebuck C.A. Op.cit. P. 104-105; Grandjean C. Les Messéniens ... P. 230; Luraghi N. Op. cit. P. 264.

произведена именно по решению суда «17-ти гегемонов»³², о чем псефисма мессенян не упоминает по вполне понятным причинам. В конце концов, надпись должна была увековечить победу мессенян в споре за другие территории (Акрейатида и Випейатида) и служить напоминанием о принадлежности именно этих районов мессенскому полису (сткк. 84-88). Стелы с надписями могли послужить весомым доказательством при территориальных спорах, и поэтому упоминать в псефисме о переходе Андании и Пиланы под чужую юрисдикцию было бы для мессенян не только неприятно, но и неразумно.

Иной позиции по вопросу об исходе спора за Анданию и Пилану придерживаются Н. Лураги и А. Магнетто. С их точки зрения, мессеняне все же удержали эти территории. Такой вывод подкреплен следующими соображениями. Во-первых, решение ахейских «гегемонов» вряд ли должно было расходиться с позицией, которую ранее заняло собрание в Мегалополе: «ахейцы возразили мегалополитам, что земля Мессении не должна быть передана им» (сткк. 10-11). Во-вторых, в псефисме упоминается, что данные о границе по версии мессенян, переданные стратегу Аполлонида, были представлены «в том виде, в каком эта земля принадлежит нам» (*καθως εφστι αδμιν αθ χωρα* – стк. 35). Глагол в настоящем времени изъявительного наклонения должен показывать, что Андания и Пилана по-прежнему принадлежат Мессении в то время, когда издается постановление. В-третьих, по мнению Н. Лураги и А. Магнетто, само упоминание Андании и Пиланы в документе, посвященном спору за другие территории, было бы абсолютно нелогичным, если бы мессеняне потеряли эти районы по решению суда³³.

Наиболее серьезным из этих трех аргументов представляется второй. Действительно, буквальное прочтение фразы из ст. 35 наводит на мысль о том, что Андания и Пилана остались частью Мессении. Тем не менее, не исключено и другое понимание смысла этих слов: с точки зрения мессенян «эта земля является нашей» независимо от того, где проходит граница в тот или иной момент. Употребление в этой фразе сказуемого в ином времени и наклонении («эта земля принадлежала бы нам», «эта земля являлась бы нашей») задевало бы патриотические чувства граждан Мессении. Что же касается логики повествования в мессенской псефисме, то само упоминание об Андании и Пилане несло вполне определенную смысловую нагрузку, даже если спор за эти территории был проигран. Через весь текст постановления проходит некий скрытый рефрен, который сводится к тому, что мессеняне старались разрешить споры в равном честном состязании, а мегалополиты постоянно искали обходные пути, нарушали договоренности, пытались добиться своего чужими руками. Именно отсюда вытекала необходимость начать повествование с того, как Мегалополь попытался отобрать Анданию и Пилану без всякого судебного разбирательства, и лишь затем, не получив поддержки ахейского собрания, вынужден был обратиться к обычной процедуре арбитража. Наконец, еще один аргумент Н. Лураги и А. Магнетто сводится к тому, что решение суда «гегемонов» не совпадало с установкой ахейского собрания: земли Мессении не должны быть отданы Мегалополю. Однако с юридической точки зрения никакого совпадения и не должно было быть: ахейский синод, в отличие от суда «гегемонов», не выступал в качестве судебной инстанции, не рассматривал дела по существу, не изучал доказательства, а лишь постановил, что административный, внесудебный порядок разрешения территориального спора в данном случае применен не будет. Установки относительно того, в чью пользу следует разрешить этот спор, синод судьям, разумеется, не давал.

Если же обратиться к политической стороне дела, то не следует считать, что избрание Аполлонида на высший пост в федерации вместо Ликорта могло существенно изменить политику союза в отношении Мессении. Н. Лураги и А. Магнетто предполагают, что среди ахейцев многие не желали, чтобы наказание мессенян за мятеж стало «частным делом Ликорта и Мегалополя»³⁴, и выступали в защиту Мессении даже в то время, когда Ликорт занимал должность стратега. Теперь же, после избрания нового главы союза, «свидетельства о политических пристрастиях которого не вполне однозначны»³⁵, мессеняне могли рассчитывать на еще большее «великодушие» со стороны ахейцев. Согласно этой логике, было бы вполне естественным, если бы суд «гегемонов» во главе с новым

³² Такое мнение высказывает и Г. Тюр (Thür G. Dispute over Ownership... P. 303).

³³ Luraghi N., Magnetto A. Op. cit. P. 529-530.

³⁴ Luraghi N., Magnetto A. Op. cit. P. 544.

³⁵ Ibid. P. 543.

стратегом Аполлономидом отверг все притязания Мегалополя к Мессении, которые поддерживались партией Ликорта. С нашей точки зрения, такая конструкция выглядит довольно искусственной и не слишком основательной. Аполлонид из Сикиона несколькими годами ранее решительно защищал политику Филопемена перед римским сенатом (Polyb. 22. 11. 6; 22. 12. 1), а позднее входил в круг самых доверенных соратников Ликорта, кстати, вместе с еще одним участником суда «гегемонов» – Архоном из Эгиры (сткк. 19-20), который неоднократно избирался на пост союзного стратега (Polyb. 28. 6. 1-9)³⁶. Таким образом, все прямые свидетельства относят Аполлонида к партии Филопемена-Ликорта, а тезис о «неоднозначности» его позиции восходит к очень спорному предположению Р. Эррингтона, который интерпретировал речь Аполлонида на ахейском синоде в 185 г. до н.э. (Polyb. 22. 8. 1-7) как выступление в поддержку политики тогдашнего стратега Аристана, противника Филопемена³⁷.

Таким образом, партия Ликорта была представлена в комиссии «гегемонов», по крайней мере, двумя известными и авторитетными политиками, в том числе действующим союзным стратегом. Оппозицию им мог составлять Калликрат из Леонтия, также член судебной комиссии (сткк. 26-27), а в будущем — главный политический противник Ликорта и крайне отрицательный персонаж в «Истории» Полибия. Примерно через год после заседания «суда гегемонов» он отправится с посольством в Рим и произнесет перед сенатом знаменитую речь, в которой обвинит правящие круги Ахейского союза (т.е., прежде всего, Ликорта) в неповиновении Риму (Polyb. 24. 8. 8-24. 9. 15), а одним из примеров такого своеволия ахейцев назовет жестокое подавление мессенского восстания без разрешения римлян (Polyb. 24. 9. 12-13). Вполне вероятно, что и на заседаниях суда «гегемонов» Калликрат высказывался в пользу мессенян, однако едва ли ему хватило авторитета и влияния, чтобы уже тогда резко изменить политику ахейцев. Несколько позднее, на ахейском собрании перед своей поездкой в Рим Калликрат выступил против политики, которую отстаивал Ликорт, но потерпел поражение, несмотря на то, что его поддерживал союзный стратег Гипербат (Polyb. 24. 8. 1-7). Поэтому нам представляется, что решение суда «гегемонов» было продолжением той взвешенной и умеренной политики, которую ахейское руководство проводило в отношении мессенян еще при стратеге Ликорте: никаких насильственных аннексий, сокращение территории Мессении под достаточно благовидными предложениями (предоставление самостоятельности малым городам, решение третейского суда), определенные уступки как проявление «великодушия».

Исход судебного разбирательства в святилище Аполлона полностью соответствовал такой политической линии: если наше предположение верно, то из четырех спорных районов два отходили к Мегалополю и два оставались в Мессении. В надписи говорится, что представители Мегалополя сами отказались от своих претензий на Акрейатиду и Випейатиду (сткк. 41-43). Приняли ли это решение мегалополиты самостоятельно, или имело место закулисное соглашение между ними и ахейскими «гегемонами», нам, разумеется, неизвестно. В любом случае уже оккупированные ахейцами территории Андании и Пиланы вместе со стратегически важным проходом из Мессении в Аркадию и знаменитым святилищем Аполлона Карнейского были для мессенян утрачены, но два менее ценных пограничных района пока остались за ними.

Тем не менее, спор за Акрейатиду и Випейатиду получил неожиданное продолжение. Претензии на эти территории или, по крайней мере, на их часть предъявляли также калиаты (*Καλιᾶται*), т.е. жители аркадского городка под названием Калия или Каллии³⁸.

³⁶ Указанный здесь пассаж Полибия особо интересен тем, что в нем описано совещание руководства настоящей политической партии. Ликорт и его единомышленники обсуждают, какую позицию следует занять ахейцам в условиях разгоравшейся III римско-македонской войны, и решают на предстоящих выборах «провести» (*πρότορεςθεῖσαι*) Архона на должность союзного стратега, а Полибия — на должность гиппарха.

³⁷ Errington R.M. Op. cit. P. 159 – 163; Luraghi N., Magnetto A. Op. cit. P. 542.

³⁸ Из известных нам населенных пунктов юго-западной Аркадии этнику *Καλιᾶται* соответствует только городок Каллии. Некогда это был один из тех поселков, которые участвовали в синоикизме Мегалополя (Paus. 8. 27. 4). Если «калиаты» действительно были гражданами Каллий, то в данном споре они участвовали явно не в качестве мегалопольской *κοινῆ*, а в роли самостоятельного полиса. Статус такового Каллии, очевидно, обрели в том же 193 г. до н.э., когда по инициативе Филопемена некоторые городки Мегалополитиды конституировались как отдельные гражданские общины (Plut.Philop. 13. 5). Местоположение этого населенного пункта остается неизвестным (Nielsen Th. *Arkadia // An Inventory of Archaic and Classical Poleis*. P. 507). Н. Лураги и А. Магнетто высказывают сомнение в том, что «калиаты» имеют отношение к городку, упомянутому Павсанием. С их точки зрения, Каллии, которые, по выражению Павсания, составляли «трехградье»

В надписи говорится что после отказа от Акрейатиды и Випейатиды представители Мегалополя «не удержали калиатов от спора с нами» (τους δε Καλιαταῦς παυσαντῶν ἀντιποιήσασθαι ἀμὴν – сткк. 43-45), т.е. не употребили свое влияние на бывших сограждан (если Каллии на самом деле недавно были частью Мегалополя) с тем, чтобы они также перестали предъявлять претензии на какую-то часть спорных районов. В судебном разбирательстве, которое происходило в святилище Аполлона Карнейского, калиаты едва ли участвовали³⁹; псефисма называет сторонами в данном процессе только мессенян и мегалополитов. Скорее всего, представители Каллий, объявив о своих претензиях, до поры до времени воздерживались от официального вызова мессенян на суд, и выжидали исхода процесса в святилище Аполлона. Когда же им стало известно, что интересующие их территории остаются за Мессенией, калиаты выступили инициаторами нового судебного разбирательства. Их поддержал и Мегалополь, который, казалось бы, уже снял свои требования относительно Акрейатиды и Випейатиды (сткк. 45-51). Подобные случаи не были редкостью в греческом мире; иногда спор двух полисов за одну и ту же территорию длился столетиями, и никакой арбитраж не мог поставить в таком споре точку. В данной же ситуации мегалополиты имели и некоторые формальные основания для участия в новом судебном разбирательстве относительно земель Акрейи и Випейи: во-первых, изменился предмет спора (2 района, а не 4, как в предыдущем процессе), а во-вторых, несколько иным после вмешательства калиатов стал и состав участников⁴⁰.

Мессеняне прекрасно понимали, что мегалополиты, несмотря на исход процесса в святилище Аполлона, не прекратят предъявлять претензии на Акрейатиду. Поэтому после окончания суда они отправили в Мегалополь посольство с предложением отложить разрешение спора до приезда судей из Митилены, и провести процесс согласно той процедуре, которая была согласована первоначально, еще до синода с Элиде и суда в святилище⁴¹. Однако мегалополиты, не отказываясь от прежней договоренности, в то же время, не собирались и упускать ту возможность, которая открывалась перед ними после вмешательства калиатов. В документах, приведенных в неопубликованной части надписи, отсутствует формальный вызов на новый суд, который был бы направлен мессенянам мегалополитами. Поэтому, вероятно, прав Г. Тюр, предполагающий, что в роли истцов теперь выступили калиаты, которые обратились к властям Ахейского союза с требованием заставить Мессению согласиться на новый арбитраж⁴². Менее очевидна роль мегалополитов в этом судебном процессе. Г. Тюр считает, что они выступили на стороне калиатов в качестве свидетелей или судебных защитников (συνήγοροι)⁴³. Однако псефисма со всей очевидностью представляет мегалополитов такими же участниками тяжбы, что и калиаты: они «вновь» со-

(Τριπολις) вместе с Дипойной и Нонакрией (Paus. 8. 27. 4), должны были быть расположены к северо-востоку от Мегалополя и не могли граничить с Мессенией (Luraghi N., Magnetto A. Op. cit. P. 532). В подтверждение они ссылаются на предполагаемое местоположение Нонакрии в районе современного Солоса (Pikoulas G. Η Νωνάκρις και ο ερτολισμός της // Πρακτικά Β Τολικού Συνεδρίου Αχαϊκών Σπουδών. Αθήνα, 1983. P. 313–318). Однако, если считать локализованную таким образом Нонакрию, которая была расположена к северо-западу от Фенея (Hdt. 6. 74. 2; Paus. 8. 17. 6), тем самым городком, который входил в Трехградье, то теряет всякий смысл и свидетельство об участии Нонакрии, Дипойны и Каллий в синоиклизме Мегалополя, иначе получилось бы, что северная граница Мегалополя доходила бы до рубежей Ахайи. Остается либо признать, что Павсаний ошибся, перечисляя состав «Трехградья», либо предположить, что в Аркадии было две Нонакрии, одна на севере этой области, а другая на юге (о двух Нонакриях см.: Nielsen Th. Arkadia. P. 507, 523). В любом случае, категорическое возражение Н. Лураги и А. Магнетто против отнесения этника «калиаты» к топониму «Каллии» представляется нам недостаточно основательным.

³⁹ По мнению П. Темелиса, калиаты участвовали в этом процессе наравне с мегалополитами («Megalopolitaner und Kalliaten über redetensiebzehn Offizieredes Achaierbundes...» – Themelis P. G. Die Agoravon Messene // Neue Forschung en zu griechischen Städtenund Heiligumern. Festschrift für Burkhardt Wesenbergzum 65. Geburtstag / Hrsg. von H. Frielinghaus, J. Stroszcek. Wiesbaden, 2010. S. 119). Г. Тюр предполагает, что они выступали в качестве свидетелей на стороне Мегалополя (Thür G. Dispute over Ownership... P. 303).

⁴⁰ Эти обстоятельства как основания для возобновления спора справедливо подчеркнуты в работе: Harter-Uibopuu K. Streit um Land und Grenzen – Die zwischen staatliche Schiedsgerichtsbarkeit im antiken Völkerrecht // Publicum – monumentum – textus, Akten des 14. Internationalen Kongresses für griechische und lateinische Epigraphik, 27.-31. August 2012, Berlin / W. Eck et al. (Hrsg.). S. 8-9. Режим доступа: http://www.academia.edu/1699936/Streit_um_Land_und_Grenzen_die_zwischenstaatliche_Schiedsgerichtsbarkeit_im_antiken_Volkerrecht.

⁴¹ Сткк. 121–125 в неопубликованной части (Thür G. Dispute over ownership... P. 304).

⁴² Thür G. Dispute over ownership... P. 304.

⁴³ Ibid.

брались судиться с мессенями (стк. 46), на суде противники мессенян доказывали, что спорная территория – часть «Аркадии и Мегалополитиды» (сткк. 54-55), те судьи, которые поддержали их, отдали свои голоса «калиатам и мегалополитам» (сткк. 58-60), позднее об исходе этого суда в постановлении мессенян говорится так: «поскольку и по поводу этой территории (т.е. Акрейатиды), и по поводу Випейатиды мы уже судились с мегалополитами, и решение уже было вынесено» (сткк. 81-84). Такое представление мессенян о составе участников процесса не очень согласуется с предположением о том, что мегалополиты являлись лишь свидетелями или защитниками. Скорее всего, они включились в процесс, затеянный калиатами, в качестве еще одного истца, и предъявили собственные требования⁴⁴. Поскольку и те, и другие выступали на одной стороне, их претензии не должны были совпадать, так что явно имела место договоренность о том, какую часть спорных районов требуют себе калиаты, а какую – мегалополиты.

В этой новой ситуации мессеняне вынуждены были уступить давлению соседей и вновь согласиться на то, чтобы Акрейатида и Випейатида стали предметом судебного разбирательства. На сей раз был избран иной вариант выбора арбитров. Стороны согласились передать разрешение спора на рассмотрение Эгия, полиса, который до 188 г. до н.э. служил постоянным местом проведения регулярных союзных собраний,⁴⁵ и являлся, официально или неофициально, политическим центром Ахейской федерации. Практика выбора одного из городов Ахейского союза в качестве *πολις εκκλητος*, города – арбитра в споре между двумя другими участниками федерации за ту или иную территорию, была достаточно распространена: так, Эпидавр и Коринф поручили разрешение конфликта между ними Мегарам (Syll³. 471), а Мегалополь и Фурии – Патрам (SEG.XI. 972). Мессения повела себя как лояльный участник федерации и согласилась доверить судьбу своих земель гражданам города, который в наибольшей степени олицетворял собой дух ахейского единства. Вновь участие в подготовке процесса приняли и должностные лица федерации. Теперь заявления сторон с обоснованием их позиций по территориальному размежеванию принимала и передавала в суд коллегия союзных дамиургов, осуществлявших вместе со стратегом повседневное управление союзом⁴⁶. В слушании дела приняли участие 147 судей – граждан Эгия. Подавляющим большинством голосов (140 против 7) было принято решение в пользу мессенян (сткк. 50-64). Такое соотношение голосов представляется весьма показательным: в Эгии, который всегда служил опорой союзной власти, нашлось очень мало сторонников того, чтобы, вопреки официальной политике «великодушия», лишить Мессению еще и этих территорий.

Мессеняне праздновали победу, но дело еще не было закончено. Как показали последующие события, мегалополиты ждали возможности возобновить спор относительно Акрейатиды, который, по их мнению, еще не получил юридического завершения. Тем временем общая ситуация мало-помалу стала меняться в пользу Мессении. В 181 г. до н.э. о чрезмерной жестокости, допущенной при подавлении мятежа мессенян, на ахейском собрании, а затем перед римским сенатом говорил Калликрат из Леонтия (Polyb. 24. 8. 1-7; 24. 9. 12-13). Вскоре после этого, в 180 или в 179 г. до н.э., Калликрат, получивший полную поддержку римлян, был избран стратегом Ахейского союза и вернул домой мессенских изгнанников (Polyb. 24. 10. 15)⁴⁷. Надо полагать, именно эти события подтолкнули мессенян к тому, чтобы перейти от обороны к наступлению. Теперь их позиция состояла в следующем: территориальная принадлежность Акрейатиды и Випейатиды была окончательно определена судьями из Эгия (сткк. 70-71, 74-75), а это означает, что мегалополиты проиграли спор и должны платить по счетам.

⁴⁴ О том, что мегалополиты были непосредственными участниками процесса, пишут также Н. Лураги и А. Магнетто (Luraghi N., Magonetto A. Op. cit. P. 532).

⁴⁵ Liv. 38. 30. 2-3; Paus. 7. 7. 2; 7. 24. 4. См.: Aymard A. Les assemblées ... P. 294-307.

⁴⁶ Сам стратег в рассказе об этом суде не упоминается. Его участие в подготовке процесса не было необходимым, может быть, потому, что предмет спора не был столь значимым, как Андания и Пилана (ThürG. Dispute over ownership... P. 304), а может быть, и потому, что он ранее уже выступал в роли судьи в предыдущем споре между Мессенией и Мегалополем. Судя по всему, процесс в Эгии проходил еще до окончания срока полномочий Аполлониды (т.е., не позднее лета 181 г. до н.э.).

⁴⁷ Из контекста упомянутого пассажа Полибия вытекает, что Калликрат занял должность стратега в 180 г. (Aymard A. Études d'histoire ancienne. P. 145) или, самое позднее, в 179 г. (Errington R.M. Op. cit. P. 263-265).

Заключительный этап тяжбы между Мегалополем и Мессенией хронологически может относиться ко времени между осенью 180 и летом 175 г. до н.э.⁴⁸, причем скорее к более ранней части этого периода. К данному моменту мессеняне уже, по меньшей мере, 4 года отправляли в Мегалополь половину урожая, собранного в Акрейатиде (сткк. 69, 131-133). Утвердившись во мнении, что спор за эту территорию разрешен окончательно, мессеняне предъявили мегалополитам иск на сумму два таланта – двойную стоимость отправленных в Мегалополь плодов (сткк. 65-71). Какой суд должен был, по мнению мессенян, рассмотреть этот иск, неизвестно. Само предъявленное Мегалополу требование основывалось на договоренности между сторонами, которая подразумевала приезд судей из Митилены. Однако позднее мессеняне и мегалополиты пришли к соглашению о том, что не будут представлять свой спор «об этой земле» на суд митиленян⁴⁹. Может быть, в Мессении полагали, что отказ от услуг митиленян не распространяется на спор «о плодах»⁵⁰. Во всяком случае, мегалополиты не собирались ни платить запрошенную немалую сумму, ни участвовать в тяжбе, которую хотели затеять мессеняне. Вместо этого они, обвинив соседей в том, что те под видом спора о плодах хотят судиться по поводу земли⁵¹, мегалополиты отказались выступать в роли ответчиков; напротив, они вновь поставили себя в положение истцов и вызвали мессенян на суд «о границах»⁵². На сей раз они предъявили претензии только по поводу Акрейатиды, территориальный спор насчет которой, по их мнению, так и не был разрешен (сткк. 74-75)⁵³.

Новый процесс должен был проходить по правилам, принятым в Ахейском союзе, участниками которого являлись оба полиса. Мегалополиты потребовали от мессенян предстать перед коллегией союзных дамиургов с тем, чтобы совместно с представителями Мегалополя выбрать судей для разрешения территориального спора. Мессеняне явились, но отказались участвовать в предложенной процедуре, сославшись на то, что по данному делу уже состоялось судебное решение. Тогда дамиурги по требованию мегалополитов наказали Мессению штрафом в размере 3000 драхм⁵⁴. Такое решение ахейских властей, в отличие от предыдущих, скорее всего, не имело никакой политической подоплеки и было принято исключительно по формальным основаниям. В Ахейском союзе существовали законодательные нормы о порядке разрешения территориальных споров между полисами, которые предусматривали штраф в качестве санкции в отношении той стороны, которая не подчинялась требованиям закона⁵⁵. Надпись из Мессении ясно по-

⁴⁸ Дата вытекает из упоминания ахейского эпонима на стк. 97 (εφλι Αίνητιδα). Судя по тому, что должность Энегида составителя псефисмы не сочли нужным упоминать, речь идет не о «ведушем дамиурге» или секретаре Ахейского союза (см. такие предположения в работе: Arnaoutoglou I. Op. cit. P. 187, п. 24) и не о каком-либо другом должностном лице, а о верховном магистрате, каковым являлся союзный стратег (см.: Lu-raghi N., Magnetto A. Op.cit. P. 534, п. 82). В хронологическом списке ахейских стратегов этого времени имеется большой пробел, который охватывает 180/79–176/5 гг. до н.э. (Aymard A. Études d'histoire ancienne. P. 145). Как упоминалось в предыдущем примечании, стратегом 180/79 или 179/8 г. до н.э. был Калликрат. Теперь стало известным имя еще одного главы союза, который мог занимать этот пост в течение любого года внутри данного промежутка времени.

⁴⁹ Сткк. 126-139 неопубликованной части надписи (Thür G. Dispute ver ownership... P. 306).

⁵⁰ Это предполагает Г. Тюр (ibid. P. 305–306).

⁵¹ Сткк. 148-150 неопубликованной части надписи (Thür G. Dispute over ownership... P. 313).

⁵² Сткк. 154-155 неопубликованной части надписи (Thür G. Dispute over ownership... P. 306).

⁵³ Не совсем понятно, на каком формальном основании мегалополиты не считали решение судей из Эгия по этому вопросу окончательным. Объяснение, предложенное Г. Тюром, заключается в том, что в упомянутом процессе истцами являлись только калиаты, и, соответственно, решение суда не касалось Мегалополя (Thür G. Dispute over ownership... P. 304). Тем не менее, как уже говорилось, в мессенской псефис мегалополиты прямо называются участниками процесса наряду с калиатами, и эта позиция впоследствии была признана правильной судьями из Милета. Для разрешения поднятого здесь вопроса необходимо, конечно, изучение греческого текста второй, пока не опубликованной части надписи. Сейчас в предварительном порядке можно выдвинуть две гипотезы: (1) когда судьи из Эгия разбирали дело, процессуальный статус представителей Мегалополя не был четко определен, и сами мегалополиты после неблагоприятного исхода суда стали заявлять, что они лишь выступали в поддержку калиатов, в то время как мессеняне и судьи видели в них одну из тяжущихся сторон; (2) мегалополиты считали незавершенной первоначальную тяжбу «Мегалополь против Мессении о праве собственности на Акрейатиду», которую они отличали от проигранного ими спора «Мегалополь и Каллии против Мессении о территориальной принадлежности Акрейатиды и Випейатиды».

⁵⁴ Сткк. 71–78 мессенской псефисмы и сткк. 154–182 неопубликованной части надписи (Thür G. Dispute over ownership... P. 306).

⁵⁵ В неопубликованной части нашей надписи мегалополиты, вызывая мессенян на суд, ссылаются на «законы» (сткк. 118-119; Thür G. Dispute over ownership... P. 302). Ахейские законы о порядке пограничного арбитража упоминаются в документе, посвященном разрешению спора между Мегалополем и Спартой (Syll³. 471. v. 14-15), а также в надписи о территориальном размежевании Мегалополя и Фурий (IPArk. 31 ΠΑ. v. 13).

казывает, что ахейская община, получившая вызов на суд, по закону была обязана принять участие в выборе судей и в самом судебном процессе (т.н. «обязательный арбитраж»). Отказ мессенян выполнить это требование и повлек за собой наказание в виде штрафа. Мессеняне рассчитывали на то, что дамиурги прислушаются к их аргументам, придут к выводу о том, что данный территориальный спор уже разрешен, и, может быть, даже накажут штрафом мегалополитов⁵⁶. Однако дамиурги, убедившись в том, что ситуация не является столь простой и однозначной с юридической точки зрения, решили не брать на себя лишнюю ответственность и не подменять собой третейский суд, который в Ахейском союзе был единственной инстанцией, компетентной разрешать подобные споры⁵⁷. Само решение оштрафовать мессенян, по сути, и являлось обеспечением их явки в суд, поскольку на заявленный ими протест им тут же было предложено обжаловать постановление дамиургов о штрафе перед независимой коллегией арбитров⁵⁸. Понятно, что судебное решение о правомерности или неправомерности штрафа должно было в конечном итоге поставить точку в затянувшемся споре о территориальной принадлежности Акрейатида.

Это последнее и окончательное решение предстояло принять шестерым арбитрам, приглашенным из Милета. Интересно, что в мессенской псефисме на сей раз умалчивается о совместном выборе судей тяжущимися сторонами, хотя такой выбор (обозначаемый глаголом *συναρῶ*) упоминается во всех предыдущих случаях, когда речь шла о формировании третейского суда (сткк. 15, 50, 74, 78). Тем не менее, следует предполагать, что эта обязательная при арбитраже процедура была соблюдена и теперь. В этом процессе истцами, очевидно, являлись дамиурги как представители Ахейского союза, поскольку именно они «представили дело на рассмотрение суда милетян» (*εἰσαγαγόντων εἰς τὸ δικάστηριον τῶν Μιλήσιων* – сткк. 79-80)⁵⁹, а ответчиками – мессеняне, отказавшиеся уплачивать штраф. Где и как проходил суд, нам неизвестно; сообщается лишь, что стороны произносили речи в защиту своих позиций⁶⁰. Мессеняне, разумеется, оспаривали правомерность штрафа на том основании, что судебное решение о принадлежности Акрейатида было уже принято, и поэтому они отказались от нового арбитража на вполне законном основании. Именно этот аргумент и лег в основу решения

Показательно, что во всех этих документах есть упоминания о штрафах, которыми наказывались нарушители установленного порядка.

⁵⁶ В тот же период ахейской истории властями союза были оштрафованы спартанцы «за то, что они оспаривали (*ἀντιλοιοῖται*) эту землю у народа мегалополитов» (Syll³. 665, v. 6–7), несмотря на то, что данная территория была уже присуждена Мегалополю (о значении глагола *ἀντιλοιοῖται* как «оспаривать», «спорить», «предъявлять претензии» в подобном контексте см. Luraghi N., Magnetto A. Op. cit. P. 531, n. 69; p. 538, n. 88; именно такой смысл имеет этот глагол в целом ряде документов о территориальных спорах, в т.ч., и в нашей надписи на строке 44).

⁵⁷ Об этом свидетельствуют все известные нам документы о территориальном размежевании внутри Ахейского союза. См.: Ager S. Interstate Arbitrations in the Greek World, 337–90 B.C. Berkeley, 1996. P. 24; Harter-Uibopuu K. Das zwischenstaatliche Schiedsverfahren...S. 119–129. В других федеративных союзах эллинистической Греции практика независимого арбитража была также широко распространенной, но иногда союзные государственные органы могли и сами принимать решения по вопросам территориального размежевания или своей властью назначать судей (Ager S. Op. cit. P. 22–26; Mackil E. Creating a common polity. Religion, economy, and politics in making a Greek koinon. Berkeley; Los Angeles, London, 2013. P. 313–320).

⁵⁸ То, что ахейские полисы имели право оспаривать решение союзных властей перед нейтральными судьями, было известно и до открытия нашей надписи (документ Syll³. 665, где упоминается тяжба между Спартой и Ахейским союзом по поводу штрафа, наложенного на лакедемонян; см. по этому поводу подробный комментарий в работах: Ager S. Op. cit. № 137, p. 377–380; Harter-Uibopuu K. Das zwischenstaatliche Schiedsverfahren ... № 11, S. 154–156).

⁵⁹ Глагол *εἰσαγεῖν* в данном контексте, по мнению Г. Тюра, означает «привлекать к суду», т.е. «выступать в качестве истцов» (Thür G. Dispute over ownership... P. 306, n. 35; о возможности подобного значения этого глагола см.: Thür G. Prozess rechtliches in der Mauerbauinschrift IG II². 244 // Lebendige Altertumswissenschaft. Festgabe H. Vetters / Hrsg. von M. Kandler. Wien, 1985. S. 68). Некоторые исследователи при истолковании данного места надписи придают глаголу *εἰσαγεῖν* смысл, который он имел в афинском процессуальном праве: дамиурги, подобно афинским магистратам, «привели участников тяжбы на суд» (Arnaoutoglou I. Op. cit. P. 191; Luraghi N., Magnetto A. Op. cit. P. 539). В таком случае сторонами в процессе являлись бы мессеняне и мегалополиты. Однако в псефисме на строках 86–90 мессеняне четко разделяют два разных повода для судебных разбирательств, в которых они участвовали: «мы победили мегалополитов в судебных процессах по поводу Акрейатида и Випейатида и одержали верх в споре относительно штрафа, который наложили на нас дамиурги». Отсюда видно, что судьи из Милета разбирали дело о правомерности решения дамиургов по поводу штрафа, и доказывать эту правомерность должны были именно дамиурги, но никак не мегалополиты.

⁶⁰ Сткк. 188–189 неопубликованной части надписи (Thür G. Dispute over Ownership... P. 307).

судей из Милета, которые единодушно признали правоту мессенян⁶¹. В псефисме говорится: «мы выиграли спор при единогласном голосовании в нашу пользу, поскольку и по поводу этой территории, и по поводу Випейатида мы уже судились с мегалополитами, и решение уже было вынесено» (сткк. 80-84)⁶².

Так закончилась длительная тяжба между Мегалополем и Мессенией по поводу обладания маленькой плодородной долиной под названием Акрейтида. Мессеняне поставили увековечить память об этих событиях на каменной плите, которая служила постаментом для конных статуй Диоскуров⁶³ возле храма Мессаны, где и был высечен текст мессенской псефисмы и прилагаемых к ней документов (сткк. 90-101). Присуждение Акрейтиды Мессении, разумеется, не ставило точку во всех территориальных спорах между этим полисом и соседним Мегалополем. Выше уже упоминалось, что после 146 г. до н.э. Андания (возможно, вместе с Пиланой) вновь вернулась в состав Мессении. Примерно в то же самое время, когда тянулась тяжба за Акрейтиду, Мессения и получивший самостоятельность мессенский город Фурии судились с Мегалополем за некие территории к востоку или, скорее, к юго-востоку от Андании. Составленная по этому поводу и сохранившаяся в чрезвычайно фрагментированном виде надпись из Олимпии свидетельствует, что и это судебное разбирательство проходило под эгидой Ахейского союза: в документе упоминается решение, принятое на синоде в Сикионе (сткк. 56-57: το ὑράττων, ο εθεσαν οι Αχαιοι — — — — εν ται εν Σικωνι συνοδωι)⁶⁴. Таким образом, вступление пелопоннесских полисов в единое федеративное государство, каковым, используя современную терминологию, можно назвать Ахейский союз, не могло положить конец взаимным территориальным претензиям, многие из которых восходили к незапамятным временам. Однако сознательная и последовательная политика союзных властей заключалась в том, чтобы способствовать разрешению конфликтов на основе принципов «равенства и гуманности» (Polyb. 2. 38. 8), поощряя назначение нейтральных арбитров, избегая прямого вмешательства в территориальные споры на стороне более лояльных полисов против менее лояльных, и добиваясь, в конечном счете, того, «чтобы ахейцы, сохраняя народоправство и единодушие, всегда жили в мире и благозаконии» (Syll³. 665, сткк. 17-19). Новая надпись из Мессении подтверждает, что приверженность ахейской элиты подобным ценностям находила отражение не только в официальных документах и высказываниях Полибия, но и в реальной политике.

⁶¹ Данное постановление милетских судей является интереснейшим свидетельством того, что в греческом праве могло применяться римское правило *non bis in idem* или *res iudicata*: законное решение суда исключало повторный иск к тому же лицу по тому же поводу (см. обзор подобных же случаев в работе: Anagnostou I. Op. cit. P. 191–196). Не углубляясь в рассмотрение этой темы, отметим лишь, что в территориальных спорах между полисами соблюдать такое правило было достаточно сложно: тяжущиеся стороны находили самые разнообразные поводы для того, чтобы возобновить, казалось бы, уже решенный спор (см.: Chaniotis A. Justifying territorial claims in Classical and Hellenistic Greece: The beginnings of international law // The law and the courts in ancient Greece / ed. by E. Harris, L. Rubinstein. London, 2004. P. 185–213). Собственно говоря, об этом свидетельствует и поведение мегалополитов в тяжбе с Мессенией.

⁶² Решение судей из Милета приводится в неопубликованной части надписи (сткк. 183-190; Thür G. Dispute over ownership... P. 307). Древнегреческие судьи, в отличие от современных, не включали в свое постановление мотивировочную часть, и поэтому формулировка решения была предельно краткой: «они (ответчики) оправданы» (стк. 189). Основание для такого решения указали сами мессеняне в своей псефисме.

⁶³ В надписи – «там, где стоят всадники» (стк. 93). Предположение о том, что имеются в виду статуи Диоскуров: Themelis P. G. Op. cit. P. 215.

⁶⁴ IvO. 46, более поздние конъектуры и варианты восстановления надписи см. в изданиях: IPrGk.31 II; Ager S. Op. cit. № 116. P. 310–314; Harter-Uiboruu K. Das zwischenstaatliche Schiedsverfahren ... S. 65-71. Интересы Мегалополя в этом споре отстаивали сыновья Ликорта Феарид и Полибий (будущий историк), а также известный политик Диофан (сткк. 5-6). Описанные в надписи события, таким образом, происходили в период после 182 г., когда Фурии стали самостоятельным полисом, и до 167 г., когда Полибий отправился в Италию, причем, скорее, в начале данного промежутка времени (соображения в пользу датировки надписи концом 180-х – началом 170-х гг. до н.э. см.: Taeuber H. Rhodische Schiedsrichterim Achäerbund. Eineneue Einordnung von IvO 46 und 47 in die Geschichte der römisch-griechischen Beziehungenim 2. Jh. v. Chr. // Italo-Tusco-Romana. Festschrift für Luciana Aigner Forestizur 70. Geburtstag am 30. Juli 2006 / Hrsg. von P. Amann et al. Wien, 2006. S. 343-344). Более точная датировка пока невозможна. Упомянутый «синод в Сикионе» не следует отождествлять с ахейским собранием в этом городе, которое было проведено летом или в начале осени 182 г. до н.э. (Polyb. 23. 17. 5-23. 18. 3), поскольку, судя по повестке дня, это был не очередной синод, а чрезвычайное собрание – «синклит» (Aymard A. Les assemblées ... P. 25, 206; Roebuck C.A. Op. cit. P. 103; Walbank F. Op. cit. V. 3. P. 251). В роли третейского суда в споре, о котором говорится в надписи из Олимпии, выступала комиссия под председательством некоего Аристомена (сткк. 2 – 3, 13-14, 67). О возможной локализации упомянутых в документе топонимов см. Valmin N. S. Op. cit. P. 122–134.

Список сокращений:

- IG – Inscriptiones Graecae. Berlin, 1890.
IPArk – Prozessrechtliche Inschriften der griechischen Poleis I. Arkadien / Hrsg. von G. Thür, H. Taeubler. Wien, 1993.
IvO – Dittenberger W., Purgold K. Olympia: Die Ergebnisse der Ausgrabung V: Die Inschriften. Berlin, 1896.
SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden and Amsterdam, 1923.
Syll³. – Dittenberger W. Sylloge Inscriptionum Graecarum. Ed 3. Leipzig, 1915-1920.

**THE TERRITORIAL DISPUTE BETWEEN MESSE니아 AND MEGALOPOLIS:
A NEW EPIGRAPHIC DOCUMENT****S.K. SIZOV***Nizhny Novgorod State
University**e-mail: sergey_sizov@yahoo.com*

The inscription SEG. LVIII. 370 published in 2008 contains information about a territorial dispute between Messenia and Megalopolis, cities of the Achaean League. The events recorded in the document should be dated to the period from 182 to 175 B.C. Despite the fact that shortly before these events the Messenians revolted and tried to secede from the Achaean federation, the authorities of the league took an impartial position in relation to the dispute and transferred the matter to independent arbitrators. The lawsuit was reiterated several times, three different courts considered the case, and eventually two of the four disputed areas remained part of Messenia. The inscription provides a basis for certain conclusions about the relationship of poleis within the Achaean League and the procedures for resolving territorial disputes between them.

Key words: Ancient Greece, Hellenistic period, epigraphy, Polybius, federalism, the Achaean League, the ancient Greek polis, Messenia, Megalopolis, territorial disputes, arbitration, strategos, damiurgoi, psephisma.

К ВОПРОСУ ОБ УТВЕРЖДЕНИИ РИМСКОГО ВЛИЯНИЯ В АФРИКЕ (НА ПРИМЕРЕ НУМИДИИ)

К. БЕМБАЙ

*Тулский государственный
педагогический университет
им. Л.Н.Толстого*

e-mail: kularambay@mail.ru

Статья посвящена сложному вопросу утверждения римского влияния в Африке. На примере Нумидии автор наглядно показывает высокий уровень искусства римской дипломатии. Активно вмешиваясь в междоусобные распри, поддерживая ту или иную сторону регионального конфликта, римляне достаточно эффективно ослабляли отдельные области, подчиняя себе огромные территории. Все это с достаточной наглядностью и продемонстрировала Нумидия, ставшая римской провинцией после подробно разобранных автором событий.

Ключевые слова: Нумидия, Рим, Карфаген, дипломатия, война.

Утверждение римского влияния в Африке было делом довольно длительным. Начало этому процессу положило соперничество с Карфагеном, завершившееся поражением последнего. Окончательно же утверждение Рима на Африканском континенте связано с потерей самостоятельности Птолемеевского Египта. Именно в этом временном интервале происходило формирование взаимоотношений Рима с местными племенными и государственными образованиями, в первую очередь, в контексте их отторжения от Карфагена, а затем и от Птолемеевского Египта. Отсюда вытекает несомненная важность изучения характера этих взаимоотношений для понимания Римской политики в Африке в последующее время. Пример Африканской провинции Нумидии является наглядным тому подтверждением.

Обычно греческие авторы использовали слова Номадия и Номадес (Νομαδία – Νομάδες) в распространенном значении «пастухи» (Her., IV, 181, 186, 187, 190, 192), или же, употребляли их, как название народов проживавших неподалеку от Кирены (Pol., I, 19, 3, 31, 2; XIV, 1, 4; Diod., XIII, 80, 3; XX, 38-39; 20, 57, 4). Все эти племена подчинялись власти нумидийских царей, враждовавших между собой. Особенно сильными являлись царь масесилиев Сифакс и царь масилиев Гала и его сын Масинисса.

Масесильское государство, возглавляемое Сифаксом, достигло вершины своего могущества в III в. н.э. Однако нет никаких данных, свидетельствующих о семье, юности, образовании и обстоятельствах, при которых он пришел к власти. Возможно, у него было двое сыновей, одного из которых звали Вермина. В конечном итоге, он завоевал западную часть Массильского государства, победил Гая, чьи территории унаследовал его сын Масинисса. Столицей этого государства стал город Сига, который считался самым главным городом Масесилии. Что касается устройства и управления царством, то оно подразделялось на регионы и города. Регионами управляли главы племен или принцы, в то время как организация управления в городах была более сложной и подчинялась традиционным карфагенским порядкам иерархии. Существующие в настоящее время данные не позволяют представить модель такой организации, поэтому мы не располагаем точными данными о взаимодействии городов с центральной властью¹.

Единственно, о чем мы можем уверенно утверждать, это то, что совокупность таких единиц, как «семейство», «племя», «город», «конфедерация» послужили основой для возникновения политической структуры в Нумидии².

¹ Camps G. Chars protohistoriques de l'Afrique du Nord et du Sahara, engins de guerre ou véhicules de prestige? // Histoire et archéologie de l'Afrique du nord / Actes du IVe colloque international, réuni dans le cadre du 113e Congrès national des sociétés savantes, Strasbourg, 5-9 avril 1988 – 4e colloque sur l'histoire et l'archéologie de l'Afrique du Nord. Paris, 1988. T. II. P. 267-288, 530.

² Smadja E. Modes de contacts, sociétés indigènes et formation de l'État numide au second siècle av. notre ère // Modes de contacts et processus de transformation dans les sociétés anciennes. Actes du colloque de Cortone (24-30 mai 1981). Rome, 1983. P. 694-695.

Уже, начиная с эпохи Масиниссы, некоторые города становились житницей государства. Налоги и продукты натурального хозяйства собирались префектами для нумидийских царей. Это могло лечь в основу административной организации, которая соответствовала экономическим и социальным структурам. На наш взгляд, эти примеры свидетельствуют о развитии системы государственных институтов Нумидийского царства в конце II – середине I в. до н.э. Ко времени расширения границ Римского государства и установления первых контактов Рима с Нумидией, отношения между ними в юридическом плане явно представляли собой отношения между государствами³.

Существуют также предположения, что для присоединенных территорий царь разработал специальную систему управления. Нам известно, что он назначал правителей и направлял гарнизоны военных, которые должны были обеспечивать внутренний порядок в городах и деревнях. Хотя эти войска и были отделены от царской армии, служащие этих гарнизонов считались верными правителю и избирались из лучших семей Масесилии. Таких правителей, как правило, избирали из местных жителей. Таким образом, государство характеризовалось сложной и многоплановой организацией и системой, согласно устройству регионов и их военному и политическому статусу. Правда, нам мало что известно о внутреннем устройстве городов, потому что до эпохи римского завоевания было исследовано только побережье Африки⁴.

Таким образом, военно-политическая обстановка в указанном регионе в значительной мере способствовала установлению более тесных политических контактов нумидийских царей с Римом. Более того, римляне довольно искусно воспользовались ситуацией вражды нумидийских царей для их дальнейшего раскола и последующего подчинения Риму. Сложно сказать, какую из форм политических отношений приняли первые контакты между римлянами и нумидийцами. По нашему мнению, речь на первых порах могла идти только о так называемой частной дружбе, подобной той, что, например, наблюдалась впоследствии между Сципионом и Югуртой, занявшим место среди «друзей» (Sall., V. Jug., VII, 6)⁵. Однако, даже такой характер политических связей, безусловно, был направлен на то, чтобы включить народы в круг дружеских отношений с Римской республикой. Правда, за римскую поддержку и экономические льготы эти отношения обязывали варваров принимать участие в войнах и конфликтах римлян на стороне последних. Тот же Цезарь, установивший отношения частной дружбы с рядом глав государств, пользовался их помощью во время гражданской войны (Cés., V. Civ., III, 59, 1-3). Другими словами такая дружба являлась особой формой вассалитета. По мнению Р. Сайма, благородный римлянин расширял свою власть и свое влияние, объединяясь с рядом своих друзей, италийской аристократией и малоимущими приближенными его клиентов. Все это, по нашему мнению, имеет важное значение для определения характера первых контактов Нумидии с Римом⁶. При этом данные отношения, безусловно, находились и под сильным влиянием карфагенского фактора. Дело в том, что еще с начала второй Пунической войны Сифакс хотел расширить свое влияние на все города и владения своего царства, которые были во власти карфагенян. Здесь он столкнулся с противостоянием Карфагена, что повлекло за собой несколько конфликтов, наиболее значительные из которых разразились в 213 г. до н.э. В конечном итоге к нему пришла идея, что он мог освободиться от покровительства Карфагена, заручившись поддержкой римлян (Liv., XXVIII, 17, 6-8).

До этого времени Масесилия не имела отношений ни с какой-либо провинцией, ни с регионом, находившимся под контролем или влиянием римской державы (Liv., XXVIII, 10; Pol., XI, 24; Strabo, XVII, 3, 9). При этом царь масесилов обладал властью над всем Нумидийским царством от западных до карфагенских границ.

³Ritter H.W. Rom und Numidien. Untersuchungen zur rechtlichen Stellung abhängiger Könige. Luneburg, 1987. P. 36-85.

⁴Camps G. Op. cit. P. 288.

⁵Дружба в понимании римлян представляет собой обмен обоюдными добрыми услугами. Так в сфере политики различают два вида дружественных отношений. Первый встречается между Римом и иностранными государствами. В основном он носит политический характер (Pol., III, 22-24).

⁶Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1939. P. 130.

Первый военный и политический контакт между массилийским правителем и Римской республикой произошел именно в ходе событий 213 г. до н.э. (Liv., XXIV, 48, 1-13; XXX, 28, 3). Тогда известные римские полководцы Сципионы отправили к Сифаксу трех центурионов с предложением союза с Римом, а последний, без тени сомнений, принял его. «Царствовал в Нумидии Сифакс; внезапно он рассорился с карфагенянами; римляне отправили к нему послами трех центурионов заключить дружественный союз и пообещать, если он и впредь будет донимать карфагенян войной, то со временем сенат и народ римский постараются хорошо отблагодарить его» (Liv., XXIV, 48, 2-3). Таким образом, Сифакс пошел на союз с римлянами, движимый желанием укрепить свою власть на спорных пограничных землях и, возможно, уничтожить своего заклятого врага Масиниссу, который был тесно связан с Карфагеном, в котором он вырос и получил воспитание. Несмотря на то, что римляне пытались помочь своему новому союзнику организацией пехоты по римскому образцу, в итоге Сифакс был разбит Масиниссой и позорно бежал к маврусийцам. Союз с Римом прекратил свое существование (Liv., XXIV, 48, 1-13).

Следующая попытка установить свое влияние над Нумидией была предпринята Римом спустя несколько лет, и тоже в результате дестабилизации ситуации в регионе. Дело в том, что Сципионом Младшим в 207 г. до н.э. была разбита карфагенская армия Гасдрубала и Магона. После этой победы Сципион решил попытаться заключить союз с Сифаксом. Сильно рискуя, на двух кораблях он смог переправиться на африканский берег и лично прибыть к царю масесилиев. Такие решительные действия, безусловно, возымели успех. Сифакс, несмотря на то, что с аналогичным предложением к нему обратился карфагенский полководец Гасдрубал, все же предпочел союз с римлянами (Liv., XXVIII, 17, 18). Правда, когда Гасдрубал предложил Сифаксу скрепить дружбу с ним браком на своей дочери Софонибе, которая, кстати, уже была помолвлена с Масиниссой, царь масесилиев быстро перешел на сторону Карфагена.

Вряд ли, конечно, предложение заключения данного династического брака могло в указанной ситуации сыграть какую-либо решающую роль. На фоне начавшихся масштабных приготовлений высадки в Африке римских войск с довольно непредсказуемыми последствиями, для Сифакса это была единственная возможность постараться сохранить свою независимость от римлян и уничтожить своего ненавистного противника. По-видимому, именно данным обстоятельством и было обусловлено послание Сифакса Сципиону Младшему с просьбой не переправляться в Африку (Liv., XXIX, 23).

Масинисса действительно вскоре был разбит объединенными силами Сифакса и Карфагена⁷, несмотря на все свои попытки сблизиться с римлянами. Последним же удалось высадиться в 204 г. до н.э. недалеко от Утики (Liv., XXIX, 29-33). Все это привело к тому, что лишенный помощи своего союзника и в окружении превосходящих сил противника, Сципион попал в осаду на одном окрестном мысу. Однако он смог обеспечить себя снабжением и провести здесь всю зиму, ведя безрезультативные переговоры с тем же Сифаксом. Затягивание осады сильно ослабило осаждавших. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в 203 г. до н.э. Сципиону внезапным ночным нападением удалось полностью уничтожить военный лагерь Сифакса и карфагенян (Liv., XXX, 3-6). После же следующего поражения Сифакса на сторону римлян вообще стали переходить целые карфагенские города, что явно стало сигнализировать о приближающейся катастрофе. Оставшись без союзников, Сифакс вскоре был разбит Масиниссой у Цирты и попал в плен. Переданный римлянам он служил украшением триумфа Сципиона, а в дальнейшем в статусе почетного пленника, еще какое-то время жил и умер в Тибуре (Liv., XXX, 7-9, 11-12; Pol., XIV, 6, 10). Гораздо более трагически сложилась судьба Софонибы. Сципион пытался заполучить эту влиятельную и ненавидящую римлян женщину, несмотря на то, что ее взял в жены Масинисса. Чтобы не достаться римлянам, ей пришлось принять яд (Liv., XXX, 15).

По нашему мнению, история покорения римлянами Нумидии отчетливо показывает высокий уровень искусства римской дипломатии и правильность выбранной ими стратегии. Активно вмешиваясь в междоусобные распри, поддерживая ту или иную сто-

⁷ Мощь объединенных сил Сифакса и Карфагена, действительно, впечатляла. Войско царя масесилиев включало в себя 50000 пехоты и 10000 конницы, войско Карфагена – 30000 пехоты и 3000 конницы (Pol., XIV, 1, 14).

рону регионального конфликта, римляне эффективно ослабляли отдельные области, подчиняя себе в итоге огромные территории. Все это с достаточной наглядностью и продемонстрировала нам Нумидия, ставшая вскоре после описываемых нами событий римской провинцией. С тех пор спорные ситуации, возникающие в Нумидии, разрешались Римом, и даже незначительные вопросы рассматривались исключительно в столице империи.

THE QUESTION OF THE APPROVAL OF THE ROMAN INFLUENCE IN AFRICA (EXAMPLE OF NUMIDIA)

K. BEMBAYE

*Tula State Leo Tolstoy
Pedagogical University*

e-mail: kularambay@mail.ru

Article is devoted to the complex issue of the approval of the Roman influence in Africa. On the example of Numidia author demonstrates a high level of Roman art of diplomacy. Actively interfering in internecine strife, supporting one side or another regional conflict, the Romans effectively weakened the individual areas, dominating vast areas. All this with sufficient clarity and showed us Numidia, which became a Roman province after the events analyzed in detail by the author.

Keywords: Numidia, Rome, Carthage, diplomacy, war.

УДК 94(477.7):2-557

О ТРАНСФОРМАЦИИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ХЕРСОНЕСА-ХЕРСОНА НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРЕМАЦИИ

Н.О. СУПРУН*Харьковский национальный
университет им. В.Н. Каразина**e-mail: une.natale@gmail.com*

Погребальный обряд отражает целостную систему взглядов, которые складывались столетиями. В связи с трансформацией мировоззрения на протяжении античного и средневекового периодов в Херсонесе претерпевали изменения все его составляющие: выбор способа погребения, выбор погребального сооружения, а также церемония захоронения. Статья является первой попыткой комплексного анализа кремации в контексте погребального обряда Херсонеса-Херсона.

Ключевые слова: Херсонес, античность, некрополь, погребальный обряд, кремация, погребальное сооружение, захоронение, погребальная амфора, погребальный инвентарь.

Крымский Херсонес сохранил свою территорию доступной для археологических изысканий, что является редкостью в современных условиях. В этом отношении город уникален, поскольку на его территории ведутся планомерные археологические исследования на протяжении более чем ста лет, и на сегодня накоплено около 200 000 находок, нуждающихся в обработке и анализе¹. Наименее исследованной является история религиозной жизни и повседневности, в частности, такая важная ее составляющая, как погребальный обряд, и самое главное – его эволюция от эпохи античности до конца Высокого Средневековья.

В современном мире достаточно часто речь идет о переосмыслении традиций, о переосмыслении ценностей, о возвращении к старому, хорошо забытому. И прежде всего это касается мировоззренческих основ социума. Отсюда и формируется первоочередная задача исследователя – поиск первооснов, причин искоренения каких-либо элементов. Так, сегодня есть работы, посвященные изучению отдельных элементов погребального обряда как античного Херсонеса, так и византийского Херсона, однако попытка его комплексного анализа в контексте эволюции мировоззрения проводится впервые. Среди специалистов, которые непосредственно обращались к вопросу кремации в Херсонесе, следует выделить В. М. Зубаря, А. В. Буйских, М. В. Фомина и С. Б. Сорочана². Исследователи предлагают разные типы классификации погребальных сооружений, предназначенных для трупоположения и трупосожжения, приводят анализ погребальных стел и инвентаря. Здесь необходимо определить смысловую нагрузку термина «погребальный обряд», так как в разных публикациях он трактуется по-разному. Мы предлагаем рассматривать погребальный обряд как обобщающее понятие, как целостный комплекс ритуальных действий на мировоззренческой основе: церемонию захоронения, типы погребального сооружения, использование надгробий и способы захоронения. Данная статья – первая попытка комплексного анализа кремации как способа захоронения в контексте погребальной традиции херсонеситов.

На протяжении V в. до н.э. – I в. н.э. в Херсонесе сложилось традиционное полисное мировоззрение, отражавшееся в государственных культах и целостном общинном восприятии мира. Общая традиционность в развитии религиозного самоопределения была обусловлена своеобразным развитием Херсонеса как дорийской колонии, а с потерей ав-

¹ Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1-2. Харьков, 2005. С. 1031; Фомин М.В. Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV-X вв.). Харьков, 2011. С. 5-9.

² Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. К., 1982; Зубарь В.М. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его окружи (1914–2005 гг.). Симферополь, 2009; Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь, 2008; Фомин М.В. Погребальная традиция ... ; Сорочан С.Б. Византийский Херсон ...

тономии – стремлением сохранить свою самобытность³. Начиная с I в. н.э. Херсонес входит в сферу интересов римской политики, что приводит к изменениям не только в политической жизни города, но и к трансформации религиозного воззрения. Конец III – IV вв. – время появления христианской общины в городе. Новая религия способствует эволюции восприятия жизни и смерти. Все эти процессы нашли свое отражение и в некрополе Херсонеса.

Две активации кремации, не зависящих друг от друга, прослеживаются в ранний период истории города (IV – III вв. до н. э.) и в римский (I–III вв.). В ранний период трупосожжение следует связывать с дорийской традицией, а в римский – с приходом войск и проникновением новых религиозных взглядов с Востока. В византийском Херсоне (начиная с IV в.) ингумация полностью вытесняет кремацию. Хотя в отдельных случаях херсонеситы и применяли кремирование вплоть до V в.⁴ Отказ от сожжения тел усопших следует связывать прежде всего с тем, что христианский погребальный обряд, сформировавшийся в первые века, в период VI–IX вв. претерпел значительное развитие. Тело человека, по воззрению Церкви, – храм души, освященный благодатью таинств. Кремация в Византии постепенно перестала использоваться христианами к V в., а с 768 г. была официально запрещена церковными властями. Уже римский император Юлиан Отступник (361–363 гг.) сетовал, что христиане весь мир заплотнили мертвецами – у них, по его словам, болезненное пристрастие к могилам. В византийский период прослеживается совершенно иной взгляд на смерть и посмертное существование. Смерть начинает восприниматься как «рождение в вечность», она означала не конец жизни, а изменение существования. Происшедшее с человеком воспринималось как сон, и даже в слове «упокоить» явственно проглядывается синоним «уложить спать»⁵.

На сегодняшний день в Херсонесе обнаружено около 3,5 тыс. погребальных сооружений. По нашим подсчетам, из них 18 % относятся к трупосожжению.

В античном мире кремация осуществлялась двумя способами: трупосожжение на специальной «точке», расположенной, как правило, недалеко от места захоронения, и сожжение усопшего непосредственно в могиле⁶. В херсонесском некрополе зафиксированы оба типа кремирования. Трупосожжений первого типа в Херсонесе открыто значительно больше. В некрополе только в отдельных случаях зафиксированы места сожжения, о которых судить трудно, так как они, как правило, не описывались⁷. Сожжение происходило на поверхности земли или в небольшом углублении. Погребальный костер сооружался из дерева, на него клали усопшего, рядом ставили инвентарь. Пепел и остатки после горения закапывали или ставили в усыпальницу. Такой же ритуал отмечен в раннем некрополе Пантикапея и Нимфея⁸. На месте погребения сожжение происходило либо непосредственно над могильной ямой, либо на дне. В могилу помещались ветки кустарника и дерево, остатки которого иногда прослеживаются при раскопках⁹. В Херсонесе, так же, как и в Греции, для усиления горения при сооружении погребального костра наряду с деревом использовалась виноградная лоза. При сожжении на месте погребения поперек могилы клали несколько толстых брусьев, на которые укладывали тело усопшего¹⁰. Внизу разводили огонь. В архаических некрополях Греции для улучшения тяги во время горения в дне могильной ямы делались канавки, по которым мог свободно цирку-

³ Шевченко Т.М. Особливості релігійного світогляду населення античного Херсонеса: автореф. дис. ... канд. іст. наук, спеціальність 07.00.04 – археологія; Інститут археології НАНУ. К., 2008. С. 13.

⁴ Рыжов С.Г. Отчет о раскопках могилы в Песочной бухте и альбом иллюстраций за 1975 г. // Архив НЗХТ. 1975. Д. № 1780. Л. 2–3.

⁵ Сорочан С.Б. Византия. Парадигмы быта, сознания и культуры. Харьков, 2011. С. 138, 153.

⁶ Магда А.В. Западный некрополь Херсонеса. Доследование грабительских шурфов, заложенных в период межсезонья 2001–2002 гг. // Архив НЗХТ. Д. № 3591. Л. 8.

⁷ Лепер Р.Х. Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908–1910 гг. // ХСб. 1927. Вып. 2. С. 233; Белов Г.Д. Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи // ВДИ. 1948. № 1. С. 158.

⁸ Кастанаян Е.Г. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–IV вв. до н.э. и местные их особенности // МИА. 1959. № 69. С. 260–262; Аветиков А.А. Охранные работы на некрополе Нимфея // Археологические исследования в Крыму. 1995 г. Симферополь, 2007. Л. 8; Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69. С. 18.

⁹ Косцюшко-Валюжинич К.К. Некрополь у крестовидного храма в Херсонесе. 1912. Вып. 47. Мог. № 2395.

¹⁰ Там же. Мог. № 2388.

лировывать воздух, ускоряя процесс горения. Подобное имело место и в Херсонесе, где, например, в одной из могил, раскопанных Косцюшко-Валюжиничем в 1895 г., ниже золы и жженных костей, в подошве по всей длине было вырублено узкое углубление, в котором оказались крупные куски древесного угля¹¹. Иногда кремировали тело в гробу, о чем свидетельствуют гвозди, обнаруженные в могилах¹². Здесь мы встречаемся с ранней формой этого обряда, которая своими корнями уходит в архаический период¹³. Исследователи полагают, что для сожжения тела на костре требовалась температура в пределах 900-1000 °C¹⁴. В Херсонесе эти данные подтверждает археологический инвентарь: изделия из серебра, золота, меди и железа в значительной мере подвергались жжению, в некоторых случаях были совершенно расплавлены¹⁵. Так, t° плавления $Ag=960,8^{\circ}C$, $Au=1063^{\circ}C$, $Cu=1083^{\circ}C$, $Fe=1539^{\circ}C$ ¹⁶. Также на стенках некоторых погребальных сооружений были обнаружены следы интенсивного горения.

Все трупосожжения в античном Херсонесе можно разделить по способу захоронения остатков кремации на погребения урновые и безурновые, в которых остатки сожжения находятся непосредственно в могильной яме¹⁷. Для захоронения пепла в Херсонесе использовали не только керамические и свинцовые урны, специально изготовленные для погребального обряда, но и сосуды, используемые в быту¹⁸. Сосуды с остатками сожжения закрывались специальными свинцовыми или глиняными крышками, также пробками, вырубленными из мягкого известняка¹⁹. В херсонесском некрополе встречаются и могилы с несколькими урнами²⁰.

Античные авторы сообщают, что захоронения младенцев происходили по способу ингумации, зачастую в погребальных амфорах. Так, Децим Юний Ювенал – римский сатирический поэт – пишет: «...мы вздыхаем по повелению природы, когда похоронная процессия взрослой девушки встречается, или когда в земле скрывается младенец, не достигший возраста для похоронных костров» (перевод наш – Н.С.)²¹. Такие данные в большинстве подтверждаются археологическими раскопками Херсонеса. Однако наличие кремированных младенцев в каменных могилах № 1022 и № 1023 на территории херсонесского некрополя следует считать его особенностью²².

Значительное место в погребальном культе отводилось возведению погребального сооружения, в котором и совершалось захоронение. После смерти и погребения душа умершего, как считалось, не теряла связи с местом захоронения. О наличии веры в то, что могила в какой-то степени является местопребыванием не только тела, но и души, свидетельствуют как письменные, так и археологические источники²³. Могила мыслилась как жилище, поэтому погребальные сооружения, как правило, развивались в тесной связи с

¹¹ Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в северо-западном углу городища (продолжение раскопок 1891 и 1895 гг.) // Архив НЗХТ. Д. № 10. Л. 74.

¹² Лепер Р.Х. Дневники раскопок ... С. 193, мог. 16 (29); Репников Н.И. Дневник работ с 7 марта по 8 июля 1908 г. // Хсб. 1927. Вып. 2. С. 149, 181, мог. № 2813; Магда А.В. Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса Таврического в 1995 г. // Архив НЗХТ. Д. № 3267. Л. 10, мог. № 98.

¹³ Никитина Г.Ф. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в 1 тыс. до н. э. – 1 тыс. н. э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в 1 тыс. до н. э. – 1 тыс. н. э. М., 1974. С. 59; Wells C. Study of Cremations // Antiquity. 1960. t. 34. N. 133. P. 29-37.

¹⁴ Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического ... С. 52; Никитина Г.Ф. Погребальный обряд ... С. 59; Wells C. Study of Cremations ... P. 35-36.

¹⁵ Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет за 1900 г. Отчет о раскопках южной оборонительной стены // Архив НЗХТ. Д. № 9. Л. 22, урны №№ 1035 и 1036; Репников Н.И. Дневник работ ... С. 156, мог. № 2550; С. 157, мог. № 2562, С. 173, мог. № 2757; С. 158, мог. № 2579, С. 194, мог. № 29 (44).

¹⁶ Глинка Н.Л. Общая химия. Л., 1974. С. 562, 663.

¹⁷ Рыжов С.Г. Отчет о раскопках ... Л. 2-3.

¹⁸ Ушаков С.В. Отчет об охранных исследованиях некрополя у Карантинной бухты в 1993 г. // Архив НЗХТ. Д. № 3176. Л. 1, 1А, 7, мог. № 12; Репников Н.И. Дневник работ ... С. 162, мог. № 2638.

¹⁹ Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет за 1896 г. Отчет о раскопках Херсонесского городища (юго-восточный угол главной площади и к северу от склада древностей) // Архив НЗХТ. Д. № 5, мог. № 755; Лепер Р.Х. Дневники раскопок ... С. 207, мог. № 130 (42); Репников Н.И. Дневник работ ... С. 175, мог. № 2781.

²⁰ Лепер Р. Х. Дневники раскопок ... С. 207.

²¹ «... naturae imperio gemimus, cum funus adulate uirginis occurrit uel terra clauditur infans et minor igne rogi» (Juvenalis, XV, 138-140).

²² Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет за 1900 г. ... Л. 18-19.

²³ Кастанаян Е.Г. Обряд тризны в боспорских курганах // СА. 1950. Т. 14. С. 124 и сл.; Шевченко Т.М. Особливості релігійного світогляду населення античного Херсонеса. К., 2011. С. 283.

архитектурой жилых и культовых зданий²⁴. Конструкция и размеры подземного жилья, по аналогии с земным, в значительной степени зависели от социального положения усопшего и благосостояния его родственников, в обязанности которых входило устройство погребения²⁵. Разумеется, при этом стоит учитывать и другие факторы, в частности мировоззренческие, которыми могли быть обусловлены особенности того или иного погребального сооружения.

Согласно античной традиции, в Херсонесе было строгое разделение пространства на мир живых и мир мертвых. Некрополь располагался исключительно за городскими стенами. География раннего херсонесского некрополя периода возникновения города до конца не исследована. Многие памятники были уничтожены еще в древности, когда город расширял свои границы²⁶. В первые века н.э. некрополь располагался на традиционных участках по периметру городских укреплений, вытянувшись вдоль Карантинной бухты, вплоть до ее южной оконечности²⁷.

Основным типом погребальных сооружений и для ингумации, и для кремации в течение всего греческого периода были характерны грунтовые – выкопанные в земле и вырубленные в скале – могилы, предназначенные для индивидуальных захоронений (по нашим подсчетам 82 % от общего числа погребальных сооружений). Эти два типа могил конструктивно ничем не отличаются друг от друга. Различие состоит лишь в толщине надскальной глины или культурного слоя и, соответственно, в природной структуре стенок и дна могильной ямы, высеченных в скале или вырезанных в грунте, а также в наличии или отсутствии следов дополнительных конструкций – разного рода углублений на дне могильной ямы²⁸. Грунтовые могилы открыты во всех некрополях греческих городов Северного Причерноморья и Средиземноморья, где они на протяжении античного периода являлись погребальными сооружениями, которые в первую очередь использовались бедными и средними слоями населения, о чем свидетельствует погребальный инвентарь. В Херсонесе в IV в. н.э. их число несколько сокращается в сравнении с первыми тремя веками н.э. Это следует объяснять тем, что в позднеантичный период основным погребальным сооружением становятся склепы, которые использовали для захоронения не только зажиточных горожан, но и бедной прослойки населения, нередко приспособившей для погребения родственников ограбленные или уже использованные склепы²⁹.

Гробницы, сложенные из каменных плит, в некрополе Херсонеса, согласно нашим подсчетам, составляют около 15 % от общего числа. О конструкции погребальных сооружений такого типа можно судить по данным, имеющимся в отчетах К. К. Косцюшко-Валюжинича, который называл их «обложенными» или «сложенными» из плит³⁰. Гробницы, сложенные из каменных плит, появляются в Херсонесе во II в. до н.э. и используются вплоть до III–IV вв. н.э.³¹ Это типичное античное погребальное сооружение, имеющее аналоги в архаическом могильнике на о. Березань, в Фанагории, в некрополе Пантикапея и др.³² В отчетах о раскопках К. К. Косцюшко-Валюжинич называет ступенчатые гробницы (около 0,3 %) «гробницами египетской кладки», однако этот термин условный и не передает особенностей конструкции этих могил. В некрополе Херсонеса зафиксиро-

²⁴ Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958. С. 228; Сокольский Н.И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М., 1969. С. 12.

²⁵ Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического ... С. 11.

²⁶ Зубарь В.М. История розкопок ... С. 55; Буйских А.В. Пространственное развитие ... С. 49-50.

²⁷ Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического ... С. 9-10, рис. 1.

²⁸ Буйских А.В. Пространственное развитие ... С. 52-59.

²⁹ Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического ... С. 15.

³⁰ Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом за 1900 г. // ИАК. 1902. Вып. 2. С. 51–73; Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1902 г. // ИАК. 1904. Вып. 9. С. 49–82; Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г. // ИАК. 1905. Вып. 16. С. 34–76; Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. // ИАК. 1906. Вып. 20. С. 23–49; Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г. // ИАК. 1907. Вып. 25. С. 53–89; Косцюшко-Валюжинич К.К., Скубегов М.И. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1907 г. // ИАК. 1907. Вып. 42. С. 49–70; Косцюшко-Валюжинич К.К. О результатах раскопок последнего времени в Херсонесе // ИТУАК. 1911. Вып. 45. С. 34–85.

³¹ Белов Г.Д. Некрополь Херсонеса эллинистической эпохи // Археологический сборник. Л., 1978. С. 49.

³² Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966. С. 204-205; Коровина А.К. Раскопки некрополя Фанагории в 1964 г. // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 130, 132-133; Кастанаян Е.Г. Грунтовые некрополи ... С. 264.

вано девять подобных гробниц с 38 урнами. Использовали гробницы как семейные усыпальницы. А. В. Буйских высказала предположение, что такие ступенчатые конструкции вполне могли быть увенчаны мраморными саркофагами. В подтверждение своей гипотезы автор отмечает, что для провинциально-римской погребальной практики первых веков н.э. характерно широкое использование ступенчатых оснований. В Италии такие сооружения известны уже от начала I в. до н.э. Однако пути проникновения таких погребальных сооружений в городской некрополь Херсонеса, на фоне обширного географического ареала их распространения, не выяснены окончательно³³.

Склепы-колумбарии располагались у крепостных стен. Погребальные сооружения этого типа сложены из известняковых плит и имеют прямоугольную форму. Для Херсонеса этот тип погребальных сооружений не характерен, поэтому можно предположить, что они использовались небольшой группой населения, принадлежавшей к социальным верхам³⁴. Условно разделим их на наземные и подземные. Наземные склепы-колумбарии представлены двумя памятниками – склепами № 1013 и № 1014 с нишами для урн, они были пристроены с внешней стороны к 16-й куртине³⁵. Помимо прямого назначения как вместилища урн, в склепе № 1013 был обнаружен также и каменный саркофаг с труположением, а также несколько костяков на полу склепа³⁶. Н. В. Пятыхева предположила, что такие склепы по своим конструктивным особенностям близки мавзолею Неаполя Скифского и в них прослеживается влияние скифской архитектуры³⁷. Исследователь же мавзолея П. Н. Шульц, подчеркивая скифскую направленность в его архитектурном решении, связывал это сооружение с херсонесскими склепами только по принципу пристенности³⁸. Г. Д. Белов же указывал на близость их конструкции некоторым погребальным сооружениям, открытым в некрополе Ольвии³⁹. А. В. Буйских пишет, что колумбарии типичны для римской (италийской) погребальной архитектуры, являясь ее отличительной чертой⁴⁰.

Подземные склепы-колумбарии конструктивно повторяют тип и размеры наземных склепов с той разницей, что они были опущены ниже уровня дневной поверхности. Для Херсонеса вопрос о том, появились эти склепы из восточных (прежде всего малоазийских) или западных провинций Империи, по-прежнему не решается однозначно, хотя по целому ряду соображений, связанных с развитием других типов погребальных сооружений и надгробных памятников, малоазийское направление, как основное, рассматривается как наиболее предпочтительное⁴¹. Склепов, вырубленных в скале, с нишами для установки урн, четырехугольной формы, по нашим подсчетам около 0,5 %. Все они ограблены. Материал III–IV вв. н. э., обнаруженный в них, относится к вторичным захоронениям, совершенным в разоренных склепах. Наличие ниш для урн сближает эти склепы с пристенными склепами № 1013 и 1014, а также с группой гробниц с двускатным перекрытием. Это позволяет датировать описанные склепы I–III вв. н.э.⁴².

Трудно сказать, с чем был связан выбор способа погребения в античном мире. Достаточно основательный анализ версий и историографии вопроса приводит в своей монографии В. М. Зубарь⁴³. Интересным, на наш взгляд, представляется мнение, что огонь – есть рождающее начало. Среди ритуалов, сопровождавших новое «рождение», важное место отводилось обрядам очищения⁴⁴. Один из них – очищение огнем⁴⁵. В Херсонесе была об-

³³ Буйских А.В. Пространственное развитие ... С. 229-231.

³⁴ Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического ... С. 25.

³⁵ Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году // ИАК. 1901 а. Вып. 1. С. 1-55, рис. 9; Белов Г.Д. Римские приставные склепы № 1013 и 1014 // ХСб. 1927. Вып. 2. С. 105.

³⁶ Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году // ИАК.1901 а. Вып. 1. С. 11.

³⁷ Пятыхева Н.В. Ювелирные изделия Херсонеса (конец IV в. до н.э. – IV в. н.э.) // Тр. ГИМ. 1956. Вып. 18. С. 73.

³⁸ Шульц П.Н. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953. С. 50.

³⁹ Белов Г.Д. Римские приставные склепы ... С.111; Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974. С. 39 и сл.

⁴⁰ Буйских А.В. Пространственное развитие ... С. 227-228.

⁴¹ Гриневиц К.Э. Стены Херсонеса Таврического // ХСб. 1927. Вып. 2. С. 111; Буйских А.В. Пространственное развитие ... С. 227-228.

⁴² Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического ... С. 32.

⁴³ Там же. С. 58-63.

⁴⁴ Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958. С. 41-42.

наружена подстилка из угля и золы, в том числе и под погребенным способом ингумации. С. Ф. Стржелецкий в 1945 г. проследил целый ряд таких захоронений. В грунтовых могилах были найдены и кости, очевидно, жертвенных животных: овцы или козы, коровы, птичьи кости, кости камбалы, остатки краба. Датируются такие захоронения вт. пол. IV – пер. пол. III вв. до н.э.⁴⁶

Выбор способа погребения в значительной мере зависел от социального положения умершего в обществе, а также от его возраста (в античный период маленьких детей предавали земле)⁴⁷. По всей видимости, кремация – более дорогостоящий обряд. Письменные источники свидетельствуют, что кремировали, как правило, царей, героев и других представителей социальной верхушки. В Херсонесе об этом свидетельствует погребальный инвентарь: вместе с сожженным прахом нередко находят украшения и различные металлические изделия. К тому же трупосожжение становится характерной чертой херсонесского некрополя, начиная с римского периода, когда в городе наблюдается экономический подъем. Интересной представляется точка зрения Д. Робинсона, который считал, что выбор способа погребения зависел от традиции, сложившейся в рамках семьи⁴⁸. Подтверждение этому мы находим в письменных источниках. Лукиан, например, сообщает, что в среде простых людей укоренились очень древние по своей природе верования, связанные с представлениями о загробном мире. Погребальный культ у греков являлся составной частью семейной религии⁴⁹. Кремация была вытеснена только христианством. Из вышесказанного следует, что каждый период Херсонеса имеет свою мировоззренческую основу, в процессе смены внешнеполитических факторов влияния происходит постепенная трансформация восприятия жизни и смерти. Две религии – язычество и христианство – несли в себе разные догмы и представления об окружающем мире. Но показательным, на наш взгляд, следует считать то, что, несмотря на эволюцию восприятия жизни и смерти от трагической безысходности до надежды на воскресение души, собственно погребальный обряд, в сущности, не менялся. Безусловно, в византийский период прослеживаются особенности, характерные исключительно для христианского погребально-обрядового комплекса, однако основные компоненты сохраняются, приобретая лишь другое содержание, отвечающее требованиям господствующей религии и нового христианского менталитета. Трупосожжения, зафиксированные в некрополе Херсонеса, можно рассматривать в качестве очень древнего греческого ритуала, который в силу определенной консервативности и этнической чистоты населения Херсонеса практиковался на протяжении эллинистической и римской эпох. Так, важным представляется, что присутствие на территории города представителей других этносов и активные торговые связи с восточным Средиземноморьем, Малой Азией, Поддунавьем и варварским населением Крыма не повлияли на античную погребальную традицию. Даже в негреческих погребальных комплексах прослеживается сильное влияние античной культуры. Сожжение умерших было характерно для зажиточной части населения города. Только начиная с середины III в. н.э. в связи с новыми явлениями в области идеологии, которые выразились в проникновении в Херсонес христианства, кремация была постепенно заменена ингумацией.

Список сокращений

ВДИ – Вестник древней истории.

ГИМ – Государственный Исторический музей.

ГЭ – Государственный Эрмитаж.

ИАК – Известия Археологической комиссии.

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.

НЗХТ – Национальный заповедник «Херсонес Таврический».

Хсб. – Херсонесский сборник.

⁴⁵ Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939. С. 515; Turcan R. Origines et sens de l'inhumation a l'epoque Imperiale // Rev. studies ansiennes. 1958. Т. 60. N. 3/4. P. 339.

⁴⁶ Стржелецкий С.Ф. Отчет о раскопках таврского некрополя в Херсонесе за 1945 г. // Архив НЗХТ. Д. № 1300. 69 л.

⁴⁷ Латышев В.В. Греческие и латинские надписи найденные в Южной России в 1889-1891 гг. СПб, 1892. С. 248.

⁴⁸ Robinson D. Excavations at Olynthus. Baltimore, 1941. Pt. 11. P. 149.

⁴⁹ Шевченко Т.М. Особливості релігійного світогляду ... С. 285-286.

TRANSFORMATION OF FUNERAL RITES IN HERONISSOS-KHERSON ON EXAMPLE OF USING CREMATION

N.O. SUPRUN

V.N. Karazin Kharkiv National University

e-mail: une.natale@gmail.com

The sepulchral rite reflects the wholeness of the view system which haering been made for centuries. Due to the evolution of the world's outlook in the Antiquity and Middle Ages, certain changes of all its counterparts in the Chersonese took place, i. e. the choice of the sepulchral rite type as well as the construction or the rite ceremony itself. The article is the first attempt to analyze the point of cremation in various respects, systematically in the context of sepulchral rite.

Key words: the Chersonese, antiquity, necropolis, sepulchral rite, cremation, sepulchral construction, burial, sepulchral amphora, sepulchral inventory.

ЕЩЕ РАЗ О СПИСКЕ НАРОДОВ ЭРМАНАРИХА¹

С.В. ЯРЦЕВ

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого

e-mail: s-yartsev@yandex.ru

В статье рассматриваются сложные вопросы, связанные со списком народов, покоренных Эрманарихом. Несмотря на огромную историографию и большое количество предложенных гипотез, говорить о раскрытии тайны загадочного списка, известного нам только из «Гетики» Иордана, пока еще преждевременно. На основании тщательного исследования всех аспектов этой проблемы приводятся аргументы в пользу позднего происхождения указанного перечня. По мнению автора, уникальный список возник в результате личных построений Иордана или его предшественника. Он был искусственно скомбинирован из разных источников с целью создания в «Гетике» образа готского «рикаса», по своей могущественности сопоставимого с Александром Великим.

Ключевые слова: Римская империя, черняховская культура, грейтунги, речные пути Восточной Европы.

Списку народов, покоренных могущественным Эрманарихом, посвящено огромное количество научных работ². Для одних ученых данный текст является важнейшим свидетельством существования «великого готского государства», простирающегося от Черного до Балтийского моря³, другие принципиально отказываются видеть в таком ненадежном источнике возможность для расширения границы объединения грейтунгов на север и восток⁴. Иногда на основании данного списка выстраиваются смелые гипотезы, касающиеся экономической политики Эрманариха. Исходя из них, могущественный правитель грейтунгов стремился поставить под свой контроль речные торговые пути Восточной Европы⁵. Мы знаем, что основой экономики объединения грейтунгов и тервингов, впрочем, как и любого другого древнего общества, являлось сельское хозяйство. Не исключено, что высокий уровень развития земледелия у черняховцев был настолько высок, что обеспечивал производство зерна не только для собственного потребления, но и для вывоза хлеба на экспорт⁶. О широком развитии внешней торговли у черняховцев

¹ Работа выполнена в рамках задания Минобрнауки РФ № 2014/389 (НИР № 1799).

² Историографический обзор основных версий и гипотез по данной теме представлен в комментариях к тексту «Гетики» Е.Ч. Скржинской (Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / вступ. статья, пер., комм. Е.Ч. Скржинской. М., 1960) и А.Н. Анфертьева (Анфертьев А.Н. Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I-VI вв.). М., 1994), перевод которых и был использован в данной работе, а также в двух основательных монографиях В.П. Будановой (Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 2001) и И.В. Зиньковской (Зиньковская И.В. Королевство Эрманариха: источники и историография. Воронеж, 2010).

³ Köpke R. Die Anfänge des Königtums bei den Goten. Berlin, 1859; Pfahler G. Handbuch deutscher Altertümer. Frankfurt a/M., 1868. S. 50; Erckert V. Wanderungen und Siedlungen der germanischen Stämme in Mittel-Europa von der ältesten Zeit bis auf Karl den Grossen. Berlin, 1901. Abb.7; Bremer O. Ethnographie der germanischen Stämme. Strassburg, 1904. S. 91-92; Dahn F. Die Könige der Germanen. Bd. 2. Die kleineren gotischen Völker. Die äussere Geschichte der Ostgoten. Leipzig, 1911. S. 50-57; Ebert M. Südrussland im Altertum. Bonn; Leipzig, 1921. S. 359-361; Kauffmann F. Deutsche Altertumskunde. Bd. 5. Von der Völkerwanderung bis zur Reichsgründung. München, 1923. S. 21; Kossina G. Germanische Kultur im 1. Jahrtausend nach Christus. Bd. 1. Leipzig, 1932; Schramm G. Die nordöstlichen Eroberungen der Russlandgoten (Nerens, Mordens und andere Völkernamen bei Jordanes, *Getica*. XXIII. 116) // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 8. 1974. S. 1-14; Schramm G. Altrusslands Anfang. Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert. Freiburg im Breisgau, 2002; Топоров В.Н. Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // Балто-славянские исследования. 1982 г. М., 1983. С. 227-263.

⁴ Iordanes. *Getica* / Ed. Th. Mommsen // MGH, Auct. Antiquiss. T. V. Ps. 1. Berlin, 1882. P. 53-138; Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde. Bd. 2. Berlin, 1882; Bd. 3. Berlin, 1887; Maenchen-Helfen O. Die Welt der Hunnen. Wien; Köln; Graz, 1978; Иордан. О происхождении и деяниях гетов ... С. 265-266, ком. 367; Анфертьев А.Н. Иордан ... С. 151.

⁵ Kazanski M. Les arctoi gentes et «l'empire» d'Hermanaric // *Germania*. 1992. Bd. 70. Halbband 1. S. 75-122; Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997. С. 91-92. Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 131-132; Щукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005. С. 207-219 и др.

⁶ Такой вывод основывается, прежде всего, на факте выхода черняховских поселений на коренные берега в зону черноземов и использование упряжных пахотных орудий типа плуга с железным наральником, который подрезал и переворачивал на одну сторону вспахиваемый пласт земли, чем одновременно боролся с

свидетельствует античный импорт, известный практически на всех памятниках. В первую очередь, речь идет об амфорах, которые встречаются в лесостепной зоне около 1% от всей черняховской керамики и до 20-30% в Причерноморье. Возможно даже, что часть римских субсидий по договору 332 г., действительно могло составлять вино, обычай потребления которого широко распространился в это время у варваров⁷. Однако не понятно, как в данную картину сложившихся экономических и политических отношений вписывается освоение грейтунгами речных маршрутов ведущих из Северного Причерноморья в далекие северные районы Барбарикума. Если они действительно являлись путями за мехом и янтарем, то какую тогда роль эти товары играли в торговых связях грейтунгов с античным миром, которые, судя по всему, были у них приоритетными.

Список северных народов, покоренных Эрманарихом, на основе которого и делается вывод о существовании речных путей⁸, сильно испорчен⁹, и происхождение его неизвестно¹⁰. По меньшей мере, только два народа из списка совпадают с названиями поздних финских летописных племен мери и мордвы¹¹. Однако одно уже это неизбежно наводит на мысли о линейном расположении всех народов данного перечня, а отсюда и о существовании речного пути от Балтийского моря на восток¹². Действительно, если интерпретировать таинственные наименования на основе созвучия с именами народов из других, как правило, поздних источников¹³, то с относительной легкостью можно будет выделить несколько путей, пересекающих территорию Восточной Европы. Например, волжский трансконтинентальный путь, ведущий от берегов Балтийского моря к степям Северного Кавказа¹⁴, речной путь по линии Прибалтика – Кама¹⁵ или маршрут по Дону¹⁶.

сорняками и экономил усилия при вспашке. По-видимому, именно такая экономическая революция и обеспечила демографический взрыв IV в. н.э. в Северном Причерноморье (Никитина Г.Ф. Земледелие в черняховской культуре // РА. 2006. №4. С. 41-49).

⁷ Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1987. С. 76-77; Магомедов Б.В. Потойбічний бенкет у поховальному обряді черняхівської культури // Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України. Київ, 2003. С. 83-88; Магомедов Б.В. Римские амфоры в черняховской культуре // Готы и Рим. Киев, 2006. С. 52-59.

⁸ «Покорил же он племена: гольтескифов, тиудов, инаунксов, васинабронков, меренс, морденс, имнискаров, рогов, тадзанс, атаул, навего, бубегенов, колдов» (Iord.Get., 116) (вариант перевода Е.Ч. Скржинской).

⁹ По этой причине список народов так и не получил однозначной интерпретации у многочисленных исследователей и вряд ли сможет получить в будущем.

¹⁰ Ссылки, в этой связи, на готскую традицию и Аблабия (Nachmann R. Die Goten und Skandinavien. Berlin, 1970. S. 43; Korkkanen I. The peoples of Hermanaric: Jordanes, Getica 116. Helsinki, 1975. S. 73), на недошедшие до нас записи путешественника IV в. до н.э. Пифея из Массилии или на «Дорожник Александра», который был составлен около 340 г. в связи с персидским походом Констанция (337-361 гг.) (Буданова В.П. Указ. соч. С. 154-155), мало что дают, так как не могут объяснить специфику этого уникального текста.

¹¹ Иордан. Ук. соч. С. 265-266, ком. 367; Korkkanen I. Op. cit. P. 36-42; Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 33-34; Буданова В.П. Ук. соч. С. 156.

¹² По мнению Е.Ч. Скржинской, в основе загадочного списка лежит неизвестный дорожник-итинерарий, где области, по которым пролегал путь, были обозначены названиями населявших их племен (Иордан. Ук. соч. С. 265-266, ком. 367).

¹³ Такой подход вызвал справедливую критику М.М. Казанского (Казанский М.М. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // STRATUM plus. 2010. №4. С. 32).

¹⁴ По реконструкции Б.А.Рыбакова: «Покорил же он племена: гольтескифов (галинды [голядь?] Птолемея – западные соседи чуди) – тиудов (чудь русских летописей) – инаунксов (если допустить присоединение предлога «in», то возможно ингры-ижора?) – васинабронков (весь русских летописей: весь-пермяки?) – меренс (меря русских летописей) – морденс (мордва русских летописей) – имнискаров (объединение мордвы и марийцев-черемисов) – рогов (урги Страбона) – тадзанс – атаул (гунны [перевод с тюрского «конская ставка»]) – навего (народы Северного Кавказа нахской группы) – бубегенов (бибрани епископа Евсевия) – колдов (жители Колхиды – колхи)» (Рыбаков Б.А. Ук. соч. С. 29-38). По реконструкции В.В. Напольских: «Поскольку Готский (Германарих) владел народами, которых покорил [вариант: поскольку владеет Скиф (Германарих) народами, которых подчинил готам] в Аунксах вас (г. Олонек в юго-восточном Приладожье, фин. Aunus, где жили весь-вепсы) – в Абронках меров (неизвестный мерянский топоним, где жила летописная меря) – мордов в Мискарах (мордва средневековых источников, жившая в летописной Мещере на среднем течении Оки) – рогас тадзанс атаул (Rogas stadjans athaul – «жителей берегов Волги до туалов» – то есть, до талов Плиния, живших на берегу Каспийского моря в районе устья Волги) – навезов (набианов Страбона и невазов Плиния живших между Каспием и Меотидой) – бубегеев (адыгов – живших по Константину Багрянородному в стране Папагии) – колдас (готовы Крыма) (Напольских В.В. «Список народов Германариха» – готский путь от Ладоги до Кубани // Уральский исторический вестник. 2012. №2 (35). С. 20-30).

¹⁵ По реконструкции Д.А. Мачинского и В.С. Кулешова: «Покорил же он племена: гольтескифов («часть Скифии, где живут голты» или просто «голто-скифов») – тиудов инаунксов (народы в Межозерье,

Однако при внимательном ознакомлении с подобными предположениями возникает ощущение натянутости большинства исторических построений и филологических реконструкций, подгонки их под заранее сформулированные выводы. Все это подрывает сложившееся мнение об использовании готами речных путей Восточной Европы, хотя сообщения независимых античных авторов действительно свидетельствуют о начале функционирования речных маршрутов непосредственно в период появления здесь первых германских дружин¹⁷. Правда, не совсем понятно, какое все это отношение имеет к деятельности Эрманариха, ведь делать выводы об установлении контроля этого готского «рикса» над важнейшими речными путями Восточной Европы, опираясь только на вышеуказанный список народов, совершенно невозможно.

Решая проблему происхождения указанного списка, заметим, что текст Иордана, посвященный военным подвигам Эрманариха, четко делится на две части. При этом вторая часть (Iord.Get., 117-120), как и первая, в которой содержится указанный список народов (Iord.Get., 116), также повествует о покорении Эрманарихом народов, правда, совершенно в другом качестве. Здесь, в отличие от сухого текста списка перечисленных народов, содержатся достаточно яркие образы, без которых, как считается, фольклорная традиция просто немыслима¹⁸. По мнению А.М. Обломского, в первой части указанного текста при-

между Ладогой и Онегой) – васинабронков (летописная весь на гипотетической реке Аброньгой) – меренс морденс имнискаров (летописные меря и мордва в Мещёре между Клязьмой и Окой) – рогов – тадзанс – атаул (тюркское название Волги и южной Камы), наwego (нижня Кама?) – бубегенов (искаженное лат. bubo-gentes – «народы филина») – колдов (угров Прикамья с высокой культурой «колдования»)» (Мачинский Д.А., Кулешов В.С. Северные народы середины IV – первой половины VI в. в «GETICA» Иордана // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 26-72).

¹⁶ На начало этого пути указывает этноним «Tanasis Galatie» (гольтескифы?), размещенный на Певтингеровой карте в устье Танаиса, отождествляемый исследователями или с танаитами (Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002. С. 309, 338-339) или с голтами – летописной голядьью, которую нередко связывают с мощинской культурой в бассейне верхней Оки. При этом проникнуть на эти земли с юга можно было, как раз двигаясь вверх по Танаису на север (Мачинский Д.А., Кулешов В.С. Указ. соч. С. 41-46). Таким образом, если признать гольтескифов Иордана в качестве обозначения начала пути из Северного Причерноморья вверх по Дону, дальнейшая реконструкция может быть выглядеть следующим образом: тиуды (танаиты?) – инаунксы (сарматы кочующие в долине Дона и Северского Донца: в основе этнонима лежит готское слово inahssuggeis соответствующее греческому ἀναξοβιοί или ἀναξοβοίκοι – живущие в повозках (Grienberger T. Ermanariks Völker // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. Wiesbaden, 1895. Bd. 39. S. 164)) – васинабронки (Wiesenbewohner – жители лугов с роскошной травой, местами заболоченных (Grienberger T. Op. cit. S. 167; Schramm G. Die nordöstlichen Eroberungen der Russlandgoten: (Merens, Mordens und andere Völkernamen bei Jordanes. Getica. XXIII. 116) // Frühmittelalterliche Studien. Berlin, 1974. Bd. 8. S. 1-14)) – меренс – морденс (летописные племена мери и мордвы в районе выхода к верхнему Поволжью).

¹⁷ Диодор еще в I в. н.э., со ссылкой на древних и новых авторов, в том числе и на Тимея из Тавромения (2-я пол. IV в. до н.э.) пояснил, что когда Ясон и его товарищи поднялись вверх по некоей анонимной реке до самого Северного океана, откуда они, имея материк по левую руку, через Гадир (Гибралтарский пролив) попали снова в Средиземное море (Diodor. Iv. 56, 3). Несмотря на то, что отсутствует описание других волоков и дано ошибочное направление реки, которая, по Диодору, течет с юга на север к Ледовитому океану, огромная важность данной информации очевидна. Здесь явно находят свое отражение сведения, подтверждающие возможность речного сообщения между Балтийским и Черными морями (Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 20). Существует другой вариант этой легенды, возможно, восходящий к Псевдо-Скимну (II или I в. до н.э.), где говорится, что Арго перенесли на копьях от Танаиса до океанского берега (Ельницкий Л.А. Ук. соч. С. 18), что, считается, могло иметь отношение не к северу Европы, а к югу Африки, в которую, правда, они попали, опять же, двигаясь вдоль меридиана через океан, куда их вначале вынесли воды Танаиса (Подосинов А.В. Античные и раннесредневековые представления о речных путях, соединяющих бассейны Балтийского и Черного морей // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования 2003: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 199, прим. 18). Отметим также, что Птолемей, писавший уже во II в. н.э., впервые в античной письменной традиции (при исключении спорной геродотовской Оарос), под именем Ра, прямо говорит о Волге, причем довольно точно описывает два истока этой реки – западный и восточный, под которыми обычно подразумевают Верхнюю Волгу и Каму (Ptolem., V, 8,13 и др.).

¹⁸ Тем не менее, А.Н. Анфертьев признает такую традицию только для первого красочного рассказа о покорении Эрманарихом элугов, живших в устье Танаиса: «... остаток большей частью перебитого народа херулов, во главе которых был Аларик. Ведь упомянутый народ, по сообщению историка Аблавия, живущий возле болота Меотиды в топких местах, которые греки называют «эле», зовется элурами, народ настолько быстрый, насколько и надменный. Ведь не было тогда народа, который бы не набирал из них легковооруженных воинов в свой строй. Но хотя по [свойственной] им скорости от других нападавших [на них] они часто ускользали, однако подчинились устойчивости и медлительности готов. И судьба их была такова, что и они служили королю гетов Херманарику среди прочих народов» (Iord.Get., 117-118). Последующие рассказы о венедах, на которых двинул войско Эрманарих после поражения элугов, несмотря на то, что они, «хотя и достойные презрения из-за их [плохого] вооружения, но могучие численностью, сперва пробовали сопротивляться»

водится только список народов, покоренных Эрманарихом, а во второй содержится описание конкретных походов, которые к этому привели¹⁹. Однако заметим, что во второй части воинских подвигов Эрманариха также фигурируют конкретные народы (элурь, венеты и эсты), но они не совпадают с племенами из приведенного выше списка. При этом даже если рассказы из второй части текста действительно отражают реальные военные операции готского «рикса», то они все равно указывают на интерес грейтунгов к стратегическим маршрутам, что требует объяснений.

Однако многие ученые стараются не замечать комбинированный характер текста рассказа о подвигах Эрманариха и не делают различия в подходе к информации из его разных частей. Так, по мнению М.М.Казанского, все указанные походы в направлении торговых путей (в том числе, в Прибалтику и Меотиду) происходили с целью установления господства над экономическими важными коммуникациями Восточной Европы²⁰. Б.В. Магомедов предполагает, что Эрманарих пытался нейтрализовать торговых посредников и организовать свободное «беспошлинное» поступление товаров из далеких областей с дальнейшей их перепродажей провинциальным партнерам²¹. Если это так, то проникновение Эрманариха в Прибалтику через земли многочисленных народов выглядит как попытка грейтунгов проложить свой путь к янтарному берегу, независимый от известной дороги тервингов (по Днестру – Западному Бугу – Висле), не говоря уже о традиционных маршрутах, проходящих через Центральную Европу²². Не исключено, что необходимость в таком обходном пути (по Южному Бугу или вообще по Дону) могла понадобиться в связи с перекрытием обычного маршрута по Западному Бугу или Висле враждебными гепидами²³ или проблемами, связанными с западнодвинской речной магистралью²⁴. Конечно, опровергнуть или доказать сейчас историческую реальность данных предположений практически невозможно. При этом сильно смущает время функционирования обозначенных путей, если исходить из текста Иордана. Напомним, что живущие на острове Скандзы суэханс пересылали «посредством торговли через бесчисленные другие племена²⁵ сапфериновые шкурки для потребления римлян и поэтому славятся великолепной чернотой этих мехов» (Iord.Get., 21), а гуннское объединение хунугуров приобрело известность «тем, что от них идет торговля шкурками грызунов» (Iord.Get., 37). Все это, похоже, указывает на то, что Иордан действительно добросовестно описал характер торговли мехом, но только своего времени. Напомним, что в недалеком прошлом одежда из меха считалась в империи варварской, и носили ее исключительно только пастухи, крестьяне, солдаты и легионные знаменосцы²⁶. В 416 г. даже вышел декрет о запрете ношения меховой одежды в Риме, что, правда, можно интерпретировать как свидетельство

(Iord.Get., 119), и об эстах, «которые населяют протяженнейший берег Германского океана» и были покорены исключительно «при помощи благоразумия и доблести» (Iord.Get., 120), ученый считает искусственными и лишены оригинальных деталей. Повлияло на такой вывод и то, что наименования венетов и эстов явно были взяты из какого-то описания Скифии, так как фигурируют в тексте у Иордана в книжной форме (Анфертьев А.Н. Указ. соч. С. 153-154, комм. 197).

¹⁹ Обломский А.М. Некоторые соображения о походах дружин короля готов Германариха на восток // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2008. Вып. 1. С. 148.

²⁰ Kazanski M. Les arctoi gentes ... S. 98.

²¹ Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001. С. 142.

²² Wielowiejski J. Komunikacja, transport, wymiana // Prahistoria Ziemi Polskiej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1981. Bd. V. S. 390, 399; Stawiarska T. Paciorki szklane z obszaru Polski północnej w okresie wpływów rzymskich. Wrocław, 1985. S. 125-132; Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса ... С. 110.

²³ Мачинский Д.А., Кулешов В.С. Указ. соч. С. 64.

²⁴ Вещи, маркирующие контакты Прибалтики с Волго-Окским бассейном, не попадают в Верхнее Поднепровье, занятое населением днепро-двинской культуры (Kazanski M. Les arctoi gentes ... S. 75-122).

²⁵ Под бесчисленными племенами подразумеваются или те самые народы, жившие от Ладоги до Урала, которых покорил Эрманарих (Iordanis Romana et Getica / Recensuit T. Mommsen // Monumenta Germaniae historica. Auctores antiquissimi. Berlin, 1882. T. V. P. 1. S. 164-165; Мачинский Д.А., Кулешов В.С. Указ. соч. С. 36-37), или же народы, жившие на хорошо известном центральноевропейском пути, причем в последнем случае не исключено, что торговля велась мехом скандинавского происхождения (Казанский М.М. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // Stratum plus. 2010. №4. С. 21-33).

²⁶ Leguilloux M. Le cuir et la pelleterie à l'époque romaine. Paris, 2004. P. 86; Rummel P. von. Habitus barbarus. Kleidung und Repräsentation spätantiker Eliten im 4. und 5. Jahrhundert. Berlin; New York, 2007. S. 160, 164; Казанский М.М. Скандинавская меховая торговля ... С. 19-20.

о начале распространения данной моды в империи²⁷. К тому же, если действительно верно отождествление одного из терминов интересующего нас списка «атаул» с тюрко-булгарским наименованием Волги²⁸ или даже с гуннами²⁹, то приходится признать, что оно могло попасть в текст только в эпоху самого Иордана, то есть в VI в. (или, во всяком случае, не ранее конца IV в.). Именно с этого времени Волга, под новым именем Итиль, начинает фигурировать в сочинениях византийских авторов³⁰. Таким образом, список народов Эрманариха вполне может отражать ситуацию не IV в. н.э., а более позднюю эпоху, когда, собственно, и создавалась «Гетика».

Если обратиться к археологическим источникам, то, несмотря на всю их неоднозначность, очевидно, что они не противоречат, в основном, сведениям именно второй части указанного повествования. В первую очередь, это касается покорения элуrow, живших «близ Меотийского болота» (Iord.Get., 117). Здесь в дельте Дона еще в сер. III в. н.э. возникают неукрепленные поселения и грунтовые могильники. Несмотря на то, что данный материал имеет широкий хронологический диапазон (в пределах сер. III – IV вв. н.э.)³¹, большую часть позднеантичных погребальных комплексов указанных памятников авторы раскопок ограничивают рамками сер. III – первыми десятилетиями IV вв. н.э.³², то есть разгром и последующее переселение основной массы меотийцев, или элуrow, на пограничные земли Боспора, имеет место еще до эпохи Эрманариха, во времена Гебериха. Позднее, когда Эрманарих приводит в повиновение тех, кто здесь все еще продолжал жить, то они уже были, как прямо и указывает Иордан, «по большей части перебиты» (Iord.Get., 117). При этом покорение готами живших рядом алан-танаитов источник не упоминает, что могло произойти только в случае установления с ними мирных договорных отношений, которые, по-видимому, и обеспечили грейтунгам доступ к стратегическому донскому пути³³. Не исключено даже, что на каком-то этапе часть меотийцев вошла в объединение своих воинственных соседей. Но даже в этом случае неукрепленные поселения в дельте Дона не могли являться обычными рыболовецкими селениями алан-танаитов, ведь последние кочевали здесь еще при гуннах, то есть в то время, когда большая часть памятников типа Рогожкино уже не существовала.

Любопытно, но упадок варварской культуры в дельте Дона совпадает по времени с разгромом поселений в его верховье. Верхнедонские поселения круга Каширка-Седелки, судя по материалу, вряд ли переживают середину IV в. н.э.³⁴ В этой связи гипотеза А.М. Обломского, что их гибель является отражением рассказа Иордана о походе Эрманариха на венетов, выглядит сомнительной³⁵. Сожжение домов и очистка данной

²⁷ Chastagnol A. La fin du monde antique. De Stilicon à Justinien (Ve siècle et début VIe). Recueil de textes présentés et traduits par Andre Chastagnol. Paris, 1976. S. 94; Казанский М.М. Скандинавская меховая торговля ... С. 20.

²⁸ Stender-Petersen A. Slavisch-Germanische Lehnwortkunde, eine Studie über die ältesten germanischen Lehnwörter im Slawischen in sprach und kulturgeschichtlicher Beleuchtung. Göteborg, 1927. S. 162; Lewicki T. Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny I. Wrocław; Kraków, 1956. S. 156; Буданова В.П. Ук. соч. С. 158-159; Мачинский Д.А., Кулешов В.С. Указ. соч. С. 56-57.

²⁹ Tomaschek W. Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden // S.-Ber. Akad. Wiss. Wien. Philos.-hist. Kl. 1889. Bd. 117. Abh.1. S. 39; Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 34; Буданова В.П. Указ. соч. С. 158-159.

³⁰ Подосинов А.В. Еще раз о древнейшем названии Волги // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000. С. 238; Мачинский Д.А., Кулешов В.С. Ук. соч. С. 57.

³¹ Гудименко И.В., Толочко И.В. Памятники позднеантичного времени из дельты Дона // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2012. С. 180-217.

³² Гудименко И.В., Толочко И.В. Указ. соч. С. 193.

³³ Именно поэтому сложно допустить возможность войны между готами и аланами-танаитами (Левада М.Е. Миф о городищах черняховской культуры // Готы и Рим. Киев, 2006. С. 64).

³⁴ Происхождение указанных памятников связывают с несколькими волнами миграций населения, уже испытывавшего черняховское воздействие (здесь встречаются даже клады серебряных римских монет). Одна группа является выходцами с территории киевской культуры, истоки второй лежат среди черняховских (позднескифских?) памятников Нижнего Днепра типа Каменка-Анчекрак (Медведев А.П. III Чертовицкое городище (материалы 1-й половины 1 тыс. н.э.)) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины 1 тыс. н.э. Воронеж, 1998. Вып. 12. С. 42-84; Обломский А.М. О памятниках лесостепного Подонья позднеантичного времени // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2001. Вып. 2. С. 122-140; Обломский А.М. Некоторые соображения ... С. 143; Обломский А.М. Лесостепное Подонье // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9). М., 2007. С. 88-89; Акимов Д.В. Заселение территории Верхнего Подонья в эпоху Великого переселения народов: истоки, пути и ритмы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2012. Вып. 3. С. 163-164).

³⁵ Обломский А.М. Некоторые соображения ... С. 152.

территории от ушедших сюда ранее из Северного Причерноморья неких варварских групп, не захотевших подчиняться власти готов, скорее всего, произошла гораздо раньше, еще при Геберихе. При этом, учитывая наличие на некоторых памятниках как минимум двух строительных периодов сгоревших построек³⁶, борьба явно была длительной и упорной. Поход же Эрманариха на венетов, по нашему мнению, больше соответствует традиционной точке зрения, отождествляющей этих «многочисленных» варваров с населением позднезарубенецкого культурно-хронологического горизонта и киевской культуры³⁷. Борьба готов с венетами также была затяжной и, по-видимому, включала в себя не один трагический эпизод, связанный с пожарами, грабежами и захватом пленных. Об этом красноречиво свидетельствуют данные археологии³⁸. По-видимому, венеты, действительно «пробовали сначала сопротивляться» (Iord.Get., 119), чем осложнили продвижение готского населения на северо-восток. Так, несмотря на то, что наступление готов на киевское население фиксируется уже с конца III в., массовая миграция черняховцев, например, на территорию Сейминско-Донецкой группы киевской культуры стала возможной только со 2-й четв. IV века.³⁹

Трудно сказать, ходили ли дружины грейтунгов еще дальше от лесостепи на север, ведь, судя по тексту Иордана, им надо было не только поставить под контроль меховые богатства лесной зоны, но и, выйдя к местам месторождения янтаря, покорить эстов, населяющих «отдаленнейшее побережье Германского моря» (Iord.Get., 117)⁴⁰. Археологические данные отчасти не противоречат такой версии. Именно в бассейнах Днепра, Оки и Волги в южной части лесной зоны наблюдается черняховское (в меньшей степени вельбаркское и пшеворское) влияние, что нередко связывается с деятельностью Эрманариха⁴¹. По-видимому, именно сюда, в лесную зону, грейтунгами и переправлялось вино в амфорах⁴², или же в бочках и бурдюках⁴³. Особо выделяется материал рязано-окских могильников (поволжских финнов), который демонстрирует увеличение во 2-й пол. III – нач. IV вв. количества воинских погребений, появление отчетливой связи с Приуральем и Прикамьем при наличии черняховских импортов и изделий западно-прибалтийского происхождения. При этом здесь фиксируется довольно большой массив вещей центральноевропейского и балтийского происхождения. Авторы раскопок объясняют данный феномен результатом нового политического структурирования территории после «скифских» войн III в. и функционированием Донского пути, соединяющего Приазовье и Среднее Поочье⁴⁴. Видимо, в этом контексте необходимо рассматривать и связь указанного региона с мощинской культурой⁴⁵, где также присутствуют черняховские ве-

³⁶ Обломский А.М. Лесостепное ... С. 87-89.

³⁷ Мачинский Д.А. К вопросу о территории обитания славян в I-VI вв. // АСГЭ. 1976. Вып. 17. С. 94-96; Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994. С. 243, 280-286; Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые вв. н.э. М., 1991. С. 104-108; Терпиловский Р.В. Венетські племена першої половини I тис. н.е. у Півніпріві // Археологія та історія Північно-східного Лівобережжя (I – поч. II тис.). Суми, 2003. С. 18-20; Обломский А.М. Лесостепное ... С. 88; Šćukin M., Kazanski M. et Sharov O. Des les Goths aux hunns: Le nord de la mer noire au Bas – empire et a l'epoque des grandes migrations / Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400-1000 A.D.): Monographs I. British Archaeological Reports International Series 1535. Oxford, 2006. S. 7-9, 55-60.

³⁸ Довольно четко фиксируется включение части носителей киевской культуры лесостепного Левобережья в состав черняховского социума. Это при том, что в районе Деснинско-Сейминского Полесья наблюдается полное отсутствие контактов черняховского и киевского населения и наличие довольно жесткой пограничной линии (Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.). Раннеславянский мир. Вып. 5. М., 2002. С. 87-89).

³⁹ Магомедов Б.В. Черняховская культура ... С. 143.

⁴⁰ Если только под эстами в тексте Иордана действительно не фигурирует какое-либо другое финское племя лесной зоны к северу от Подолия (Обломский А.М. Лесостепное ... С. 88-89).

⁴¹ Kazanski M. Les arctoi gentes ... S. 75-122; Леонтьев Н.В. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996. С. 19-21.

⁴² Магомедов Б.В. Римские амфоры в черняховской культуре // Готы и Рим. Киев, 2006. С. 54.

⁴³ Кропоткин А.В., Кропоткин В.В. Северная граница распространения амфор римского времени в Восточной Европе // Могильники черняховской культуры. М., 1988. С. 171.

⁴⁴ Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9). М., 2007. С. 150-151.

⁴⁵ Связь рязано-окских финнов с населением мощинской культуры прослеживается, например, по проушным и втульчатым топорам, хорошо известным в это время также на территории Литвы (Ахмедов И.Р., Воронцов А.М. Узколезвийные проушные топоры римского времени и эпохи Великого переселения народов с

щи, а на поселениях повсеместно выявлены следы пожаров, насыщенные предметами вооружения позднеантичного периода⁴⁶. Необходимо отметить и то, что материал собственно Янтарного берега интересующего нас времени также демонстрирует влияние вельбаркской и черняховской культур. Правда, связь появившихся здесь фибул готской традиции типа A VI, 167 с походом Эрманариха⁴⁷ практически невозможно доказать⁴⁸.

Подведем итоги. По нашему мнению, очевидно, что рассказ Иордана о могущественном Эрманарихе состоит из двух неравноценных частей. Первая напрямую связана с готским преданием – главным источником оригинальных деталей в рассказах о покорении элуфов, венетов и эстов (в описании походов на двух последних народов, в меньшей степени)⁴⁹. По всей видимости, не дошедшая до нас сага повествовала о временах, когда грейтунги стремились обеспечить себя янтарем и мехом, и с этой целью пытались взять под контроль ряд стратегических маршрутов Восточной Европы⁵⁰. Отчасти, помимо археологического материала⁵¹, это подтверждается и словами Аммиана Марцеллина, назвавшем «Эрманариха» воинственным «царем, которого страшились соседние народы, из-за его многочисленных и разнообразных военных подвигов» (Amm. Marcell., XXXI, 3,1). Вторая традиция, связанная со списком народов Эрманариха, явно имеет искусственное происхождение. Причина ее появления, по нашему мнению, кроется в странной фразе Иордана, предварявшей текст о подвигах Эрманариха: «немало древних писателей сравнивали его [Эрманариха] по достоинству с Александром Великим» (Iord. Get., 116). По-видимому, автор готской истории был хорошо знаком с некой исторической песней, близкой по содержанию популярной в средних веках, англосаксонской поэме «Видсид». В ней эпический поэт, действительно, называя имена самых знаменитых королей и народов, начинает свой перечень с Александра:

«...а самым сильным был Александр
среди людей и благоденствовал больше
всех на этом свете, о ком я слышал.
Этла правил гуннами, Эрманрик готами ...»⁵².

Нетрудно заметить, что в поэме отсутствуют подробности воинских подвигов упомянутых королей. Нет здесь и народов, покоренных Эрманарихом, без которых трудно добиться необходимого соответствия могущества знаменитого «рикса» славе великого покорителя мира. Если у автора готской истории, кроме готских преданий о покорении трех народов, под рукой имелся только такой источник, то он действительно остро нуждался в еще одном, более расширенном перечне племен. Скорее всего, именно нехватка сведений, как показала еще Е.Ч. Скржинская⁵³, подтолкнула автора «Гетики» (или его предшественника) к созданию собственной этнической реконструкции. Конечно, нельзя думать, что готский историк с этой целью просто перечислил все известные ему народы северной Скифии⁵⁴, ведь в этом случае трудно будет объяснить, почему выбор был сделан исключительно в пользу «северных племен» (Iord. Get., 116). Такая ситуация, безусловно,

территории Верхнего и Среднего Поочья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2012. Вып. 3. С. 17).

⁴⁶ Воронцов А.М. Мощинские городища на территории Тульской области // Н.И.Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. I. Археология. Тула, 2002. С. 78-87. Причем после данного катаклизма, произошедшего приблизительно в середине IV в. н.э., из вещевого комплекса мощинцев резко исчезает массовый черняховский импорт (Гавритухин И.О., Воронцов А.М. Фибулы Верхнеокско-Донского водораздела: двучленные прогнутые подвязные и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2008. Вып. 1. С. 34-35, 45).

⁴⁷ Кулаков В.И. Подвязные фибулы в Юго-Восточной Балтии // РА. 2005. №1. С. 48.

⁴⁸ Šćukin M., Kazanski M., Sharov O. Op. cit. S. 60.

⁴⁹ В этой связи, остается вероятность того, что эти народы, как уже говорилось выше, попали в текст «Гетики» гораздо позднее.

⁵⁰ Мачинский Д.А., Кулешов В.С. Указ. соч. С. 63-64; Šćukin M., Kazanski M., Sharov O. Op. cit. S. 59.

⁵¹ Который явно свидетельствует об установлении грейтунгами экономических связей с финно-областью Оки-Волги и, возможно, с Восточной Прибалтикой (Kazanski M. Les arctoi gentes ... S. 75-122).

⁵² Видсид // Древнеанглийская поэзия / пер. В.Г.Тихомирова. М., 1982. С. 15; Зиньковская И.В. Указ. соч. С. 94-95; Напольских В.В. Указ. соч. С. 25.

⁵³ Иордан. О происхождении ... С. 265, комм. 367.

⁵⁴ Такого мнения, например, придерживался известный немецкий историк Карл Мюлленхоф (Зиньковская И.В. Указ. соч. С. 113).

могла возникнуть только при наличии каких-то, относительно достоверных сведений о походах прославленного «рикса» именно в северные районы. По нашему мнению, в основе списка покоренных Эрманарихом народов лежит реальное готское предание⁵⁵, повествующее о походе в область Оки-Волги, которое было дополнено данными из современных автору источников⁵⁶. На это указывает возможное присутствие в тексте готского слова *Þiuda* («народ»)⁵⁷ и наличие в некоторых словах готских окончаний (*Merens*, *Mordens*, *Tadzans*), что, возможно, выдает нам первоначальный вариант несохранившейся саги. При этом другие слова списка имеют явные признаки «латинизации»⁵⁸. Видимо, автор не понимал слов, которые вписывались им в первоначальный текст, поэтому смело подвергал их правке и даже не пытался объяснить⁵⁹. Если это так, то первые искажения могли появиться уже на самом раннем этапе создания списка⁶⁰. Присутствие в тексте, предваряющем пассаж о покорении Эрманарихом северных народов, греческого слова *arctoi* (север), действительно может указывать на источник, из которого в список народов попало большинство наименований, но это не обязательно должно быть сочинение Аблавия⁶¹. Картина торговли мехом эпохи Иордана, широко представленная в «Гетике», косвенно свидетельствует в пользу того, что и большинство сведений о северных племенах относятся к этому же времени. Указанное обстоятельство, конечно, сильно уменьшает возможность использования списка народов для реконструкции событий IV в. н.э., ведь в такой ситуации, опираясь на этот источник, нельзя делать серьезных выводов не только о размерах территории, находящейся под властью Эрманариха, но и о походах последнего в северные земли. Тем не менее, список, безусловно, остается важнейшим источником по этнической истории Восточной Европы эпохи Великого переселения народов.

BACK TO THE LIST OF ERMANARIC'S PEOPLE

S.V. YARTSEV

*The Tula State Leo Tolstoy
Pedagogical University*

e-mail: s-yartsev@yandex.ru

The article deals with the complicated problems connected with the list of peoples conquered by Ermanaric. Despite the huge historiography and a great number of hypotheses it is too early to speak about the disclosure of the truth of this mysterious list, known to us only by Jordanis's «Getica». The thorough investigation of all the aspects of the problem gives the author the right to affirm the late appearance of the above mentioned list and it appeared due to personal compilation by Jordanis and his predecessor. It was artificially compiled in order to create in «Getica» the image of the Goth's leader who was perhaps as powerful as Alexander the Great.

Key words: the Roman Empire, chernyakhov culture, the Greutungs, the river ways of Eastern Europe.

⁵⁵ На это указывала еще И. Коркканен (Korkkanen I. Op. cit. P. 73).

⁵⁶ Не исключено, что источники были устные, а запись производилась на слух. Напомним о появлении в данное время довольно реалистического описания полярной ночи вместе с комментарием автора текста Прокопия Кесарийского, который подробно расспрашивал о Фуле «тех, которые оттуда приходят к нам» (Прокор. В. Goth., II, 14-15). В этой связи уместно будет привести еще один комментарий, но уже самого Иордана при описании им земли Ойум: «Однако можно верить, по свидетельству путешественников, хотя и слышавших издали, что и сейчас там слышится мычание скота и видны признаки [обитания] людей» (Iord.Get. 27).

⁵⁷ Еще фон Гринбергер, считал *thiudos* искаженным готским *Þiuda* и восстанавливал начало списка словосочетанием «скифские народы» (Grienberger V. Ermanariks Völker // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. Hamburg, 1985. Bd. 39. S. 158-160; Korkkanen I. Op. cit. P. 33; Анфертьев А.Н. Указ. соч. С. 149-151, ком. 180; Напольских В.В. Ук. соч. с. 22-23).

⁵⁸ Напольских В.В. Указ. соч. С. 23.

⁵⁹ Иордан. О происхождении ... С. 265, ком. 367.

⁶⁰ Анфертьев А.Н. Указ. соч. С. 149-151, ком. 180.

⁶¹ Иордан. О происхождении ... С. 265, ком. 367; Буданова В.П. Указ. соч. С. 154-155; Напольских В.В. Указ. соч. С. 21.

ИЗУЧЕНИЕ ГАЗСКОЙ ШКОЛЫ РИТОРИКИ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

А.М. БОЛГОВА

Н.Н. БОЛГОВ

В.В. ЛИПИЧ

В.Н. ШИЛОВ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: bolgova@bsu.edu.ru

В работе исследуется феномен Газской школы риторики, имеющий наиболее важное значение для изучения процесса культурного континуитета между поздней античностью и ранним средневековьем в Восточном Средиземноморье. Основное внимание уделено научной конференции «Газская школа», состоявшейся в Париже в мае 2013 года.

Ключевые слова: Газа, Газская школа, поздняя античность, Ранняя Византия, культура, традиция.

Город Газа в Южной Палестине – один из древнейших городов мира. Находясь на перекрестке основных миграций и перемещения людей и товаров, этот город с глубокой древности играл важную роль в регионе. В ранневизантийский период (IV – 1 пол.VII вв.) Газа стала одним из крупнейших и важнейших городов сиро-палестинских провинций, важнейшим региональным центром. Наряду с достаточно известными отраслями экономики (керамическое производство амфор на импорт, крупные художественные мастерские по изготовлению мозаики и др.), важную роль играли родившиеся или работавшие в Газе авторы, оставившие значительный корпус текстов письменной традиции, как античных, так и христианских. Уступая Антиохии в величине, политической и церковной роли, Газа играла не меньшую роль в интеллектуальной, образовательной и культурной роли Востока. Разумеется, мы можем судить о феномене Газы в значительной степени на основании сохранившейся письменной традиции. Тем не менее, сам факт сохранения этой традиции позволяет говорить о выдающейся роли Газы для ранневизантийской культуры в целом.

С этим городом прямо или косвенно связаны такие авторы сохранившихся сочинений, как: *историки* Созомен, Захария Ритор; *риторы* Зосим Газский; Зосим Аскалонский; Эней Газский; Прокопий Газский; Хорикий; *философ* Исидор Газский; *ученые* Тимофей Газский; Евтокий Аскалонский; *поэты* Иоанн Газский; Тимофей; Георгий; Косма Маюмский; *богословы и монахи* Исая; Петр Ивер; Иоанн Руф; Севир Антиохийский; авва Дорофей; Варсануфий и Иоанн и др.¹ Такое значительное количество сочинений, написанных в Газе или уроженцами Газы в ранневизантийское время, делает необходимым самое пристальное изучение этого крупного провинциального города и его роли в едином контексте его письменной традиции – и постантичной, и христианской.

До середины 1960-х гг. специальных исследований по истории ранневизантийской Газы не существовало. Первооткрывателем данной тематики стал известный американский историк и археолог Гленвилл Дауни².

С начала нынешнего столетия ситуация изменилась. Феномен Газы, тесно связанный с ролью Газской школы риторов³, в последнее время привлекает повышенное внимание исследователей. Уже состоялись три специальные научные конференции, посвященные позднеантичной и ранневизантийской Газе⁴, причем третья (Париж, Коллеж де Франс, 23-25 мая 2013 г.)⁵ была специально посвящена феномену Газской школы («Газская школа: литературное пространство и культурная идентичность в поздней античности»).

¹ Болгова А.М., Болгов Н.Н. Провинциальная Газа в Палестине и ее писатели позднеантичного времени // Столица и провинция: история взаимоотношений. Воронеж, 2012. С. 262-267.

² Downey G. Gaza at Early Sixth century. Norman, 1963; рус. пер. А.М. Болговой и Н.Н. Болгова: Дауни Г. Газа в начале VI в. Белгород, 2014.

³ Seitz, Kilian. Die Schule von Gaza. Heidelberg, 1892; Downey G. The Christian School of Palestine: A Chapter of Literary History // Harvard Library Bulletin. 12. 1958. P. 297-319.

⁴ The Christian Gaza in Late Antiquity / Ed. B. Bitton-Ashkelony, A. Kofsky. Leiden; Boston, 2004; Gaza dans l'Antiquité tardive. Archéologie, rhétorique et histoire / Ed. C. Saliou. Salerno, 2005.

⁵ L'Ecole de Gaza: espace littéraire et identité culturelle dans l'Antiquité Tardive. Paris: Collège de France, 2013.

Конференция 2013 г. открылась приветствием директора Центра истории и культуры Византии Жана-Клода Шейне. Далее с рабочими вопросами выступили главные организаторы конференции – Эудженио Амато (Нант), Альдо Корселла (Базиликата), Дельфина Лауритцен (Париж).

Секция I «Установление контекста» открылась под председательством Жака Шампа (Фрибур). Было прослушано 4 доклада.

Н.Н. и А.М. Болговы (Белгород) открыли заседание секции докладом «Перекресток эпох и культур: Хорикий Газский как зеркало континуитета»⁶, главной задачей которого стала попытка включения отечественных исследований о ранневизантийском культурном континуитете в общеевропейский тренд, на материалах сочинений Хорикия (500-590 гг.) – ритора и христианина, руководителя Газской школы при Юстиниане.

Роберт Дж. Пенелла (Университет Фордхэм, Нью-Йорк) не просто представлял один из важнейших центров византологии в США, но и выступил в качестве одного из главных исследователей как «Третьей софистики» в целом, так и Хорикия, в частности. В 2009 г. Р. Пенеллой был опубликован английский перевод Декламаций и Вступлений Хорикия. Доклад «Rhetoric, Episcopacy and cultural Encyclopedia in late ancient Gaza: Choricus' panegyrics in honor of Marcianus» был посвящен одним из наиболее важных речей Хорикия – двум Панегирикам Маркиану, где сообщается много важных подробностей о деятельности епископа в ранневизантийском городе, о Газской школе и о важнейших храмах Газы, украшенных росписями (св. Сергия и св. Стефана)⁷.

Один из крупнейших исследователей ранневизантийской культуры Дэвид Вестберг (Уппсала) в докладе «Sophists and Society: authority and ideals in 6th century Gaza» подчеркнул преемственность риторической традиции Газы по отношению ко Второй софистике (Дион Хризостом, Элий Аристид) и риторам IV в. (Либаний, Гимерий). Разница – в том, что руководители Газской школы и, по совместительству, ведущие риторы Газы в VI в. были уже епископами и даже монахами.

Клаудиа Греко (Флоренция) в докладе «I barbari non partecipano al banchetto delle Muse: paideia greca e del emmentie sotociale Scuola di Gaza» сделала акцент на новых элементах классического образования в Газской школе на примере одной из речей Хорикия (Dial. XXIV), сделав вывод, что «варвары не приглашены на пир Муз».

В тот же день состоялось вечернее заседание, на котором работала секция II «Литература светская, литература духовная» под председательством Бернара Флюсена (Париж). Ян Стенгер (Глазго) открыл заседание докладом «Reformulating Myths: Choricus and Autonomy of Literature in Gaza». Вновь в центре внимания был Хорикий, на основании сочинений которого был сделан вывод об известной самостоятельности газской литературы, которая, даже используя мифы, уже не была опасна для церкви в силу исчезновения «живого» язычества. Кристиан Перне (Фрибур) осветила влияние Либания на Хорикия в докладе «Libanios dans l' Apologie des mimes de Chorikios de Gaza». Джан-Луиджи Томаззи (Милан) сделал сообщение о декламации Хорикия «Тираноубийца». Ричард Хидари (университет Ешива, Нью-Йорк) сделал попытку провести параллели между риторикой Газской школы и риторикой синхронной ей раввинистической литературы («The School of Gaza and the Rhetoric of Rabbinic Literature»). В докладе исследователя из Валенсии Анхеля Нарро «La Vie et les Miracles de Sante Thecle al Ecole de Gaza» было прослежено влияние культа св. Теклы в Газской школе. Этот важный в гендерном аспекте культ был популярен на ранневизантийском Востоке. К христианскому пласту истории Газской школы обратился Йозеф Рист (Бохум), который осветил духовные проблемы «Жития Исаяи» Захарии Ритора («Model of Spiritual Holiness: The Vita Isaiiae of Zakhariah Rhetor and its Purpose»). Заключительный доклад дня был сделан крупнейшей исследовательницей ранневизантийского периода из Израиля Брурией Биттон-Ашкелони (Иерусалим). Она обратилась к теме «Le monachisme a Gaza dans l'Antiquite tardive: une ecole ou une époque?», где попыталась осмыслить феномен газского монашества (одна школа? одна эпоха?).

⁶ Bolgova A., Bolgov N. The Crossroads of Epochs and Cultures: Choricus of Gaza as a mirror of continuity // L'Ecole de Gaza: espace litteraire et identite culturelle dans l'Antiquite Tardive. Paris, 2013. P. 2-3.

⁷ См. также: Болгова А.М., Сбитнева Ю.Н. Церковь св. Стефана в Газе по описанию Хорикия // Классическая и византийская традиция. 2011. Белгород, 2011. С. 189-190.

Заседание 24 мая на секции III «Риторика и философия» открыл Клаудио Морескини (Пиза). Первый доклад был сделан Антонино Милаццо (Катания): «La retorica del "mirabilia" nel Teofrasto di Eneadi Gaza». Наиболее яркое богословское сочинение Газской школы – «Феофраст» Энея – было проанализировано с точки зрения риторической подачи «чудес». Крупнейший в мире исследователь наследия Либания Раффаэлла Кривиоре (Нью-Йорк) на этот раз обратилась к сочинению Захария «Аммоний» («The Conflict between Rhetoric and Philosophy again: Zacharias' Ammonius»). Паскаль Селерье (Вильньёв-сюр-Ло) продолжил исследование того же сочинения в докладе «Debut et fin de l'Ammonios de Zacharias de Mytilene: des modeles platoniciens au service de pensee dans polemique contre le paganisme», где сделал акцент на то, что платоновская модель работает против язычества в христианской полемике ранневизантийского времени. Майкл Чемпион (Перт) в докладе «Reframing Neoplatonism in Zacharias Scholasticus' Ammonius» продолжил анализ того же сочинения с точки зрения влияния неоплатонических мотивов. Сара Клитенич Вир (Стьюбенвилл, Огайо) обратила внимание на изучение Плотина в Газской школе («Reading Plotinus in the School of Gaza: Aeneas and Zacharias on Plotinus' Enneads»).

Секция IV «Общество» работала на вечернем заседании, на котором председательствовала Мари-Элен Конгордье (Париж). Программу открыл один из важнейших исследователей Газской традиции Джанлука Вентрелла (Нант). Его доклад «Un encomio per i Vicennalia di Anastasio I? Nuove ipotesi sulla cornice e la datazione del Panegirico di Procopio di Gaza» был посвящен новым наблюдениям над текстом «Панегирика Анастасию» Проккопия Газского. Кьяра Телеска (Базиликата) сделала доклад о соотношении ученой эрудиции общественно-исторических реалий в эпитафиях Хорикия («Erudizione e realita socialenegli Epitalami di Coricio di Gaza»).

Секцию V «Поэзия» вел видный специалист по позднеантичному язычеству Пьер Шувен. Сразу два доклада были посвящены главному поэту ранневизантийской Газы – Иоанну Газскому. Станислас Кюттнер-Хомс (Кайенн) («La Silence des Sirenes») рассмотрел литературные теории, проявившиеся в прологе к описанию «Картины мира» Иоанна Газского. Дария Джильи-Пиккарди (Флоренция) осветила философские аспекты поэзии Иоанна Газского. Фотини Хаджиттофи (Лиссабон) посвятила свое сообщение образу поэта у Хорикия («Гомер как плясун» – образ, использованный в Dial.XII). Программа дня была исчерпана обобщающим докладом Дельфин Лауритцен (Париж) о роли поэзии для Газской школы («Del'importance de la poesie pour penser l'ecole de Gaza»).

День 25 мая был открыт заседанием секции VI «Науки, история, урбанизм» под председательством Беатрис Казо (Париж). Доклад Анны Лампадариди (Лилль) был посвящен интереснейшему сравнению церкви св. Сергия в Газе (по описанию Хорикия) и церкви Евдоксианы в «Житии Порфирия Газского». Катрин Салю (Париж) осветила образ архитектуры VI века, складывающийся под пером Хорикия Газского. Симона Луци (Сассари) обратилась к образу «мифологического мужа» и геродотовской традиции хорикиева корпуса. В докладе Люси Тевене (Нант) «Экфрасис» Проккопия Газского был рассмотрен с точки зрения влияния на него образов греческой трагедии. Тимофей Газский и его сочинение «О животных» было рассмотрено в докладе Армана Цукера (Ницца). Альдо Корселла (Базиликата) обратился к проблеме грамматической традиции и инноваций у Тимофея Газского.

Секция VII, «Традиция и наследие», председатель Жак-Юбер Сотель (Париж), завершила конференцию. Федерика Чикколелла (университет Техас) прочла доклад «Эрос, София и анакреонтическое оживление IX века». Фредерик Лауритцен (Болонья) поведал о «Читателях газских авторов в XI в.». Паола д'Алезио (Нант) рассказала об аспектах рукописной традиции Хорикия. Наконец, в заключение был прочитан доклад Эудженио Амато (университет Нант) «Рукописная традиция и эрудитская рецепция Энея и Проккопия Газских: новости из Праги и Ватикана».

По итогам конференции издан сборник материалов под редакцией Эудженио Амато⁸.

⁸ L'Ecole de Gaza: espace littéraire et identité culturelle dans l'Antiquité Tardive. Collège de France, Paris, 23-25 mai 2013 / Bibliothèque de Byzantion / Orentalia Lovaniensia Analecta. Leuven: Peeters, 2014.

Своеобразным постскриптумом конференции стал семинар 2014 г. в Нанте, организованный Э. Амато, специально посвященный Хорикию (*Discours public et declamation scolaire à Gaza dans l'Antiquité Tardive: Chorikios de Gaza*)⁹. Он же, издав риторические труды Прокопия Газского¹⁰, готовит новейшее комментированное издание Хорикия¹¹.

Таким образом, феномен Газской школы в последние годы становится краеугольным камнем в изучении процесса культурного континуитета между поздней античностью и ранним средневековьем в Восточном Средиземноморье. Отрадно, что отечественные исследователи (из Белгородского госуниверситета) также включились в изучение данного круга проблем¹².

STUDY OF GAZA SCHOOL OF RHETORIC IN RECENT YEARS

A.M. BOLGOVA

N.N. BOLGOV

V.V. LIPICH

V.N. SHILOV

*Belgorod National
Research University*

e-mail: bolgova@bsu.edu.ru

Summary: We study the phenomenon of Gaza school rhetoric that has the most importance for the study of cultural continuity between late antiquity and the early Middle Ages in the Eastern Mediterranean. Focuses on the scientific conference «School of Gaza», held in Paris in May 2013.

Keywords: Gaza school, Late Antiquity, Early Byzantium, culture, tradition.

⁹ Actes de la journée d'étude sur «Discours public et declamation scolaire à Gaza dans l'Antiquité Tardive: Chorikios de Gaza», Université de Nantes, 6 juin 2014. Alessandria, 2014.

¹⁰ Procopius Gazaenus. *Opuscula rhetorica et oratoria / omnia primum collegit, edidit, apparatus critic instruxit* E. Amato, adiuvante G. Ventrella. Berlin-New York, 2009; Rose di Gaza. *Gli scritti retorico-sofistici e le Epistole di Procopio di Gaza*. Alessandria, 2010. XII + 697 p.

¹¹ *Discours de Chorikios de Gaza. Édition critique, avec traduction et commentaire, des (projet soutenu par l'Institut Universitaire de France) pour la «Collection des Universités de France – sériegrèque»*. Paris, Les Belles Lettres, 2015 (in print).

¹² Болгова А.М. Софисты и епископы в риторической школе ранневизантийского города Газа // Проблемы истории, филологии, культуры. № 4 (26). 2009. С. 22-28; Болгова А.М. Хорикий из Газы: античная риторика как форма для византийской школы // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 19(96). Вып. 17. Белгород, 2011. С. 48-53; Болгова А.М. Прокопий Газский: ритор и богослов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4; Болгова А.М. Прокопий Газский и его наследие в мировой историографии // Власть и общество: механизмы взаимодействия и противоречия. Воронеж: ВГУ, 2014; Алимова О.В. Газская школа риториков и Прокопий Газский // Белгородский диалог – 2014. Белгород, 2014. С. 84; Алимова О.В. Иоанн Газский как ранневизантийский поэт // Каразінські читання (історичні науки). Харків, 2014. С. 60-61; Лопатина М.Ю. Г. Дауни и его вклад в изучение поздней античности // Белгородский диалог – 2014. Белгород, 2014. С. 94-95; Лопатина М.Ю. Изучение истории Ранней Византии во Франции // Каразінські читання (історичні науки). Харків, 2014. С. 69-70 и др.

К ВОПРОСУ О ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ МИССИИ ДЖАКОМО СОРАНЦО ВО ФРАНЦИИ 1554–1558 ГГ.: ВОЕННАЯ КАМПАНИЯ 1556–1557 ГГ.

М.В. ТРЕТЬЯКОВА

*Арзамасский филиал
Нижегородского
государственного
университета
им. Н.И. Лобачевского*

e-mail: marinatretyakova@mail.ru

Статья посвящена изучению дипломатической миссии Джакомо Соранцо в Париже в 1554–1558 гг. В ней предпринят анализ итогового отчета венецианского посла, а также рассмотрены его сообщения венецианскому правительству о военной кампании 1556–1557 гг. между Испанией и Папским государством, в которой на стороне папы принимал участие французский король Генрих II. Автор приходит к выводу, что сведения, собранные Джакомо Соранцо за время его миссии, имели важный геополитический характер и представляли несомненную ценность для Венецианской республики.

Ключевые слова: венецианская дипломатия, венецианский нобилитет, венецианский посол, Джакомо Соранцо, военная кампания 1556–1557 гг.

В 1554–1558 г. представителем Венецианской республики при дворе французского короля Генриха II (1547–1559) был венецианский нобиль Джакомо Соранцо (1518–1599). Информация, собранная им во время своего пребывания во Франции, была представлена как в депешах, отправляемых им регулярно на родину, так и в итоговом отчете, который был сделан по возвращению в Венецию.

В своем отчете Д. Соранцо¹, соблюдая принцип составления подобных документов, принятом в венецианской дипломатической практике, остановился на особенностях географического положения французского государства, его административном делении, социальной структуре, основных трендах и трендах экономического развития, дал характеристику главным персонам французского двора, включая и королевскую семью. Среди наиболее важных проблем, затронутых Д. Соранцо, в своем отчете были военные кампании французского короля периода 1554–1558 гг., которые являлись составляющей частью завершающего этапа Итальянских войн (1494–1559), а именно – восьмой Итальянской войны (1551–1559), или пятой итальянской войны между Испанией и Францией.

Общеизвестно, что причиной последней итальянской войны явилось стремление Филиппа II сохранить свои итальянские владения, на которые претендовала Франция, получившая по условиям перемирия в Восселе (Vaucelles) (1556 г.)² временную власть над Лотарингией. Испания привлекла на свою сторону Англию и некоторых итальянских князей³.

¹ Relazione di Francia del clarissimo Giovanni Soranzo Tornato ambasciatore da quella corte nel 1558 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato / Raccolte, annotate ed edite Eugenio Alberi. Firenze, 1840. Serie I. Volume II. Далее – Relazione. Надо отметить, что, как пишет Е. Альбери, отчет, помещенный в эту серию под именем Джованни Соранцо, на самом деле является отчетом Джакомо Соранцо. См.: Alberi E. Cenni biografici intorno a Giacomo Soranzo // Le Relazioni degli Ambasciatori veneti al Senato durante il Secolo decimosesto / Ed. E. Alberi. Vol. X. Serie II. T. IV. Firenze, 1857. P. 125.

² Перемирие в Восселе (Vaucelles) было подписано 5 февраля 1556 г. между Филиппом II, королем Испании и Генрихом II, королем Франции, на пять лет. По условиям мира территории Франш-Конте передавались Филиппу II. Вскоре после заключения перемирия было разорвано. Э. Берзин в своей работе «Нострадамус и его предсказания» пишет, что Мишель Нострадамус в своих катренах предсказал и прекращение Воссельского перемирия («Великое множество будет осуждено, // Когда монархи примирятся. // Но для одного из них // возникнет столь сильное препятствие, // Что союз их будет очень непрочным») и войну между папой и Испанией («Когда появится хвостатая звезда // Три великих монарха станут врагами. // Ударит с неба, мир, землетрясение. // По, Тибр – наводнение, змею вынесет на берег») и сражение при Сен-Кантене. См.: Берзин Э. Нострадамус и его предсказания. Режим доступа: http://royallib.ru/book/berzin_e/nostradamus_i_ego_predskazaniya.html

³ Каспари А. Всемирная история. Т. III; Новое время. СПб., 1903. С. 202.

Началом данной войны стало прекращение перемирия в Восселе, связанное с войной между папой и Испанией в 1556–1557 гг., получившей название «Соляной войны» (*Guerra del sale*), которая шла с сентября 1556 г. по сентябрь 1557 г.⁴

Война имела экономические и политические причины. Первые были связаны с тем, что испытывая экономические трудности, папа Павел IV принял непопулярное решение увеличить косвенные налоги в основном за счет наиболее, при и так стесненном положении их существования в не особо процветающей Папской области, бедных слоев римского населения и сельских жителей Лацио и Марки. Среди прочего Апостолическая камера ввела двойной тариф на импорт соли, которую привозили из соляных копей Сицилии и других мест Неаполитанского королевства, что вызвало протесты со стороны вице-королевства Палермо и двора в Мадриде.

К политическим причинам Соляной войны следует отнести то, что 23 мая 1555 г. новым папой был избран Джанпьерро Караффа⁵, ставший Павлом IV. Новый папа происходил из неаполитанской семьи, и был против и Аугсбургского религиозного мира и против власти испанцев в Неаполе, где он был епископом в 40-х гг. XVI в.

Кроме того, в Риме всегда шла борьба между папой и могущественными римскими кланами, одним из которых была семья Колонна. Они владели феодами Палиано (*Paliano*) и Соннино (*Sonnino*), и др.

После того, как Асканио Колонна⁶ в 1554 г. был обвинен в государственной измене, его единственным законным наследником владений рода Колонна ди Палиано в Лацио, Кампании и Абруццо императором Карлом V (1519–1556) и папой Юлием III (1550–1555) был признан Маркантонио Колонна⁷, его сын, находившейся на испанской службе, новый папа Павел IV решил отнять у последнего его владения, отдав их своему племяннику⁸. Так по папской булле от 4 мая 1556 г. Марино, Монте Компатри (*Monte Compatri*), Неттуно (*Nettuno*), Астуря (*Astura*), Каве (*Cave*), Палестрина, Капраника (*Capranica*), Дженаццано (*Genazzano*), San Vito и Палиано и по булле от 9 мая 1556 г. прочие владения Колонна составили княжество Палиано (*Stato di Paliano*)⁹, ставшего герцогством, и были переданы nepoty папы Джованни Караффа.

Маркантонио Колонна обратился за помощью к испанскому королю Филиппу II (1556–1598). Собственно, этот комплекс причин и привел к войне между папским престолом и Испанией. Папа получил поддержку французского короля Генриха II (1547–1559). Так, в свою очередь этот конфликт возобновил военные действия между Испанией и Францией, прервав перемирие в Восселе, заключенное в 1556 г.

Венецианский посол в Париже Джакомо Соранцо в своем отчете пишет, что причиной войны между Испанией и Францией явился разрыв перемирия, заключенного в Восселе. По его словам, после заключения перемирия, «подписанного в Восселе в 1555 г. 11 февраля»¹⁰ между христианнейшим королем и королем Испании, была заключена в Риме кардиналом Лотарингским лига с папой, ... его Святейшество, ... чтобы возвысить свой дом и

⁴ Есть сочинение автора XVI–XVII вв. Пьетро де Нореса об этой войне. См.: Nores P. *Storia della guerra gli Spagnuoli contro Papa Paolo IV* // Archivio Storico Italiano. Т. XII. Firenze, 1847; Scarabelli L. Prefazione // Nores P. *Storia della guerra gli Spagnuoli contro Papa Paolo IV* // Archivio Storico Italiano. Т. XII. Firenze, 1847; Vivanti C. *La storia politica e sociale. Dall'avvento delle signorie all'Italia spagnola* // Storia d'Italia. Dalla caduta dell'Impero romano al secolo XVIII / A cura di R. Romano, C. Vivanti. Torino, 1974. Vol. II.

⁵ Павел IV (Джанпьерро (Джованни Пьетро) Караффа (1476–1559), понтификат – с 23 мая 1555 г. по 18 августа 1559 г.) известен своей антииспанской ориентацией, непотизмом. См.: Paolo IV papa // *Dizionario Biografico degli Italiani*. Режим доступа: <http://www.treccani.it/enciclopedia/paolo-iv-papa>. Data accesso 21.06.2014. В своем отчете Джакомо Соранцо пишет о племянниках папы Павла IV, сыновьях его брата Жан-Альфонсо Караффа, графа ди Монторио, – Карло Караффе (1517–1561), кардинале; Джованни Караффа (ум. 1561г.), графе Монторио; Антонио Кафраффе (1520–1588), маркизе Монтебелло и Монтефельтро. См. *Relazione ...* P. 447.

⁶ Petrucci F. *Colonna Ascanio* // *Dizionario Biografico degli Italiani*. Vol. 27. Roma, 1982. Режим доступа: http://www.treccani.it/enciclopedia/ascanio-colonna_Dizionario-Biografico. Data accesso 21.06.2014.

⁷ Маркантонио II Колонна (1535–1584) – герцог и князь Палиано, 1-ый герцог Тальякоццо, вице-король Сицилии, кондотьер на испанской и папской службе. Принимал участие в войне против Сиены в 1553–1554 г., командуя испанской кавалерией, в 1571 г. командовал папским флотом в сражении при Лепанто. См.: Petrucci F. *Colonna Marcantonio* // *Dizionario Biografico degli Italiani*. Volume 27. Roma, 1982. Режим доступа: www.treccani.it/enciclopedia/ascanio-colonna_Dizionario-Biografico.

⁸ Petrucci F. *Colonna Ascanio ...*

⁹ Герцогство Палиано было создано 4 мая 1556 г. буллой *Postquam Divina Providentia* папы Павла IV для его племянника Джованни Караффа. Феод был образован из 36 поместий в районе Кампаны и Маритима, конфискованных у семьи Колонна. См.: Petrucci F. *Colonna Marcantonio...*

¹⁰ Такая дата указано в отчете Д. Соранцо. См.: *Relazione...* P. 446.

отомстить вместе с тем за многие обиды, полученные от испанского короля, ... и угодить его величеству ... лишил синьора Марк Антонио Колонна его государства, и назначил графа Монторио (Montorio)¹¹, своего племянника, герцогом Palliano»¹². Кроме того, как сообщал венецианский посол в своем отчете папа «стал укреплять это место, ... чтобы передать эту территорию в руки французов, потому что оно находится на границе его земель. И ... соби-рался защищать эти земли, потому что испанский король отправил сюда герцога Альбу, чтобы помочь Колонна отвоевать эти земли и вернуть себе государство»¹³.

Таким образом, стремление римского папы заключить союз с французским коро-лем, чтобы освободить Италию от присутствия в ней испанцев, привело к тому, что нача-лась последняя Итальянская война между Испанией и Францией. Исследователи склон-ны считать именно папу Павла IV виновным в ее развязывании¹⁴.

По словам Джакомо Соранцо, папой во Францию для заключения папско-французского союза был отправлен кардинал Карло Караффа («В это время кардинал Караффа прибыл во Францию, чтобы уговорить его величество заключить мир и союз, именно эти его усилия и ускорили разрыв перемирия»)¹⁵.

В свою очередь, испанский король Филипп II оказал поддержку семейству Колон-на, и 1 сентября 1556 г. войска герцога Альбы, вице-короля Неаполя, вторглись в пределы папского государства. Испанское войско заняло легко Вероли, Алатри, Фрозиноне, Фе-рентино и Ананьи, другой корпус под командованием дона Гарсия де Толедо (Garsia de Toledo)¹⁶ (1514–1577) взял Кастро, Террачину и Пиперно (Piperno) (совр. Приверно).

Принимал участие в военных действиях и сам Маркантонио Колонна, который, командую терсиос, осуществил наступление на Рим через Чочарию и Валле-дель-Сакко. Испанские войска шли, грабя все на своем пути.... Хотя Каве был нетронут, но Палестри-на была разграблена. В прибрежной зоне войска под командованием дона Гарсия де То-ледо разграбили Террачину, Санто-Стефано, Проседи (Prassedi), Сан-Лоренцо. Герцог Альба решил создать из этих последних территорий губернаторство Мариттима (Governatorato per la Marittima) под властью и управлением испанцев во главе с коррехи-дором с резиденцией в Пиперно.

Два месяца спустя после начала войны между сторонами было установлено пере-мирие на 40 дней¹⁷ и стали вестись тайные переговоры о мире с учетом достижения взаи-мовыгодного компромисса. Но переговоры провалились.

Конфликт между папой и Испанией возобновился в январе 1557 г., после того как, население Маритимы восстало против оккупантов, и испанский чиновник был вынужден бежать из Пиперно. В марте 1557 г. в Италию вторглись французы под командованием герцога Гиза, который вел свои войска на защиту Рима между Вальмонтоне (Valmontone) и побережьем Неттуно (Nettuno). Война продолжалась всю весну и лето, в июне 1557 г. Маркантонио Колонна взял Вальмонтоне (в 45 км от Рима), угрожая Вечному городу с юго-востока и юга.

Джакомо Соранцо в своем отчете пишет, что в сентябре 1557 г. «испанские войска под командованием герцога Альбы подошли к Риму, что склонило папу начать перегово-ры о мире»¹⁸. Хотя, тем не менее, по словам венецианского посла, «... после того, как ста-ло известно о подходе войск герцога Альбы, папа, пребывая в страхе, упрашивал его ве-личество (французского короля – Т.М.), регулярно посылая к нему курьеров, чтобы тот не забыл о своем обещании оказать ему помощь. Не кажется, что его величество откажется от этого обещания, он отдал приказ, по которому 3 000 французских пехотинцев уже намереваются идти в Тоскану, чтобы отправиться в Чивитавекью по приказу, чтобы слу-жить для защиты его святейшества. Если будет нужно, то он найдет возможность и от-

¹¹ Relazione... P. 446–447.

¹² Relazione... P. 447.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1–3. Ч. 3; Собы-тия. Политика. Люди. М., 2004. С. 55, 57.

¹⁵ Relazione ... P. 446–448.

¹⁶ Речь идет об испанском полководце, кузене герцога Альбы.

¹⁷ Nores P. Storia della guerra... P. 154.

¹⁸ Relazione ... P. 448.

правит синьора де Рамбуей¹⁹ настоятельно просить его Святейшество не прекращать эту войну»²⁰.

По сведениям венецианского посла, «кардинал Караффа должен прибыть во Францию для получения помощи его Святейшеству»²¹. С одной стороны, по словам венецианского посла, французский король заинтересован в этой войне, о чем свидетельствовало то, что «на ведение войны предполагалось выделить 50 000 скуди, из которых 7 частей приходилось на долю короля, и 3 части на долю папы, с условием, что эти деньги можно тратить только на защиту папы и его владений»²². С другой стороны, французский король «не упускал любой возможности, чтобы уговорить короля Испании не применять оружие, выступая посредником в примирении между папой и испанским королем»²³.

Кроме того, по мнению венецианского дипломата, французский король обращался за поддержкой к Венеции («... умолял Ваше Светлейшество (дожа Лоренцо Приули²⁴ – Т.М.) вмешаться в эти военные действия»)²⁵. Венеция отказалась от участия в этом военном конфликте, заняв позицию нейтралитета²⁶, что тоже, как пишет Джакомо Соранцо, было высоко оценено Генрихом II.

Папа также предлагал Венеции заключить союз против Испании, но Светлейшая отказалась и от этого альянса, сохраняя свой нейтралитет. Джакомо Соранцо пишет, что «... кардинал Караффа прибыл к Вашему Светлейшеству, намереваясь получить согласие, чтобы Венеция вошла в союз с папой, показывая, что нет иной возможности, чтобы заключить мир»²⁷. По мнению Д. Норвича, именно то обстоятельство, что Венеция не стала принимать участие в войне на стороне папы, способствовало тому, что папе Павлу IV пришлось принять решение о прекращении войны и о подписании мирного договора²⁸.

Еще более весомым фактором, помимо того, что испанская армия находилась недалеко от Рима, объясняющим склонность папы к прекращению войны, было поражение французской армии при Сен-Кантене 10 августа 1557 г.²⁹, когда стало ясно, что собственными силами папе противостоять Испании невозможно. В своем отчете Джакомо Соранцо отмечает, что с конца августа и в первой декаде сентября 1557 г. стали вестись переговоры о заключении мира между папским престолом и Испанией, которые «не афишировали»³⁰.

К завершению военной кампании склонялась и Испания, вынужденная воевать на трех фронтах – с Францией, с Нидерландами, с Папским государством – и испытывавшая экономические проблемы из-за наплыва дешевого золота из Америки (революция цен, дефолт 1557 г.).

В начале сентября 1557 г. наступление на Рим войск герцога Альбы было приостановлено по приказу Мадрида.

В первых числах сентября 1557 г. переговоры о мире между папой и королем Испании приобрели более интенсивный характер, несмотря на то, что по донесениям Бернардо Навагеро³¹, венецианского посла в Риме, шли они весьма сложно³². Бернардо Нава-

¹⁹ Шарль де Рамбуей (1530–1587). Придворный, советник французского короля, епископ, кардинал, участник Тридентского собора, неоднократно исполнял различные дипломатические миссии, например, был французским послом к папскому двору в 1568 г. См.: Режим доступа: The Cardinals of the Holy Roman Church – Biographical Dictionary // <http://www2.fiu.edu/~mirandas/bios1570.htm>. Date accessed: 22 June 2014.

²⁰ Relazione... P. 448.

²¹ Ibidem.

²² Ibidem.

²³ Ibidem.

²⁴ Бек К. История Венеции. М., 2002. С. 182.

²⁵ Relazione... P. 449.

²⁶ Норвич Д. История Венецианской республики. М., 2009. С. 599.

²⁷ Relazione... P. 450.

²⁸ Норвич Д. История Венецианской республики... С. 602.

²⁹ Ведошкин В.А. Испания в XVI в. // История Испании. Т. 1. История Испании с древнейших времен до конца XVII в. М., 2012. С. 481.

³⁰ Relazione... P. 450.

³¹ Бернардо Навагеро (1507–1565), венецианский нобиль, кардинал. Неоднократно исполнял дипломатические поручения венецианского правительства. Так, он был послом-резидентом при дворе Карла V в 1543–1546 гг., при дворе Сулеймана Великолепного в 1550–1552 гг., папы Павла IV в 1555–1558 гг., участник Тридентского собора в 1552 г. В 1561 г. стал кардиналом при папе Пие IV, в 1562 г. стал епископом г. Вероны. Эту должность он занимал с 1562 г. вплоть до своей смерти. В 1563 г. он был *legatus a latere* на Тридентском соборе. См.: Navagero Bernardo // Dizionario Biografico degli Italiani. Режим доступа: [http://www.treccani.it/enciclopedia/bernardo-navagero_\(Dizionario-Biografico\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/bernardo-navagero_(Dizionario-Biografico))

геро в своей депеше от 11 сентября 1557 г. пишет, что «11 сентября, в среду, в 8.30 пополудни кардиналы – папский камерленго Гвидо Асканио Сфорца ди Санта Фьора (1518–1564), кардинал Караффа, кардинал Вителоццо Вителли (1531–1568), маркиз Монтебелло, герцог Палиано и другие персоны должны выехать из Рима, чтобы прибыть вечером в Палестрину для переговоров (для «конференции» – по выражению Б. Навагеро), которые должны начаться завтра в Каве с герцогом Альбой»³³. В своей депеше он объяснил, что местечко Каве находится на равном расстоянии от Дженсано (Gensano) и от Палестрины, что «конференция» длилась до ночи и все ее участники, покидая Каве, включая кардинала Караффу не выглядели довольными («веселыми»)»³⁴.

В следующем своем сообщении от 12 сентября 1557 г. Бернардо Навагеро доносил, что «он слышал поздно вечером о том, что мир заключен, и что он отправил своего секретаря принести поздравления герцогу Палиано по случаю благоприятного исхода событий, и что тот дал ему копию мирного договора, и что это соглашение было подписано сегодня»³⁵.

Условия мира в Каве³⁶ стали известны Джакомо Соранцо, по его признанию, со слов французского короля. Он пишет, что соглашение между кардиналом Караффой и герцогом Альбой есть «капитуляция»³⁷ о мире, об этом мне говорил христианнейший король при встрече. Суть договора состояла в том, что король Испании отдает Сиену³⁸ герцогу Палиано, указанный герцог возвращает государство Маркантонио Колонна; и это соглашение о мире должно быть ратифицировано и папой и королем Испании, предполагалось, что кардинал Караффа снимет с себя кардинальский сан и станет правителем этого города, устранив своего брата; эта трактовка была доведена до сведения герцога Гиза, и между ними случилось большое несогласие»³⁹.

По условиям мира, подписанного 12 сентября 1557 г. в Каве, предусматривалось создать в будущем княжество Палиано (Ducato di Paliano) из земель и феодалов дома Колонна, пока же эти владения передавались под управление фидуциарного Совета, но без окончательного решения. После смерти папы они возвращались дому Колонна. Хотя в секретной части договора папа настаивал на том, что после смерти М. Колонна эти земли должны быть секвестрированы⁴⁰.

Мир в Каве означал конец альянса папы Павла IV и Генриха II и начало примирения и сближения папы с Испанией, реабилитации дома Колонна, и, в частности, Маркантонио Колонна, который будет папским адмиралом в сражении при Лепанто.

В своем отчете, завершая описание этой войны, Джакомо Соранцо отметил, что в будущем (в 1559 г. – Т.М.) году французский король намеревался вести военные действия в Пикардии и Пьемонте, но сознавал нехватку денег для военных нужд. В 1557 г. дефолт пережила не только Испания, но и Франция.

³² 4th September 1557. 1017. Bernardo Navagero, Venetian Ambassador at Rome and Marc' Antonio de Franceschi, Secretary Extraordinary, to the Doge and Senate // From: 'Venice: September 1557, 1-5', Calendar of State Papers Relating to English Affairs in the Archives of Venice, Volume 6: 1555-1558 (1877), pp. 1270-1294. Calendar of State papers and manuscripts, existing in the archives and collections of Venice and in the other libraries of Northern Italy / Ed. H. Brown. L., 1897. Vol. IX-X. Режим доступа: <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=100630>.

³³ Ibidem.

³⁴ Sept. 11. Original Letter Book, Venetian Archives. (2nd letter.). 1029. Bernardo Navagero, Venetian Ambassador at Rome, to the Doge and Senate // From: 'Venice: September 1557, 11-20', Calendar of State Papers Relating to English Affairs in the Archives of Venice, Volume 6: 1555-1558 (1877), pp. 1304-1318. Режим доступа: <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=100630>.

³⁵ Rome, 12th September 1557, midnight. [Italian.] Original Letter Book, Venetian Archives. 1031. Bernardo Navagero, Venetian Ambassador at Rome, to the Chiefs of the Council of Ten // From: 'Venice: September 1557, 11-20', Calendar of State Papers Relating to English Affairs in the Archives of Venice, Volume 6: 1555-1558 (1877), pp. 1304-1318. URL: <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=100632>. Date accessed: 22 June 2014. В сноске к этому тексту издателя «Calendar of State Papers» указали, что этот документ не найден ими. Пьетро Норес пишет, что мир был подписан 9 сентября 1557 г. См.: Nores P. Storia della guerra... P. 216.

³⁶ Nores P. Storia della guerra... P. 215–216.

³⁷ Под капитуляцией понимался договор о прекращении вооруженной борьбы между противостоящими силами.

³⁸ С 1555 г. Сиена была оккупирована испанскими войсками, а в 1557 г. территория бывшей Сиенской республики была передана флорентийскому герцогу Козимо I.

³⁹ Relazione... P. 450. В известность о том, что между Испанией и Папским престолом был заключен мир, герцог Гиз был поставлен спустя 5 дней после его подписания, что вызвало его гнев.

⁴⁰ Nores P. Storia della guerra... P. 215.

Таким образом, венецианский дипломат Джакомо Соранцо в своем отчете продемонстрировал свою осведомленность не только о текущих событиях Франции, но и о европейских политических реалиях, имевших важное геополитическое значение для Венеции. Добытые им сведения позволили быть Венеции в курсе событий не только военной кампании 1556–1557 гг., но и знать будущие военные планы французского короля.

ABOUT GIAKOMO SORANZO'S LEGATION TO FRANCE 1554–1558: MILITARY CAMPAIGN 1556–1557

M.V. TRET'YAKOVA

*The State University of Nizhni
Novgorod, the Arzamas branch*

e-mail: marinatretyakova@mail.ru

The article is devoted to the study of Giacomo Soranzo's legation to Paris in 1554–1558. It attempts to analyse the Venetian ambassador's relazione (annual report) as well as considers his reports to the Venetian government about the military campaign 1556–1557 between Spain and Papal State. French King Henry II took part in this campaign on the side of Pope. The author draws a conclusion that information, gained by Giacomo Soranzo during his legation, had important geopolitical nature and was of great value for the Venetian republic.

Key words: Venetian diplomacy, venetian nobility, ambassador, Giacomo Soranzo, military campaign 1556–1557.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ПРУТО-ДНЕСТРОВСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В XVIII ВЕКЕ

Д.И. ХАЙДАРЛЫ

*Центр этнологии, Институт
культурного наследия
Академии наук Молдовы*

e-mail: arhidamodissey5@mail.ru

В статье приводятся данные исследования миграционных процессов, имевших место на протяжении XVIII в. в северной части Пруто-Днестровского междуречья, издавна являющейся зоной взаимовлияния двух мажоритарных этносов – молдавского и украинского. Особое внимание уделено конкретно-историческим условиям развития, а также этапности этномиграционных процессов, в результате которых происходило формирование и поныне существующих этнических границ в регионе.

Ключевые слова: численность населения, этнический состав, территория, миграционные процессы, Пруто-Днестровское междуречье.

Север Пруто-Днестровского междуречья издавна является зоной взаимовлияния двух мажоритарных этносов – молдавского и украинского. Вопросы, связанные с размещением представителей этих двух сообществ в данном регионе, с изучением этнических границ их компактного размещения, а также с миграционными процессами, повлиявшими на конфигурацию этих границ, привлекают внимание историков, этнологов, демографов, статистиков. Однако хронологические рамки исследований специалистов обычно охватывают период не ранее XIX в.¹ В то же время, следует отметить, что на формирование существовавших в XIX–XX вв. этнических границ в регионе оказали сильнейшее воздействие достаточно бурные миграционные процессы, имевшие место в предыдущий период, а именно – на протяжении XVIII в. Для правильного понимания явлений, имевших место в крае в XIX–XX вв. необходимо изучение предшествовавшей им ситуации. Особый интерес представляют миграционные процессы, в которых принимали участие представители различных, в том числе и миноритарных этнических сообществ – не только молдавского и украинского – так как и они оказали значительное воздействие на формирование этнической ситуации, а также вследствие имевших место позднее ассимиляционных процессов, на формирование этнографических особенностей мажоритарных этнических сообществ, и ныне компактным образом размещающихся в пределах рассматриваемого региона.

В свете данной тематики совершенно необходимым представляется изучение конкретно-исторических условий и этапности тех, в основном носивших относительно массовый характер миграционных перемещений представителей различных этнических сообществ, которые задевали северные районы Пруто-Днестровского междуречья в XVIII в.

В качестве основных этапных моментов, повлиявших на эволюцию этномиграционных процессов в северной части междуречья, здесь выступили такие, как отторжение территорий отдельных из располагавшихся здесь цинутов (уездов) от Молдавского княжества, что имело место в различные годы. В 1-й пол. XVIII в. от княжества был отторгнут Хотинский цинут, который был взят турецкими властями под свое непосредственное управление и превращен в райю. Во 2-й половине того же века пруро-днестровская часть Черновицкого цинута, наряду с некоторыми другими землями Молдавского княжества, была аннексирована Австрией; эти аннексированные территории составили отдельную территориально-административную единицу в числе других владений Империи Габсбургов, получившую наименование Буковины. В свете интересующей нас тематики этапными явились, кроме того, периоды русско-турецких войн XVIII в.: 1735–1739 гг., 1768–1774 гг., 1787–1791 гг., а также моменты, связанные с некоторыми административными решениями австрийских властей, повлиявшими на развитие миграционных процессов в пруро-днестровской части Буковины после аннексии ее Австрией (то есть, начиная с 1774 г.).

¹ Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднепровья. Кишинев: Штиинца, 1979.

К началу XVIII в. в северной части Пруто-Днестровского междуречья располагались такие цинуты Молдавского княжества как Сорокский, Хотинский, а также северная часть Черновицкого. После русско-турецкой войны 1711 г. турки ввели в Хотинскую крепость свой гарнизон во главе с пашой. На отторгнутой от княжества территории Хотинского цинута к 1715 г. была сформирована Хотинская райя². Период 1711–1715 гг. явился этапом в развитии миграционных процессов на севере междуречья. Хотинская крепость должна была служить форпостом на одном из внешних рубежей владений Османской империи. Также для укрепления своих стратегических позиций турецкие власти расположили на территории Хотинской райи небольшую орду липканских татар (находившуюся ранее в подданстве Речи Посполитой, но в ходе польско-турецкой войны 1672–1676 гг. вновь перешедшей на сторону турок) во главе с их предводителем, носившим титул колчаг-бея Хотинского.

После 1715 г. миграционные процессы здесь определялись, в первую очередь, политикой местных турецких властей, стремившихся путем создания более льготных экономических условий привлечь сюда как можно больше населения из соседних областей с целью увеличения количества налогоплательщиков, что было необходимо для обеспечения жизнедеятельности турецкого гарнизона в Хотинской крепости. Вследствие этого на протяжении века имел место достаточно затяжной по времени миграционный процесс, определявшийся притоком на территорию Хотинской райи не только представителей молдавского населения из пограничных с ней цинутов Молдавского княжества, но и представителей украинского населения, прибывавших из-за рек Днестра, Колачина и Черемоша. Следует, однако, заметить, что процесс миграции украинского населения задел не только территорию Хотинской райи, но и соседних с ней молдавских цинутов – в первую очередь, Черновицкого и даже, в меньшей степени, Сорокского. К примеру, исходя из некоторых данных, переселения отдельных групп жителей из Галиции в северные цинуты Молдавского княжества имели место за 12–13 лет до 1779 г.³ (то есть в 1766–1767 гг.).

Во 2-й пол. XVIII в., судя по некоторым сведениям, этническая ситуация на севере междуречья характеризовалась преобладанием украинского населения в северной части Хотинской райи, а также в основном в пруро-днестровской части Черновицкого цинута, а молдавского – в Сорокском цинуте и в южной части Хотинской райи (входившей в последний период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в состав Молдавского княжества в качестве отдельного цинута). В пределах округов Черновицкого цинута граница между районами, где преобладали представители украинского либо молдавского населения, прослеживается достаточно отчетливо. В Припрутском округе («околул Прутулуй де Жос») она проходила по линии, отмеченной селами Жучка – Задобринка – Ширэуць – Чернаука; в Приднестровском округе («околул Ниструлуй») молдаване проживали главным образом в селах, пограничных с Хотинским цинутом⁴.

Приток украинского населения на территорию Хотинской райи продолжался и в последние десятилетия XVIII в. Вследствие этого украинско-молдавская этническая граница в данном районе имела тенденцию к медленному смещению на юг; севернее ее украинское население являлось преобладающим. В городе Хотине турецкая администрация создавала достаточно выгодные условия для развития в нем торговой деятельности, вследствие чего этнический состав населения отличался здесь все большей пестротой. Относительно велик был процент жителей, занимавшихся торговлей, – в основном представителей еврейского, украинского, молдавского населения.

Отдельными этапами, влиявшими на эволюцию миграционных процессов в северной части междуречья, явились периоды ожесточенных боевых действий, происшедших здесь в ходе русско-турецких войн 1735–1739 гг., 1768–1774 гг., 1787–1791 гг. Особенно длительным было военное противостояние в этом районе в начальный период войны 1768–1774 гг., когда осада Хотинской крепости русской армией под командованием Голицына затянулась по времени. Как правило, во время боевых действий в районе Хотина происходил отток населения из округов, прилегающих к этой крепости: жители возвращались в свои дома лишь по окончании боевых действий.

В ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. имел место отток населения также и

² Uricarul A. Cronicele României. București, 1872. Vol. II. P. 161.

³ Nistor I. Der nationale Kampf in der Bukowina. București, 1918. P. 71, 93.

⁴ Молдавия в эпоху феодализма (МЭФ). Т. VII. Ч. I. С. 394–441; Ч. II. С. 112–183.

из прудо-днестровской части Черновицкого цинута. В последней четверти XVIII в. данная территория вошла в состав Буковины, аннексированной Империей Габсбургов в 1774 г., в силу чего миграционные процессы получили здесь свое особое развитие. Этот год явился этапным в эволюции имевших здесь место перемещений, которые в последней четверти XVIII в. можно отнести уже к общему контексту механического движения населения в пределах владений Империи Габсбургов. Политика австрийских властей, направленная на привлечение в Буковину жителей из других регионов – целью которой было увеличение количества налогоплательщиков – вызвала целый ряд миграционных процессов, характеризовавшихся притоком представителей различных этнических групп в этот край, в том числе и в его прудо-днестровскую часть.

Приток жителей в этот регион, начиная с 1774 г., оказался достаточно велик. В период 1774–1779 гг. сюда мигрировало большое количество населения, в основном украинского, из различных районов Галиции (в частности, *русинов, гуцулов*)⁵, стремившихся избежать весьма развитых и тяжелых форм феодальной эксплуатации у себя на родине. Их миграция значительно облегчалась тем фактом, что с 1774 г. между Буковиной и Галицией более не существовало государственных границ, – Галиция вошла в состав австрийских владений еще в 1772 г. Следует отметить, что среди переселенцев из Галиции встречались также поляки.

Однако увеличение численности населения в одной из областей Империи Габсбургов за счет какой-либо другой отнюдь не отвечало интересам венского кабинета. Вследствие этого австрийский Гофкригсрат (Верховный военный совет) принял 20 октября 1779 г. постановление, воспрещавшее жителям Галиции покидать свои села без разрешения со стороны их хозяев, а также местных властей⁶. Таким образом, 1779 г. открыл новый этап в эволюции миграционных процессов в крае, характеризовавшийся тем, что в последующий период большинство иммигрантов в прудо-днестровскую часть Буковины составили переселенцы из Молдавского княжества; значительным также оказался приток мигрантов из пределов Хотинской райи⁷.

Однако имел место и обратный процесс перемещения представителей молдавского населения из Буковины в пределы Молдавского княжества, который был особенно ярко выражен в период 1785–1786 гг. Дело в том, что с целью более полного освоения земельного фонда прудо-днестровских цинутов Молдавского княжества после 1774 г. бояре создавали относительно льготные условия для хозяйственной деятельности крестьян в этом регионе, куда начали переселяться не только представители населения из Запрутской Молдавии, но и некоторые жители Буковины. Отпугивающее воздействие также оказывала религиозная политика, проводившаяся австрийскими властями в Буковине. Было сокращено количество православных монастырей, а из их имущества был образован Церковный Фонд. Крестьяне, проживавшие в пределах земельных владений упраздненных монастырей, не могли быстро свыкнуться с новым положением вещей, многие из них вместе со священнослужителями перебирались в цинуты Молдавского княжества. В 1785–1786 гг. число мигрантов, переселившихся из Буковины в пределы княжества, существенно превзошло количество тех, которые с территории молдавских цинутов перешли на поселение в Буковину⁸.

На протяжении XVIII в. имел место также миграционный процесс, в рамках которого в северную часть Прудо-Днестровского междуречья переселялись жители из Трансильвании. Австрийские документы, в частности, дают представление о мигрантах, перемещавшихся из Трансильвании в пределы земель, включенных с 1774 г. в состав Буковины, на протяжении достаточно длительного времени, а именно – в период 1718–1778 гг.⁹ Особенно значительных масштабов эти переселения достигли в 1761–1764 гг. в связи с волнениями, происходившими в трансильванском районе Нэсэуд. Жители из Трансильвании перебирались в пределы Молдавского княжества, а позже и Буковины, стремясь

⁵ Werenka D. Maria Theresia und die Bukowina // Wienec Zeitung Wien. 1888. Nr. 107.

⁶ Nistor I. Românii și rutenii în Bucovina. Studiu istoric și statistic. București, 1915. P. 65.

⁷ Goehlert I.V. Die Bukowina // Mittheilungen der k. k. geographischen Gesellschaft. N. 18. Wien, 1875. P. 114–115.

⁸ Kaindl R. Das Ansiedlungswesen in der Bukowina seit der Besitzergreifung durch österreich. Innsbruck, 1902. S. 105; Nistor I. Românii și rutenii... P. 120.

⁹ Nistor I. Bejenari ardeleni în Bucovina // Codrul Cosminului. Nr. IV-V. Cernăuți, 1925–1926. P. 443, 454.

уклониться от религиозного, социального и национального гнета, которому они подвергались у себя на родине. Перешедшие в Молдавию жители Трансильвании обычно обозначались терминами *унгурия*, иногда *бырсан* (переселенцы из трансильванской области Бырса). Судя по материалам посемейной переписи населения Молдавии 1774 г., носители подобных наименований были зарегистрированы почти во всех прудо-днестровских цинутах, однако особенно велико их количество оказалось в северной части междуречья¹⁰. Облегчались эти переселения и отсутствием языкового барьера, хотя следует отметить, что часть мигрантов из Трансильвании составляли венгры¹¹.

Вследствие политики австрийских властей полиэтничность Буковины только возрастала. При их поддержке происходила также колонизация края венграми и австрийцами. Помимо возникновения, начиная уже с 1774 г., венгерских колоний, здесь была также основана колония русских старообрядцев. Сюда проникали и мигранты из соседней Словакии. Сразу после 1774 г. в Буковине резко выросло количество еврейского и армянского населения. Однако вследствие деятельности местной австрийской администрации, стремившейся сократить количество жителей, занимавшихся торговлей (представители фискальных органов сталкивались с трудностями при взимании с них податей), число еврейского населения в крае к 1785 г. ощутимо уменьшилось.

Таким образом, в результате политики австрийских властей, в последней четверти XVIII в. численность населения прудо-днестровской части Буковины значительно возросла, в первую очередь за счет переселения сюда жителей из соседних областей. В частности, судя по источникам, в период 1774–1785 гг. население здесь увеличилось не менее чем в 1,3 раза¹². Существенно повысилась и полиэтничность региона. Большинство мигрировавших сюда жителей, как и тех, которые переселились на территорию Хотинской райи, составляли выходцы из Галиции и Закарпатья. На втором месте по количеству находились переселенцы из Молдавского княжества, на третьем – из Трансильвании¹³.

На протяжении XVIII в. имел место стабильный миграционный процесс, в ходе которого в пределы северных районов Прудо-Днестровского междуречья переселялись жители из различных областей Молдавского княжества и из других сопредельных регионов. Эти миграции носили как межзональный, так и межгосударственный характер. После превращения Хотинского цинута в райю в 1711–1715 гг. политика турецких властей по привлечению переселенцев из соседних областей предопределила достаточно постоянный приток на ее территорию мигрантов как из цинутов Молдавского княжества, так и из владений Речи Посполитой.

Еще более выраженный характер имели миграционные процессы, вызванные политикой австрийских властей по привлечению жителей на территорию Буковины, аннексированной Империей Габсбургов в 1774 г. Эти перемещения, задевавшие также и прудо-днестровскую часть Буковины, в последней четверти XVIII в. носили как межзональный, так и межгосударственный характер и способствовали быстрому росту количества населения в крае¹⁴.

Вышеизложенное позволяет заключить, что ключевыми моментами, повлиявшими на развитие миграционных процессов и на эволюцию демографической и этнической ситуации в северной части Прудо-Днестровского междуречья на протяжении XVIII в., явились, во-первых, период 1711–1715 гг., когда от Молдавского княжества турецкими властями был отторгнут Хотинский цинут, и, во-вторых, 1774 г., когда в числе других территорий Австрия аннексировала также и прудо-днестровскую часть Черновицкого цинута. Политика как турецких, так и австрийских властей по привлечению населения из соседних областей в пределы находившихся под их контролем земель вызвала ряд миграционных процессов во всем регионе, коснувшись и некоторых сопредельных районов, и привела к росту полиэтничности, а также к увеличению численности населения в этой области.

¹⁰ МЭФ. Т. VII. Ч. I. С. 394–441; Ч. II. С. 112–183.

¹¹ Kaendl R. Das Ansiedlungswesen... S. 109.

¹² Он же. S. 271; Iacobescu M. Din istoria Bucovinei. București, 1993. P. 166.

¹³ МЭФ. Т. VII. Ч. I. С. 394–441; Werenka D. Topographie der Bukowina zur zeit ihrer Erwerbung durch österreich (1774–1785). Czernowitz, 1895. S. 173–177, 185–195.

¹⁴ Werenka D. Maria Theresia und die Bukowina // Wiener Zeitung, 1888. Nr. 107.

THE MIGRATION PROCESSES IN PART NORTH OF PRUT-DNIESTER INTERFLUVE IN THE 18 CENTURY

D.I. HAIDARLY

Centre of Ethnology of the Institute of Cultural Legacy of the Academy of Sciences of Moldova

e-mail: arhidamodissey5@mail.ru

The article shows the study of migration processes that occurred during the XVIII century in the northern part of the Prut-Dniester, has long been a zone of interaction of the two majority ethnic groups – Moldovan and Ukrainian. In principal attention paid to specific historical conditions of development, as well as phasing etno-migration processes that result in the formation and still existing ethnic borders in the region. At the beginning of XVIII century north watershed was part of counties of Moldavia. The major milestone moments affected the development of sufficient mass migration processes in this region, were the years 1711–1715. When the Turkish authorities took under their direct control is located here Khotyn county and 1774, when Austria annexed counties adjacent to these regions who were called Bukovina, which came in and the Prut-Dniester Part Chernivtsi county. Politics of the Turkish and later Austrian authorities to involve and the limits of their acquired territories of people from neighboring areas by creating a favorable environment for business people to increase the number of taxpayers are led to the end of the century, to increase ethnic diversity in the province.

Key words: population, ethnic composition, number, territory, migration process, interfluvial Pruto-Nistre region.

РЕФОРМА БРИТАНСКОГО ПАРЛАМЕНТА 1867 ГОДА ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКИХ ЖУРНАЛОВ 60-Х ГГ. XIX ВЕКА

С.А. ЗОТОВ

*Нижегородский
государственный
университет
им. Н.И. Лобачевского,
Арзамасский филиал*

e-mail: istagpi@mail.ru

Российские журналы, издававшиеся в 60-х гг. XIX века, занимали позицию сторонников либерализации британской политической системы. Российские обозреватели, основываясь на материалах британской прессы, комментировали предысторию и ход парламентской реформы 1867 г., давали собственную оценку видным британским политикам. Российская читающая публика была также проинформирована о дискуссии британского общества вокруг реформы, политических прогнозов на ближайшее будущее.

Ключевые слова: Викторианская Британия, британский парламент, реформа 1867 г., британская пресса, российские журналы.

Российские издания, имевших общественно-политическое содержание, в виде «толстых», как мы сейчас сказали бы, журналов достаточно квалифицированно знакомили читающую публику с политическими событиями, происходившими в Европе. Несомненно, интерес к ним был связан с теми политическими и социально-экономическими процессами, которые развернулись в Российской империи на фоне модернизации страны, вызванной Великими реформами Александра II. Вполне естественно, что сюжеты из Британии – ведущей державы тогдашнего мира – привлекали особое внимание. Сошлёмся на политических обозревателей «Русского вестника»: «Заседания английского парламента составляют всегда многозначительный факт не для одной Англии, но и для всей Европы. Мнения, вопросы, ответы, объяснения, предположения английских государственных людей возбуждают самый живой интерес повсюду...»¹.

Среди внутриполитических событий в «мастерской мира» в 1865-1867 гг. ведущее место принадлежало борьбе за демократизацию системы парламентского представительства². Русские журналы освещали цели и причины парламентской реформы, знакомили с перипетиями межпартийной борьбы, характеризовали главных действующих лиц, давали оценку значимости событий и перспектив их развития. Главным источником сведений, судя по ссылкам и критическим комментариям в журнальных статьях, выступала британская пресса, отражавшая весь политический спектр общества («Times», «Morning Post», «Daily News» и др.). Подчеркнём самостоятельность выводов российских корреспондентов, являвшихся современниками бурных политических событий на Британских островах.

Объём и качество аналитической информации различались. Наиболее полно и тщательно интересующий нас вопрос освещался на страницах «Отечественных записок», издававшийся А. Краевским, в рубрике «Политическая хроника». Не менее интересные для нас материалы содержал «Современник» под изданием Н.А. Некрасова. В рассматриваемый период его рубрику «Политика» вёл Э.К. Ватсон³. Однако журнал, имевший преимущественно политическое содержание, прекратил своё существование (в мае 1866 г. вышел последний его номер) в момент наивысшего подъёма борьбы за реформу в Британии. Следует отметить «Вестник Европы» под редакцией М.М. Стасюлевича. Журнал появился в 1866 г., и уже третий его том, увидевший свет в сентябре того же года, содержал обширную статью о нашем предмете исследования. В 1864-1867 гг. М.О. Вольфом издавался журнал «Заграничный вестник». Его политическая рубрика «Европейская жизнь» под редакцией А. Афанасьева-Чужбинского информировала о политической борьбе в

¹ Политическое обозрение // Русский вестник. СПб., 1860. Т. 25. С. 91.

² Среди современных российских англоведов, изучавших политическую борьбу вокруг реформы британского парламента 1867 г., назовём О.А. Науменкова (1948-2004) (См.: Науменкова Е.О. О.А. Науменков: вклад в отечественное англоведение. Памяти отца посвящается // Историк и общество: отечественное англоведение 1917-1991 гг. / отв. ред. М.П. Айзенштат. М., 2008. С. 94-101).

³ См.: Боград В. Журнал «Современник» 1847-1866. Указатель содержания. М.; Л., 1959. С. 5-78.

Лондоне, но в наиболее важные для нас 1866 и 1867 гг. этот раздел журнала не вёлся. В «Русском вестнике», издававшимся М.Н. Катковым, сначала (с 1856 г.) европейская политика имела отражение в отделе «Современная летопись». В рассматриваемый нами период эта часть отсутствовала⁴. Как и в «Заграничном вестнике», читателя «Русского вестника» знакомили с британской внутривосточной жизнью посредством редких тематических статей. Круг рассматриваемых источников замыкают три журнала: «Дело» (издавался Г.Е. Благосветовым с 1866 по 1888 гг. под редакцией Н.И. Шульгина), «Записки для чтения» (издавался К. Трубниковым в 1867-1869 гг.) и «Современное обозрение» (издавался только в 1868 г. под редакцией Н. Тиблена). В них представлены лишь отрывочные сведения о событиях вокруг реформы 1867 г.

В середине 60-х гг. XIX в. усилилась дискуссия в британском обществе о необходимости парламентской реформы⁵. Эти настроения нашли своё отражение в российской периодике того времени.

Обозреватели «Отечественных записок», комментируя открытие парламентской сессии в январе 1865 г., оценили дело реформы как «самый жизненный вопрос в конституционной системе Англии». Парламентские учреждения не удовлетворяли «потребностям и стремлениям той страны, в которой развились они из самого корня». Реформаторское движение исходило от «низших», или «рабочих классов», состоявших «преимущественно из земледельцев и фабричных рабочих». Они требовали избирательной реформы и допущения «к участию в политической жизни страны». Они стали понимать, что «все неудобства и притеснения», которые им приходилось испытывать, проистекали «от корыстолюбивых расчетов богатых собственников», имевших в парламенте «слишком сильный голос, заглушавший требования рабочих классов. Оценивали «всю важность и всю жизненность» вопроса только отдельные британские политики из числа членов палаты общин такие, как Брайт и Гладстон («самые замечательные люди» страны). Королева Виктория, палата лордов и либеральное правительство лорда Пальмерстона пытались его «обходить сколь возможно». «Первенствующая» газета «Times» трактовала действия первых лиц в том русле, что вопрос о реформе не волновал «сильно» общественное мнение. Однако эксперты «Отечественных записок» заявили об «уклончивости» власти. Подобная политика на фоне очередной предвыборной кампании (летом 1865 г. – С.З.), а также «многолюдных митингов» в промышленных центрах не могла остановить агитации в пользу реформы⁶.

Значимость для Англии избирательной реформы как «первого среди всех вопросов, относящихся к внутренней политике», подчёркивалась также на страницах «Современника». Русский журнал называл несколько причин необходимости реформы. В Англии существовало «множество местечек, составлявших частную собственность некоторых аристократических фамилий». Представители таких избирательных округов находились «в полной зависимости» от владельцев. Другая причина заключалась в том, что под влиянием реформы 1832 г. на выборах «исключительно господствовал капитал, а труду не представлено ни малейшего участия». Кроме этого парламентские выборы осуществлялись под давлением при открытом голосовании, когда «люди подначальные находились в слишком большой зависимости от своих патронов». Эксперты «Современника» обозначили три «в высшей степени умеренных требования» сторонников реформы: «окончательное отнятие права посылать в парламент депутатов у всех, так называемых, гнилых местечек; распространение права участия в выборах на рабочие классы и введение тайной подачи голосов». Однако сторонники не составляли «одного лагеря, одной партии, преследовавшей одну только цель». Выделялись «реформисты», защищавшие «действительно интересы непривилегированных рабочих классов», но они были вне парламента. В парламенте была представлена «буржуазная партия», названная ради-

⁴ Политический отдел «Современная летопись» стал еженедельным приложением к газете «Московские ведомости».

⁵ Науменков О.А. Борьба партий и вторая парламентская реформа 1867 г. в Англии. Уфа, 1988. С. 6-8; Узнародов И.М. Политические партии Великобритании и рабочие избиратели (50-е – начало 80-х годов XIX века). Ростов-на-Дону, 1992. С. 39-40; Науменков О.А. Роберт Солсбери и его время: Викторианская Англия в лицах. СПб., С. 54, 57-58; Айзенштат М.П. Британия нового времени. Политическая история. М., 2007. С. 141-142; Hoppen K.T. The Mid-Victorian Generation. 1846-1886. Oxford, N.Y., 2003. P. 242-245; Hall C., McClelland K., Rendall J. Defining the Victorian Nation. Class, Race, Gender and the British Reform Act of 1867. Camb., 2003. P. 87-88.

⁶ Политическая хроника // Отечественные записки. СПб., 1865. Т. 158. С. 8-9, 192-197.

кальной. Она защищала «интересы капитала и буржуазии против притязаний аристократии». К радикалам относились Кобден, Брайт, Гладстон, и они «ошибочно назывались друзьями рабочих». И они, и лидеры правящих партий, по мнению русского журнала, «заводили речь о реформе только для успокоения своей совести»⁷.

Политическая острота очередных парламентских выборов лета 1865 г. была передана на страницах «Отечественных записок». Сославшись на выступления лидера парламентских радикалов Брайта и либеральную прессу, журнал сообщил о подкупах, давлении, злоупотреблениях. Выборы в нижнюю палату показали, что английская аристократия сохраняла «свое преобладающее влияние на государственные дела». Констатировалась также победа либералов с перевесом в 84 депутатских места⁸.

Осенью 1865 г. на страницах «Современника» появился свой комментарий к ситуации после очередных выборов. Между консерваторами, либералами и радикалами не наблюдалось «почти никакой разницы в отношении их к большинству английского народа». Британские политики (перечислялись Дизраэли, Гладстон, Рассел, Дерби, Пальмерстон, Брайт) преследовали «интересы родовой и земельной аристократии» или «аристократии денежной», поэтому положение большинства населения могло измениться «очень мало от того или другого исхода борьбы» партий. Тем не менее, русский журнал прогнозировал напряжённую политическую борьбу вокруг главного вопроса – вопроса об избирательной реформе. В частности, ожидалась поочерёдная и быстрая смена министерств во главе с «Расселом или Дерби, Гладстоном или Дизраэли». Заметим, что этот прогноз осуществился. Русский источник совершенно оказался прав также в том, что «невозмутимого спокойного существования» времён «самовластного повелителя» Пальмерстона нельзя было ожидать, и что «в высших сферах Англии» разворачивалась «ожесточённая борьба»⁹.

Журнал «Заграничный вестник» знакомил русского читателя с проблемой подкупа на парламентских выборах, как заявлено автором статьи, «во многих маленьких городах Англии». Для их населения предвыборная кампания «нечто вроде небесной манны». Главной задачей для «патриотов с местной точки зрения» представлялся «поиск богатых и упорных в борьбе кандидатов». Такие люди «легко» находились из «числа фабрикантов и купцов, которые, нажив состояние, жаждали положения в свете и местечка в парламенте». Выборы открыто превращались в «коммерческую борьбу»: цена «голосов сограждан» кратно повышалась, чем «ближе критическая минута». Когда выборы заканчивались, «город принимал новый вид благосостояния: долги уплачивались, новые здания возводились, торговля развивалась». Далее автор статьи отмечал, что «кандидат, дорого заплативший за своё избрание, не всегда оказывался дурным депутатом», и что подкуп «не в состоянии ослабить двух самых необходимых качеств» парламентария – «независимости и умственных способностей». В то же время «подобное зрелище» в небольших городах «грустно», «прямая выгода» для Англии – «уменьшить или совершенно уничтожить подкупы на выборах». Но здесь возникало поле для принципиальных споров. «Поборники реформы» предлагали, как «самое верное средство для уничтожения зла, или значительное расширение избирательных прав, или даже общая (всеобщая – С.З.) подача голосов». Противники в ответ настаивали, что увеличение избирательного корпуса за счёт «бедных и необразованных» (т.е. рабочих – С.З.) не давало гарантий уменьшения количества «продажных голосов». Аргументом для этого лагеря было также мнение избирательных агентов: «тем труднее купить голос, чем избиратель богаче»¹⁰.

Смерть британского премьера Пальмерстона в октябре 1865 г. нашла неоднозначный отклик в российской журналистике. «Отечественные записки» положительно оценивали деятельность и личные качества политика. Журнал соглашался с суждением британской прессы. Личность Пальмерстона имела «огромное политическое значение»: «Times» связывала его имя с «эпохой мира и благоденствия» для страны, «Morning Post» назвала его «величайшим человеком своего времени». Англичане его «боготворили» за

⁷ Политика // Современник. СПб., 1865. Т. 110. С. 77-78.

⁸ Политическая хроника // Отечественные записки. СПб., 1865. Т. 161. С. 156, 166.

⁹ Политика // Современник. СПб., 1865. Т. 110. С. 82, 90-91.

¹⁰ Подкупы на парламентских выборах в Англии. Статья Прево-Парадоля // Заграничный вестник. СПб., 1867. Т. 12. С. 164-166.

то, что «всюду и везде он отыскивал и защищал интересы Англии; он изменял партиям, изменял свои идеи, но не изменял любви к Англии и её политическим выгодам»¹¹.

Похожие положительные оценки прозвучали со стороны «Русского вестника». В октябрьском номере этого журнала был помещён обширный биографический очерк о британском политике, взятый из «Times»¹².

«Современник» оценивал лорда Пальмерстона только отрицательно, как «деспотически-аристократически-ретроградного»¹³ политика, как «тормоза политического и социального развития Англии». Британский премьер проявил «непримиримую вражду ко всякому рациональному нововведению в английских учреждениях». Он не исполнил своего обещания, данного после выборов 1859 г. «провести в интересах рабочих классов парламентскую реформу»¹⁴.

«Заграничный вестник», подводя итоги деятельности Пальмерстона, поддержал мнение Брайта о нём, как о «единственном препятствии» к парламентской реформе на протяжении первой половины 60-х гг. Своё «огромное влияние» в правительстве, парламенте и народе политик направлял на то, «чтобы отклонить умы от всякой мысли о реформе». «Лорд-зажигатель», как прозвали Пальмерстона в конце 40-х гг., отличался «беспримечательной продолжительностью политической жизни». Однако он «не сделал ровно ничего ни для свободы, ни для материального благосостояния, ни для социального развития Англии»¹⁵.

В одном из последних номеров «Современника», вышедшем в конце 1865 г., отмечалось, что «в Англии общественное мнение занято... ожиданием близкой парламентской реформы». Об этом свидетельствовали выступления британских политиков из числа либералов и радикалов (Гладстона, Рассела, Брайта) на массовых митингах в ноябре-декабре 1865 г. С другой стороны, отмечалась точка зрения противников реформы – «ториских членов парламента» и «части английской прессы» (газет «Times» и «Morning Post»). Они продолжали заявлять, что движение за реформу «чисто искусственное, вызванное только беспокойными агитаторами, и что население Англии совершенно равнодушно к вопросу о реформе». Столкновение противоположных мнений журнал связывал с «ближайшей будущностью», в первую очередь, с открытием парламентской сессии в феврале 1866 г.¹⁶

В начале 1866 г. «Отечественные записки» также прогнозировали острую политическую борьбу вокруг билля о реформе потому, что он затрагивал «основные начала аристократической английской конституции, усиливая в ней демократический элемент». Главный вопрос заключался в избирательном цензе. «Незначительное понижение этого ценза» удерживала «перевес в численности представителей за богатыми местечками и за классом зажиточных фермеров», чем недовольны «мануфактурные города и значительная часть сельского населения». Значительное понижение имущественного ценза могло возбудить «неудовольствие в жителях богатых местечек и зажиточных собственников». Это приводило к уменьшению их парламентского представительства. Поэтому русский журнал констатировал, что вопрос об избирательной реформе «нескоро будет приведён к окончанию»¹⁷.

Когда в июне 1866 г. провалился проект реформы У. Гладстона, что привело к падению либерального кабинета лорда Рассела, «Отечественные записки» отметили совместные действия «как явных, так и тайных» противников. Под первыми подразумевалась парламентская оппозиция из числа консерваторов, под вторыми – «многие члены палаты общин, слывшие за либералов». Был сделан прогноз о том, что новое правительство лорда Дерби «отстранит от себя вопрос об избирательной реформе» и активизирует внешнюю политику¹⁸. Однако в следующем номере обозреватели журнала снова вернулись к комментариям вокруг проблемы парламентской реформы. Ими было заявлено, что «конституционные учреждения Англии», «которые столь долго считались для всей

¹¹ Политическая хроника // Отечественные записки. СПб., 1865. Т. 163. С. 11-16.

¹² Лорд Пальмерстон // Русский вестник. СПб., 1865. Т. 59. С. 418-448.

¹³ Политика // Современник. СПб., 1864. Т. 101. С. 168.

¹⁴ Политика // Современник. СПб., 1865. Т. 110. С. 76.

¹⁵ Европейская жизнь // Заграничный вестник. СПб., 1865. Т. 8. С. 196-201.

¹⁶ Политика // Современник. СПб., 1865. Т. 111. С. 158-162.

¹⁷ Политическая хроника // Отечественные записки. СПб., 1866. Т. 164. С. 174-175.

¹⁸ Политическая хроника // Отечественные записки. СПб., 1866. Т. 167. С. 48-50.

Европы образцом, достойным подражания», испытывали «сильный кризис под влиянием вопроса об избирательной реформе». Этот вопрос имел «и политический, и социальный характер». С одной стороны, в стране «большие размеры» приняло реформистское движение. Его отличительной чертой стало «стремление рабочих классов к принятию участия, посредством расширения избирательного права, в делах государственного управления». Оно началось с большой демонстрации в лондонском Гайд-парке 23 июля, которая после вмешательства полиции окончилась беспорядками, что имело, как мы сейчас говорим, значительный общественный резонанс. «Многолюдные митинги» в пользу реформы имели место также «во многих больших городах». Тем самым «волнение умов» распространялось «с каждым днём». С другой стороны, закон 1832 г., осуществивший первую за XIX век парламентскую реформу, «отжил свою пору». Этот факт признавался «всеми партиями». Между ними возникли «только несогласия насчёт тех начал, на основании которых должна быть произведена эта неизбежная реформа». Предметом дискуссий выступила проблема, как «допустить к равномерному участию в делах государственных людей, отличавшихся не только своим имущественным достатком, но и личными качествами, и при том так, чтобы не была нарушена соразмерность с населением той или другой местности»¹⁹.

Поражение либерального билля о реформе 1866 г. получило комментарии в первом номере журнала «Записки для чтения» за январь 1867 г. Этот законопроект, предполагавший уменьшение избирательного ценза, «обеспечивал за рабочими представительством их интересов в парламенте». Противники билля смогли «внушить средним классам опасение, что их влияние на выборы минует, лишь только рабочие станут равны им в политическом отношении». В то время английские имущие круги содрогались при одной мысли, что «человек, работавший за подённую плату», мог «писать перед своею фамилиею буквы MP, т.е. член парламента»²⁰.

Среди аналитических статей русских журналов в 1866 г. о парламентской реформе в Англии следует особо отметить материал «Вестника Европы». Обширная статья объёмом в 50 страниц текста детально повествовала русскому читателю о развитии этого вопроса в Британии на протяжении 30-60-х гг. XIX в. Его суть заключалась в «стремлении рабочих к приобретению политических прав, посредством которых они надеялись достигнуть улучшения общественного положения своего». Проанализировав реформу 1832 г., движение чартистов, проекты реформ 1852, 1854, 1859 и 1860 гг., русские обозреватели обращали внимание на перипетии сложной партийной борьбы в парламенте и подъёмы политической активности общества. В середине 60-х гг. «реформистское движение в английской нации ещё более усилилось», умер Пальмерстон – «главное препятствие» на пути к реформе. Правящие виги предложили в марте 1866 г. «Гладстоновский проект реформы». Русский журнал привёл все необходимые детали, статистические выкладки, цифры, проценты и сделал вывод об увеличении избирательного корпуса согласно биллю Гладстона на 400 тысяч человек. Но противники законопроекта («все тории и часть вигов») настаивали на «неполноте билля, опасности распространения избирательного права на невежественные массы». Подробно описав борьбу вокруг либерального билля, его поражение в парламенте и смену правительства в июне 1866 г., тем не менее, был сделан вывод о первоочередной важности реформы. «Торийскому министерству, члены которого отличались глубокой ненавистью к расширению избирательных прав английского народа» было невозможно её обойти. Этот вопрос был «на первом плане» во внутренней политике, «реформистская агитация» в стране приняла «весьма обширные размеры» и «даже опасные для общественного спокойствия, если требования народа относительно реформы не будут выполнены». По стране летом 1866 г. прокатилась волна массовых митингов, «общий мотив постановлений и решений» которых заключался в расширении реформы за рамки предложений Гладстона. По прогнозам «Вестника Европы» борьба за реформу вступила «в новый фазис», она приобрела «характер более страстный и резкий». Первым её последствием должно было быть удаление консервативного министерства Дерби-Дизраэли, от которого «невозможно ожидать удовлетворительного разрешения вопроса о реформе», и возвращение к власти либералов во главе с Гладстоном. В следовавшем за этим прогнозе либерально настроенный журнал оказался прав. В самом конце статьи говорилось о том,

¹⁹ Там же. С. 172-174.

²⁰ Обзор событий за 1866 год // Записки для чтения. СПб., 1867. Январь. С. 13-17.

что требования «рабочих и других сторонников реформы» должны были пойти дальше «умеренного» проекта, который предлагался в марте 1866 г.²¹

В декабрьском номере «Отечественных записок» за 1866 г. были кратко проанализированы намерения сторонников и противников реформы накануне открытия парламентской сессии в начале февраля 1867 г. Оба лагеря в условиях массового политического подъёма осознавали, что «неудовлетворительное разрешение» проблемы могло «вызвать опасные последствия» в виде «сильного взрыва общественного негодования» и непредсказуемых «столкновений» между властью предержащими и массой неимущих. Британские политики понимали, что «не все классы общества (т.е. низы пролетариата – С.З.) созрели до полноты всех гражданских прав». Но «каждый из них» имел «таких руководителей», которые могли «побудить их к энергетическому домогательству прав». В таких условиях «Дизраэли и многие другие предводители» правящей консервативной партии в целях сохранения власти (добавим от себя, и социального согласия) решили «сделаться самим руководителями реформистского движения». Это наблюдение русского источника оказалось абсолютно точным, как и вывод о том, что Англия к началу 1867 г. находилась в преддверии практической реализации реформы – «накануне коренного перелома в политическом и социальном её устройстве»²².

Открытие парламентской сессии в начале февраля 1867 г. характеризовалось на страницах «Отечественных записок» как «неудачное» для правящих тори. Внесенный ими билль (16 февраля – С.З.) о реформе вызвал «всеобщее неудовольствие», и «министерство принуждено было взять его назад». Однако оппозиция придерживалась «какой-то странной выжидательной политики». Либералы вопреки прогнозам уклонились «от генерального сражения с кабинетом Дерби». Их лидер лорд Рассел «не высказался определённо», «предводитель вигов в палате общин Гладстон» заявил, что «не намерен снова возвращаться к правительственным делам». Русские эксперты предполагали, что оппозиция стремилась «накопить как можно более затруднений» для правительства и довести его «до необходимости распустить парламент», «непригодный ни для одной из спорящих за власть партий». Тем временем тори сделали «частные изменения в кабинете» и включили в его состав «менее рьяных консерваторов», а Дизраэли обещал представить новый, «чрезвычайно либеральный» билль о реформе. Межпартийная борьба проходила на фоне продолжения массовых митингов в Лондоне и провинции. Всё это свидетельствовало, что «время совершения реформы близко»²³.

Процедура прохождения правительственного билля о реформе в феврале-июле 1867 г. комментировалось обозревателями «Отечественных записок» весьма тезисно, без указания конкретных вопросов, касавшихся изменения имущественного ценза, перераспределения избирательных округов, принятия поправок. Политическая ангажированность русского источника по-прежнему проявлялась в прогнозах скорого падения консервативного министерства и торжества либеральных идей. Однако точность оценок продолжала иметь место. В частности, было подмечено, что тори в период парламентских чтений билля постоянно делали «новые и важные поправки в либеральном духе»²⁴.

В целом, парламентская реформа 1867 г. оценена «Отечественными записками» только положительно, как «разумное введение» «демократического духа» в английский государственный строй. Этот «демократический элемент» в перспективе должен был, по мнению русского источника, «освежить и укрепить древнюю британскую конституцию», в чём она «сильно» нуждалась²⁵.

Журнал «Дело» без каких-либо пояснений оценил реформу 1867 г. как «делку буржуазии с рабочим классом». Острая политическая борьба за билль о реформе выразилась в одной фразе о том, что он стал «детисцем покойного вига Джона Рассела, исправленным и распространённым предводителем торийской партии ... Дизраэли». Журнал отмечал, что судебные преследования британских тред-юнионов в Шеффилде осенью

²¹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. СПб., 1866. Т. 3. С. 118-168.

²² Политическая хроника // Отечественные записки. СПб., 1866. Т. 169. С. 236-240.

²³ Политическая хроника // Отечественные записки. СПб., 1867. Т. 170. С. 259.

²⁴ Политическая хроника // Отечественные записки. СПб., 1867. Т. 171. С. 127, 179; Т. 172. С. 74.

²⁵ Политическая хроника // Отечественные записки. СПб., 1867. Т. 173. С. 45.

1867 г. свидетельствовали, что «буржуазия недовольна своими уступками, она готова была бы взять назад вырванное согласие...»²⁶.

Журнал «Современное обозрение» также кратко оценил значение реформы. Борьба парламентских партий, содержание реформы консервативного кабинета, карьера ведущих политиков (в частности, Дизраэли) свидетельствовали о едва уловимых различиях между правящими партиями. Политический антагонизм между «вигами-либералами и ториями-консерваторами» сводился «более на личные вопросы, чем на вопросы о принципах»²⁷.

Подводя итоги, следует отметить значимость материалов российских журнальных изданий как источника по изучению второй за XIX век парламентской реформы в Британии. В большинстве своём русские обозреватели занимали позицию сторонников либерализации британской политической системы. Пользуясь материалами прессы из Лондона, они выделяли ключевые моменты в острой борьбе вокруг реформы, отмечали сложные технические и юридические аспекты вопроса. В России комментировали предысторию и ход реформы, разбирались в тонкостях меж и внутрипартийной борьбы, давали свою оценку видным британским политикам. Посредством журнальной аналитики читающая публика была также в курсе дискуссий британского общества вокруг реформы, политических прогнозов на ближайшую перспективу.

THE REFORM OF BRITISH PARLIAMENT OF 1867 ACCORDING TO RUSSIAN MAGAZINES OF 60-S YEARS OF THE XIX CENTURY

S.A. ZOTOV

*Lobachevsky State University of
Nizhni Novgorod, Arzamas branch*

e-mail: istagpi@mail.ru

Russian magazines, published in the 60th years of the XIX century, occupied the position of liberalization supporters of the British political system. Russian reviewers based on British press materials commented a prehistory and a course of the parliament reform of 1867, gave their own estimation of famous British politicians. Russian reading audience was also informed in British society discussion around the reform and political prognosis on the nearest perspective.

Key words: Victorian Britain, British parliament, reform of 1867, British press, Russian magazines.

²⁶ Лефреть, Жак. Новости заграничной жизни // Дело. СПб., 1867. Кн. 11. С. 119.

²⁷ Политическая хроника // Современное обозрение. СПб., 1868. Т. 1. С. 106-109.

НАЦИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ГЕРМАНИИ (1933-1939): ГЕРМАНОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

С.Ю. КРУПСКАЯ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: krupskaya@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются германоязычные работы по внешнеполитической пропаганде нацистской Германии (1933-1939 гг.). Выделяются основные школы и направления исследований истории нацизма, прослеживается эволюция представлений о роли пропаганды во внешней политике Третьего рейха в немецкой историографии, дается оценка наиболее важных работ.

Ключевые слова: историография, тоталитаризм, нацизм, нацистская пропаганда, внешняя политика.

История Третьего Рейха – одна из наиболее разработанных по новейшей европейской истории¹. Авторы обращались и обращаются к проблемам истории НСДАП, захвата власти и преобразования политической и социально-экономической систем Германии, национал-социалистической идеологии². Немецкий политолог А. Умланд справедливо пишет об «огромной немецкой индустрии исследований нацизма»³.

Не ставя задачи анализа зарубежной историографии Третьего рейха как такового, рассмотрим основные германоязычные научные работы по нацистской пропаганде кануна Второй мировой войны.

Западногерманские исследования нацизма до конца 1940-х гг. из-за отсутствия серьезной документальной базы носили научно-популярный и публицистический характер. Важной особенностью того периода, нашедшей, несомненно, свое отражение в работах по национал-социализму, стал своеобразный синтез общенациональной саморефлексии, жалости и смущения по отношению к своему народу и своей истории. Вследствие таких настроений, первые исследования практически не поднимали глубинные вопросы скрытых механизмов, форм, методов манипуляции нацистской внешнеполитической пропагандой общественным сознанием немцев и европейцев. Проблемы пропаганды затрагивались в общих работах по нацизму. Заметной тенденцией историографии стало невнимание или даже игнорирование роли нацистской пропаганды во внешней политике Германии. Большая же часть внимания историков была сосредоточена на описании «демонической» составляющей режима национал-социализма и самой личности фюрера, поиске «причин – оправданий» утверждения власти Гитлера и превращении части народа в послушный инструмент реализации его планов (даже в этом ключе пропаганде отводилась второстепенная роль), оценки роли рейхпрезидента фон Гинденбурга. Так, Ф. Майнеке и ряд других немецких историков представляли идеологию и режим германского национал-социализма как безумный эксперимент, главное бедствие немецкого народа⁴.

¹ Например, см.: Burleigh M. Die Zeit des Nationalsozialismus. Fr. a / M., 2000; Hildebrand K. Das Dritte Reich. München, 1986; Mann G. Deutsche Geschichte des neunzehnten und zwanzigsten Jahrhunderts. Fr. a/M., 1958; Kershaw J. Der NS-Staat. Geschichtsinterpretationen und Kontroversen im Oberblick. Hamburg, 1995; Müller K.-J. Das Heer und Hitler: Armee und nationalsozialistisches Regime 1933-1940. Stuttgart, 1969; Фрай Н. Государство фюрера: Национал-социалисты у власти: Германия, 1933-1945. М., 2009; Зюсс Д., Зюсс В. Третий рейх. Расцвет и крах империи. Харьков, 2009; Ференбах О. Крах и возрождение Германии. Взгляд на европейскую историю XX века. М., 2001 и т.д.

² Nolte E. Theorien über den Faschismus. Köln; Berlin, 1967; Hagemann E. Nachtrag zu Hitler: Drittes Reich – Weltanschauung und Endkampf im Nationalsozialismus. Fr. a / M., 1990; Der Nationalsozialismus. Studien zur Ideologie und Herrschaft. Herausgegeben von W. Benz / H. Buchheim / Hans Mommsen. Fr. a / M., 1993; Bracher K.D. Die deutsche Diktatur: Entstehung, Struktur, Folgen des Nationalsozialismus. Köln, 1969; Кёнен Г. Между страхом и восхищением: «Российский комплекс» в сознании немцев, 1900–1945. М., 2010; Линденберг К. Технология зла: К истории становления национал-социализма. М., 1997 и т.д.

³ Умланд А. Современные концепции фашизма в России и на Западе // Неприкосновенный запас. 2003. № 5(31). С. 116.

⁴ Meinecke F. Die deutsche Katastrophe. Betrachtungen und Erinnerungen. Wiesbaden, 1946; Kordt E. Wahn und Wirklichkeit: Die Aussenpolitik des Dritten Reiches. Versuch einer Darstellung. Stuttgart, 1948.

В 1950-1960-х гг. западногерманские историки, рассматривая различные аспекты национал-социалистической модели, занимались их систематизацией и первыми попытками теоретического обобщения⁵. Однако анализ пропагандистского обеспечения внешне-политического курса Германии времен Гитлера не получил должного освещения.

Как известно, в конце 1950-х – 1960-е гг. зарубежная политическая мысль начинает интенсивно разрабатывать проблемы тоталитарного общества. К. Фридрих и З. Бжезинский выделяют ряд его признаков, в том числе, господство единой идеологии в обществе и лишение средств массовой информации плюрализма, значительную роль именно государственной пропаганды в манипуляции общественным сознанием⁶. Эти разработки найдут неоднозначное отражение в германоязычных работах по нацизму.

С середины 1960-х в Германии рассекречивается новая партия документов по концентрационным лагерям, различные экспертные заключения. Ученые историки ФРГ «увлекаются» темой нацистских преступлений на Востоке, продолжая в определенной мере игнорировать пропагандистскую тематику⁷. В ГДР, напротив, наблюдался всплеск внимания к информационно-пропагандистской составляющей жизни национал-социалистической Германии⁸. Исследования были значительно идеологизированы, часто носили публицистический и поверхностный характер.

Важное место в историографических работах занимают исследования, посвященные личности Й. Геббельса, его роли в министерстве пропаганды и народного просвещения Германии, структурной организации и функционированию самого министерства⁹. Так, К. Кессемайер отмечал тенденцию до прихода нацистов к власти подчинения содержания и тематики геббельсовских газет («вторичность содержания») процессу массового тиражирования и распространения¹⁰. Е.К. Брамштедт затронул вопросы управления и системы прессы, организации установочных конференций для журналистов и указаний по проведению «особых акций». Автор одним из первых подчеркнул наличие в национал-социалистической пропаганде 1933-1939 гг. двух тенденций, двух линий развития: «проповедь» о необходимости гарантии мира, и усиление на этом фоне в связи с политикой экспансии милитаризации немецкой пропаганды. Брамштедт также отмечал, что гитлеровское стремление к унификации, в сочетании с геббельсовскими принципами и тенденциями развития пропаганды, каждый раз определяли для остального населения путь, «позитивную цель», которые требовалось достичь¹¹.

Ряд германских работ были посвящены печатной составляющей национал-социалистической пропаганды (в основном, на примере германских газет, частично, плакатов). Например, В. Хагеманн – специалист по вопросам журналистики, который работал редактором нескольких журнальных изданий, находящихся под покровительством нацистов. Автор уделял внимание строительству, структуре и технике «тоталитарной публицистики» в Германии, теоретическому аспекту организации пропаганды в зарубежных странах. Не предпринимая попыток глубокого анализа, ученый останавливался на внешнепо-

⁵ Buchheim H. Das Dritte Reich. Grundlagen und politische Entwicklung. München, 1958; Broszat, M. Der Nationalsozialismus. Weltanschauung, Programm und Wirklichkeit. Stuttgart, 1960; Mau H., Krausnik H. Deutsche Geschichte der jüngsten Vergangenheit 1933-1945. Tübingen; Stuttgart, 1953; Heiber H. Adolf Hitler. Eine Biographie. Berlin, 1960.

⁶ Friedrich Carl J., Brzezinski Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge: Harvard University Press, 1956; Totalitarianism in Perspective: Three Views / C.J. Friedrich, M. Curtis, B.R. Barber. Praeger, 1969.

⁷ Например: Anatomie des SS-Staats. Olten; Freiburg, 1965; Rückerl A. NS-Verbrechen vor Gericht. Versuch einer Vergangenheitsbewältigung. Heidelberg, 1982; Seidler H., Rett A. Rassenhygiene. Ein Weg in den Nationalsozialismus. München, 1988 u.a.

⁸ Abel K.-D. Presselenkung im NS-Staat. Eine Studie zur Geschichte der Publizistik in der nationalsozialistischen Zeit. Berlin, 1968; Scheel K. Krieg über Ätherwellen – NS-Rundfunk und Monopole 1933-1945. Berlin, 1970; Petzold J. Demagogie des Hitlersfasismus. Berlin, 1982; idem. Konservative Theoretiker des deutschen Faschismus. Berlin, 1978.

⁹ Stephan W. Joseph Goebbels: Daemon einer Diktatur. Stuttgart, 1949; Heiber H. Joseph Goebbels. Berlin, 1962; Reimann V. Dr. Joseph Goebbels. München, 1976; Reuth R.G. Gobbels. München; Zürich, 1990; Fraenkel H., Manvell R. Joseph Goebbels. Eine Biographie. Herrsching, 1960; Michels H. Ideologie und Propaganda. Die Rolle von G. Goebbels in der nationalsozialistischen Aussenpolitik bis 1939. Fr./M., 1992.

¹⁰ Kessemeier C. Der Leitertikler Joseph Goebbels inden NS-Organen «Der Angriff» uns «Reich». Münster, 1967.

¹¹ Bramstedt E.K. Goebbels und die nationalsozialistische Propaganda 1925-1945. Fr./M., 1971.

литической направленности немецкой пропаганды, иллюстрируя свои тезисы отдельными примерами из австрийской, испанской и других информационных кампаний¹².

В 1960-80-е гг. было опубликовано несколько схожих работ, рассматривавших нацистскую политику в прессе, в т.ч., вопросы контроля и управления органами печати государством (партией), методику организации военных внешнеполитических акций при активном участии пропаганды¹³. Можно выделить работу Ю. Хагемана, в которой принята попытка комплексного анализа процесса управления прессой в Германии. Автор не только подробно остановился на задачах, которые были поставлены перед отделом печати нацистским руководством, но и на структуре пропагандистского аппарата Третьего рейха, его программных установках, объектах пропаганды, способах подборки корреспондентами материалов для печати, методике формирования общественного мнения через печатные средства¹⁴.

Весьма содержательна работа П. Лонгериха о деятельности отдела печати МИД Германии под руководством Й. Риббентропа. Исследователь обращает внимание, прежде всего, на организационно-структурное устройство и пропагандистскую работу заграничного отдела печати. Однако хронологические рамки монографии начинаются с февраля – марта 1938 г., и ее посылки представляют меньшую научную ценность для нашего исследования¹⁵.

В германской историографии содержится также ряд работ по аудиовизуальным средствам пропаганды, таким как, радио, кино и др. В частности, можно отметить исследование Х. Хоффмана. Автор акцентирует внутренние аспекты «звуковой пропаганды», игравшей значительную роль в формировании массовой культуры, рассматривает влияние киноиндустрии нацистского общества влияния на жителей Третьего рейха через ряд средств, например, подборку цветовой символики, сюжетные линии кино («германская культура», «германская молодежь», «немецкая народная общность», «немецкая кровь», «немецкая женщина»). Отмечая государственный характер нацистской кинопропаганды, Хоффман пишет о том, что «дегенеративное искусство и «народная культура», узурпировавшие все искусство в Германии, предписывали и формировали национальные идеалы и идолы»¹⁶. К. Шель с коллегами рассматривает радиовещание как составляющую военной пропаганды, его методы, формы, содержание и уровень воздействия на немецкое население 1933-1945 гг.¹⁷

В обширном пласте германской историографии по внешней политике гитлеровского руководства в той или иной мере поднимаются и освещаются вопросы пропаганды¹⁸. Среди них – исследования по роли Германии в Гражданской войне в Испании 1936-1939 гг., но в большинстве из них основное внимание уделяется военному и политическому аспектам¹⁹. Пропагандистскую составляющую испанского конфликта пытается проанализи-

¹² Hagemann W. Publizistik im Dritten Reich. Ein Beitrag zur Methodik der Massenföhrung. Hamburg, 1948.

¹³ Hale Oron J. Presse in der Zwangsjacke, 1933-1945. Düsseldorf, 1965; Abel K.-D. Op.cit. Sudermann H. Tagesparolen. Deutsche Pressweisungen 1939-1945. Hitlerspropaganda und Kriegsruhrung. Leone am Starnberger See, 1973; Frei N. Nationalsozialistische Presse und Propaganda // Das Dritte Reich: Herrschaftsstruktur und Geschichte. München, 1983.

¹⁴ Hagemann J. Die Presselenkung im Dritten Reich. Bonn, 1970.

¹⁵ Longerich P. Propagandisten im Krieg. Die Pressabteilung des Auswärtigen Amtes unter Ribbentrop. München, 1987.

¹⁶ Hoffman H. «Und die Fahne föhrt uns in die Ewigkeit». Propaganda im NS-Film. Bd 1. Fr. a/ M, 1988. S. 95-96.

¹⁷ Scheel K. Op. cit.; Boelcke W.A. Die Macht des Radios. Weltpolitik und Auslandsrundfunk 1924-1976. Berlin, 1977.

¹⁸ Kordt E. Wahn und Wirklichkeit. Die Aussenpolitik des Dritten Reiches. Stuttgart, 1947; Schubert G. Anfänge nationalsozialistischen Aussenpolitik. Köln, 1963; Jacobsen H. Nazional-socialistische Aussenpolitik 1933-1938. Frankfurt a/M., 1968; Hildebrandt K. Deutschen Aussenpolitik 1933-1945. Kalkül oder Dogma? Stuttgart, 1971; Michalka W. Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik. 1933-1940. Aussenpolitische Konzeptionen und Entscheidungsprozesse im Dritten Reich. München, 1980.

¹⁹ Abendroth H.-H. Hitler in der Spanischen Arena: Die deutsch-spanischen Beziehungen im Spannungsfeld der europäischen Interessenpolitik bis zum Ausbruch des Weltkrieges 1936-1939. Paderborn, 1973.; idem. Deutschland, Frankreich und der spanische Bürgerkrieg 1936-1939 // Deutschland und Frankreich, 1936-1939. 15 Deutsch-französisches Historik-erkolloquium des Deutschen Historischen Institut Paris (Bonn, 26 – 29 Sept. 1979) veranstaltet in Zusammenarbeit mit dem Comité français d'histoire de la Deuxième Guerre mondiale und Militärgeschichtlichen Forschungsamt Freiburg / Beihefte der Francia. Herausgegeben vom Deutschen Historischen Institut Paris. München, Zürich, 1981; Merkes M. Die deutsche Politik im Spanischen Bürgerkrieg 1936-1939. Bonn, 1969; Norden A. Das spa-

ровать Хербст, однако, приоритет он отдает экономическим и военным мотивам вмешательства Рейха в гражданскую войну в Испании²⁰.

В ряде работ немецких исследователей анализируется политика Германии 1930-х гг. в Рейнской демилитаризованной зоне, Австрии, Чехословакии (в основном, военная)²¹. Обращает на себя внимание сборник трудов группы ученых (Зальцбург, 1988), с ценным узкотематическим материалом по пропагандистским акциям германских нацистов в Австрии: например, кинопропаганда в Австрии, нацистские фотографии аншлюса (март 1938) и их интерпретация, плакатное искусство в системе национал-социалистической пропаганды на территории Австрии и др. Но комплексного анализа информационной подготовки гитлеровской Германией аншлюса Австрии авторы не предприняли²².

В контексте известной эволюции теоретических взглядов на тоталитаризм (1990-2000-е гг.) немецкие ученые пытались преодолеть концептуальные расхождения в теоретических установках. В объединенной Германии развернулись дискуссии об общественном, экономическом, идейном развитии нацистского общества. Новые работы направлены, по большей части, на изучении политики Холокоста, истории концентрационных лагерей, военной стороны Второй мировой войны²³.

Таким образом, не смотря на тщательное изучение немецкими историками вопросов функционирования национал-социалистического режима, собственно пропагандистское обеспечение внешнеполитического курса Германии в предвоенных конфликтах в Западной и Центральной Европы 1936-1939 гг. не стало отдельной темой комплексного исследования в германоязычной научной литературе.

NAZI PROPAGANDA IN THE FOREIGN POLICY OF GERMANY (1933-1939): GERMAN-SPEAKING HISTORIOGRAPHY

S.Yu. KRUPSKAYA

*Belgorod National Research
University*

e-mail: krupskaya@bsu.edu.ru

This article discusses the German-speaking works on Nazi Germany foreign policy propaganda, (1933-1939). Basic schools and directions of the history of Nazism research are picked out, the evolution of ideas about the role of propaganda in the foreign policy of the Third Reich in German historiography is traced, and the estimation of the most important works is made.

Key words: historiography, totalitarianism, Nazism, Nazi propaganda, ideology, foreign policy.

nische Drama. Berlin, 1961; Einkorn M. Die ersten maßnahmen des deutschen imperialismus zur wirtschaftlichen das plundering Spaniens (Juli bis Aug. 1936) / Der Spanische Bürgerkrieg in der internationalen Politik (1936-1939). München, 1976; Kühne H. Revolutionäre Militärpolitik 1936-1939. Militärpolitische Aspekte des national-revolutionären Krieges in Spanien. Berlin, 1969.

²⁰ Herbst L. Der Totale Krieg und die Ordnung der Wirtschaft: Die Kriegswirtschaft im Spannung von Politik, Ideologie u. Propaganda, 1939-1945. Stuttgart, 1982.

²¹ Rönnefarth, Helmuth K. G. Die Sudetenkrise in der internationalen Politik 1938. Bd. 1-2. Wiesbaden, 1961; Botz G. Wien vom Anschluss zum Krieg. München, 1978; Funke M. 7. März 1936. Studie zum außenpolitischen Führungsstil Hitlers // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1970. №40; Robertson E. Wiederbesetzung des Rheinlandes 1936 // Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte. 1962. № 2; Smelser R. Das Sudetenproblem und das Dritte Reich 1933-1938. Von der Volkstumspolitik zur Nationalsozialistische Außenpolitik. 1980 u a.

²² Die Veruntreute wahrheit Hitlers Propagandisten in Österreich 1938. Herausgegeben von O. Rathkolb, W. Duchkowitsch und F. Hausjell unter Mitarbeit von H. Haas. Salzburg, 1988.

²³ Подробнее см.: Умланд А. Современные концепции фашизма в России и на Западе // Неприкосновенный запас. 2003. № 5(31).

УДК 338.4(447):351.823

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕЛЬСКОЙ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ В УКРАИНЕ: ГОСУДАРСТВЕННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ю.С. МАЛЬКО

Харьковский региональный институт государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины

e-mail: malkoyulia@ukr.net

Исследуются изменения в сельской поселенческой структуры Украины и ее зависимость от государственной политики. Определены основные вехи становления крестьянства, его место и роль в различные периоды истории Украины. В статье исследуются положительные и отрицательные стороны государственной политики по отношению к крестьянству Украины. Выявлены основные просчеты и достижения государства относительно реализации политики сельского развития.

Ключевые слова: сельские жители, сельские поселения, поселенческая структура, расселение населения, государственная политика.

Трансформация отношений собственности в аграрном секторе экономики Украины имела своим следствием ряд негативных явлений, которые составляют серьезную социально-экономическую проблему. К основным из них можно отнести: сокращение рабочих мест в аграрном производстве и рост безработицы, ускорение эмиграции за пределы сельских населенных пунктов; преобладание смертности над рождаемостью; обезлюдение сельских поселений; обнищание населения и снижение качества их жизни; ослабление человеческого потенциала вследствие роста удельного веса пожилых людей в структуре численности населения, снижение образовательного, интеллектуального и профессионального уровня, ухудшение условий воспроизводства рабочей силы и т.п. Остроту проблемы в определенной степени подтверждают статистические данные.

За период с 1991 по 2013 г. с карты Украины исчез 641 сельский населенный пункт, в том числе 40 поселков и 601 село. Больше сел исчезло в северо-восточной части Украины – в Киевской (79), Харьковской (62), Полтавской (52), Житомирской (42), Черниговской (39), Сумской (35) областях. Соответственно, сокращается и численность сельского населения: если в 1990 г. количество сельских жителей составляла почти 17,0 млн чел., то в 2012 г. сократилась до 14,2 млн чел. Такое резкое сокращение сельской поселенческой структуры приобретает признаки социальной катастрофы, поскольку даже жители населенных пунктов, имеющих удобное месторасположение (возле транспортных магистралей, железнодорожных станций, районных центров и т.п.) и относительно развитую инфраструктуру (газо-, водо-, энергоснабжение) теряют социальные связи, чувствуют отверженность, незащищенность, ненужность, финансовую и физическую беспомощность.

В своих исследованиях М. Орлатый¹ видит в этой ситуации закономерное следствие динамических изменений в расселении населения, возникающее в виде сложного процесса перехода от простых к сложным формам и структурам. Иными словами, в глобальном измерении уменьшение количества сел и численности сельского населения обусловлено усложнением экономических отношений в сельском хозяйстве вследствие очередного общественного разделения труда и ускорения урбанизации.

Расселение населения, по определению А.И. Доценко, – это специфическая социально-экономическая категория, отражающая отдельный вид отношений, возникающих между людьми по поводу их координации и ориентации в континууме общественной жизнедеятельности. Это распределение поселений по территориям, людей – по поселениям и, наконец, именно их расселение по населенным пунктам².

Долгое время городские и сельские поселения развивались относительно автономно, но современная поселенческая структура свидетельствует о росте взаимозависимости в изменении состояния сельских и городских населенных пунктов. Так, А.И. Павлов в своих трудах описывает соединения сельских и городских территорий и выделяет пригородную

¹ Розвиток сільських територій України (1990-2010 роки) / М.К. Орлатий, І.Ф. Гнибіденко, І.М. Демчак та ін.; за ред. М.К. Орлатого. К., 2012. 752 с.

² Сільське розселення в Україні: динаміка та структура / А. І. Доценко. Київ, 2010. 284 с.

зону как особое поселенческое образование. При этом он указывает не только на «экспансию города, который все больше поглощает село»³, но и о проникновении села в город. Вследствие таких процессов образуются переходные или «смешанные» типы – сельские урбанизированные зоны и ареалы, а небольшие города (чаще районные центры с численностью населения до 20 тыс. чел.) превращаются в села, которые Павлов идентифицирует как «аграрные города», которые составляют около 75 % общего количества городов в Украине⁴. В «аграрных городах», в большинстве случаев, отсутствуют значительные производственные мощности, они имеют слабо развитую социально-культурную инфраструктуру, а потому мало чем отличаются от сел и служат центрами, где размещены учреждения социального обслуживания населения.

Исторически сельские поселения концентрировались вокруг скопления природных ресурсов, в основном, вблизи плодородных почв, водных источников, лесных массивов. Первые собственно сельские поселения появились после перехода человечества к земледелию, связанного с ведением оседлого образа жизни.

М. Мальская, исследуя историю эволюции расселения стран мира, выделяет в ней 5 основных фаз, а именно⁵:

1) значительное преобладание сельского населения, прирост городского населения значительно ниже прироста сельского. Территория страны освоена сравнительно равномерно. Города выполняют преимущественно административные и торговые функции. Индустриализация находится на начальной стадии. В ярко выраженной форме первая фаза характерна для группы наименее развитых стран, среди которых, например, некоторые страны в Африке (34 страны); Бангладеш, Мьянма, Лаос и др. – в Азии (8 стран); Гаити в Латинской Америке, 5 стран в Океании. Среднегодовые темпы роста сельского населения здесь вдвое выше, чем в других развивающихся странах;

2) превышение темпов роста городского населения над сельским, однако последнее по численности больше. Активно осуществляется индустриализация, которая отвлекает трудовые и материальные ресурсы из сельской местности в города;

3) доля городского населения составляет половину и больше всего населения страны, то есть сельское население начинает относительно уменьшаться. Следствием индустриализации становится усиление полицентрической территориальной структуры хозяйства и поляризации районов по типу «центр – периферия»;

4) стремительный рост городского населения, в то время как сельское население и население малых городов резко сокращается. Экономика приобретает индустриальный характер с возникновением отдельных очагов постиндустриального развития. Появляются новые промышленные районы, а старые подвергаются структурной трансформации: некоторые старые районы приходят в упадок, другие возрождаются на новой основе. Отдельные города становятся центрами инновационной экономики. В масштабах страны ускоряется рост агломераций, а в их рамках происходит деконцентрация в форме переноса хозяйственной деятельности и проживания горожан на межагломерационные территории. Разворачивается процесс субурбанизации. Четвертая фаза эволюции расселения характерна для многих стран Латинской Америки, которым присуща стремительная урбанизация, а доля сельского населения резко сокращается⁶;

5) наблюдается не только относительное, но и абсолютное уменьшение сельского населения, что характерно для экономически развитых стран мира. В европейских странах активны процессы депопуляции сельского общества, вследствие чего в 2012 г. впервые численность городского населения в мире превысила численность сельского⁷.

³ Павлов О.І. Сільський розвиток: об'єктивність, просторові межі та суспільне призначення // Економіка України. 2011. №8. С. 85.

⁴ Постанова Кабінету Міністрів України «Про затвердження Державної цільової програми підтримки соціально-економічного розвитку малих міст на 2011-2015 роки» від 29 листопада 2010 р. № 1090 // Офіційний вісник України. 2010. № 92. С. 518.

⁵ Мальська М.П., Антонюк Н.В., Занько Ю.С., Ганич Н.М. Країнознавство: теорія та практика. К., 2012. 528 с.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

В Украине исторически сложились три основные социально-экономические типы сельских поселений: село, поселок, хутор⁸. Наиболее распространенным типом поселения является село, состоящее из нескольких отдельных домов или групп дворов (примерно 5-10 хозяйств). Началом перехода от малодворных к многодворным поселениям считают XV - XVI вв., когда жители сел объединялись в сельскую общину, за которой была закреплена определенная территория, налоги, обязанности и т.д. В государственно-управленческом контексте – это период становления села не только как экономической, но и как административной единицы с закреплением за ней юридической самостоятельности.

Еще одним распространенным в Украине типом малодворного сельского поселения был поселок, урочище, который формируется с XV в. Основная причина возникновения хуторов – нехватка земли в селах, поэтому они располагались за пределами поселения. Административно они подчинялись селу, вблизи земель которого образовывались. Процесс возникновения хуторов происходил интенсивно в XVIII – начале XX в., что обуславливалось совокупностью демографических и политических факторов, среди которых основными были: рост численности сельского населения, формирование капиталистических отношений в сельской экономике, отмена крепостного права, укрепление государственности и т.д.

Традиционным типом украинских сельских поселений является хутор (малодворное, преимущественно однодворное поселение), возникшее в период феодализма, когда активно осваивались новые земли. К ним, в частности, можно отнести казацкие хутора – зимовники. Образование хуторов в начале XX в. в Украине было связано со столыпинской аграрной реформой 1906 г., которая привела к разрушению сельских общин. В 1906-1912 гг. в Украине 226,5 тыс. хозяйств образовывали хуторские поселения⁹. Формирование хуторских поселений в Украине в первое десятилетие XX в. было следствием осуществления государством аграрной реформы, цель которой заключалась в повышении эффективности сельского хозяйства на основе использования индивидуальной частной собственности. Косвенно вместе с основной достигалась и другая цель – менялись бытовые и социальные условия жизни сельского населения.

В результате исторического развития и под влиянием различных факторов (географического расположения, наличия торговых путей, развития промыслов, торговли, промышленного производства и т.п.) типы поселений украинцев менялись. При благоприятных обстоятельствах некоторые села превращались в города (Большой Березный на Закарпатье, Борислав в Галичине и др.), хотя иногда имел место и обратный процесс: отдельные города в силу ряда причин (развития железнодорожного транспорта, упадка промыслов и торговли и т.д.) деградировали в села (Старая Соль, Сможе, Ляшки, Куйбышево в Галичине)¹⁰.

Коллективизация 30-40-х гг. XX в. вызвала значительные социальные изменения украинского села, которые коснулись и структуры сельских поселений. Постепенно произошло укрупнение сельских поселений – ликвидировались хутора и выселки, жителей которых против их воли сгоняли в села, отдельные крупные выселки превращались в села. Заметные изменения поселенческой структуры в сельской местности были связаны с ликвидацией «неперспективных сел» в 50-60 гг., что привело к опустошению и упадку небольших украинских сельских поселений. Жители таких поселений, лишённые земли, средств производства, при отсутствии поддержки со стороны государства (строительство дорог, объектов инфраструктуры, создание рабочих мест и т.д.), вынуждены были покидать свои дома и мигрировать, правда, не в большие (перспективные) села, а в города, где жизнь и условия работы в то время были значительно комфортнее¹¹.

Сельское хозяйство в послевоенный период интенсивно индустриализируется: к началу 70-х гг. подавляющее большинство работ в растениеводстве и значительная доля в животноводстве были механизированы. В этот период строятся современные птицефабрики, животноводческие комплексы (например, Граковский свинокомплекс в Харьковской области на 104 тыс. свиней), создается прудовое хозяйство, закладываются новые сады и виноградники, формируется отрасль овощеводства, создается оросительная система. В сельском хозяйстве в результате общественного разделения труда выделяется отдельная категория

⁸ Типи сільських поселень. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://about-ukraine.com/index.php?text=97>

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

работников – управленцы, которые по социальному статусу относились к служащим, а по социальной роли – к сельской интеллигенции (учителям, врачам, работникам культуры). Повышение производительности труда в сельском хозяйстве на основе его индустриализации и интенсификации способствовало росту доходов крестьян, заработная плата которых по размеру вплотную приблизилась к заработной плате в промышленности. В 70-90-х гг. в сельской местности наблюдается строительный бум, кроме промышленных объектов активно строится жилье, учреждения социальной инфраструктуры, прокладываются дороги, водопроводы, газопроводы. В 1990 г. экономические показатели в сельском хозяйстве Украины были самыми высокими за всю предыдущую историю его существования.

Однако, заметные положительные сдвиги сопровождалась и такими негативными явлениями, как тотальное необоснованное уничтожение малых сел и хуторов, что формировало такие общественные отношения, которые в последствии станут одной из важнейших причин неудовлетворенности результатами аграрной реформы. Прежде всего, речь идет об отсутствии отношений собственности, складывающихся на базе частного права. Производственные отношения, сложившиеся на основе государственной собственности, были довольно неустойчивыми. В частности, в период ликвидации неперспективных деревень, крестьяне, не привязанные к частной собственности, вообще покидали сельскую местность, переселяясь в города, где жизнь была комфортнее и интереснее.

В 1980-е годы политика ликвидации «неперспективных» сел пересматривается: принимаются постановления о приостановлении разрушения системы расселения, необоснованного закрытия школ, лечебных и детских дошкольных учреждений, магазинов, клубов и т.д. В мае 1982 г. была разработана и принята первая, а в 1987 г. – вторая государственная Комплексная программа социальной перестройки сел в Украине на период до 2000 года. Отток сельского населения несколько сократился, когда начали создавать новые рабочие места, в том числе, и не связанные с сельским хозяйством, расширять жилищное и социально-культурное строительство, осуществлять газификацию. Становится очевидным, что кроме сельского хозяйства в сельской местности необходимо развивать отрасли пищевой, легкой промышленности, непромышленную сферу, открывать филиалы промышленных предприятий и тому подобное. Кроме того, значительного улучшения требовало социальное и пенсионное обеспечение колхозников, система оплаты их труда. Понятно, что выполнение социальных программ напрямую зависело от экономического развития страны, которая в этом отношении все больше уступала европейским и другим странам мира. И хотя в 80-е годы удельный вес инвестиций, предназначенных для социальной сферы, в структуре капитальных вложений сельского хозяйства вырос почти в 2 раза, отток сельского населения в города не был остановлен. Только за 1985-1988 гг. более 700 тыс. крестьян выехали из села.

Следует констатировать, что централизованная политика насильственного укрупнения сельских поселений не принесла ожидаемых положительных результатов. Количество малых сел с недостаточно развитой социальной инфраструктурой не только не уменьшилось, а с 90-х годов начало увеличиваться вследствие роста миграции сельского населения. Причем, в последней волне миграции (1990-2000 гг.) преобладающую долю отъезжающих составляла молодежь, которая покидала не только пределы своего села, но и страны, пополняя ряды внешних эмигрантов. Процесс оттока сельского населения пока не остановлен¹².

Осенью 1990 г. Верховный Совет УССР принял Закон «О приоритетности социального развития села и агропромышленного комплекса в народном хозяйстве Украины». В связи с введением новых экономических отношений, которые основывались на использовании аренды, подряда, кооперации, фермерства, вопрос о возрождении малых сел приобрел особое значение, поскольку они были удобны для ведения фермерского или арендного типа сельскохозяйственного производства. К сожалению, полное отстранение государства от решения социальных проблем в конце 80-х – начале 90-х годов имело крайне негативное влияние на дальнейшие процессы реформирования аграрной сферы, которое уже осуществлялось в Украине как независимом государстве. Жесткий экономический кризис 1990-х годов, вызванный распадом Советского Союза, способствовал деиндустриа-

¹² Ковпак Л.В. Неперспективні села [Електронний ресурс] // Енциклопедія історії України: Т. 7: Мі-О / редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. К., 2010. 728 с.

лизации сельского хозяйства, появлению сельской безработицы, сокращению численности сельских населенных пунктов. Только за 1992-1993 гг. в Украине исчезло более 2 тыс. сел.

Исторические очерки, работы известных исследователей истории украинского крестьянства П. Панченко и В. Смолия позволяют сделать вывод, что крестьяне, к сожалению, во все времена составляли низшие слои общества, а государственное устройство, прежде всего, обеспечивало защиту господствующего слоя¹³. Это характерно для всех периодов истории украинских земель – Киевской Руси, литовского времени, эпохи Речи Посполитой, а также пребывания в составе Российской и Австрийской империй.

Таким образом, можно сказать, что долгое время государственная политика в отношении крестьянства строилась на принципах принуждения, непризнание человека как индивида и равноправного члена общества. В течение долгого периода времени крестьяне относились к наиболее низким слоям населения, которые были лишены прав и свобод, в том числе и права собственности, что наложило негативный отпечаток на самооценку, способ и условия жизни крестьян. Стремление крестьян к частной собственности на землю и орудия труда использовалось в манипулятивных целях властью или теми, кто хотел власть получить, в связи с чем сельское население с опаской относилось к представителям власти, что вместе со спецификой их труда и условий жизни способствовало формированию крестьянского индивидуализма и социальной инертности. В значительной степени проблемы реализации современной политики сельского развития связаны с объективной инертностью общественного сознания крестьянства, а, следовательно, обеспечения положительных сдвигов в социально-экономической жизни крестьянства зависит от взвешенности и осторожности применения механизмов государственного влияния, исходя из интересов крестьян.

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE TRANSFORMATION OF RURAL SETTLEMENT STRUCTURE IN UKRAINE: STATE-ADMINISTRATIVE ASPECT

Y.S. MALKO

*Kharkov regional institute
of National academy of state
administration attached
to the President representation*

e-mail: malkoyulia@ukr.net

It is investigated the changes in rural settlement structure in Ukraine and its dependence on public policy. The main milestones in the formation of the peasantry, its place and role in the different periods of the history of Ukraine are identified. The article investigates the positives and negatives of public policy in relation to the peasants of Ukraine. The basic mistakes and achievements of the state policy on implementation of rural development policy are identified.

Key words: Farmers, rural settlements, settlement structure, distribution of the population, public policy.

¹³ Історія українського селянства: Нариси в 2-х т. / НАН України; Інститут історії України / В.А. Смолій (відп.ред.). К., 2006. Т.1. 632 с.; Т.2. 653 с.

СООТНОШЕНИЕ ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ЦЕЛОСТНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Л.И. СОРОКИНА

*Липецкий
государственный
педагогический
университет*

e-mail: luchiasor@mail.ru

Рассматривается проблема целостности художественного сознания как синтеза традиции и новаторства. Отмечаются два свойства художественной традиции – стремление к сохранению художественного опыта и необходимость его творческой интерпретации. Переосмысление, интерпретация художественной традиции обеспечивают ее развитие и нередко связаны с появлением новаторских идей. Новаторство в развитии художественного сознания проявляется в изменении художественной модели мира, творческого метода, которые отражаются в произведениях искусства. Существенную роль в становлении новаторских идей и методов играет фантазия, которая рассматривается как единство воображения и эмпатии. В истории формирования художественного сознания наблюдаются как периоды главенства традиции, так и периоды негативного отношения к ней и признания новаторства в качестве основной ценности творческого процесса. Благодаря постоянному противоборству между традицией и новаторством осуществляется развитие художественного сознания как целостности.

Ключевые слова: художественное сознание, традиция, новаторство.

Стиль или направление, возникающее в искусстве, всегда является результатом отражения целостности художественного сознания творцов. Задача статьи состоит в том, чтобы продемонстрировать взаимосвязь традиции и новаторства как основу формирования целостности художественного сознания в истории европейской культуры.

Художественное сознание как вид общественного сознания формируется в результате воздействия как социальных традиций, так и художественных. Традиция обуславливают восприятие зрителем искусства, а также и процесс создания произведения искусства. «Художник никогда не оставался с миром наедине, – художественная традиция в качестве посредника всегда вмешивается в его связи с миром¹», – отмечал Х. Ортега-и-Гассет.

Необходимо уточнить само понятие «традиция». Существуют различные точки зрения на определение традиции. Е. Шацкий выделяет и систематизирует несколько подходов к определению понятия «традиция». Первую группу определений автор называет «функциональными», так как «в центре интереса часто оказывается функция передачи из поколения в поколение тех или иных (в основном духовных) ценностей данного общества². Второе понятие традиции названо «объектным», в его основе содержится обращение к тому, «каковы эти ценности, что именно подлежит передаче³». Третье понятие рассматривается как «субъектное», потому что здесь на первый план выдвигается «отношение данного поколения к прошлому, его согласие на наследование или протест против этого⁴». Таким образом, традицию в художественном сознании мы будем понимать как сам объект наследования (определенный художественный опыт), процесс передачи этого наследия, а также отношение к данному наследию различных поколений людей.

Индивидуальное художественное сознание всегда формируется в условиях социума. Процесс его формирования происходит на основе обращения к искусству. Это обращение предполагает восприятие произведений искусства, а также обучение художественному мастерству, т.е. процесс становления индивидуального художественного сознания всегда связан с обращением к художественной традиции. Освоив традицию, талантливый художник начинает создавать новое. Знакомство с традицией позволяет использовать традиционные формы для решения новых задач. Не случайно Р. Генон говорит о челове-

¹ Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М., 1991. С. 254.

² Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990. С. 284.

³ Там же.

⁴ Там же.

ке, освоившим традицию, что он находится на вершине горы. «В действительности тот, кто рассматривает все традиционные формы в их единстве, приобретает тем самым синтетический, в строгом смысле этого слова, взгляд на вещи; он имеет возможность поставить себя в центр мироздания, в средоточие всех вещей»⁵, – отмечает философ. Думается, что данная мысль вполне справедлива и для области художественного сознания.

В социальной жизни так же, как и в художественном сознании, традиция не является архаичным прошлым. Она формирует структуру современного художественного сознания. Существенно, что смысл традиции заключается в том, что опыт прошлого используется в современной жизни и в художественном сознании. Это становится возможным благодаря тому, что традиция может развиваться, реагируя на изменения жизни. Развиваясь, традиция закрепляется в художественном сознании, становится вневременной.

Есть два важнейших свойства художественной традиции – стремление к сохранению художественного опыта и необходимость творческой интерпретации традиционного опыта. В художественной традиции изначально заложена возможность ее интерпретации, что дает основание рассматривать ее не только как прошлое, но и как что-то, имеющее непосредственное отношение к современности. Несмотря на течение времени, художественная традиция не теряет своей актуальности. Традиция – это «не охрана памятников в смысле их консервации, а постоянное взаимодействие современности и ее целей с минувшими временами, которым мы также принадлежим»⁶.

В связи с этим, существенным, на наш взгляд, является обращение Х.-Г. Гадамера к вопросу функционирования художественной традиции в театре. Именно в театре существует необходимость следовать образцам, в результате чего формируется традиция. Актер, режиссер и музыкант творят внутри традиции. При этом речь идет не о простом подражании, а о творческой интерпретации исполнителя. Гадамер понимает традицию как некоторый опыт, который осознается как значимый для художественного творчества и, несмотря ни на какие изменения, сохраняется в течение длительного времени. Возможность творческой интерпретации создает основу для жизнеспособности художественной традиции. Интерпретация, по мнению Гадамера, может считаться продолжением творчества, его «индивидуальным осмыслением»⁷.

Итак, художник, обращающийся к традиции для того, чтобы создать новое произведение, отражающее современное состояние мира, должен ее переосмыслить. При этом традиция становится предметом интерпретации. Переосмысление, интерпретация художественной традиции обеспечивает ее развитие. Без внесения новых элементов традиция превращается в подражание, и поэтому становится не вечной, а временной, устаревающей.

Художественные традиции, формируясь в определенную эпоху, содержат особенности, свойственные художественному сознанию данного времени. Однако в дальнейшем, с течением времени, неизменным остается только ядро этой традиции, основу которого составляют вечные идеи, заложенные в ней. Существенно, что в художественном сознании более долговременными становятся те традиции, в основе которых заложены не только художественные предпочтения, актуальные для данного исторического момента, но и обращение к проблемам, выходящим за рамки данного времени.

Анализируя художественную традицию, можно выявить идеалы, которые существовали в обществе и в художественном сознании в период ее формирования. Это связано с тем, что возникновение и утверждение традиции в художественном сознании основывается на стремлении к художественному идеалу. На наш взгляд, для зрителя идеал является составной частью традиции, а для художника-творца в традиции содержится идеал в период освоения ее основ, в дальнейшем идеал выходит за пределы традиции, художник сам становится создателем нового идеала.

Процесс создания нового в художественном сознании всегда достаточно сложен. Чтобы создать новое, необходимо подняться над традицией, осмыслить её содержание. Как правило, в области художественного сознания подобная рефлексия возможна лишь для небольшого числа художников. На наш взгляд, новаторством в художественном сознании являются преобразования в творческом методе, обусловленные изменением ху-

⁵ Генон Р. Очерки о традиции и метафизике. СПб., 2000. С. 50.

⁶ Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 319.

⁷ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. С. 116.

дожественной картины мира, способствующие формированию особенностей художественного языка. Новаторство возникает как противоположность созданному ранее, традиционному. Понимание новаторства в художественном сознании определенного исторического периода или отдельного художника возможно только в сопоставлении с целостной картиной развития в данной области, т. е. необходима начальная точка отсчета.

Индивидуальное начало является основой художественного сознания и творческого процесса в искусстве. Художник изображает то, что видит и чувствует в данный момент. А. Бергсон подчеркивал неповторимость этих чувств: «Напрасно стали бы мы давать этим чувствам общие названия; в другой душе они отнюдь не будут такими же»⁸. Поэтому нередко можно увидеть, как художники, изображающие один и тот же объект, создают совершенно различные, индивидуальные образы.

Творческий процесс в искусстве предполагает не только изображение видимой реальности, но и ее преобразование, создание нового мира. Отступая от точности воспроизведения, художник способен заострить внимание на главном. Поэтому важное место в структуре художественного сознания занимает фантазия. Характер фантазии определяется особенностью мироотношения творца. Е.Я. Басин определяет фантазию как «акт создания новой (мысленной) ситуации»⁹. По мнению исследователя, фантазия предполагает единство процесса воображения и эмпатии. Воображение является неотъемлемой составляющей любого творческого процесса, в т.ч., и создания произведения искусства, так как оно предполагает не репродуктивные действия, следование установкам, а творческую переработку прежнего опыта. Воображение имеет субъективный характер. В связи с этим можно утверждать, что воображение является источником новаторства в художественном сознании.

Наряду с воображением процесс эмпатии выступает необходимым условием для возникновения новых ценностей в искусстве и художественном сознании. Процесс эмпатии предполагает сопереживание, «вчувствование», вживание в изображаемое. «Это значит, что человек может перевоплощаться в образ любого явления, объекта и т. д. Воображенное «Я» формируется в результате перехода самых разнообразных образов из системы «не – Я» в систему «Я», в результате чего образ как бы превращается в «Я», приобретает функции «Я», т. е. может управлять сознанием и поведением»¹⁰. В данном случае художник «выходит» за рамки своего «Я» и одновременно остается самим собой.

Для того, чтобы открыть новые стороны предмета или явления, необходимо изменить точку зрения. Эмпатия позволяет художнику мысленно изменить точку зрения (пространственно-временную, социально-ролевую, возрастную и т. д.) или сам образ, который одновременно становится «Я» – образом, может мысленно предстать перед автором с совершенно новой стороны¹¹. В результате этого для художника открывается возможность видения внутреннего смысла явлений. Создается ситуация, когда знакомые явления, предметы видятся под другим углом зрения, «как бы впервые». Как известно, к такому видению и стремятся художники, для того чтобы более точно, глубоко раскрыть сущность предметов, явлений.

Принцип видения знакомых объектов как бы в первый раз В. Б. Шкловский назвал «остранением». По мнению автора, целью художественного образа является «создание особого восприятия предмета, создание «видения» его, а не «узнавания»»¹². В результате подобного видения преодолевается автоматизм восприятия. Данный принцип способствует тому, что «человек остранен от привычного ему, обыденного мира, в котором он находится. В этот момент человек смотрит на него как бы глазами другого мира, и он начинает казаться ему непривычным, не само собой разумеющимся»¹³.

На основе процесса эмпатии в художественном сознании возникают новые идеи, что в дальнейшем ведет к появлению новых ценностей в искусстве, где открытие совершается не только и не столько в результате деятельности рассудка, а прежде всего на основе сопереживания, чувствования, вживания в образы. Не случайно, например, в среде художников и ис-

⁸ Бергсон А. Индивидуальность и тип // Современная книга по эстетике. Антология. М., 1957. С. 182.

⁹ Басин Е.Я. Творческая личность художника. М., 1988. С.27.

¹⁰ Басин Е. Двуликий Янус. М., 1996. С. 6.

¹¹ Там же. С. 12.

¹² Шкловский В.Б. Гамбургский счет. М., 1990. С. 68.

¹³ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 42.

кусствоведов существует мнение о том, что для создания портрета необходима способность входить в роль портретируемого. Поэтому появляющийся портрет представляет собой единство индивидуальности изображаемого человека и самого художника.

Источником новаторства в художественном сознании является также индивидуальный, авторский стиль отражения мира. Процесс создания произведения искусства предполагает не только индивидуальный взгляд на мир, но и индивидуальное представление художника о целях и возможностях искусства. На основе этих представлений формируется язык искусства. Характер художественного языка мастера складывается в результате влияния представлений о красоте и искусстве данной эпохи. Появление новаторских идей в художественном сознании социально обусловлено. «Каждой эпохе дана своя мера этой свободы. И даже наигениальнейшая сила не в состоянии перескочить через границы этой свободы»¹⁴, – писал В. Кандинский. В истории формирования художественного сознания наблюдаются периоды, как главенства традиции, так и периоды негативного отношения к ней и признания новаторства в качестве основной ценности творческого процесса. Благодаря постоянному противоборству между традицией и новаторством осуществляется развитие художественного сознания как целостности.

Ориентация на традицию в искусстве, существующая в условиях традиционной культуры, связана с доминированием коллективного художественного сознания над индивидуальным. В условиях общества с традиционной культурой новаторство не осознавалось как ценность. Творчество художника было возможно в пределах, обозначенных каноном. Канон предполагал единство коллективного опыта в художественном сознании. Однако талантливый художник в своих произведениях всегда создавал индивидуальную трактовку канона. Например, в Древней Греции архаические скульптурные изображения во многом противоречат друг другу, что позволяет говорить о традиции, существующей на протяжении всего архаического периода, которому был свойствен коллективный характер художественного творчества. Однако в каждой скульптуре обязательно присутствовали и элементы нового. Перед нами не сухая схема, а созданный в рамках традиции живой образ. Работа скульптора – это не просто следование определенному правилу, а, прежде всего, творческий процесс.

Для средневекового художественного сознания также характерно доминирование традиции. Но при этом в произведениях средневековых мастеров нередко присутствует и индивидуальная трактовка традиционных схем. Каждый художник вносил в свою работу небольшие изменения, которые не касались схемы в целом. П. А. Флоренский писал, что иконографический канон не был препятствием для художника в творчестве. Каноническая форма освобождала творческую энергию художника. Иконописец в каноне приобретал почву, которая позволяла ему приблизиться к истине. Этой почвой являлось коллективное сознание человечества. Исходя из этого, Флоренский ставил следующую цель для иконописца: «Ближайшая задача – постигнуть смысл канона, изнутри проникнуть в него, как в сгущенный разум человечества, и, духовно напрягшись до высшего уровня достигнутого, определить себя, как с этого уровня мне, индивидуальному художнику, является истина вещей; хорошо известен тот факт, что это напряжение при вмещении своего индивидуального разума в формы общечеловеческие открывает родник творчества»¹⁵.

Переход к новому типу культуры в эпоху Возрождения способствовал изменению характера художественного сознания. Традиция в это время не занимает такого ведущего положения в художественном сознании, как это было в средние века. Постепенно уходит в прошлое ориентация на канон. Именно в данный период формируется понимание необходимости новаторства в развитии художественного сознания. Однако художественное сознание эпохи Возрождения показывает переходное состояние от традиционного к креативному. Характер переходной эпохи Возрождения обуславливает то, что, с одной стороны, художник получает возможность самостоятельно трактовать мифологические сюжеты, а с другой стороны, он еще не может изображать то, чего нет в реальности или в мифологии, т. е. он не обладает развитой творческой свободой¹⁶.

Завершение перехода к креативному типу культуры в Новое время отражается на

¹⁴ Кандинский В.В. О духовном в искусстве. М., 1992. С. 35.

¹⁵ Флоренский П.А. Иконостас // Флоренский П.А. Иконостас. Избранные труды по искусству. СПб., 1993. С. 63.

¹⁶ См. Каган М.С. Философия культуры. СПб., 1996. С. 358.

формировании художественного сознания. Одним из свидетельств завершения перехода к новому типу художественного сознания является стремление осмыслить значение традиции для современных художников. В качестве примера можно привести «Спор о древних и новых»¹⁷, возникший между сторонниками традиции и сторонниками современного, новаторского во Франции 2-й пол. XVII в. Этот спор стал возможным только в той обстановке, когда традиция не занимала господствующего положения в художественном сознании. В искусстве Нового времени встречаются примеры творчества художников, не вписывающихся в рамки какого-нибудь стиля. Данный факт подчеркивает, что в этот период утверждается значимость индивидуального начала в художественном сознании, а также осуществляется ориентация на новаторство в процессе создания произведений искусства. Наряду с этим, обращение к традициям предшествующих эпох было свойственно художественному сознанию Нового времени. На основе осмысления античной художественной традиции и художественной традиции Возрождения в этот период формируется стиль классицизм, возникающий как современное явление в художественном сознании XVII в. При этом, безусловно, в формировании и развитии стиля классицизм традиция имеет существенное значение.

Рубеж XIX–XX вв. отмечен возрастающим значением новаторства в художественном сознании. Об этом свидетельствует появление большого количества различных направлений в искусстве. Возникающий культ новаторства в художественном сознании данного периода обусловлен особенностями социокультурной обстановки, в числе которых можно выделить: формирование демократического общества и утверждение индивидуализма. Утверждение индивидуализма создает условия для возникновения негативного отношения к традициям, способствует появлению культа новаторства. «Новизна – вот тот инструмент, которым вооружено индивидуалистское общество, чтобы бороться с застоєм, повторами, единством мнений, верностью столпам искусства и самим себе ради свободной, раскованной плюралистической культуры»¹⁸. В данном обществе индивид «сосредоточен на себе», он чувствует себя свободным в создании произведения.

Ярким примером ориентации исключительно на новаторское в художественном сознании является возникающее в этих условиях абстрактное искусство. В качестве основной задачи абстрактного искусства рассматривается изменение сознания людей, чтобы в дальнейшем направить его на поиск нового. Художники-абстракционисты нередко протестуют против следования традициям, признавая их отжившим прошлым. Например, Казимир Малевич достаточно резко высказывается по отношению к наследию: «Мне ненавистны авторитеты прошлого, как “шурум-бурумы” бродят они в новом мире и ищут старья, зачастую захватывают молодые души в свои казематы»¹⁹. Малевич отмечает, что искусство прошлого гениально, так как сообразно времени своего создания, а также в нем намечаются пути дальнейшего развития. Но время идет вперед, меняются условия жизни. Появление электричества, изобретение различных машин наполнило жизнь новыми звуками и стремительным ритмом. Поэтому создавать произведения, лишённые этой динамики, как у старых мастеров уже невозможно. Творцы Греции и Рима, по мнению автора, не ориентировались на культуру прошлого, они были выразителями своей жизни. Малевич призывал оставить прошлое ради создания искусства, созвучного современной жизни: «Очищайте площади от обломков старого, ибо выдвинутся храмы нашего лица. Очищайте себя от накопления форм, принадлежащих прошлым векам»²⁰. На наш взгляд, трудно согласиться с мнением Малевича о том, что молодому художнику в процессе формирования следует опираться лишь на собственное понимание жизни и представления о красоте, не обращаясь к наследию мастеров прошлого. Обращение к традициям является важнейшим условием становления независимо от того, продолжает художник в своих произведениях развитие существующих традиции или противопоставляет им свое творчество. И сам Малевич проходит определенные этапы формирования посредством обращения к традиции. В ранних его работах исследователи находят черты, сближающие его произведения с творчеством передвижников. По словам Малевича, в ранний период творчества он

¹⁷ Спор о древних и новых / сост. В. Я. Бахмутский. М., 1985.

¹⁸ Липовецки Ж. Эра пустоты. Очерки современного индивидуализма. СПб., 2001. С. 140.

¹⁹ Малевич К. Мир мяса и кости ушёл // Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. М., 1995. С. 113.

²⁰ Малевич К. К новому лику // Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. М., 1995. С.63.

сначала выполняет натуралистические работы в духе Шишкина и Репина, а позже увлекается импрессионизмом²¹.

Несмотря на то, что художники-авангардисты очень часто отрицали в своих манифестах традицию, в их творчестве наблюдается обращение к ней. Мастера начала века, отвергая опыт своих непосредственных предшественников – художников XIX в., интересовались традициями более давними. Например, Василий Кандинский признавался, что народное искусство дало много идей для создания его произведений. Обращение к народному искусству свойственно многим мастерам рубежа веков. М.Ф. Ларионов проявлял интерес к лубку, который давал возможность более непосредственно передавать ощущение жизни. Русское христианское искусство также служило источником новаторских идей для художников начала века. В иконах и фресковых циклах древних мастеров привлекали внимание цельность мироощущения, глубокое осмысление общечеловеческих проблем, а также монументальность и декоративность живописи. Новая интерпретация традиционных образов содержится, например, в произведениях Н. С. Гончаровой.

В истории развития художественного сознания XX в. существует не только обращение художников к традициям предшествующих эпох или творческим приемам одного какого-нибудь мастера, но и стремление осмыслить одно произведение мастера. Например, П. Пикассо создал более 40 вариаций на тему известной картины Веласкеса «Менины». Это произведение привлекло внимание художника не только высочайшим мастерством, великолепной композицией, но и проблемой, которая в нем раскрывается. В «Менинах» Веласкес обращался к проблеме взаимоотношения художника, модели и зрителя, кроме того, произведение содержит размышления о месте, которое занимает творец в обществе. Эта тема являлась актуальной для художников разных поколений. Сохраняя в целом композиционную основу произведения, Пикассо увеличивает или уменьшает отдельные фигуры в зависимости от понимания им значимости персонажа. Художник здесь использует и символику цвета. Таким образом, Пикассо, акцентируя внимание на определенных персонажах, изображает собственное понимание произведения и проблемы, которая в нем раскрывается. Как и многие современники, П. Пикассо обращался к различным художественным традициям. Источником вдохновения и новых идей были для него иберийская скульптура и африканские маски. Художник на основе переработки идей древнего искусства создает свой стиль, отражающий современное мировосприятие. Обусловлено подобное обращение тем, что Пикассо считает искусство вневременным явлением: «В искусстве нет ни прошлого, ни будущего. Искусство имеет только настоящее, иначе оно не существует. Искусство греков и египтян не прошлое, оно актуальнее сейчас, чем когда-либо»²². Однако художник не приветствовал подражание. Пикассо говорил о необходимости иметь собственный стиль, а не оживлять прошлое: «Но перед нами открыт весь мир, все нужно делать заново, а не повторять сделанное. Зачем цепляться безнадежно за то, что уже выполнило свою роль?»²³. Изменения, которые вносит Пикассо в изобразительную систему, обусловлены новым мировосприятием эпохи. В произведениях художника присутствует субъективная интерпретация действительности. «Мое внутреннее “я” неизбежно будет отражено в моей картине, раз я ее делаю. Мне даже не надо об этом беспокоиться. Что бы я ни делал, оно будет в моей работе, его даже будет чересчур много»²⁴, – заявлял Пикассо. Доминирование индивидуального начала в творчестве детерминирует отказ от существующих художественных традиций. Но, отходя от традиции, Пикассо становится сам основателем традиции кубизма. Многие поколения живописцев в дальнейшем будут обращаться к его творчеству.

Итак, все это позволяет увидеть, что в художественном сознании традиция и новаторство взаимосвязаны. Если формирование индивидуального художественного сознания происходит на основе традиции, то дальнейшее его становление может быть связано с развитием этой традиции или с ее преодолением, т. е. с новаторством, исходящим из индивидуальности творца. Художественное сознание общества любого исторического периода или отдельного человека не сводится полностью только к

²¹ См. Сарабянов Д.В. История русского искусства конца XIX – начала XX в. М., 2001. С. 220.

²² Пикассо П. Интервью с Фельсом // Мастера искусств об искусстве: В 7 т. Т. V. Кн. 1. М., 1969. С. 306.

²³ Пикассо П. Беседа с Зервосом // Мастера искусств об искусстве: В 7 т. Т. V. Кн. 1. М., 1969. С. 310.

²⁴ Там же. С. 313.

традиции или только к новаторству. Каждый раз в истории развития культуры новый этап создает органическое соединение традиции и новаторства и формирует новую целостность художественного сознания. Это зависит от того, что в разные периоды то больше проявляется новаторское начало в искусстве, то на первое место выступает обращение к традиции.

Традиция и новаторство, представляя собой диалектическое единство, обеспечивают целостность художественного сознания и выступают условием его развития. Переосмысление и интерпретация традиции выступает источником новаторства. При этом новаторство может способствовать развитию и обогащению действующей традиции, а может выступать условием возникновения новой традиции.

THE RELATIONSHIP BETWEEN TRADITION AND INNOVATION IN THE FORMATION OF THE INTEGRITY OF ARTISTIC CONSCIOUSNESS AT EUROPEAN CULTURE

The article deals with the problem of the integrity of artistic consciousness as a synthesis of tradition and innovation. Two characteristics of the artistic tradition are observed – the aspiration to keep artistic experience and the need for its creative interpretation. The interpretation of the artistic tradition ensures its development and is often connected with the emergence of innovative ideas. Innovation in the development of the artistic consciousness manifests itself in the change the artistic model of the world, the creative method, which are reflected in works of art. Imagination which is considered as the unity of fancy and empathy, plays an essential role in the formation of innovative ideas and methods. In the history of the formation of the artistic consciousness there have been both periods of the supremacy of tradition and periods of negative attitude to it and the acknowledgement of innovation as the basic value of the creative process. The development of the artistic consciousness as an integrity occurs thanks to the permanent opposition between tradition and innovation.

L.I. SOROKINA

*Lipetsk State teacher
Training University*

e-mail: luchiasor@mail.ru

Key words: artistic consciousness, tradition, innovation.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 904

ГРУНТОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ДНЕПРО-ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ*

Ю.Д. РАЗУВАЕВ*Воронежский государственный
педагогический университет**e-mail: razuvaevyd@mail.ru*

В статье рассматривается история исследования грунтовых могильников скифского времени в днепро-донской лесостепи. Анализируются работы российских и украинских археологов, посвященные интерпретации этих погребальных памятников.

Ключевые слова: днепро-донская лесостепь, скифская эпоха, грунтовые могильники, история изучения.

Среди археологических древностей Лесостепной Скифии наименее изучены грунтовые могильники¹. Из-за отсутствия внешних признаков такие погребальные памятники становятся известны, как правило, по воле случая. Раскопки же их приводят, в целом, к гораздо более скромным, сравнительно с курганами, результатам. Однако сейчас совершенно ясно, что недостаточная исследованность бескурганных могильников серьезно искажает этнокультурную и историческую картину прошлого лесостепной части скифского мира.

Ранее всего грунтовые погребения стали известны в правобережье бассейна Днепра. Есть информация, что еще в 1930-х гг. при раскопках Масловского могильника черняховской культуры были найдены захоронения с керамикой конца VII-VI вв. до н.э.² В 1949 г. А.И. Тереножкин обнаружил три погребения между курганами Чернолесского могильника V-IV вв. до н.э. у с. Богдановка³.

Однако о бескурганных погребениях как отдельной категории лесостепных памятников появились основания говорить лишь с рубежа 50-60-х годов XX столетия. В 1958 и 1960 гг. в окрестностях с. Гришенцы В.Г. Петренко исследовала 19 ингумаций и кремаций V-III вв. до н.э. Она интерпретировала их как могилы обитателей соседнего поселения, допуская, впрочем, что курганные насыпи над ними могли и не сохраниться⁴.

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ по проекту № 12-01-00094.

¹ В данной статье речь идет о могильниках, погребения которых обладают традиционным для скифской эпохи набором обрядовых элементов. На многих лесостепных поселениях в культурном слое, жилых и хозяйственных комплексах встречаются разрозненные человеческие останки или специфические захоронения людей. Их анализ, в том числе и историографический, является темой отдельного исследования.

² Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V-III вв. до н.э. // Свод археологических источников. Вып. Д1-4. 1967. С. 56.

³ Тереножкин О.И. Розвідки і розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградської області // Археологія. 1952. Т. VII. С. 125.

⁴ Петренко В.Г. Могильник скифского времени у с. Гришенцы // Материалы и исследования по археологии СССР. 1962. № 112. С. 147.

В 1966-1967 гг. у с. Пирогов, на территории трипольского поселения и грунтового могильника зарубинецкой культуры, были исследованы три труположения и два трупосождения конца VI-V вв. до н.э.⁵ В публикационной статье Е.А. Петровская эти комплексы безоговорочно назвала бескурганым некрополем, вторым после гришенецкого, и отметила сходство погребального инвентаря с материалами расположенного в 2 км Хотовского городища⁶.

С учетом новых данных, В.Г. Петренко уже делает вывод, что «на Правобережье в течение всего скифского времени при несомненном преобладании курганного обряда погребения продолжал существовать и бескурганый»⁷.

В дальнейшем в правобережной лесостепи время от времени обнаруживались одиночные захоронения. Так, погребение V в. до н.э. было встречено на поселении предскифского времени у с. Жаботин⁸. Воинское захоронение IV-III вв. до н.э. найдено в насыпи вала чернолесского городища у с. Калантаево⁹. Полуразрушенное погребение VII-VI вв. до н.э. доследовано у г. Обухов¹⁰.

Тем не менее, количество выявленных к 1980-ым годам бескурганых погребений еще не могло поколебать устоявшихся представлений о курганной погребальной традиции как основной для местного населения. Именно в таком ключе Г.Т. Ковпаненко трактовала курганые комплексы Поросья и Киевщины, хотя и не обошла вниманием и грунтовые могильники в Гришенцах и Пирогово¹¹.

Вместе с тем, в скифологии к тому времени сформировалось убеждение в том, что курганы возводились далеко не для всех умерших. В.Г. Петренко отмечала для Гришенцов довольно высокий процент детских погребений¹². В.А. Ильинская и А.И. Тереножкин предполагали, что бескурганые могильники служили для захоронения «детей, подростков, женщин, наложниц, людей, занятых по обслуживанию хозяйства семьи»¹³. В то же время, другие специалисты были более осторожны в социологических интерпретациях, отмечая, что сами по себе грунтовые погребения «мало отличались от рядовых захоронений под небольшими насыпями», а данных для их половозрастной характеристики пока явно недостаточно¹⁴.

Новый подход в оценке бескурганых погребальных памятников был выработан после существенного увеличения объема соответствующих источников.

Возросло (до 14) число погребений скифского времени на Пироговском могильнике¹⁵. В 1975 г. на южной окраине правобережной лесостепи Н.М. Бокий начала раскопки крупного могильника IV в. до н.э. в г. Светловодске¹⁶. А в 1986 и 1987 гг. она же исследовала могильник VI-IV вв. до н.э. у с. Заломы, содержащий еще и захоронения белогрудовско-чернолесского времени¹⁷. Первый из этих памятников исследовательница связала с продвинувшимися в лесостепь скифами-степняками, второй же объединила в единый комплекс с расположенным рядом поселением.

⁵ Петровська Є.О. Ранньоскіфські пам'ятки на південній околиці Києва // Археологія. 1970. Т. XXIV. С. 139-143.

⁶ Там же. С. 143.

⁷ Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья. С. 56.

⁸ Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев, 1989. С. 159.

⁹ Покровська Є.Ф., Ковпаненко Г.Т. Могильник біля с. Колонтаєво // Археологія. 1961. Т. XII. С. 133-135.

¹⁰ Гороховський Є.Л. Поховання ранньоскіфського часу на Київщині // Археологія. 1979. Вип.32. С. 105-107.

¹¹ Ковпаненко Г.Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев, 1981. С. 76-78.

¹² Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья. С. 14.

¹³ Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII-IV вв. до н.э. Киев, 1983. С. 275.

¹⁴ Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Указ. соч. С. 48.

¹⁵ Кубышев А.И., Скиба Л.Е., Скорый С.А. Погребения скифского времени в Пироговском могильнике // Тез. докл. междунар. конф. «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвящ. 95-летию со дня рождения проф. Б.Н. Гракова. Запорожье, 1994. Вып. II. С. 97-99; Кубышев А.И., Скиба Л.Е., Скорый С.А. Поховання скіфського часу Пирогівського могильника // Археологія. 1995. № 1. С. 100-111; Скиба Л.Е. Пирогівський могильник зарубинецької культури. Київ, 2001. С. 53-58.

¹⁶ Бокий Н.М. Позднескифский бескурганый могильник у г. Светловодска // Археологические исследования на Украине в 1978-1979 гг. Тез. докладов XVIII конф. ИА АН УССР. Днепропетровск, 1980. С. 101.

¹⁷ Бокий Н.М. Грунтовой могильник у с. Заломы // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. всесоюзного семинара. Кировоград, 1987. Ч.1. С. 22-24.

К началу 1990-х гг. грунтовых погребений в правобережье Днестра стало известно уже свыше двухсот. Учитывая это обстоятельство, С.А. Скорый отвел бескурганым некрополям гораздо более значимое место в культуре лесостепных племен. Проанализировав всю совокупность правобережных погребальных памятников, исследователь соотносил грунтовые могильники с местным населением, а значительную часть курганных – с пришлым скифским¹⁸. Справедливо указав, что многие городища и неукрепленные поселения лесостепи не имеют поблизости курганных кладбищ, он назвал «обычай захоронения в грунтовых могилах... наиболее распространенным похоронным ритуалом в среде местного населения Лесостепного Правобережья»¹⁹. В монографии, посвященной этнокультурной ситуации в регионе, С.А. Скорый считал возможным расширить этот вывод уже на всю днепро-донскую лесостепь²⁰.

Впрочем, следует отметить, что в восточной части лесостепного Поднепровья состояние источников и степень их исследованности на тот момент существенно отличались от ситуации в Правобережье. Бескурганные погребения стали объектом изучения здесь сравнительно недавно.

Хотя еще в 1960 г. И.И. Ляпушкин исследовал шесть захоронений на городище у с. Решетки (Старые Санжары) на Ворскле²¹. Это произошло уже после подготовки им к печати монографической сводки левобережных поселений эпохи железа, и могильник остался лишь упомянутым в сноске²². Также в Поворсклье позднее были найдены несколько захоронений взрослых и детей на Бельском городище²³, на Коломакском городище²⁴. Кроме того, группа погребений VI-V вв. до н.э., фактически могильник, обнаружена на территории более раннего поселения у с. Пожарная Балка²⁵.

Однако какое-то время все эти захоронения, видимо, из-за необычного местоположения, оставались вне поля зрения исследователей. Для левобережной лесостепи единственным считался курганный обряд погребения²⁶.

А.А. Моруженко в докторской диссертации лишь упоминает о нескольких бескурганных погребениях как нетипичном для днепро-донского междуречья явлении²⁷. Относительно недавно А.П. Медведев в специальном исследовании продемонстрировал количественное и статусное несоответствие курганных некрополей и поселений левобережной лесостепи²⁸. Но и он полагает, что «в более восточных районах лесостепи обряды ингумации или кремации в грунте не получили распространения в начальный период железного века»²⁹.

Эпизодические открытия новых погребальных комплексов V-IV вв. до н.э., сделанные уже в начале XXI столетия на поселениях Посулья и Поворсклья, мало что привнесли в осмысление проблемы³⁰.

¹⁸ Скорый С.А. О погребальных памятниках автохтонного населения Днепровского Лесостепного Правобережья в скифское время // Этнокультурные и этносоциальные процессы в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. на юго-западе СССР и в сопредельных регионах: тез. выступлений на III-й сессии школы-семинара. Кишинев, 1991. С. 94-97.

¹⁹ Там же. С. 97.

²⁰ Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). Киев, 2003. С. 64.

²¹ Ляпушкин И.И. Отчет Днепровской левобережной археологической экспедиции ИА АН СССР 1960 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 2422. Л. 4-7, 9, 10.

²² Ляпушкин И.И. Днепровское Лесостепное Левобережье в эпоху железа. Археологические разыскания о времени заселения Левобережья славянами // Материалы и исследования по археологии СССР. 1961. № 104. С. 306, прим. 214.

²³ Шрамко Б.А. Отчет об археологических исследованиях скифо-славянской экспедиции ХГУ в 1983 г. в Полтавской и Харьковской областях // Архив Института археологии НАН Украины. 1983/53. Л.16-17.

²⁴ Радзиевская В.Е. Отчет об археологических исследованиях в 1982 г. // Архив ИА НАНУ. 1982/104. С. 11-12; она же. Отчет об археологических исследованиях в 1984 г. // Архив Института археологии НАН Украины. 1984/70. Л. 4.

²⁵ Андриенко В.П. Раскопки у с. Пожарная Балка // Археологические открытия 1979 г. М., 1980. С. 246-247.

²⁶ Моруженко А.А. Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днестра и Дона в скифское время // Советская археология. 1989. № 4. С. 26-31.

²⁷ Моруженко А.А. История населения лесостепного междуречья Днестра и Дона в скифское время: дис. ... д-ра ист. наук. Донецк, 1989 // Архив Института археологии НАН Украины. Ф. 12. № 689. Л. 125.

²⁸ Медведев А.П. Исследования по археологии и истории Лесостепной Скифии. Воронеж, 2004. С. 40-51.

²⁹ Там же. С. 45.

³⁰ Жаров Г.В., Терпиловський Р.В. Дослідження пам'яток скифського та римського часу у Верхньому Посульлі // Археологічний літопис Лівобережної України. 2006. №1. С. 89; Супруненко О.Б., Скорий С.А., Пуго-

Лишь в 2006 г. вполне определенно о наличии бескурганной похоронной обрядности в Днепровском Левобережье высказалась И.Н. Кулатова. После обнаружения на окраине Перещепинского курганного могильника близ Бельского городища двух грунтовых погребений она предположила, что такой тип захоронений мог преобладать у рядового населения левобережной лесостепи в V-IV вв. до н.э.³¹ Следом этот тезис поддержал и В.В. Шерстюк в публикации трех грунтовых погребений, открытых им у с. Дучинцы на р. Псел³².

Также недавно решающие доказательства существования бескурганного погребального обряда получены и в лесостепной части бассейна Дона. Хотя сами по себе грунтовые погребения известны здесь с довоенного времени.

В 1927 г. сотрудники Воронежского музея расчистили два полуразрушенных косяка на городище в г. Семилуки³³. Затем Н.В. Валукинский доследовал еще одно захоронение, хотя и не вполне ясной датировки, в г. Воронеже³⁴.

Спустя пару десятилетий, уже во время работы в регионе Воронежской лесостепной скифской экспедиции Института археологии АН СССР, появились сведения о парном захоронении IV в. до н.э. на северной окраине с. Русская Тростянка³⁵. Однако экспедиции подобных комплексов найти не удалось, и ее руководитель П.Д. Либеров не сомневался, что «...курганы были почти единственным местом погребений населения Подонья»³⁶.

Однако уже во второй половине 1980-х годов в лесостепном Подонье была обнаружена целая серия бескурганых погребений. Произошло это в ходе исследований городищ у г. Семилуки³⁷ и у хут.Мостище³⁸. И если на первом из них найдены коллективные захоронения специфического облика, интерпретация которых дискуссионна³⁹, то на территории второго располагались пять погребений, характеризующихся обычными для скифской эпохи обрядовыми признаками.

После открытий на Мостищенском городище В.Д. Березуцкий предположил возможность «существования на Среднем Дону бескурганых могильников длительного накопления, принадлежавших рядовому населению»⁴⁰. В курганах же и он⁴¹, и А.П. Медведев⁴² видят некрополи только полукочевой военно-аристократической верхушки местного общества. Заметим, что и традиционная концепция этнокультурного единства

ловок Ю.О. Дослідження на поселенні пизньоскіфського часу в уроч. Поле другої бригади у Більську (2008-2009 рр.) // Археологічні дослідження в Україні 2009. Київ; Луцьк, 2010. С. 406; Троцька В.І. Археологічні дослідження в околицях Опішного // Археологічний літопис Лівобережної України. 2002. №2. 2003. № 1. С. 194-195.

³¹ Кулатова І.М. Рештки ґрунтового некрополя в урочищі Перещепині поблизу Більська // Збірник Полтавського краєзнавчого музею. Полтава, 2005. Вип. III. Ч.II. С. 37; Кулатова І.М., Супруненко О.Б. Кургани скіфського часу західної округи Більського городища. Київ, 2010. С. 144.

³² Шерстюк В.В. Роботи на пам'ятках скіфського часу Середнього Попсілля (за дослідженнями 2009 р.) // Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б.А. Шрамко. Харьков, 2011. С. 322-323.

³³ Олейников Т.М. Отчет об археологических разведках, произведенных летом 1927 г. заведующим историческим отделом Воронежского государственного музея Олейниковым Т.М. // Архив Института истории материальной культуры РАН. Ф.2. № 208. Л. 12-13.

³⁴ Валукинский Н.В. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа // Советская археология. 1948. Вып. X. С. 293.

³⁵ Либеров П.Д. Отчет о работе Воронежского отряда Лесостепной экспедиции в 1960 году // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 2118. Л. 93-94.

³⁶ Либеров П.Д. Древняя история населения Подонья: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1971. Ч. II // Архив Института археологии РАН. Р-2. № 2088, 2089. Л. 64.

³⁷ Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. Погребения на Семилукском городище позднескифского времени (раскопки 1986 г.) // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья. Рязань, 1993. С. 74-94; они же. Погребения на Семилукском городище позднескифского времени (раскопки 1987-1990 гг.) // Древние памятники Окского бассейна. Рязань, 1993. С.13-30; они же. К интерпретации захоронений на Семилукском городище скифского времени // Скифы и сарматы в VIII-III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 249-257.

³⁸ Березуцкий В.Д. Грунтовые погребения Мастищенского городища // Археология Доно-Волжского бассейна. Воронеж, 1993. С. 71-79; Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж, 2001. С. 150-152.

³⁹ Подробнее об этом см.: Разуваев Ю.Д. Погребальная практика оседлого населения лесостепного Подонья в скифскую эпоху: историографический аспект проблемы // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2013. Вып. 15. С. 241-242.

⁴⁰ Березуцкий В.Д. Курганы скифского времени лесостепного Дона (к реконструкции социальных отношений). Воронеж, 1995. С. 57.

⁴¹ Там же. С. 53-54.

⁴² Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М., 1999. С. 125.

среднедонских курганов и поселений имеет своих сторонников. Ее отстаивают В.И. Гуляев⁴³ и А.И. Пузикова, которая, впрочем, допускает возможность сосуществования различных погребальных обрядов⁴⁴.

Новейшие открытия не оставили места сомнениям в существовании у населения донской лесостепи бескурганной похоронной традиции⁴⁵.

В 2001 г. в слое городища IV–III вв. до н.э. у с. Каменка было найдено захоронение младенца⁴⁶. При раскопках поселения эпохи бронзы у с. Кулаковка в 2004 г. исследованы два погребения скифского времени⁴⁷. Погребение второй половины V–начала IV вв. до н.э. было случайно обнаружено у хут. Бузенки⁴⁸. Наконец, в 2008–2010 г. у с. Ксизово проведены исследования большого грунтового могильника, тринадцать погребений которого содержали инвентарь, характерный для конца V–начала III вв. до н.э.⁴⁹

Таким образом, к настоящему времени в днепро-донской лесостепи уже получены репрезентативные данные о грунтовых могильниках, демонстрирующие их широкое распространение на протяжении всей скифской эпохи. Степень изученности этих памятников по региону различна, но твердо установлена их связь с оседлым населением. По материалам Правобережья прослежена преемственность погребальных традиций финала эпохи бронзы и скифского времени⁵⁰. Некоторые относительно полно раскопанные некрополи дали возможность проследить похоронные обычаи отдельных общин, хотя до исчерпывающей характеристики этого аспекта духовной культуры оседлого населения Лесостепной Скифии пока далеко.

CEMETERIES OF SCYTHIAN TIME IN THE DNEPRO-DON FOREST-STEPPE: HISTORIOGRAPHIC REVIEW OF RESEARCHES

Yu. D. RAZUVAEV

*Voronezh Pedagogical
State University*

e-mail: razuvaevyd@mail.ru

In article the history of research of cemeteries of Scythian time in the Dnepro-Don Forest-Steppe is considered. The works of the Russian and Ukrainian archeologists devoted to interpretation of these funeral monuments are analyzed.

Key words: Dnepro-Don Forrest-Steppe, Scythian epoch, cemeteries, studying history.

⁴³ Гуляев В.И. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). М., 2010. С. 135–136.

⁴⁴ Пузикова А.И. Городища и курганные могильники Среднего Подонья: к вопросу о их этнокультурном единстве // Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 265.

⁴⁵ Разуваев Ю.Д. О грунтовых могильниках скифского времени в донской лесостепи // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Социология. Политология. Воронеж, 2014. Вып. 2.

⁴⁶ Бирюков И.Е., Разуваев Ю.Д. Городище скифского времени у с. Каменка на Верхнем Дону // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж, 2004. С. 189.

⁴⁷ Разуваев Ю.Д. Грунтовые погребения скифского времени у с. Кулаковка на Среднем Дону // Восточноевропейские древности (Вестник Острогжского историко-художественного музея им. И.Н.Крамского. Вып. 2). Воронеж, 2012. С. 165–169.

⁴⁸ Золотарев П.М. Новые материалы скифо-сарматского времени в районе с. Мастюгино // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003. М., 2004. С. 140–141.

⁴⁹ Козмирчук И.А., Моисеев А.В., Разуваев Ю.Д. Погребения скифского времени на верхнедонском поселении-могильнике Ксизово-16 // Восточноевропейские древности скифской эпохи (Вестник Острогжского историко-художественного музея им. И.Н.Крамского. Вып. 1). Воронеж, 2011. С. 196–203; Обломский А.М., Разуваев Ю.Д. Грунтовые погребения скифского времени у с. Ксизово на Верхнем Дону // Краткие сообщения Института археологии. 2013. Вып. 231. С. 183–195.

⁵⁰ Петренко В.Г. Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР). М., 1989. С. 68; Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи. С. 63.

УДК 94(470.56)

ОРЕНБУРГСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ РУБЕЖА XVIII-XIX вв. В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОК*

Н.Л. СЕМЕНОВА

*Стерлитамакский филиал
Башкирского
государственного
университета*

e-mail: natalja_leonid@mail.ru

В статье проанализирован информационный потенциал мемуарной литературы применительно к изучению губернских органов управления Оренбургской губернии на рубеже XVIII-XIX вв. Предпринята попытка сопоставить сведения мемуарной литературы с другими видами источников.

Автор делает вывод, что сохранившиеся дневники, записки писателей, чиновников Оренбургской губернии рубежа XVIII-XIX вв. позволяют реконструировать официальные и неофициальные механизмы функционирования провинциальной власти. Особое значение имеют мемуары чиновников, которые сами являлись частью административной машины государства, их оценки были взглядом «изнутри». Однако, следует учитывать, что на содержание данной группы источников серьезный отпечаток наложили уровень культуры, образования автора, характер отношений с начальством и сослуживцами.

Ключевые слова: мемуары, дневники, записки, генерал-губернатор, губернатор, чиновники.

В современной отечественной историографии прочно утвердились новые подходы, одним из которых является историко-антропологический. В результате применения антропологического подхода к изучению отношений власти и подчинения возникло такое направление, как политическая антропология. Суть данного направления состоит в изучении феномена власти в определенном социокультурном контексте и предполагает пристальное внимание к культурным механизмам ее функционирования, к представлениям о ней в обществе, к формам ее репрезентации. По мнению М.М. Крома «антропологизация» политической истории выражается в акцентировании внимания на буднях власти, управленческой рутине¹.

Новые исследовательские задачи предполагают привлечение документов, которые позволяют восстановить общественную, неофициальную оценку человеческого фактора в политике, составить представление о социальной психологии провинциального общества. Для решения поставленных задач особое значение имеют документы личного происхождения (дневники, мемуары, переписка) губернаторов, людей из их окружения, провинциальных чиновников. Эти документы позволяют сосредоточить внимание на том, как и кто реально вершил государственные дела где-нибудь в провинции, вдалеке от столицы.

За последние годы историками уже накоплен определенный материал в осмыслении источников личного происхождения, посвященных первым лицам разных губерний Российской империи, разработаны методы источниковедческого анализа². Ученые еди-

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Административная политика российского правительства на Южном Урале в конце XVIII–XX вв.», проект № 14–11–02007.

¹ Кром М.М. Антропологический подход к изучению русского средневековья (заметки о новом направлении в американской историографии) // Отечественная история. 1999. № 6. С. 90 – 106.

² Любичанковский С.В. Анализ недостатков губернаторской власти начала XX века в воспоминаниях современников // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2002. №2. С. 115-145; Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в поздней имперской России (на материалах Урала, 1892-1914 гг.) // Самара-Оренбург, 2007. С. 76-79; Шатохин И.Т. Курские губернаторы середины второй половины XIX в. в воспоминаниях современников // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. № 3(34); Друзин М.В., Шатохин И.Т. И.Ф. Кошко. Воспоминания губернатора. Пермь (1911- 1914) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. № 15(70). Вып. 12; Бикташева А.Н. Казанские губернаторы первой половины XIX в. в воспоминаниях современников // Научные ведомости Белгородского университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 1 (96). Вып. 17; Любичанковский С.В. Антропология губернаторской власти в трудах

нодушны в том, что исследовательское доверие к содержащимся в мемуарах материалам резко возрастает, если они подтверждаются другими мемуарными свидетельствами, иными видами источников³.

Число опубликованных мемуаров, в том или ином виде затрагивающих губернскую администрацию Оренбургского края конца XVIII – первой половины XIX вв., невелико. К сожалению, никто из оренбургских военных или гражданских губернаторов не оставил воспоминаний о своей деятельности в крае. Удалось обнаружить только опубликованные записки и дневники военных губернаторов П.П. Сухтелена и В.А. Перовского, которые посвящены более ранним периодам их жизни до приезда в Оренбургский край⁴.

Более многочисленны воспоминания, дневники, записки современников, среди которых были писатели, мемуаристы и чиновники, служившие в органах Оренбургской губернской администрации в конце XVIII – начале XIX вв. Они интересны тем, что содержат информацию о положении губернских служащих, характеристику руководителей губернии аристократической верхушки оренбургского общества. Чиновники описывают быт, нравы, неофициальные практики властвования местной администрации.

Важным источником по истории Оренбургского края являются «Записки» писателя, мемуариста рубежа XVIII – XIX вв. Григория Степановича Винского. Его жизнь и творчество довольно подробно отражены в историографии⁵. Записки Г.С. Винского были опубликованы в 1877 г. в «Русском архиве».

Г.С. Винский происходил из мелкопоместных украинских дворян, окончил Киево-Могилянскую академию. В 1770 г. он был определен К.Г. Разумовским солдатом в Измайловский полк, однако из-за кутежей и мотовства попал в долговую тюрьму, где находился в 1773-1774 гг. После освобождения вышел в отставку и в 1777 г. вернулся в Петербург. Однако там он оказался замешанным в дело армейских офицеров о подделке документов и похищении казенных денег. В сентябре 1779 г. был заключен в Петропавловскую крепость, а после освобождения, в декабре 1780 г. был лишен чинов, дворянства и сослан на поселение в Оренбургскую губернию. В 1805 г. последовала амнистия, Г.С. Винский переехал в Бузулук (по другим сведениям – в Астрахань) и начал работать над переводами французских авторов, а в 1814 г. – над своим главным произведением «Мое время»⁶.

16 февраля 1781 г. Г.С. Винский приехал в Оренбург, который по его впечатлению представлял ссыльный город, «грудю собранных в одно место церквей и колоколен». Григорий Степанович поступил секретарем к откупщику Астраханцеву⁷. Служба у откупщика Астраханцева продолжалась около года, но Григорию Степановичу не хотелось быть «быть ярыгою», «находиться в обществе корчмарей, слышать непрестанно их ссоры и раздоры, напиваться без вкуса дважды в день»⁸. Поэтому Григорий Степанович 9 августа 1783 г. переехал в Уфу.

Здесь он стал свидетелем открытия и обустройства Уфимского наместничества и приезда в край генерал-губернатора генерал-поручика И.В. Якоби. Автор мемуаров отметил, что «сей чиновник, будучи умен, обходителен и в делах сведущ, при первом своем приезде в Оренбург, имел с собою много людей с дарованиями, приятного обхождения, словом, людей, весьма от Оренбургских каторжных жителей отличных»⁹. В целом, открытие наместничества «доставило краю людей весьма порядочных». Уфа, став столицей наместничества и губернским городом, наполнилась «многими благородными семьями из других мест». Данное наблюдение Григория Степановича вполне справедливо, так как

современных историков // *TractusAevorum. Эволюция социокультурных и политических пространств. Сетевой научный рецензируемый журнал.* 2014. Т.1, №1. С. 127-133.

³ Бикташева А.Н. Указ. соч. С. 91.

⁴ Сухтелен П. П. Из записной книжки графа П. П. Сухтелена / пер. с франц. // *Русский архив.* 1876. Кн. 1. № 3. С. 346-355; Персидское посольство в России в 1829 г. Статья М.Г. Розонова по бумагам графа П.П. Сухтелена // *Русский архив.* 1889. № 1-4. С. 209-240; Дневник графа П.П. Сухтелена о пребывании Хозре-ва-мирзы в России // *Русский архив.* 1889. № 1-4. С. 240-261.

⁵ Большаков Л., Большакова Т. Винский известный и неизвестный // *Рифей.* Челябинск, 1981; Большаков Л. Н. Встреча с прошлым. Киев, 1988. Большаков Л. Возвращение Григория Винского. Оренбург, 1999; Большаков Л.Н. Повести о поисках и обретениях. М., 2000; Минц С.С. Мемуары российского дворянства: историко-лингвистические аспекты историко-психологического исследования. СПб., 1998.

⁶ Винский Г.С. Записки Винского // *Русский архив.* 1877. Кн. 1. Вып. 2. С. 174.

⁷ Там же. С. 177-178.

⁸ Там же. С. 180.

⁹ Винский Г.С. Записки Винского... С. 179.

открытие Уфимского наместничества стало результатом административной реформы Екатерины II, и было связано с началом работы целого ряда новых учреждений (наместнического правления, приказа общественного призрения, палат казенной, гражданского суда, уголовного суда, судебных органов), что повлекло за собой приезд в край новых чиновников¹⁰.

В Уфе Г.С. Винский поступил домашним учителем в дом надворного советника Николая Михайловича Булгакова обучать его троих детей. Григорий Степанович отмечал, что семья Н.М. Булгакова была типичной российской дворянской семьей, имела «до шестидесяти челядинцев», которые, «как и везде, составляли домашний скот»¹¹. Госпожа П.М. Булгакова управляла домом «самовластно, или лучше самовольно». Г.С. Винского возмущало, что «закон, запрещающий дворянским людям ни в коем случае не иметь голоса против своих господ, делает их истинными безответными скотами, покорность коих посему дальше всякие вероятности, как и зверство их властелинов»¹².

В «Записках» Г.С. Винский высказывает свои наблюдения над дворянским аристократическим обществом Оренбургского края: «дворяне почитают невежество своим правом. Человек со сведениями не только не уважается, но можно сказать... обегается. ...в доверенности не будет никогда»¹³. Вместе с тем, и в такой далекой провинции Г.С. Винского «посчастливилось познакомиться с весьма добрыми и умными людьми»¹⁴. Одним из них стал член наместнического правления Петр Иванович Чичагов, который был, по мнению Винского, «...единомышленник, сострадательный друг, честный и с обширными знаниями человек»¹⁵.

Подтверждение мнения Г.С. Винского обнаруживается в архивных документах об увольнении со службы в 1803 г. по состоянию здоровья П.И. Чичагова, ставшего к тому времени правителем канцелярии военного губернатора¹⁶. В извлечении из формулярного списка говорится, что «...должность исправлял с отменным радением, в штрафах никогда не был»¹⁷. Каждое его новое пожалование в чин и продвижение по службе сопровождалось комментарием: «...по определению способностей к делам...».

До 1787 г. Григорий Степанович учительствовал у Н.М. Булгакова, а затем продолжил работу в семье надворного советника судьи совестного суда Сергея Яковлевича Левашева. Совестный суд являлся всесловным органом, сочетавшим функции суда по малозначительным гражданским делам и прокуратуры, был создан в результате административно-судебных преобразований Екатерины II¹⁸. В состав совестного суда должны были входить: судья, два заседателя от дворян по дворянским делам, два – от горожан по городским делам и два заседателя от «поселян по расправным делам»¹⁹. Судьями совестных судов были, как правило, наиболее известные и влиятельные местные дворяне.

Сергей Яковлевич Левашев принадлежал к одной из самых известных дворянских семей в Оренбургской губернии. Он более десяти лет состоял совестным судьей, а с 1782 г. один срок являлся предводителем дворянства Уфимского, Стерлитамакского и Челябинского округов²⁰.

Для нас интересна характеристика, которую дает Г.С. Винский совестному судье: «Сергей Яковлевич Левашов, надворный советник и совестный судья, был человек крайне странный. В юношестве без всякого воспитания, в молодости без малейшего образования, в мужеских летах без нравственности, достаточный казанский дворянин, посему родными и знакомыми в его своеволии там несколько стесняемый, оставив молодую

¹⁰ Семенова Н.Л. Военное управление Оренбургским краем в конце XVIII-первой половине XIX вв. Стерлитамак, 2001. С. 127.

¹¹ Винский Г.С. Записки Винского... С. 181.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 189.

¹⁴ Там же. С. 190.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 2. Д. 796. Л. 3-4.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Ф. И-102. Оп. 1. Д. 2, 4, 8, 13, 63.

¹⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание I (ПСЗ. Собр. I.). СПб., 1830. Т. XX. № 14392. С. 233.

²⁰ Свище Я.С., Яргин М.Ю. Левашевы (страницы родословной дворянской семьи) // Река времени. 2012: Мир южноуральской усадьбы / отв. ред. Ю.М. Абсалямов, М.И. Роднов. Уфа, 2012. С. 155.

жену и пятерых любезных детей, переселился в Башкирию, где купивши землю, переводил крестьян, строил дома, разсаживал сады, заводил оранжереи, учреждал фабрики, заводы; но все сие только начинал, а не оканчивал»²¹. И далее: «Описывать все его странности было бы и скучно, и трудно; скажу только еще: бывши почти безграмотен, охотник превеликий был диктовать письма, особенно наставления прикащикам, садовникам, конюхам и другим своим чиновникам. Щедр, даже мот бывал из тщеславия, скуп же по природе, нрава самого крутого и жестокого; но к сентиментальному разговору всегда приставал, выдавая себя за Стерна»²². Характеристика совестного судьи, данная Г.С. Винским, несколько отличается от выводов историков. Так, по мнению В.А. Воропанова, к началу XIX в. наблюдается повышение уровня квалификации судебных чиновников на Урале. Число судей пополнялось за счет лиц с положительными характеристиками²³.

«Записки» Г.С. Винского содержат довольно широкую панораму быта, нравов провинциального оренбургского общества, яркие характеристики представителей губернской администрации.

В Оренбургской губернии начинали службу многие известные русские чиновники. Среди них – Дмитрий Борисович Мертваго – таврический гражданский губернатор, сенатор. Родился он в 1760 г. в Казанской губернии, в 1775 г. вступил в военную службу. С 1781 на статской службе: сначала губернский прокурор в Оренбурге, а с 1786 – советник гражданской палаты в Уфе. С 1787 по 1797 гг. был советником Уфимского наместнического правления²⁴. По словам его брата, С.Б. Мертваго, «...деятельность и справедливость его (Дмитрия Борисовича) надолго сохранилась в памяти всех сословий губернии»²⁵. В 1797–1802 гг. он был членом провиантской экспедиции Военной коллегии, где «своими способностями обратил на себя внимание общества и стал известен императору Павлу I». В 1802 г. он стал начальником управления крымских соляных промыслов, в 1803 г. – таврическим гражданским губернатором, в 1807 г. – генерал-провиантмейстером, в 1810 г. уволен от службы, в 1817 г. назначен сенатором в Москву. В 1824 г. Д.Б. Мертваго умер²⁶.

С 1774 г. до 1801 г. Д.Б. Мертваго работал над своими «Записками», которые были составлены автором по настоятельному убеждению Г.Р. Державина, с которым он был дружен. «Записки» представляли собой дневник, заполнявшийся автором с большими перерывами. История публикации «Записок» хорошо изучена²⁷. Согласно завещанию Д. Б. Мертваго (12 апреля 1813), подлинная рукопись должна была сохраняться в его семье. Она находилась у Дмитрия Дмитриевича Мертваго (сына Б.Д. Мертваго, 1815–1864) и была передана им известному ученому, публицисту, экономисту, академику Петербургской Академии наук (1867) Владимиру Павловичу Безобразову (1828–1889). В.П. Безобразов был близким родственником Д.Б. Мертваго²⁸. В 1856 году В.П. Безобразов передал подлинник «Записок» для помещения в журнал «Русский вестник», издававшийся М.Н. Катковым.

Вероятно, уже на этапе выхода публикации первой главы, В.П. Безобразов обратился к С.Т. Аксакову с просьбой написать небольшой очерк о своем крестном отце, что и было исполнено. С.Т. Аксаков очень эмоционально писал о Д.Б. Мертваго, считая его «честнейшим человеком, которого вся жизнь была борьба правды и чести с ложью и подлою корыстью», «Дмитрий Борисович, не только сам честный человек, но и других принуждает быть честными»²⁹.

Отдельная глава «Записок» Д.Б. Мертваго посвящена службе в Оренбургском крае. В 1781 г., в возрасте 22 лет, Дмитрий Борисович был определен в край губернским прокурором. Однако, отслужив в этой должности пять лет, он честно писал: «... ничему не

²¹ Винский Г.С. Записки Винского... С. 194.

²² Там же. С. 195.

²³ Воропанов В.А. Чиновный состав уездных судов на Урале: управление кадрами в ведомстве министерства юстиции в 1800–1820-х гг. // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 2(8). С. 35.

²⁴ Мертваго С.Б. «Биографическое сведение о Мертваго» // Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. 1760–1824. Издание Русского архива. М.: В типографии Грачева и Комп. у Пречистенских ворот д. Милаковой, 1867. С. 1.

²⁵ Мертваго С.Б. «Биографическое сведение о Мертваго»... С. 1.

²⁶ Там же. С. 1.

²⁷ Мартынов Г.Г. Об истории публикации «Записок» Д.Б. Мертваго // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.rusimfonia.ru/martynov.html>

²⁸ Там же.

²⁹ Мартынов Г.Г. Об истории публикации «Записок» Д.Б. Мертваго...

учился, ни к чему ни прилежал, и не знал ничего, что касается до должности. Но, будучи любим начальниками и находясь всегда в их обществе я был не только терпим в службе, но многие даже меня уважали»³⁰. Д.Б. Мертваго тем самым наглядно охарактеризовал место губернского прокурора в системе местного управления. Он констатировал полную зависимость прокуроров от начальников губернии, хотя, по закону, они должны были быть независимы от местной администрации, наблюдать за точным исполнением законов, соблюдением порядка, пресекать злоупотребления и нарушения закона.

На страницах «Записок» можно встретить довольно подробные и яркие характеристики губернского начальства. Например, Мертваго писал о генерал-губернаторе О.А. Игельстроме: «Назначен был к нам генерал-губернатором немец, со всеми качествами древнего рыцаря и новейшего петимера: влюбчивый, воинственный, вспылчивый, хитрый, приятный в обществе и несносно гордый, щедрый и скупой одновременно, охотник наряжаться и видеть перед собой нарядных, затевать великие дела, представлять малое великим и покровительствовать всем страждущим»³¹. Оценка, данная Мертваго, перекликается с мнением исследователя П.Л. Юдина: «..барон Игельстром пробыл в Уфе четыре года. В течении этих несчастных лет барон наделал таких бед и непоправимых ошибок, каких другой лучший начальник не мог бы сделать во всю жизнь. Будучи плохим администратором, и при том еще плохим военным человеком, он, видимо, производил все свои распоряжения с маху, очертя голову, не справляясь и не вдумываясь, можно и нужно ли провести то или иное узаконение, полезно ли оно будет для народа... У него была единственная и никому и ни к чему ненужная страсть писать и писать, давать инструкции и делать наставления и при том непременно письменно»³².

Служба в палате гражданского суда, в отличие от должности губернского прокурора, стала настоящей школой для Дмитрия Борисовича. В гражданской палате, по словам Мертваго, служили опытные и «справедливые» судьи. Председатель палаты, «...человек немолодой, довольно честный», смог убедить Мертваго, что «...путь к знанию не труден и не далек, лишь бы охота была учиться»³³. Полгода службы в палате гражданского суда «много научили меня, и дали вкус любить дело».

В 1787 г., поступив на службу советником в губернское правление, Д.Б. Мертваго перешел в непосредственное подчинение к губернатору (по закону – правителю Уфимского наместнического правления) А.А. Пеутлингу, с которым отношения у него не сложились. Мертваго характеризовал его как человека «невежественного и глупого»³⁴. Такая оценка во многом объясняется обидой Д.Б. Мертваго на губернатора из-за необоснованных претензий его жены. Неприязненные отношения закончились конфликтом, который впоследствии привел к увольнению Дмитрия Борисовича со службы в Оренбургском крае.

Конфликт был связан с вопросом о «мясном торге» в Оренбургской губернии. Губернское правление, при непосредственном участии Д.Б. Мертваго, одобрило контракт, заключенный полицией и магистратом, с оренбургским купцом о предоставлении только ему одному монопольного права на торговлю мясом на ярмарках по установленной таксе. Иногородние купцы, лишившись права продавать мясо в губернии, стали жаловаться губернатору и в коммерц-коллегию³⁵. Правитель наместнического правления А.А. Пеутлинг представил дело в Сенат таким образом, что губернское правление одобрило контракт без его ведома и в его отсутствие, возложив всю ответственность на Д.Б. Мертваго.

Дмитрий Борисович, пытаясь доказать свою невиновность, писал, что данный контракт не принес убытков ни казне, ни частным лицам. Он просил губернатора «вступить за подчиненное ему место»³⁶. Однако защиты и поддержки со стороны губернатора не последовало, дело было передано в уголовную палату. Началось следствие, в ходе которого выяснилось, что никакого ущерба казне не было. Однако, Д.Б. Мертваго, столкнувшись с несправедливостью, был очень обижен и, не считая возможным далее служить

³⁰ Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. 1760-1824. Издание Русского архива. М., 1867. С. 39.

³¹ Там же.

³² Юдин П.Л. О. А. Игельстром в Оренбургском крае (1784-1792 и 1796-1798) // Русский архив. 1897. Кн. 4. С. 525.

³³ Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. 1760-1824... С. 41.

³⁴ Там же. С. 40.

³⁵ Там же. С. 46.

³⁶ Там же. С. 56.

под начальством губернатора А.А. Певтлинга, подал прошение об увольнении. Прощение было удовлетворено и он переехал в Москву.

Д.Б. Мертваго неоднократно подчеркивал, что сам всегда стремился быть справедливым по отношению к просителям и строг к нарушителям закона: «Слава о моем правосудии и строгости распространилась повсюду»³⁷. Это позволило ему добиться любви и уважения коренного населения края – башкир: «...похвалы его (башкирского народа), исходящие прямо от сердца, возвышали мою душу»³⁸.

Записки Д.Б. Мертваго отличаются эмоциональностью и достаточно откровенными оценками. К примеру, Д.Б. Мертваго считал, что его инициатива по созданию проекта учреждения Оренбургского магометанского духовного собрания, указ об учреждении которого был подписан Екатериной II 22 сентября 1788 г., осталась незамеченной правительством³⁹. Он писал: «Генерал-губернатор написал мне письмо, в котором благодарил меня и представил к награждению орденом, но представление было сделано слабо и я его не получил»⁴⁰. В современной историографии утвердилось мнение, что инициаторами принятия этого закона действительно были генерал-губернатор О.А. Игельстром и советник наместнического правления Д.Б. Мертваго⁴¹. В 1788 г. в пограничные губернии были командированы чиновники, призванные пресечь антироссийскую пропаганду и сделать соответствующие предписания местным властям. Один из командированных Д.Б. Мертваго представил свои предложения по введению института официального мусульманского духовенства, получающего право на религиозную деятельность исключительно от власти. Без указа о получении звания запрещалось занимать должности имамов и преподавать в мектебе и медресе⁴².

Записки Д.Б. Мертваго подтверждают тот факт, что информация, содержащаяся в документах личного происхождения – мемуарах, дневниках, записках – должна тщательно проверяться в каждом конкретном случае. Большое влияние на содержание этих источников оказывали личные отношения авторов с теми, о ком они писали.

Дневник титулярного советника, служившего секретарем в Оренбургской палате гражданского суда, Михаила Семеновича Ребелинского (1769-1815) включает ежедневные записи с 1 января 1792 г. по 31 декабря 1812 г.⁴³ Восстановлена родословная трех поколений семьи Ребелинских. Оказалось, что они являлись жителями Уфы в XVIII – первой половине XIX вв. Представители первых двух или трёх поколений были клириками уфимских храмов, затем уже чиновниками, военными, уфимскими помещиками⁴⁴.

М.С. Ребелинский в 1789-1795 гг. в чине коллежского протоколиста состоял секретарём Уфимской палаты гражданского суда. В 1797-1803 гг. служил в Оренбурге, затем – в Уфе секретарем уфимской палаты гражданского суда. В 1802 г. получил дворянство, в 1809 г. определен на должность оренбургского губернского казначея, в 1811 г. произведен в надворные советники. В 1815 г. М.С. Ребелинский умер⁴⁵.

Дневник М.С. Ребелинского содержит краткие ежедневные записи о семейных событиях, городских новостях, погоде. Он оказался у преподавателя истории Уфимской мужской гимназии М.Н. Правдина, который передал его известному краеведу, журналисту, историку П.Л. Юдину, много лет сотрудничавшему в столичных журналах «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник»⁴⁶. Дневниковые записи М.С. Ребелинского были опубликованы в журнале «Русский архив» в 1897 г.

Подлинник дневника представлял собой простую записную книжку, листы которой были разделены на семь граф: дни недели, числа, «что происходило», «приход-рубли, копейки», «расход». Автор записывал не только то, что видел, но и то, что слышал и даже свои расходы: «Январь. Понедельник 12-го. День теплый со снегом, в который

³⁷ Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. 1760-1824... С. 51.

³⁸ Там же. С. 53.

³⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. XX. № 16710. С. 1167.

⁴⁰ Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. 1760-1824... С. 45.

⁴¹ Азаматов Д.Д. Образование Магометанского духовного собрания в Уфе // История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М.М. Кульшарипов; ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа, 2011. Т. 3. С. 286.

⁴² Там же.

⁴³ Юдин П. Из дневника М.С. Ребелинского // Русский архив. 1897. № 3.

⁴⁴ Свице Я.С. Семья Ребелинских // Река времени. 2013: уникальные свидетельства прошлого / отв. ред. Ю.М. Абсалимов, Р.Н. Рахимов, М.И. Роднов. Уфа, 2013. С. 80.

⁴⁵ Свице Я.С. Семья Ребелинских...С. 83.

⁴⁶ Юдин П. Из дневника М.С. Ребелинского... С. 464.

приобретена мною табакерка и самовар (за) 95 коп.»⁴⁷. П.Л. Юдин в своем предисловии к дневнику писал, что записи М.С. Ребелинского интересны тем, что охватывают слабо изученный период русской жизни, а именно – конец царствования Екатерины II и все царствование Павла I. П.Л. Юдин также отмечает, что историку будут очень любопытны содержащиеся в дневнике взгляды и оценки провинциальных жителей на все происходящие события⁴⁸.

В дневнике М.С. Ребелинского содержится хронология назначений и приезда в край оренбургских военных и гражданских губернаторов, вице-губернаторов конца XVIII – XIX вв. При условии сопоставления этих сведений с архивными материалами, местными сборниками справочного характера⁴⁹, адрес-календарями и справочными книжками Оренбургской губернии, можно во многом уточнить хронологию губернаторских и вице-губернаторских назначений, тем более, что в некоторых случаях, особенно по периоду конца XVIII – начала XIX вв. мы имеем крайне противоречивые и неполные сведения. Так, в дневнике М.С. Ребелинского указано, что 15 июля 1800 г. стало известно, что оренбургский гражданский губернатор И.О. Куриспереведен в Волынскую губернию, а волынский губернатор К.И. Глазенап определен на его место⁵⁰. Архивные материалы, обнаруженные в фондах РГИА, позволяют точно установить, что 27 июня 1800 г. действительный статский советник волынский гражданский губернатор К.И. Глазенап был определен оренбургским гражданским губернатором, а 7 июля пожалован в тайные советники⁵¹. Согласно данным дневника М.С. Ребелинского, 20 ноября 1800 г. был получен указ о переводе оренбургского вице-губернатора Федорова смоленским губернатором, а не его место был определен действительный статский советник председатель пермской палаты суда и расправы Яковлев⁵². Однако уже 12 декабря 1800 г. оренбургский вице-губернатор Яковлев был назначен орловским гражданским губернатором, а 15 января 1801 г. в край приехал новый вице-губернатор Кривошеин⁵³. К сожалению, автор не объяснил, по какой причине происходила такая частая смена вице-губернаторов края. Архивные документы, формулярные списки пока также не позволяют внести ясность в данный вопрос.

Дневник М.С. Ребелинского представляет собой картину синхронного отражения действительности, поэтому вполне естественно, что автор не приводит подробных характеристик служебной деятельности, личностных особенностей губернаторов и других чиновников местной администрации. Ежедневные записи представляли преимущественно простое перечисление происходящих событий. Тем не менее, дневник позволяет выделить наиболее значимые события губернской жизни, к которым было приковано внимание современников.

Одним из них стал приезд в край с ревизией сенаторов М.Г. Спиридова и И.В. Лопухина. Так, запись от 9 ноября 1799 г. в дневнике М.С. Ребелинского содержит указание на то, что шестнадцать сенаторов отправляются с ревизией в различные губернии Российской империи, «...из коих сюда будет Лопухин»⁵⁴. 16 июля 1800 г. сенаторы М.Г. Спиридов и И.В. Лопухин приехали в г. Оренбург. На следующий день после приезда они ходили по городу «...в немецких кафтанах инкогнито и на рынке торговали хлеб, дрова, калачи и прочее»⁵⁵. 18 июля сенаторы «свидетельствовали» губернское правление, «...но довольны ли остались оным, – неизвестно». На следующий день сенаторы никуда не выезжали. 20 июля 1800 г. проходила проверка департаментов палаты суда и расправы, 21 – приказа общественного призрения и подведомственных ему учреждений, 23 – казенной палаты, 26 – пограничной комиссии, 27 – духовного магогетанского собрания. По сведениям М.С. Ребелинского, ревизия продолжалась до 7 августа 1800 г.⁵⁶

Итоги ее автор определил так: «Сказывают, что усмотрели они, что губернии быть в Оренбурге неудобно, а способно ей быть в Уфе, о чем-де и сделали Государю донесе-

⁴⁷ Юдин П. Из дневника М.С. Ребелинского... С. 465.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879.

⁵⁰ Юдин П. Из дневника М.С. Ребелинского... С. 477.

⁵¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 1. Д. 109. Л. 38 об.

⁵² Юдин П. Из дневника М.С. Ребелинского... С. 479.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Юдин П. Из дневника М.С. Ребелинского... С. 475.

⁵⁵ Там же. С. 477.

⁵⁶ Там же. С. 478.

ние»⁵⁷. Ребелинский сообщает, что 30 декабря 1800 г. император своим указом не разрешил перенос присутственных мест из Оренбурга в Уфу, но архивные и законодательные материалы свидетельствуют, что в 1802 г. было решено все губернские учреждения перевести снова в Уфу и сделать ее местом пребывания гражданского губернатора. Военный губернатор продолжал оставаться в г. Оренбурге⁵⁸. Такое решение объяснялось тем, что в Оренбурге не хватало зданий для губернских учреждений, город находился в значительном удалении от уездов, что создавало определенные трудности в сообщении.

Оценивая информационный потенциал дневниковых записей М.С. Ребелинского, следует заметить, что все происходящие события в нем фиксировались достаточно точно, т.к. автор вел ежедневные записи. Вместе с тем, возможности дневника более ограничены с точки зрения выяснения неофициальной оценки человеческого фактора в политике и составления представлений о социальной психологии провинциального общества.

Таким образом, сохранившиеся дневники, записки писателей, чиновников Оренбургской губернии рубежа XVIII – XIX вв. имеют очень большой информационный потенциал при реконструкции официальных и неофициальных механизмов функционирования провинциальной власти. Они позволяют проанализировать нравы, быт высшей губернской администрации. Информация, содержащаяся в мемуарах, записках гораздо более подробна и эмоциональна, нежели сведения дневников. Именно благодаря этим источникам мы можем создать более достоверный портрет руководителей губернии, российской бюрократии в целом. Особое значение имеют мемуары чиновников, которые сами являлись частью административной машины государства, их оценки были взглядом «изнутри». Вместе с тем, источники личного происхождения требуют к себе более критического отношения, поскольку на их содержание серьезный отпечаток наложили уровень культуры, образования автора, характер отношений с начальством и сослуживцами.

THE ORENBURG PROVINCIAL ADMINISTRATION AT THE TURN OF THE XVIII-XIX CENTURIES IN THE CONTEMPORARIE'S EVALUATIONS

The author presents an informative potential of memoir literature devoted to the study of the provincial body of the government of the Orenburg province at the turn of the XVIII-XIX centuries. There has been made an attempt to compare memoir literature with other sources.

The author came to the conclusion that the diaries, notes of the writers and clerks of the Orenburg province at the turn of the XVIII-XIX centuries let us reconstruct official and unofficial mechanisms of provincial government functioning. Of great importance are the memoirs of the clerks considered to be a part of an administrative machine. Their evaluations were a view from “inside”. However, it should be taken into account that the contents of these groups of sources are effected by a cultural and educational level of the person, character of relations with the head and colleagues.

Key words: memoirs, diaries, notes, general-governor, governor, clerks.

N.I. SEMYONOVA

*Sterlitamak Branch
of the Bashkir State University*

e-mail: natalja_leonid@mail.ru

⁵⁷ Юдин П. Из дневника М.С. Ребелинского... С. 478.

⁵⁸ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Оп. 2. Д. 587/1; ПСЗ I. Т. 27. № 20170.

УДК 351.779(477.75)(091)

ЗЕМСКАЯ ВЕТЕРИНАРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX СТ.)

Я.В. БЕРЕЗНЯК*Крымский гуманитарный
университет г. Ялта**e-mail: beryar@xaker.ru*

Проанализированы полномочия губернского и уездных земских учреждений в ветеринарном деле, которые установились в Таврической губернии во второй половине XIX – начале XX в. Отдельное внимание уделяется источникам и направлениям финансирования ветеринарных мероприятий, зарплате ветеринарного персонала, материально-технической базе ветеринарной организации. Рассмотрены методы лечения земскими ветеринарными специалистами эпизоотических и спорадических болезней животных.

Ключевые слова: ветеринарная организация, ветеринарный персонал, эпизоотии, спорадические болезни, земства.

В начале 90-х гг. прошлого века возобновляется научный интерес к деятельности земских учреждений Российской империи. Это и неудивительно, ведь земские органы решали огромное количество культурных, образовательных и хозяйственных вопросов. На их плечи ложилось также содействие ветеринарному делу, которое только зарождалось в условиях ведения капиталистического хозяйства. Развитию земской ветеринарной медицины были посвящены диссертации современных ученых Вакулика В. В. и Корсуна В. П. Вместе с этим, необходимо отметить, что ветеринарные организации в каждой губернии имели свои особенности, что и делает исследование особенно актуальным.

Цель статьи – исследование процесса создания и функционирования земской ветеринарной организации Таврической губернии (вторая половина XIX – начало XX столетия).

«Положения о губернских и уездных земских учреждениях» редакции 1864 и 1890 гг. не распределяли полномочий между уездными и губернскими земствами относительно ветеринарного дела. Поэтому в каждой из 34-х земских губерний Российской империи существовали отдельные ветеринарные организации, которые разделялись на три вида: губернскую, уездную и смешанную. Последний был свойственным кроме Таврической, еще Саратовской, Московской, Владимирской, Херсонской и другим губерниям. Под смешанной губернской-уездной организацией ветеринарной медицины подразумевалась такая организация, в которой последовательно использовался принцип взаимодействия между губернскими и уездными земствами, при чем ветеринарно-санитарное дело находилось под непосредственным контролем губернских, а ветеринарно-врачебное – уездных земств¹.

Профессор эпидемиологии и медицинской статистики Киевского университета Овксентий Васильевич Корчак-Чепурковский, который больше десяти лет занимал должность губернского врача в Херсонской и Бессарабской губерниях, относительно взаимодействия уездных и губернских земств четко отмечал полномочия обоих учреждений. Так, по его предложению, роль губернского земства в борьбе с заразными болезнями животных заключалась в использовании следующих мероприятий:

- издание обязательных постановлений и инструкций для местного населения по предупреждению и прекращению эпизоотических болезней;
- содержание на собственные средства ветеринарного персонала;
- предоставление в распоряжение уездных земств и ветеринарного персонала всех научных и материальных средств для изучения и прекращения эпизоотий;
- руководство и контроль деятельности земских уездных ветеринаров согласно общего плана по губернии.

В уездах, по предложению О. В. Корчак-Чепурковского, борьба с эпизоотическими болезнями непосредственно ложилась на плечи уездных земств, которые в своей работе руководствовались следующими полномочиями:

¹ Шадрин М.А. Об участии губернских и уездных земств в организации ветеринарной помощи (окончание) // Вестник Таврического земства. 1905. № 6. С. 6.

- участие через своих представителей в исполнительных комиссиях по предупреждению и прекращению эпизоотий в местах их появления;
- создание и проведение в уезде таких условий ветеринарной деятельности, которые сближали ветеринарный персонал с местным населением и вызывали у него доверие;
- участие в подготовке проектов ветеринарно-санитарных инструкций и постановлений².

Лечение sporadических болезней домашних сельскохозяйственных животных требовало значительно больше расходов по сравнению с эпизоотическими болезнями и зависело исключительно от местных бытовых, экономических и зооигиенических условий. В связи с этим, для рационального ведения лечебной ветеринарии уездные земства удерживали амбулатории и фельдшерские пункты, выделяли средства на закупку медикаментов и инструментов, а также руководили и контролировали деятельность ветеринаров в заданном направлении.

В свою очередь, губернское земство по отношению к sporadическим болезням, занимало объединительную и координирующую роль в соответствии с общим планом земской ветеринарной медицины в губернии. В случае необходимости губернское земство устраняло недостатки в материально-техническом обеспечении ветеринарного персонала уездных земств³.

В Таврической губернии уездные земства учреждают должности ветеринаров еще с конца 60-х – начала 70-х гг. XIX в. Как правило приглашались выпускники Харьковско-го ветеринарного института в расчете один специалист на уезд. Во время усовершенствования ветеринарной организации, которая проходила из второй половины 80-х гг. XIX ст. стало ясно, что одного врача на уезд недостаточно, так как ветеринарной помощью пользовалось исключительно население тех населенных пунктов, в которых постоянно проживали ветеринары и фельдшера. В связи с этим, уезды разделялись на отдельные участки, во главе которых стояли специалисты по ветеринарной медицине, а помогали им – ветеринарные фельдшера.

Согласно постановлению Мелитопольского уездного земства в 1911 г. разработан план сети ветеринарных участков на ближайшее десятилетие. Во время разделения уезда на участки руководствовались следующими данными:

- общему количеству домашних животных, главным образом лошадей;
- количеством населенных пунктов и расстоянием их от места проживания ветеринара;
- площадью участков⁴.

Постепенный процесс увеличения количества ветеринарного персонала в каждом уезде проходил параллельно с потребностями местного населения и ростом земского бюджета. Так, в Мелитопольском уезде в 1888 г. ветеринарный персонал состоял из двух врачей (Н. А. Шадрин, который работал в г. Мелитополе и П. В. Корнийчука с проживанием в с. Каменка) и двух фельдшеров⁵. А уже в 1911 г. весь уезд был разделен на 6 участков, в которых работало 6 ветеринаров и 17 фельдшеров⁶.

В 1888 г. в Бердянском уезде действовали два врача и один фельдшер, из которых один врач и фельдшер содержались за счет средств губернского земства, а один врач – уездного земства⁷. Через 11 лет количество ветеринаров увеличилось до 5, а фельдшеров до 4⁸.

Несколько меньше существовало ветеринарных должностей в крымских уездах. В 1901 г. в Симферопольском уезде действовало 2 ветеринара и 4 фельдшера⁹. В том же го-

² Шадрин М.А. Об участии губернских и уездных земств в организации ветеринарной помощи // Вестник Таврического земства. 1905. № 1–2. С. 36–37.

³ Там же С. 39.

⁴ Постановления Мелитопольского очередного уездного земского собрания 47-й очередной сессии созыва 27–30 ноября и 1–4 декабря 1912 г. Мелитополь, 1913. С. 621.

⁵ Постановления XXIII очередного Мелитопольского уездного земского собрания 1888 г. Мелитополь, 1889. С. 4.

⁶ Постановления Мелитопольского очередного уездного земского собрания 46-й очередной сессии созыва 26 сентября – 3 октября 1911 г. Мелитополь, 1912. С. 719.

⁷ Постановления Бердянского уездного очередного земского собрания созыва 5–8 октября 1888 г. Бердянск, 1889. С. 43.

⁸ Протоколы Бердянского очередного уездного земского собрания XXXV сессии созыва с 27 сентября по 1 октября 1900 г. Бердянск, 1900. С. 1.

ду в Перекопском уезде функционировало 3 ветеринара и 3 фельдшера¹⁰. 2 ветеринара и 2 фельдшера находилось в распоряжении Евпаторийского земства в 1903 г.¹¹

Для более системной и качественной работы ветеринарной организации в каждом уезде действовали ветеринарные совещания, которые являлись совещательным органом земской управы. Ветеринарные совещания представляли собой лишь организованное и санкционированное земскими собраниями сотрудничество представителей земства и земских ветеринарных врачей в правильном и всестороннем решении разнообразных вопросов. В большинстве случаев в состав ветеринарного совещания входили в качестве полноправных членов председатель и члены управы, три уездных земских гласных, все имеющиеся ветеринарные врачи и фельдшера. В случае потребности состав совещания увеличивался за счет агрономов и лиц, которые внесли непосредственный вклад в развитие животноводства в регионе. Собирались совещания не менее двух раз в год.

Чаще всего ветеринарными совещаниями выбиралась стационарно-разъездная система, при которой ветеринарные врачи и фельдшера в определенные дни и часы принимали больных животных в амбулаториях, а все другое время объезжали населенные пункты своего участка.

Каждый ветеринар в начале года готовил перспективный план своей деятельности, а в конце года отчитывался перед земской уездной управой о его выполнении. В силу разных причин, форма отчетности и направление деятельности земских специалистов по ветеринарной медицине отличалась даже в отдельных регионах губернии. Для Бердянского уезда их план работы на 1897 г. заключался в следующем:

- борьбе с заразными болезнями;
- лечении sporadических заболеваний;
- надзоре за ярмарками животных;
- участием в изготовлении предохранительных прививок (рожи свиней и сибирки);
- надзоре за скотом и животными продуктами, которые транспортировались в Таврическую губернию извне (ветеринары губернского земства);
- контроле за общим ветеринарно-санитарным положением уезда¹².

Таким образом, одним из важнейших задач, которые ложились на плечи ветеринаров являлась борьба с эпизоотическими болезнями. Борьбу с сапом Бердянское земство инициировало еще в 1885 г., когда было выработано обязательное постановление для Бердянского уезда, в котором устанавливалось обязательное умерщвление всех больных лошадей. В связи с тем, что умерщвление происходило без выдачи вознаграждения, население неохотно выполняло постановление. Для диагностики сапа у лошадей использовался специальный препарат – маллеин. Бактериологическая лаборатория Харьковского Ветеринарного института имела в наличии достаточный запас маллеина, который отпускался бесплатно в необходимом количестве при условии использования его лишь ветеринарными врачами. Требовалась оплата лишь за упаковку и за покрытие почтовых расходов (пересылка препарата с Харькова до места назначения)¹³.

С 1 января 1896 г. в губернии вводится вознаграждение за убивание больных животных, что значительно улучшило ход дела. Согласно предложению Симферопольской земской управы, правом на получение вознаграждения за умерщвление сапных лошадей могут воспользоваться жители Симферопольского уезда, которые докажут, что приобрели животных до выявления болезни. Денежная компенсация выдавалась лишь тем владельцам, которые заявили управе или земскому ветеринару наличие у лошадей болезни. После проведенного оценивания ветеринаром и двумя понятыми, сапных животных забивали и закапывали, а владелец получал вознаграждение из земской управы¹⁴. Динами-

⁹ Постановления Симферопольского уездного земского собрания XXXVII-й очередной сессии 1902 г. Симферополь, 1903. С. 86.

¹⁰ Журналы и постановления Перекопского XXXVII очередного уездного земского собрания созыва 1902 г. Перекоп, 1903. С. 158.

¹¹ Постановления Евпаторийского XXXIX очередного уездного земского собрания 25–29 сентября 1904 г. Евпатория, 1905. С. 245.

¹² Протоколы Бердянского очередного уездного земского собрания XXXIII сессии созыва с 2–5 октября 1898 г. Бердянск, 1899. С. 47.

¹³ Государственный архив в Автономной Республике Крым Ф. 62 Ялтинская уездная земская управа, г. Ялта Таврической губернии Оп. 1. Д. № 91 Способ употребления маллеина. Л. 48.

¹⁴ Постановления Симферопольского уездного земского собрания XXVIII очередной сессии включительно с 23 по 29 сентября 1893 г. Симферополь, 1894. С. 139.

ку заболевания сапом в Таврической губернии в 90-х гг. XIX ст. демонстрирует таблица 1:

Таблица 1

Количество сапных лошадей в Таврической губернии в 1891–1896 гг.¹⁵

Уезд \ Год	1891	1892	1893	1894	1895	1896
Бердянский	118	7	9	25	60	175
Днепровский	12	1	43	23	67	91
Евпаторийский	–	–	2	1	9	41
Мелитопольский	26	17	63	189	395	572
Перекопский	–	7	57	37	18	12
Симферопольский	24	28	31	32	41	92
Феодосийский	17	5	13	21	45	44
Ялтинский	–	4	23	6	17	9
Всего	197	69	241	334	652	1036

Очевидно, что резкий скачок количества зарегистрированных больных лошадей в 1896 г., за исключением Евпаторийского, Перекопского и Ялтинского уездов, тесно связан с введением платы за умерщвление животных. Хотя по другим данным количество зафиксированных саповых лошадей в 1896 г. было несколько меньшим и значительно выросло в 1897 году (табл. 2).

Таблица 2

Количество уничтоженных сапных лошадей в 1896–1897 гг. в Таврической губернии¹⁶

Уезд	С 1-го июля 1896 г. по 1 января 1897 г.		1897 г.		Средняя цена за 1 лошадь (руб.)
	Уничтожено лошадей (шт.)	Выделено вознаграждения	Уничтожено лошадей (шт.)	Выделено вознаграждения	
Бердянский	39	878 руб. 80 коп.	396	9 180 руб.	23
Днепровский	56	980 руб. 90 коп.	324	4 988 руб.	16
Евпаторийский	9	180 руб.	288	4 505 руб.	16
Мелитопольский	421	8 782 руб.	630	12 242 руб.	20
Перекопский	2	45 руб.	53	1250 руб.	23
Симферопольский	76	1 389 руб.	102	2 068 руб.	19
Феодосийский	11	235 руб.	61	1064 руб.	18
Ялтинский	7	157 руб.	6	157 руб.	24

Несомненными лидерами по количеству зарегистрированных сапных лошадей были материковые уезды. Средняя цена за одну большую лошадь составляла 20 руб.

В начале XX в. вознаграждение за уничтоженных лошадей финансировалось исключительно из губернского земского бюджета. Так, в Мелитопольском уезде в 1900 г. за 849 лошадей выплачено владельцам 17 488 руб.¹⁷ В Днепровском уезде в 1905 г. на те же мероприятия выдано 6 546 руб. 30 коп.¹⁸, в Симферопольском в 1901 г. – 1 254 руб.¹⁹, в Евпаторийском в 1903 г. – 1513 руб.²⁰

¹⁵ Государственный архив в Автономной Республике Крым Ф. 60 Таврическая губернская земская управа, г. Симферополь Таврической губернии Оп. 1. Д. № 90 Доклад Таврической губернской земской управы XXXI очередной сессии 1897 г. по вопросу о страховании лошадей. Л. 222.

¹⁶ Государственный архив в Автономной Республике Крым Ф. 60 Таврическая губернская земская управа, г. Симферополь Таврической губернии Оп. 1. Д. № 94 Доклад Таврической губернской земской управы XXXII очередной сессии 1898 г. О сапах на лошадях губернии. Л. 118.

¹⁷ Постановления Мелитопольского уездного земского собрания XXXVI очередной сессии созыва 25–29 сентября 1901 г. Мелитополь, 1901. С. 278.

¹⁸ Постановления Днепровского уездного земского собрания очередного созыва 8-го октября 1905 г. (сессия XL) и чрезвычайного собрания, созыва 15-го июня 1906 г. Алешки, 1907. С. 168.

¹⁹ Постановления Симферопольского уездного земского собрания XXXVI-й очередной сессии 1901 г. Симферополь, 1902. С. 87.

²⁰ Постановления Евпаторийского XXXIX очередного уездного земского собрания 25–29 сентября 1904 г. Евпатория, 1905. С. 245.

Что касается других эпизоотических болезней, таких как сибирка, ящур, бешенство, рожа, то в борьбе с ними ветеринары рекомендовали использовать карантин, отделение больных животных от здоровых, дезинфекцию зараженных помещений и др. Против сибирки использовали профилактические прививки.

Кроме своей основной обязанности – борьбой с эпизоотическими болезнями, ветеринарные врачи посещали сельские ярмарки, а остальное время занимались лечением простых болезней домашних животных. Ветеринарные фельдшера были заняты в пунктах их постоянного местожительства лечением больных животных под контролем ветеринарных врачей. Для выполнения поставленной цели, специалисты обеспечивались от губернского и уездных земств необходимыми инструментами, медикаментами, производными аптечками и медицинскими книгами для учета больных животных. Значительное внимание уделялось снабжению специалистам по ветеринарной медицине научной и периодической литературы. Так, в 1896 г. губернская земская управа, обсудив названия газет и журналов с губернским энтомологом и ветеринаром, поручила секретарю выписать на следующий год: «Новое время» (17 руб.), «Русь» (16 руб.), «Русские ведомости» (10 руб.), «Одесский листок» (12 руб.), «Харьковские ведомости», «Салгир» (6 руб.), «Крымский вестник» (8 руб.), «Крым» (6 руб.), «Правовый вестник» (12 руб.), «Губернские ведомости» (3 руб. 50 коп.), «Сенатские ведомости» (16 руб. 68 коп.), «Хозяин» (6 руб.), «Сельский хозяин» (6 руб.), «Земледельческая газета» (11 руб. 15 коп.), «Известия Министерства Земледелия» (4 руб.), «Вестник общественной ветеринарии» (8 руб.), «Архив ветеринарных наук» (5 руб.), «Ученые записки Казанского ветеринарного института» (2 руб.) Всего на выписку периодики в 1897 р. выделили 153 руб. 33 коп.²¹

Ветеринарно-врачебная деятельность в Бердянском уезде в 1900 г. предоставлялась в 6 амбулаториях и достигала 10 940 принятых больных животных²². В 1906 г. количество амбулаторий увеличились до 10, в которых принято 36 616 животных. Стоимость одного выданного лекарственного средства, включая и стоимость инструментов обошлись в 6,8 коп. Акушерские услуги оказаны в 123 случаях, проведено 178 операций.²³

В Мелитопольском уезде в 1897 г. ветеринарная помощь оказана 18 934 больным животным, из которых 17 921 коня, 996 коров, 10 овец, 62 свиньи, 23 собаки и коты, 12 птиц. Проведено 579 кастраций²⁴. В 1910 г. для предоставления ветеринарно-врачебной помощи домашним животным в уезде функционировали две больницы со стационарным отделением в г. Мелитополе и с. Нижних Сарагозах, 4 амбулатории и 10 ветеринарно-фельдшерских пунктов. За отчетной год принято 87 022 животных²⁵.

В Днепровском уезде в 1905 г. в амбулаториях принято 5 296 животных, в 1906 – 9 416, в 1907 г. – около 17 000, в 1908 – 21 807²⁶. 1 524 животным оказана помощь в Евпаторийском уезде в 1907 г.²⁷, 11 033 – в 1914 году.²⁸

Весь имеющийся ветеринарный персонал в Таврической губернии финансировался из губернского и уездных бюджетов. Так, расходы на ветеринарную часть в Бердянском уезде в 1897 г. от уездного земства составили 3 050 руб., из которых на содержание 2-х ветеринаров потрачено 2 000 руб., на медикаменты и инструменты – 750 руб., на устройство станков при амбулаториях – 100 руб., еще 200 руб. оплачено за аренду поме-

²¹ Государственный архив в Автономной Республике Крым Ф. 60 Таврическая губернская земская управа, г. Симферополь Таврической губернии Оп. 1, Дело № 87 Определение Таврической губернской земской управы 21 декабря 1896 г., 189 лист.

²² Протоколы Бердянского очередного уездного земского собрания XXXVI сессии созыва с 27 сентября 1901 г. Бердянск, 1902. С. 227.

²³ Протоколы Бердянского очередного уездного земского собрания 42-й очередной сессии созыва с 6 октября 1907 г. Бердянск, 1908. С. 207.

²⁴ Постановления XXXIII Мелитопольского уездного земского собрания 1898 г. Мелитополь, 1899. С. 244.

²⁵ Постановления Мелитопольского очередного уездного земского собрания 45-й очередной сессии созыва 24–30 октября 1910 г. Мелитополь, 1911. С. 728.

²⁶ Постановления Днепровского уездного земского собрания очередного созыва 24-го сентября (сессия XLIV) и чрезвычайного 28-го апреля 1909 г. Алешки, 1910. С. 497.

²⁷ Постановления Евпаторийского XLIII очередного уездного земского собрания 26–30 сентября 1908 г. Евпатория, 1909. С. 312.

²⁸ Постановления заседаний чрезвычайных очередного Евпаторийского уездного земского собрания 1915 г. Евпатория, 1914. С. 216.

щений для аптек и амбулаторий. В свою очередь из губернского бюджета выделялись средства на содержание двух ветеринаров – по 1 200 руб. каждому²⁹.

С ростом численности ветеринарного персонала рос и земской бюджет ветеринарных расходов. Если в 1900 г. на ветеринарию в Бердянском уезде выделено 11 635 руб. (из них 5 100 руб. от губернского земства)³⁰, то уже на следующий год – 17 372 руб. 25 коп. (10 337 руб. 25 коп. от губернского земства), что равнялось 1,4 % всего бюджета Бердянского земства³¹. С 19 934 руб. состояли расходы на ветеринарное дело в 1906 г., из которых от губернского земства – 10 549 рублей.³²

Расходы Мелитопольского уездного земства на потребности ветеринарии в 1900 г. достигали 10 474 руб. 50 коп., еще 4 950 руб. ассигновано губернским земством. В 1906 г. расходы на ветеринарию выросли до 28 848 рублей 68 копеек.

На Крымском полуострове бюджет, который направлялся на ветеринарное дело уступал бюджету материковых уездов. Общие расходы в 1911 г. в Перекопском уезде достигали 6 772 руб. 65 коп.³³, в Евпаторийском – 7 148 руб.³⁴, Симферопольском – 13 940 рублей 51 копеек.³⁵

Значительные расходы с ветеринарного земского бюджета направлялись на зарплату ветеринарного персонала. Размер оклада ветеринара обсуждался на уездных земских собраниях и, как правило, не превышал 1 200 руб. в год (табл. 3).

Таблица 3

Материальное обеспечение ветеринарных земских врачей Таврической губернии в 1911 г.³⁶

Уезд	Оклад (руб.)	Периодические надбавки			Предел оклада (руб.)	Квартирные (руб.)
		количество надбавок	период	размер надбавки (руб.)		
Врачи губ. земства	1 200	8	двухл.	100	2 000	200
Бердянский	1 200	3	пятилет.	100	1 500	–
Днепровский	1 200	3	пятилет.	150	1 650	200
Евпаторийский	1 400	8	двухл.	175	2 800	200
Мелитопольский	1 600	4	двухл.	150	2 200	200
Перекопский	1 400	4	двухл.	175	2 100	200
Симферопольский	1 200	4	двухл.	150	1 800	200
Феодосийский	1 500	8	двухл.	100	2 000	200
Ялтинский	1 200	4	пятилет.	125	1 700	200

В 1913 г. губернские земские собрания, поддерживая идею уездных земств, решили увеличить оклады старшим ветеринарам на 20 %, а младшим на 25 %. Таким образом, если ветеринарные специалисты занимали свою должность больше 16 лет, то их зарплата могла увеличиться в 1,5 раза и достигать для старшего ветеринара 2 700 руб., для 17-ти младших ветеринаров – 2 250 руб., для 16-ти ветеринарных фельдшеров – 720 рублей.³⁷

²⁹ Протоколы Бердянского очередного уездного земского собрания XXXIII сессии созыва с 2–5 октября 1898 г. Бердянск, 1899. С. 43.

³⁰ Протоколы Бердянского очередного уездного земского собрания XXXVI сессии созыва с 27 сентября 1901 г. Бердянск, 1902. С. 225.

³¹ Протоколы Бердянского очередного уездного земского собрания XXXVII сессии созыва с 26 сентября 1902 г. Бердянск, 1903. С. 84.

³² Протоколы Бердянского очередного уездного земского собрания 42-й очередной сессии созыва с 6 октября 1907 г. Бердянск, 1908. С. 198.

³³ Журналы и постановления Перекопского 47 очередного уездного земского собрания созыва 1912 г. Перекоп, 1913. С. 90.

³⁴ Постановления Евпаторийского чрезвычайного уездного земского собрания 23 апреля 1912 г. и XLVII очередного собрания того же года 15–24 ноября. Евпатория, 1913. С. 265.

³⁵ Постановления Симферопольского уездного земского собрания 46-й очередной сессии 1911 г. и чрезвычайных собраний: 10 и 11 декабря 1911 г., 31 марта и 31 июля 1912 г. Симферополь, 1912. С. 65.

³⁶ Постановления Симферопольского уездного земского собрания 47-й очередной сессии 1912 г. и чрезвычайного собрания 17 декабря 1912 г. Симферополь, 1913. С. 154.

³⁷ Государственный архив в Автономной Республике Крым Ф. 60 Таврическая губернская земская управа, г. Симферополь Таврической губернии Оп. 1, Дело № 161 Доклад Таврической губернской земской управы 47-й очередной сессии 10 января 1913 г. Об увеличении пособия на содержание субсидируемых от Гу-

С 1896 г. за счет средств губернского земства в г. Симферополе начал свою деятельность Бактериологический кабинет, специалистами которого проводились диагностические исследования больных животных. Лишь с 1-го ноября 1899 г. по 1-е ноября 1900 г. в нем осуществлены 223 исследования, с которых 147 в Симферопольском уезде, 32 – Феодосийском, 24 – Перекопском, 5 – Днепровском, 2 – Бердянском, 2 – Ялтинском, 1 – в г. Севастополе. Среди числа объектов исследования главное место занимали лошади, крупный рогатый скот, свиньи и овцы. Кроме того, при содействии специалистов Бактериологического кабинета участковыми ветеринарными врачами выполнялись прививки вакциной сибирки профессора Харьковского ветеринарного института Л. С. Ценковского. По требованию участковых ветеринаров бесплатно рассылались туберкулин, маллеин и оспенная вакцина. За отчетный год привито 73 779 голов скота³⁸.

С годами деятельность бактериологического учреждения систематизировалась и усовершенствовалась. Так, уже в 1907 г. она выражалась в следующих мероприятиях:

- приготовление вакцин сибирки и рожи;
- гипериммунизация лошадей для получения от них врачбно-предохранительных сывороток;
- изготовление яда для крыс и мышей;
- снабжение участковых ветеринаров инструментами и материалами для прививки, а также переписки по всем текущим делам;
- командировка научного персонала в разные уезды губернии для участия в деятельности комиссий по исследованию заразных болезней.

За тот же год специалистами Бактериологического кабинета изготовлены вакцины массой 11 пуд. 36 фунт., проводились прививки против сибирки в 237 пунктах губернии, в которых привито 312 900 животных³⁹.

Таким образом, в Таврической губернии в конце XIX – начале XX ст. существовал смешанный тип земской ветеринарной организации. Непосредственный контроль в уездах по лечению sporadic и эпизоотических болезней ложился на плечи уездных земств, в свою очередь губернное земство финансировало вознаграждение за убивание больных животных, деятельность Бактериологического кабинета, материальную базу ветеринарных участков и зарплату некоторых специалистов. Развитие ветеринарного дела в материковых уездах губернии значительно опережало уезды Крымского полуострова.

ZEMSTVO VETERINARY ORGANIZATION OF TAVRIA PROVINCE (THE SECOND HALF OF 19TH – BEGINNING OF 20TH CENTURIES)

Y.V. BEREZNYAK

*Crimean humanitarian
university, Yalta*

e-mail: beryar@xaker.ru

The authority of province and district zemstvo establishments on veterinary business, that was set in the Tavria province in the second half of 19th – beginning of 20th century were analysed. The sources and directions of financing of veterinary measures, salary of veterinary personnel, material and technical base of veterinary organization were examined in detail. The methods of treatment by the zemstvo veterinary specialists of epizootic and sporadic illnesses of animals were considered.

Keywords: veterinary organization, veterinary personnel, epizootic, sporadic illnesses, zemstvo.

бернского земства ветеринаров уездного земства и об увеличении нормальных окладов ветеринарного персонала Губернской управы, 221 лист.

³⁸Журналы заседаний Таврического губернского земского собрания XXXV очередной сессии 28 ноября – 9 декабря 1900 г. Симферополь, 1901. С. 4.

³⁹Журналы заседаний Таврического губернского земского собрания чрезвычайной сессий 42-й очередной сессии с 8 по 15 января 1908 г. Симферополь, 1908. 737 с.

ЗАБЫТЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КУРСКОЙ И ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИЙ А.К. ДИМИТРИУ КАК ИЗВЕСТНЫЙ ВИЗАНТИНИСТ

В.М. МОСКОВКИН

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: moskovkin@bsu.edu.ru

Показан научный вклад директора Белгородского (1906-1913 гг.) и Воронежского (1913-1918 гг.) учительских институтов Алексея Константиновича Димитриу (1857-1925 гг.) в византинистику. С помощью специализированных инструментов Google идентифицированы 38 ссылок на два его ключевых труда, опубликованных в 1894 и 1895 гг. Предложены меры по увековечиванию имени А.К. Димитриу в Белгороде и Воронеже.

Ключевые слова: Белгородский учительский институт, Воронежский учительский институт, А.К. Димитриу, византинистика, договоры русских с греками, Google Scholar, Google Books.

О директоре Белгородского (1906-1913 гг.) и Воронежского (1913-1918 гг.) учительских институтов Алексея Константиновича Димитриу (1857-1925 гг.) имеются очень скудные сведения¹. В работах белгородских ученых указывается только то, что он был директором Белгородского учительского института², за исключением работы³, в которой подробно описана деятельность Белгородского педагогического кружка под председательством А.К. Димитриу.

В работах воронежских ученых описывается, исключительно, его деятельность в Воронежском учительском институте и дальнейшая его работа в Воронеже во время реорганизации системы народного образования⁴.

Но никто из них не пишет о выдающемся вкладе А.К. Димитриу в византинистику, благодаря опубликованию им в конце 19 в. всего двух работ. Виной этому является отсутствие у наших исследователей навыков по работе с поисковыми специализированными инструментами Google – Google Scholar и Google Books.

Если в расширенном поиске Google Scholar в строке «с точным словосочетанием» набрать имя А.К. Димитриу в латинской транслитерации «A. Dimitriu», то среди откликов мы встретим французскую работу Irene Sorlin, посвященную договорам Византии с Русью в 10 в. и опубликованную в 1961 г. в журнале «Cahiers du Monde russe et soviétique»⁵. В ней приводится довольно большая выдержка из статьи А.К. Димитриу, касающейся первых договоров русских с греками⁶. Эту же статью в работе «Шелковая промышленность в Ви-

¹ От учительского института к Государственному университету: 120 лет Белгор. учит. ин-ту. Белгород: БелГУ, 1996. 107 с.; Истории вуза страницы листая... / авт.-сост. Н.И. Руднева; отв. ред. Н.В. Камышанченко. Белгород: БелГУ, 1999. 246 с.; Базалева В.А. Библиотеке Белгородского государственного университета – 125 лет // Научные и технические библиотеки. 2001. № 12. С. 94-98; Болгова А.М. К истории учреждения Белгородского учительского института // Научные ведомости БелГУ. Сер. Педагогика. 2002. № 2 (17). С. 239-249; Нерубенко М. В учительстве всех начал: к 135-летию Белгор. учит. ин-та // Наш Белгород. 2011. 10 дек.; Чернобаева Т.Н. У истоков высшего педагогического образования в Воронежской губернии // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер. Педагогика. Психология. Соц. работа. Ювенология. Социокинетика. 2007. Т. 13, спец. вып. С. 66-69; Чернобаева Т.Н. К истории педагогического образования: Воронеж. учит. ин-т (1913-1918 гг.) // Человек и общество: история и современность: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 2010. Вып. 9. С. 54-58; Кривотулова Е.В. Развитие педагогического образования и педагогической науки в Воронежском университете // Роль классических университетов в педагогическом образовании: межрегион. науч.-практ. конф., Воронеж, 15-16 апр. 2002 г.: материалы конф. / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2003. С. 53-59.

² От учительского института к Государственному университету. Указ. соч.; Истории вуза страницы листая... Указ. соч.; Базалева В.А. Указ. соч.; Болгова А.М. Указ. соч.; Нерубенко М. Указ. соч.

³ От учительского института к Государственному университету. Указ. соч.

⁴ Чернобаева Т.Н. У истоков высшего педагогического образования в Воронежской губернии. Указ. соч.; Чернобаева Т.Н. К истории педагогического образования. Указ. соч.; Кривотулова Е.В. Указ. соч.

⁵ Sorlin I. Les traités de Byzance avec la Russie au Xe siècle (I) // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1961. Т. 2, № 3. С. 313-360.

⁶ Димитриу А. Къ вопросу о договорахъ русскихъ съ греками // Византийский временник. 1895. Т. 2. С. 531-550.

зантийской империи», опубликованной в 1945 г. в журнале «Speculum» и размещенной в сети Интернет 21.02.2013 г., цитирует Robert Sabatino Lopez из Бруклинского колледжа⁷. В целом, эта работа А.К. Димитриу, опубликованная в «Византийском Временнике» в 1895 г. с фамилией и заголовком представленными латинской транслитерацией, цитируется в Google Scholar три раза.

В результате этого же поиска мы видим и второй труд А.К. Димитриу «К вопросу о Historia Arcana», опубликованный в Летописях историко-филологического общества Императорского Новороссийского университета в 1894 г.⁸ Этот труд, например, цитировался в работе А.В. Голубкова⁹, в котором он пишет, что «в отечественной литературе сомнения в подлинности труда Прокопия сохранялись вплоть до 20 в., свидетельством тому стала статья А.К. Димитриу».

Если в расширенном поиске Google Scholar в строке «с точным словосочетанием» набрать «А. Димитриу», то мы получим 5 ссылок на его работу о договорах русских с греками¹⁰, из которых релевантными являются 4 ссылки¹¹.

Если в расширенный поиск Google Books в строке «с точным словосочетанием» записать термин «Historia Arcana», а ниже – «A. Dimitriu», то мы получим 7 откликов с неполными метаданными. Среди них статья немецкого историка Karl Klumbacher, опубликованная сразу же после выхода статьи А.К. Димитриу в 1895 г. в журнале «Byzantinische Zeitschrift» (Том 14), а также книга с его соавторством, вышедшая в 1897 г.¹² Остальные 5 ссылок приходятся на библиографию P. Thomsen, J.C. Hinrichs¹³, статью Gyula Moravcsik в «Byzantinoturcica» (1983, Том 1), материалы из румынских изданий «Scriptores Byzantini» (1972, Том 8) и «Războiul cu Gotii» (1963), а также итальянского издания «Miscellanea di studi critici in onore di Vincenzo Crescini» (1927).

Если в расширенном поиске Google Books в строке «с точным словосочетанием» записать «К вопросу о», а ниже – «A. Dimitriu», то мы получим 18 откликов с неполными метаданными. Среди них статьи из Вестника архива Загреба (1908, Том 10; 1918, Том 20), труд Михаила Грушевского с соавторами по истории Украины-Руси, переизданный на английский язык Канадским институтом украинский штудий в 1997 г., статья F.J. Thomson «Communications Entre Greks Et Russes», опубликованная в 1994 г. в трудах международного коллоквиума, проходившего в университете Льежа «Voyages et Voyageurs à Byzance et en Occident du VIe au XIe Siècle», монографии Robert Sabatino Lopez «Byzantium and the world around it: economic and institutional relation» (1978) и Franz Dölger «Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565-1453» (1924).

Если в расширенном поиске Google Books в строке «с точным словосочетанием» записать «К вопросу о договорах», а ниже – «Димитриу», то мы получим 14 откликов с более полным перечнем метаданных, по сравнению с тестированием латиноязычных названий и имен. В этом перечне мы видим труды российских ученых¹⁴. В статье П.О. Ка-

⁷ Lopez R.S. Silk Industry in the Byzantine Empire // Speculum: a journal of mediaeval studies. 1945. Vol. 20, № 1. P. 1-42.

⁸ Димитриу А.К. К вопросу о Historia Arcana // Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете. IV. Визант. отд. II. Исследования. Одесса, 1894. С. 258-301.

⁹ Голубков А.В. Поэтика анекдота во французской литературе и историографии XVII века // Ученые записки института УНИК. 2011. Вып. 2. С. 82-146.

¹⁰ Димитриу А. Къ вопросу о договорахъ русскихъ съ греками. Указ. соч.

¹¹ Королев А.С. История междукняжеских отношений на Руси в 40-е - 70-е годы X века. М., 2000. 295 с.; Лесной С. История «руссов» в неизвращенном виде. Париж, 1953. Вып. 1. 93 с.; Исследования по русской истории и культуре: сб. статей к 70-летию проф. И.Я. Фроянова / отв. ред.: Ю.Г. Алексеев, А.Я. Дегтярев, В.В. Пузанов. М., 2006. 574 с.; Меньшиков А.В. Из истории архивов Византийской церкви X-XV вв. // Отечественные архивы. 2005. № 4. С. 38-48.

¹² Krumbacher K., Ehrhard A., Gelzer H. Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527-1453). München: Oskar Beck, 1897. 1193 p.

¹³ Thomsen P. Die Palästina-Literatur eine internationale Bibliographie in systematischer Ordnung mit Autoren - und Sachregister. Leipzig: J.C. Hinrichs, 1908-1972. Bd. 1: Die Literatur der Jahre 1895-1904. 272 s.

¹⁴ Каштанов С.М. Русская дипломатика: учеб. пособие. М., 1987. 229 с.; Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. 553 с.; Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. М., 2004. 691 с.; Сахаров А.Н. Дипломатия древней Руси: IX - первая половина X в. М., 1980. 358 с.; Памятники истории Киевского государства IX-XII вв. / сб. док. подгот. к печати Г.Е. Кочиным. Л.: Соцэкгиз, 1936. 218 с.; Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в России в 1998-2002 гг. / ред.: Т.Г. Иванова, В.А. Ромодановская. М., 2009. 671 с.; Очерки феодальной России: сб. статей / ред. С.Н. Кистерев. М., 1998.

рышковского, опубликованной в сборнике «Очерки феодальной России» под редакцией С.Н. Кистерова¹⁵, отмечается факт доказанности А.К. Димитриу следования переговоров и заключения договора 971 г. процедуре греко-персидских переговоров 561 г., описанной у Менандра.

Расширенный поиск в Google, помимо ранее идентифицированных нами с помощью Google Scholar и Google Books источников¹⁶, позволяет обнаружить новые релевантные издания¹⁷, в которых наблюдаются ссылки на труды А.К. Димитриу.

В работе В. Горячева дан хороший исторический экскурс в проблематику русско-византийских дипломатических отношений¹⁸. В ней отмечается, что первые отечественные историки – В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, М.М. Щербатов – без каких-либо комментариев изложили в своих «историях» договор 911 г. с греками. Позднее, Н.М. Карамзин и Г. Эверс поставили договор 911 г. в русло изучения международных дипломатических актов раннего средневековья. Н.М. Карамзин первым сравнил этот договор с византийско-персидским договором 562 года.

М.П. Погодин считал, что договоры 911 и 944 гг. вышли из византийской канцелярии, а потом были переведены на русский язык. В 1853 г. Н.А. Лавровский вновь обращается к идее сравнительного анализа соглашения 911 г. и других международных соглашений раннего средневековья, в частности Менандрова греко-персидского договора. Идеи Н.А. Лавровского и И.И. Срезневского во многом определяли последующее изучение русско-византийских документов 911 и 944 гг. в трудах С.А. Гедеонова, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, М.С. Грушевского.

Новый этап в изучении русско-византийских договоров 911 и 944 гг. связан с выходом в свет в 1895 г. статьи А.К. Димитриу «К вопросу о договорах русских с греками» и в 1904 г. книги А.В. Лонгинова «Мирные договоры русских с греками, заключенных в X веке».

А.К. Димитриу, как пишет В. Горячев¹⁹, впервые в отечественной историографии высказал мысль о том, что русско-византийский договор 911 г., по всей вероятности, был просто-напросто типичным хрисовулом византийского императора. Он пришел к этому выводу на основе изысканий немецкого византиниста К. Неймана, который проанализировал договоры, позднее заключенные Византией с итальянскими государствами – Венецией и Пизой. Именно, К. Нейман первым заметил, что в X-XII вв. в византийско-иностранных соглашениях перечислялись обязательства лишь одного государства – Византии. Эти документы, идущие со стороны империи, получили форму хрисовула. Обязательства другой стороны в этих соглашениях упоминались лишь в общих чертах. Другим источником размышления А.К. Димитриу явилось уже упомянутое греко-персидское соглашение. Вот эти документы, согласно работе В. Горячева²⁰, А.К. Димитриу называет «типическими» для византийской дипломатии. С этих позиций он оценивает и русско-византийские договоры. Они, по его мнению, были следствием «византийской дипломатической рутин», являлись типичными переводами с греческого и представляли собой «вполне надежный текст второй руки», то есть копии со вторых экземпляров договоров, которые подписывались греческой стороной, переводились и передавались русским.

Вып. 2. 266 с.; Памятники русского права / под ред. С.В. Юшкова. М., 1952. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X-XII вв. / сост. А.А. Зимин. 288 с.; Брайчевский М.Ю. К вопросу о правовом содержании первого договора Руси с греками (860-863 гг.) // Советский ежегодник международного права, 1982 / Сов. ассоц. междунар. права; ред: Е.Т. Усенко, В.А. Альтшуллер. М., 1983. С. 276-297.

¹⁵ Очерки феодальной России. Указ. соч.

¹⁶ Голубков А.В. Указ. соч.; Меньшиков А.В. Указ. соч.; Брайчевский М.Ю. Указ. соч.

¹⁷ Горячев В.А. Великокняжеская власть в договорах русских с греками X века // Юридическая мысль. 2008. № 4. С. 11-20; Наумов Д.Б. Влияние Византии на формирование и развитие государства Киевской Руси. Киров: Аверс, 2011. 192 с.; Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника: акты X-XVI вв. М., 1996. 263 с.; Византийская цивилизация в освещении российских ученых: в 2 т. / сост. П.И. Жаворонков. М., 1999. Т. 1: 1894-1927. 574 с.; Александров Е. Правен статут на задграничните българи през Средновековието: 681-1396 г. // Население. 1993. № 2. С. 40-48; Куприна Н.Ю. Роль княжеского совета в системе управления Киевской Руси // Мир юридической науки. 2010. № 12. С. 35-38.

¹⁸ Горячев В. Указ. соч.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

Д.Б. Наумов о рассматриваемом труде А.К. Димитриу пишет следующее: «Греческий историк XIX в. А. Димитриу справедливо отмечает, что структура договора Олега с Византией свидетельствуют о его разработке в империи, поскольку для славян IX в. она слишком сложна²¹. Он отмечает, что, хотя греческие оригиналы договоров 907 и 911 гг. не сохранились, структура славянского экземпляра говорит о его подлинности, «записанные у летописца договоры суть ближайшие копии со вторых экземпляров, которые сопровождали греческие»²². А. Димитриу отмечает, что при заключении договора Игоря с греками в 944 г. соблюдалась процедура ратификации: «Игорь в сопровождении своих людей отправился на холм, где стоял идол Перуна; здесь все они, в присутствии византийских послов, сложили с себя оружие, щиты и золотые украшения и произнесли требуемую клятву; крещенные русские принесли присягу в церкви Св. Ильи»²³.

Доказательством того, что труд А.К. Димитриу «К истории о договорах русских с греками» является классическим служит также его переиздание в 1999 г. в сборнике трудов «Византийская цивилизация в освещении российских ученых»²⁴.

Таким образом, в отличие от белгородских и воронежских историков и краеведов, в чьих городах А.К. Димитриу возглавлял учительские институты, ученые византинисты России, Германии, Франции, Великобритании, Хорватии, Румынии, Болгарии и других стран признают большой его вклад в византинистику. В целом, нам удалось идентифицировать 38 ссылок на два труда А.К. Димитриу: 24 источника приведены в сносках, 12 – указаны в тексте из-за неполных библиографических данных, а также не отмеченные ранее статья В.Д. Бондалетова (1996) и монография О.К. Касименко (1963) на украинском языке. Распределение этих ссылок по 15-ти летним интервалам времени приведено в таблице.

Таблица 1

Распределение ссылок на два труда А.К. Димитриу, опубликованных в 1894-1895 гг., по годам.

Интервал времени	Количество ссылок
1895-1909	3
1910-1924	2
1925-1939	2
1940-1954	3
1955-1969	5
1970-1984	5
1985-1999	8
2000-2014	9
Всего	38

Из этой таблицы видим, что ссылки на труды А.К. Димитриу появились сразу же после их опубликования и количество этих ссылок возрастало со временем. Из 38 ссылок 13 приходилось на зарубежные литературные источники.

Вышеизложенное убеждает нас в том, что имя директора Белгородского (1906-1913) и Воронежского (1913-1918) учительских институтов Алексея Константиновича Димитриу, внесшего существенный вклад в византинистику, достойно увековечивания в белгородских (НИУ «БелГУ») и воронежских (ВГУ, ВГПУ) университетах, которые являются правопреемниками вышеуказанных учительских институтов. Речь может идти об открытии именных аудиторий или кабинетов на исторических факультетах этих университетов, проведении регулярных чтений или конференций, посвященных его памяти, установлении мемориальных досок. Его имя может рассматриваться в качестве кандидата на присвоение, по крайней мере, двум университетам – НИУ «БелГУ» и ВГПУ.

²¹ Наумов Д.Б. Указ. соч.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Димитриу А.К. К вопросу о договорах русских с греками // Византийская цивилизация в освещении российских ученых: в 2 т. / сост.: П.И. Жаворонков. М., 1999. Т. 1: 1894-1927. С. 112-131.

THE FORGOTTEN ACTOR OF PEOPLE EDUCATION OF KURSK AND VORONEZH PROVINCES F.K.DIMITRIU AS A WELL-KNOWN BYZANTINIST

V.M. MOSKOVKIN

*Belgorod National
Research University*

e-mail: moskovkin@bsu.edu.ru

Shows the scientific contribution of the Director of Belgorod (1906-1913) and Voronezh (1913-1918.) Teachers' Institute Alexei Konstantinovich Dimitriu (1857-1925) in vizantology. With the help of the specialized tools of Google 38 references to his two main works, published in 1894 and 1895, were identified. The measures to perpetuate the name of A.K. Dimitriu in Belgorod and Voronezh were proposed.

Key words: Belgorod Teacher Institute, Voronezh Teacher Institute, A. K. Dimitriu, vizantology, Russian treaties with Greeks, Google Scholar, Google Books.

РОССИЙСКОЕ ДВОРЯНСТВО И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

И.Т. ШАТОХИН¹⁾
С.Б. ШАТОХИНА²⁾

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

¹⁾*e-mail:shatohin@bsu.edu.ru*

²⁾*e-mail:shatohina@bsu.edu.ru*

Негативное отношение помещного дворянства к гражданской службе создавало постоянный дефицит управленческих кадров. Государство, рассматривая дворянство как опору трона, пыталось мотивировать дворян на занятие должностей в коронном управлении льготами и преимуществами в карьере. Не имея должного в этом успеха, оно вынуждено было постепенно открывать дорогу представителям других сословий в канцелярии коронных учреждений. Конфликты между предводителями дворянства и губернаторами второй половины XIX века свидетельствуют о сохранении неприязни помещного дворянства к чиновничеству.

Ключевые слова: государственная служба, бюрократия, дворянство, корпоративные институты, буржуазные реформы.

Отношение дворянства к государственной службе, юридически определенное «Жалованной грамотой дворянству», уже к началу XIX в. привело к серьезным кадровым проблемам, прежде всего, на нижних этажах государственного управления. Сокращение доли дворян в составе чиновничьего корпуса наблюдалось на протяжении всей второй половины XVIII в.¹ В значительной мере это было осложнено проведением губернской реформы 1775 г., в ходе которой были расширены штаты местных учреждений. Заполнение новых мест вызвало большие затруднения. Только к концу XVIII в. в ряде губерний удалось укомплектовать новые учреждения и нередко людьми случайными и элементарно неграмотными². Так, в Тверской и Вологодской губерниях в 1798–1799 гг. доля потомственных дворян в местных учреждениях составила соответственно 31,88 % и 33,66 %. В то время как остальные штатные места классовых чиновников были заняты обер-офицерскими сыновьями, выходцами из духовенства, купечества, сыновьями канцелярских служителей, солдат и, даже, отпущенных на волю крестьян и бывших господских людей³.

Интересные свидетельства современников, прекрасно иллюстрирующие отношение дворянства к государственной гражданской службе и мотивацию неприязненного их отношения к такой форме служения царю и Отечеству, собрала Л.Ф. Писарькова. Генерал-лейтенант и историк Н.Ф. Дубровин, характеризуя состав служащих местных учреждений в начале XIX века, писал: «...присутственные места заполнялись часто людьми недостойными, безнравственными и совершенно необразованными. Молодые дворяне до 20 лет больше сидели дома в недорослях, пока не наступало время женить их. Тогда родители записывают их в нижний земский суд и вместе с празднованием коллежского регистратора играется свадьба... Дворянство находилось тогда в таком блаженном положении, что не желало обременять себя службой и всеми способами уклонялось от нее». По словам другого современника тайного советника Ф.Ф. Вигеля, «молодые дворяне, как известно, при Екатерине и до нее, вступали единственно в военную службу, более блестящую, веселую и тогда менее трудную, чем гражданская... собственно званием канцелярского гнушались и оно оставлено было детям священно и церковнослужителей и разночинцев». Ему вторит В.И. Евреинов: дворянство «в силу традиций неохотно шло на гражданскую службу и в особенности избегало должностей, требующих усидчивых канцелярских занятий»⁴.

¹ Румянцева М.Ф. Массовые источники по истории чиновничества местных государственных учреждений России: 1762-1802 гг.: автореф. дис. М., 1985. С. 19.

² Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3. С. 2. Режим доступа: http://vivovoco.nns.ru/VV/PAPERS/MEN/PISAR_1.HTM; Снежевский В.И. Приказные люди в Нижегородском наместничестве // Действия Нижегородской ГУАК. Нижний Новгород, 1903. Т. 5. С. 50.

³ Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С. История государственной службы в России. XVIII – XX века. М., 1999. С. 75-77, табл. 1.

⁴ Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе... С. 3.

Не имея возможности вновь сделать государственную гражданскую службу строго обязательной для потомственного дворянства, правительство всю первую половину XIX в. искало варианты привлечения в государственный аппарат представителей «первенствующего» сословия. При этом самодержавию постоянно приходилось искать компромисс между желанием максимально привлечь на все ключевые посты представителей дворянства, и стремлением сделать эффективным государственное управление, что было не возможно без высококвалифицированных профессионалов, которых, впрочем, было крайне мало не только среди дворянства, и в стране в целом.

Надеясь повысить квалификацию чиновничества, хотя бы через подъем его образовательного уровня, правительство по инициативе М.М. Сперанского в 1809 г. ввело образовательный ценз для получения VIII классного чина и, соответственно, для занятия должностей в коронном управлении, которые предполагали обладание таким классным чином. Несмотря на то, что этот указ постепенно сводился на нет другими нормативными актами, вводившими все новые и новые исключения из этого правила, политика стимулирования получения образования была продолжена. В 1834 г. для определявшихся на службу в коронные гражданские учреждения были установлены разряды, соответствующие полученному образованию. К 1 разряду были отнесены лица, имевшие высшее образование или закончившие гимназии с медалями. Они сразу получали право занять вакантные должности в государственных структурах управления с присвоением X, XII или XIV классного чина. В то время как лица со средним (2 разряд) и начальным (3 разряд) образованием для получения первого (XIV) классного чина должны были определенное время отработать на должностях канцелярских служащих. При этом дворяне имели весьма существенные преимущества для получения первого классного чина при любом образовательном уровне. Так, дворяне с начальным образованием получали чин XIV класса после 2–4 лет канцелярской службы, а дети личных дворян, священников и купцов через 4–6 лет, все же иные – через 8–12 лет. Срок выслуги для получения очередных чинов для дворян также был меньшим чем для выходцев из всех других социальных групп⁵.

Однако предпринимаемые правительством усилия по достижению своего социального идеала в формировании состава чиновничьего корпуса не увенчались успехом. Одной из главных причин этого стало то, что дворяне не рассматривали государственную гражданскую службу в числе приоритетных и подходящих статусу дворянина занятий. Если же в коронное учреждение и приходил дворянин, то его естественным стремлением было достижение «чинов не заслугами и отличными познаниями, но одним лишь пребыванием и счислением лет службы»⁶.

Возможно, это стало одним из побудительных мотивов к пересмотру в 1856 г. стратегии в комплектовании корпуса гражданского чиновничества. В законе «О сроках производства в чины по службе гражданской» уже не наблюдается при чиновничестве каких-либо прямых льгот для дворян и преимуществ для лиц с более высоким образовательным уровнем. Исключением из этого правила было предоставление права на более высокий чин при поступлении на службу выпускникам высших и средних учебных заведений. Дальнейшее же их производство шло по общему для всех порядку.

Закон 1856 г., на наш взгляд, следует рассматривать в русле буржуазных реформ, как законодательный акт, направленный на демократизацию государственной гражданской службы. И хотя при этом условия достижения чина, дававшего права на приобретение потомственного дворянства, для недворян были усложнены, это не снижало важности и действенности принятого решения об унификации сроков и процедуры чиновничьего производства для всех чиновников независимо от их сословного происхождения. Этот принцип был в духе последующих реформ: уравнивание всех в правах перед судом, перед воинской повинностью.

По мере реализации этого важнейшего положения закона 1856 г. несомненно происходили позитивные изменения в осознании чиновничеством служебной карьеры. Равные возможности в чиновничьем производстве выдвигали на первый план профессиональные качества: компетентность, опыт, сноровку, успехи и достижения по службе, а не происхождение. Следует отметить, что существовавший барьер в достижении недворянами

⁵ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. С. 35–37.

⁶ Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России, 1861–1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 88.

определенных чинов вовсе не означал, что это глухая, непроницаемая стена. По расчетам американского историка С. Беккера, основанным на архивных материалах и на результатах исследований отечественных историков, «пополнение потомственного дворянства за счет деятелей из низших сословий и членов их семей шло следующими темпами: примерно по 1000 человек в год в 1825–1845 гг.; по 1270 человек в год в 1875–1884 гг.; по 1393 человека в год в 1882–1896 гг.; и по 1569 человек в год в 1892–1896 гг.⁷ Эта динамика убедительно демонстрирует, что законодательно установленные ограничения на самом деле не были препятствием для ежегодно увеличивающейся группы самых целеустремленных, напористых чиновников – выходцев из недворянской среды. При этом доля лиц, получивших потомственное дворянство по службе (по орденам или по чинам), во второй половине XIX в. в общей численности сословия оставалась почти неизменной: 6,5–7 % – в 1858 и 7,5 % – в 1897 г.»⁸.

Следует обратить внимание и на обратную сторону усложнения в получении потомственного дворянства выходцами из других сословий. Политика повышения классного чина, а также изменения орденских статуты с этой целью, делали предшествующие классные чины и степени орденов более доступными для недворян, то есть создавали более широкие рамки и условия для профессиональной конкуренции всех чиновников без различия их социального статуса.

Подготовка и проведение крестьянской реформы поставили в повестку дня и проблему взаимодействия дворянства и бюрократии, причем не в контексте личного отношения дворянина к государственной службе, а в отношении дворянина-помещика к чиновничеству как особой социальной группе, стоящей между поместным дворянством и монархом. При таком подходе отношение к коронным чиновникам накануне отмены крепостного права было вполне определенным: бюрократия – это давний враг дворянства, объединивший в своих рядах корыстных, честолюбивых выходцев из всех сословий. «В России образовалось совершенно отдельное, вредное и самое нечистое сословие чиновников»⁹ – писал один из ярких публицистов середины XIX в. П.Б. Бланк. Этими словами четко и неоднозначно выражалось отношение значительной части потомственного дворянства к возможности поступления на гражданскую службу, а значит и к вхождению на полноправной основе в состав столь ненавистной бюрократии.

Другой, менее радикальный, дворянский полемист той эпохи Орлов-Давыдов прекрасно понимал, что дворянство и чиновничество – это две связанные и взаимно переплетенные социальные группы, поэтому пытался найти между ними разграничительную линию. Предложенный им критерий также содержал некоторый негативный нравственный оттенок: «Дворянин носит чин как платье, а у чиновника ... чин пристает к самому телу»¹⁰.

Наиболее показательно и концентрированно характеризуют противоречия между поместным дворянством и бюрократией отношения между губернскими предводителями дворянства и губернаторами. Губернаторы не имели права вмешиваться в деятельность дворянских собраний. Если дворяне делали представление губернатору «о своих нуждах», то он был обязан способствовать их удовлетворению. Пренебрежение к дворянским собраниям было чревато для губернаторов серьезными осложнениями, ведь дворяне могли непосредственно обратиться за поддержкой к министру внутренних дел или к самому императору. Прямым защитником их интересов на местах был выборный губернский предводитель. Отметим, что губернский предводитель дворянства, как и губернатор, имел чин IV класса по табели о рангах и по статусу занимал среди губернских чинов первое место после губернатора.

Однако отношения губернаторов с губернскими предводителями дворянства не всегда складывались безоблачно, как в дореформенный, так и в пореформенный период. Например, в Курской губернии было немало случаев неприязненных отношений между этими должностными лицами. В начале 1850-х гг. губернский предводитель дворянства А.А. Нелидов, сопротивляясь губернатору А.П. Устимовичу за влияние на полицейских чиновников, добился сенаторской ревизии и смещения А.П. Устимовича. В свою

⁷ Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. С. 151.

⁸ Беккер С. Миф о русском дворянстве... С. 152.

⁹ Цит. по: Долбилов М.Д. Сословная программа дворянских «олигархов» в 1850–1860-х годах // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 45.

¹⁰ Цит. по: Долбилов М.Д. Сословная программа... С. 46.

очередь следующий курский губернатор уже в 1852 г. добился утверждения губернским предводителем другого кандидата, а не А.А. Нелидова, избранного большинством представителей дворянства губернии¹¹.

В 1861 г. курский губернатор генерал-майор В.И. Ден, усомнившись в бескорыстности и достойности кандидатов от уездных предводителей дворянства, назначил своих кандидатов на должности мировых посредников, чем вызвал недовольство дворянских лидеров губернии. Губернский предводитель Н.Я. Скарятин пожаловался императору. Однако Александр II занял сторону губернатора и, будучи в Курск, дал публичную отповедь губернскому и уездным предводителям: «...я увидел, что вы занимаетесь сплетнями, недостойными вашего звания. Вы жалуетесь на губернатора, который есть представитель моей власти и которого я лично знаю. Чтобы этого впредь не было!» Справедливости ради, следует сказать, что губернаторство В.И. Дена в Курске после этого не продлилось долго, уже в 1863 г. он был повышен в звании и переведен в МВД¹².

Менее благоприятной для губернатора П.П. Косаговского была его неприязнь к губернскому предводителю А.Д. Дурново. Заподозрив его в использовании в личных целях денег из дворянской кассы, губернатор повелел в отсутствие предводителя вскрыть его сейф. В результате деньги оказались на месте, П.П. Косаговский был вызван в МВД, где получил выговор от министра, а вскоре был переведен на губернаторство в Полтаву. Однако и А.Д. Дурново через год не был утвержден губернским предводителем на очередной срок, что стало для него серьезным ударом¹³.

Стойкие антибюрократические настроения дворянства в течение XIX в. имели свое развитие: они то обострялись, то затухали. Суть конфликтов между этими должностными лицами, на наш взгляд, объясняется различной мотивацией их деятельности. Если предводители отстаивали узко корпоративные интересы местного дворянства, то губернаторы стояли на страже интересов всего государства. Неудивительно, что императоры и министры в таких конфликтах поддерживали губернаторов, как государственных деятелей. При этом верховная власть стремилась погасить конфликт и удалением, разведением конфликтующих сторон, так как была заинтересована в совместной эффективной работе коронных администраторов и представителей дворянства – высшего сословия и опоры трона. Однако факты проявления верховной властью предпочтений представителям коронной администрации в их конфликтах с лидерами дворянских корпораций не способствовали снижению градуса негативного настроения помещного дворянства к российской бюрократии.

Натянутые отношения между неслуживым помещным дворянством и чиновниками учреждений местного управления иногда выливалось в открытые жесткие конфликты, доходившие до суда. По данным «Обзоров Курской губернии» из 268 дворян, осужденных Курским окружным судом в 1893 г. и 212 – в 1899, основная масса понесла наказание за «оскорбление частных и должностных лиц»¹⁴.

Справедливости ради следует отметить, что вмешательство бюрократии в экономику и социальную жизнь не всегда вызывало неприятие дворянства, так как материальные интересы дворянства и чиновничества тесно переплетены. «Оба сословия стремятся закрепить за собой социальные привилегии, связанные с исполнением должностей в государственном аппарате и подачками из казны. На этом переплетении и базируется сословная система – политический строй, выражающий интересы феодальной знати, бюрократии и правительства»¹⁵.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась серьезными изменениями в социально-экономической и общественно-политической сферах, что не могло не сказаться на появлении новых аспектов в отношении дворянства к государственной службе. Вызванные крестьянской реформой процессы экономической перестройки дворянского хозяйства

¹¹ Решетов Н.А. Дела давно минувших дней // Русский архив. 1885. Кн. 3. № 12. С. 540–542.

¹² Решетов Н.А. Дела давно минувших дней... С. 546–547.

¹³ Андреевский Н.А. Особые взгляды (из воспоминаний о П.П. Косаговском) // Русская старина. 1908. Т. 133. № 3. С. 550–552.

¹⁴ Сучкин П.Ф. Социальная структура преступности в Курской губернии конца XIX века // Формирование и развитие социальной структуры населения Центрального Черноземья. Тезисы докладов и сообщений II Межвузовской научной конференции по исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. Тамбов, 1992. С. 54.

¹⁵ Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону, 1989. С. 26.

помимо прочего способствовали более активному вовлечению дворян в широкий круг всевозможных профессиональных занятий. Потеря прежних средств к существованию вновь поставила вопрос о гражданской службе, но теперь не столько как о почетной обязанности служения трону, сколько о способе получения средств к жизни. Абсолютными данными о масштабах притока дворян в коронные учреждения в пореформенный период мы не располагаем. Доля же потомственных дворян на государственной службе к концу XIX в. несколько возросла, если опираться на сравнение данных П.А. Зайончковского и А.П. Корелина. По анализу лиц, привлеченных Сенатом за должностные преступления, доля потомственных дворян в середине XIX в. составляла 19,6 %, а в конце XIX в. по расчетам А.П. Карелина их было среди чиновников V-VIII классов – 37,9 % и 22,3 % среди чиновников IX–XIV классов¹⁶.

Во второй половине XIX в. правительству удалось найти два варианта более действенного привлечения поместного дворянства к участию в местном управлении. Первый путь – это наделение в 60–80-х гг. уездных предводителей дворянства рядом административных функций по координации местного коронного управления уездами. В этом же ряду стоит и введение в 1890 г. должностей земских начальников. Второй путь – это введение всесословного института местного управления – земства. Правительство стремилось таким способом максимально привлечь в сферу управления местных хозяйством поместное дворянство, коль его трудно было прямо завлечь в стены коронных учреждений.

Если в первой половине XIX в. при назначении на должности среди факторов обуславливавших выбор кандидата имели немаловажное значение принадлежность к аристократическому роду, наличие крупной земельной собственности и крепостных душ, количество и статус наград, то во второй половине XIX в. и, особенно, в начале XX века, «в связи с появлением новых отраслей хозяйства и развитием рыночных отношений, задачи государственного управления все более усложнялись, и поэтому в карьере служащих возрастало значение фактора профессионализма. Острая потребность в специалистах вынуждала министерства и ведомства назначать на ответственные должности в обход жестких правил о гражданской службе»¹⁷.

Поэтому неудивительно, что в 1906 г. под влиянием общего стремления к переменам, правительством было признано, что все российские подданные, «безразлично от их происхождения, за исключением инородцев», имеют «одинаковые по отношению к государственной службе права, применительно к таковым правам лиц дворянского сословия»¹⁸. Уравнение в правах основной массы российских подданных в отношении к гражданской службе было важнейшим шагом в демократизации бюрократии. В этих условиях проблема отношения дворянства к государственной службе стала приобретать иной характер, однако это особая тема.

THE RUSSIAN NOBILITY AND THE STATE SERVICE IN THE XIX – EARLY XX CENTURY

I.T. SHATOHIN¹⁾

S.B. SHATOHINA²⁾

*Belgorod National
Research University*

¹⁾*e-mail: Shatohin@bsu.edu.ru*

²⁾*e-mail: Shatohina@bsu.edu.ru*

The negative attitude of landed gentry towards civil service resulted in the permanent shortage of governing staff. The state that considered the nobility as a pillar of the throne tried to use career advantages and privileges as motivation for the nobles to participate in the crown government. Without any considerable success in this, the state had to gradually open up a road for other estates to serve in the crown offices. The conflicts between the marshals of nobility and the governors in the second half of the nineteenth century attest to continuing dislike of the landed gentry towards the officialdom.

Keywords: state service, bureaucracy, nobility, corporate institutions, bourgeois reforms.

¹⁶ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России... С. 29; Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России (1861–1904 гг.) // Исторические записки. Т. 87. М., 1971. С. 162–164.

¹⁷ Мельников В.П., Нечипоренко В.С. Государственная служба в России: отечественный опыт организации и современность. М., 2003. С. 81.

¹⁸ Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С. История государственной службы в России... С. 115.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАЗАКОВ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

А.А. ГОЛИК

*Ленинградский
государственный
университет
им. А.С. Пушкина*

e-mail: golandr@inbox.ru

В статье рассматривается повседневная жизнь казаков, переселившихся на Дальний Восток России в течение второй половины XIX в. и включенных в состав Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. Особое внимание уделяется экономическому положению казаков и состоянию их хозяйств в рассматриваемый период, а также влиянию их хозяйственно-экономического развития на события начала XX в.

Ключевые слова: повседневность, повседневная жизнь, казаки, казачество, переселение, Дальний Восток, Забайкальское казачье войско, Амурское казачье войско, Уссурийское казачье войско.

В Забайкалье и на Дальний Восток казаки начали проникать уже с XVII в., но на тот момент их отряды не были организационно оформлены и были крайне малочисленны. Казачьи сообщества стали здесь образовываться намного позже, чем в европейской России, и происходило это целиком по инициативе государства, заинтересованного в расширении своих границ, добыче пушнины, оясачивании сибирских народов, введении в хозяйственный оборот новых земель и их защите.

Казачество здесь формировалось из разных источников: а) переселение казаков из других регионов страны; б) перевод в казачье состояние людей из других социальных слоев, в том числе местных туземцев. По мере роста населения в регионе, увеличения числа казаков, правительство в 1851 г. приняло решение организационно оформить казачков региона в Забайкальское казачье войско¹, а после присоединения Приамурья и Приморья к России в середине XIX в. на восточных рубежах страны были созданы еще два самостоятельных казачьих войска – Амурское в 1858 г. и Уссурийское в 1889 г.²

К середине XIX в. население региона, в частности казачество, оставалось немногочисленным. Поэтому для усиления обороны края, а также для его хозяйственного освоения на протяжении второй половины XIX в. государство провело 3 значительных переселения казаков на Дальний Восток из других районов страны. Непосредственным результатом данных переселений и стало организационное оформление казаков региона в три самостоятельных казачьих войска, о которых говорилось выше.

Первое казачье переселение осуществлялось в 1855–1862 гг. и имело две задачи: а) заселить новые территории по Амуру и Усури, обеспечив их оборону и хозяйственное освоение и составив контингент для образования нового казачьего войска – Амурского; б) увеличить численность казачьего населения края. Первая задача разрешалась переселением на Амур и Усури забайкальских казаков, а вторая – переселением и включением в состав Забайкальского и Амурского войск штрафованных нижних чинов из гарнизонных батальонов внутренней стражи, расквартированных в европейской части страны³.

Переселение казаков будущего Амурского войска проводилось на следующих условиях: им подбирались удобное в сельскохозяйственном отношении место для жительства, они получали двухлетнюю льготу по службе, 15 руб. на обзаведение хозяйством и в течение 2 лет провиантское довольствие. Однако вскоре после переселения многие казаки оказались в весьма бедственном положении. При поселении выдавалось по 15 руб. на каждого служилого казака, поэтому семья, имевшая двух или трех служилых казаков, получала 30 или 45 руб. пособия, тогда как семья из одного казака с маленькими детьми и престарелыми родителями должна была ограничиваться 15 руб. К тому же, выступив из

¹ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1286. Оп. 10. Д. 829. Л. 3-4.

² РГИА. Ф. 1149. Оп. 11. Д. 41. Л. 3-6.

³ Лазарева С.И., Сергеев О.И. Поселения 1879 г. в Уссурийском казачьем войске (к 130-летию со времен основания) // Казачество Дальнего Востока России в XVII-XXI вв.: к 120-летию Уссурийского казачьего войска: сборник научных статей. Хабаровск, 2009. С. 55.

Забайкалья, казаки брали с собой скот, земледельческие орудия и хлеб для посева, но из-за недостатка перевозочных средств на Амуре все это оставалось в местах посадки на суда, люди сплавлялись почти без всякого имущества, которое сплавлялось за тем постепенно, без всякого надзора со стороны хозяев. При таком порядке материальное благосостояние казаков, особенно в первые годы после переселения, во многом зависело от случайных факторов: некоторые семьи получали весь свой скот и имущество, другие – только часть, а некоторые не получали ничего⁴.

В результате данного переселения в Приамурье и Приморье прибыли около 16,4 тыс. забайкальских казаков и штрафованных, которые основали на Амуре и Уссури 96 станиц и поселков⁵. Это позволило в 1858 г. выделить амурских и уссурийских казаков в самостоятельное Амурское казачье войско. Затем наступил 16-летний период, в течение которого переселение казачества на Дальний Восток практически отсутствовало.

Второе переселение было осуществлено в течение 1879 г., когда около половины казачьего населения, проживавшего на Уссури, переселилось в Южно-Уссурийский район, заняв территорию вдоль русско-китайской границы⁶. Цель переселения заключалась в необходимости хозяйственного освоения района южного Приморья и обеспечения его пограничной охраны, а также в повышении благосостояния казаков, проживавших в тяжелых природных условиях. Для проведения переселения казакам предоставлялись: денежное пособие в 50 руб. на семейство⁷, двухлетняя льгота от службы и провиантское довольствие на 3 года⁸.

Из 911 семей, проживавших на Уссури, к переселению в Южное Приморье были назначены 390 семей в составе 2615 чел., которые основали 10 новых поселков⁹. Следующие 15 лет переселение казаков в регион не проводилось.

В 1895 г. началось новое крупное переселение казаков, проходившее в рамках «евразийской программы» министра финансов С.Ю. Витте¹⁰. Данное казачье переселение было направлено в основном из европейской части страны в Приморье и продолжалось до конца XIX в. и в первые годы XX в. Его цель заключалась в обеспечении охраны территории вдоль строившегося полотна Транссибирской железной магистрали и в общем увеличении численности казачества Дальнего Востока, в частности – созданного в 1889 г. Уссурийского войска.

По прибытии на место казаки освобождались от земских повинностей на 3 года и от станичных на 1 год, а от службы в первоочередных частях – на 5 лет¹¹. Также они получали ссуду на домообзаведение в 600 руб., из которых 50 руб. предназначались на приобретение строевого коня и не подлежали возврату, остальные же 550 руб. должны были погашаться в течение 33-летнего срока по беспроцентной ставке¹². В течение года после прибытия казакам полагалось также провиантское довольствие¹³.

Необходимо обратить внимание на то, что по сравнению с первым переселением, при котором ссуда казакам на домообзаведение равнялась 15 руб. на одного служилого казака, и по сравнению со вторым переселением, когда ссуда равнялась 50 руб., но уже на семейство, при третьем переселении она уже выросла до 600 руб., что в 40 и 12 раз больше соответственно. Это объяснялось тем, что переселенцы первых двух волн, получив такие малые ссуды, были не в состоянии не только купить военное снаряжение, которое ка-

⁴ РГИА. Ф. 1152. Оп. 9. Д. 195. Л. 26.

⁵ Материалы, относящиеся до земельного и экономического положения Амурского и Уссурийского казачьих войск. Вып. 1. Казачья колонизация Приамурского края. СПб., 1902. С. 8-12.

⁶ Лазарева С.И., Сергеев О.И. Указ. соч. С. 55.

⁷ РГИА. Ф. 1152. Оп. 9. Д. 226. Л. 1-5.

⁸ РГИА. Ф. 1152. Оп. 9. Д. 195. Л. 3.

⁹ Иванов В.Д., Сергеев О.И. Уссурийское казачье войско: история и современность (к 110-й годовщине образования УКВ). Владивосток, 1999. С. 13.

¹⁰ Яковлева О.А. Особенности колонизационной политики России на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. // X Царскосельские чтения. Т. IV. СПб., 2006. С. 283.

¹¹ РГИА. Ф. 1149. Оп. 11. Д. 41. Л. 4.

¹² Сергеев О.И. Организация казачьего переселения с Дона на Дальний Восток в конце XIX – начале XX вв. // Дальний Восток России: проблемы социально-политического и культурного развития во второй половине XIX-XX вв. Владивосток, 2006. С. 27.

¹³ Материалы, относящиеся до земельного и экономического положения Амурского и Уссурийского казачьих войск. С. 31-33.

заки обязаны были приобретать за свой счет, но и завести элементарное хозяйство. Результатом стало обнищание многих из них сразу по водворении.

По итогам третьего переселения за период с 1895 по 1900 гг. на Дальний Восток прибыли 836 семей, что составило почти 5,5 тыс. чел. муж. пола или 8185 душ обоего пола¹⁴. После этого значительных казачьих переселений на Дальний Восток не проводилось. Это объясняется невозможностью успешного продолжения переселений в условиях начавшейся в 1900 г. русско-китайской войны и русско-японской войны 1904-1905 гг. К тому же сказывался недостаток средств, необходимых на осуществление дальнейших переселений.

Ситуация с недостатком средств усугублялась еще и тем, что правительству периодически приходилось поддерживать значительными суммами переселенцев, страдавших от частых природных катаклизмов. Вообще, само по себе переселение для казаков и их семей было большим жизненным испытанием. А если учитывать и тот факт, что многие переселенцы происходили из благоприятных в природном и хозяйственном отношении местностей юга европейской части России, Урала и Сибири, переселение их в абсолютно новый для них край с непривычными природно-климатическими условиями, который к тому же был крайне слабо освоен в хозяйственном отношении, усугубляло тяготы их повседневной жизни. Если к этому добавить, что вся территория Дальнего Востока относится к зоне рискованного земледелия, где ранние осенние заморозки могли чередоваться с муссонными дождями, а засухи весной и летом чередовались с постоянными наводнениями Амура и Усури, становится понятно, почему огромное количество семей переселенцев обнищало сразу после переселения. Так, например, после особо сильных наводнений 1868, 1877 и 1897 гг. правительство было вынуждено выделять дополнительные пособия казакам, оставшимся без средств к существованию¹⁵.

Одновременно, ситуация осложнялась и административными причинами. Новоприбывшие казаки должны были селиться в местах, выбранных заранее местным начальством. Но места эти выбирались не исходя из хозяйственно-экономических, а из чисто административных целей: необходима была непрерывная цепь поселений для удобства отбывания почтовой гоньбы и др. В итоге, множество новообразованных станиц и поселков оказывалась на непригодных для проживания местах: на неплодородных и глинистых почвах, на крутых склонах холмов, без леса, без источников пресной воды и т.д.

Как результат, в 1899 г. переселенцы от Кубанского, Уральского, Донского и Оренбургского казачьих войск отказались селиться на предложенных им землях. Недовольство казаков дошло до такой крайней степени, что переселенцы из Донского войска вообще признали негодными все земли Усурийского края, отказались селиться где бы то ни было и требовали возвращения на родину. Поэтому ставка при переселении была сделана на казачьи семьи, изначально проживавшие в местностях, страдающих от перенаселения и нехватки земли, а также малообеспеченные, которые бы не сопротивлялись к заселению на землях по выбору войскового начальства. Иными словами, к и так слабому в экономическом смысле дальневосточному казачеству стали подселять трудоспособных, но наиболее слабых по своему экономическому состоянию казаков из других войск страны. И к их уже существовавшим материальным трудностям добавлялись еще тяготы переселения, адаптации в новых условиях, устройство хозяйства и т.д. Ведь, как уже было сказано выше, абсолютное большинство переселенцев не подселялось в уже существовавшие станицы, а привозилось на нетронутые земли, где они сами своими силами должны были строить избы, хозяйственные постройки, освободить из-под леса пахотные земли, в то время как их семьи ночевали под открытым небом.

Это усугублялось еще и тем, что основным требованием при подборе переселенцев стала «многосемейность», т.е. в каждой семье должно было быть не менее 7 душ, из которых 4 – мужские. На практике это приводило к тому, что многие семьи, чтобы получить право на переселение, были искусственно составлены из дальних родственников, фактически являвшихся не одной, а несколькими семьями. По прибытии к местам нового поселения они сразу же распадались на самостоятельные семьи и домохозяйства, но получали

¹⁴ Статистический обзор современного положения казачьих войск с приложением картограмм и многих диаграмм. СПб., 1903. С. 13.

¹⁵ РГИА. Ф. 565. Оп. 14. Д. 109. Л. 229.

только одну и без того небольшую ссуду на всех, которая делилась на 2-4 хозяйства, что приводило к практически мгновенному обнищанию переселенцев¹⁶.

К этому добавлялись и повинности, лежащие на казаках. Основной обязанностью для казачества являлась воинская служба. В первые годы по переселению новоприбывшие казаки имели льготу от воинской службы (от 2 до 5 лет в зависимости от года проведения переселения). Однако казачье население также несло обязанность по поддержанию в порядке и исправности всей инфраструктуры на войсковых землях. Данные повинности, исполнение которых было обязательным для каждого казака, разделялась на 3 разряда:

- I разряд – общие по войску повинности (содержание дорог, мостов, постоянно-квартирная, воинский постой);
- II разряд – станичные повинности (подводная повинность, почтовая гоньба, препровождение арестантов, караулы при станичном доме, хлебном магазине, у лесов);
- III разряд – хозяйственные повинности (устройство дорог в пределах поселкового надела, общественных запашек, поставка дров для отопления школы, содержание и постройка паромов и лодок)¹⁷.

Законодательно, от данных повинностей казаки-переселенцы также были освобождены на срок от 1 до 3 лет. Но на практике от них освобождались только те казаки, которые подсеялись в уже существовавшие поселки. Это объяснялось тем, что несение данных натуральных повинностей было необходимо для поддержания нормальной жизни казачьего общества. Поэтому те из казаков, кто переселялся в уже существующие станицы, могли их не выполнять, так как за них данные повинности несли другие. Но подавляющее большинство селилось на новых местах, и, несмотря на то, что по закону они были освобождены от несения натуральных повинностей, на практике они их выполняли.

Такие повинности как дорожная, караульная, почтовая были особенно тяжелыми для казачьего населения. Например, уссурийские казаки на выполнение таких обязанностей тратили в год 34442 человеко-дня. По мнению Комиссии по улучшению быта Амурского казачьего войска, проводившей экспертизу в 1874 г., данные натуральные повинности были одной из основных причин тяжелого экономического положения казаков региона¹⁸.

Обывательская подводная гоньба являлась самой значительной из всех войсковых повинностей. Она отбывалась следующим образом: на станциях почтовых трактов, пролегавших по войсковой земле, содержались от 2 до 6 пар казачьих лошадей на каждой. Но под словом «пара» подразумевалось не 2 лошади, а один подводчик с таким числом лошадей, которое было необходимо для поддержания сообщения по войсковой земле – т.е. на пару содержалось 4–6 лошадей и более. Таким образом, на каждой станции могло содержаться до 36 казачьих лошадей с казаками и пропитанием на неделю. Казаки отбывали данную повинность поочередно по 1 неделе, в год же таких очередей могло быть до 6¹⁹. Т.е., полтора месяца в год все казаки проводили на почтовых станциях, при этом отрываясь от труда, забирая с собой лошадей, корм для них и провизию для себя. Это являлось огромной нагрузкой на казачьи селения, приписанные к каждой станции²⁰.

Помимо несения натуральных повинностей казаки Забайкальского войска, единственные среди всех казачьих войск России, в результате делопроизводственной ошибки в течение 30 лет с 1875 по 1905 гг. отбывали еще и подушную подать²¹.

Снаряжение казака на военную службу также происходило за свой счет, что обходилось в начале XX в. около 330 р. на человека, считая стоимость строевого коня (около 50 руб.). Во время лагерных сборов казаки довольствия от казны не получали и были вынуждены приходить со своими припасами. В итоге, расходы, связанные с воинской службой, поглощали почти половину доходов среднего казачьего хозяйства. Так, средний до-

¹⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 581. Л. 9.

¹⁷ Иванов В.Д., Сергеев О.И. Указ. соч. С. 28-29.

¹⁸ РГИА. Ф. 1152. Оп. 9. Д. 195. Л. 3.

¹⁹ РГИА. Ф. 1149. Оп. 8. Д. 24. Л. 36-37.

²⁰ Голик А.А. Государственная политика России в отношении податного обложения дальневосточного казачества во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2012. №4. Т. 4. История. С. 76.

²¹ РГИА. Ф. 1149. Оп. 13. Д. 128. Л. 7-9, 31.

ход на 1 мужскую душу казачьего населения составлял 33 руб. 58 коп. в год, а средний расход и потери в хозяйстве, связанные с отбыванием военной службы в расчете на 1 мужскую душу – 16 рублей.²²

Все эти факторы крайне тяжело отражались на быте казаков, в результате чего дальневосточное казачество находилось по сравнению с казаками других регионов России, а также с соседними маньчжурами и китайцами, в весьма бедственном положении. Это особо отмечалось специально созданной в 1874 г. комиссией для изучения быта казаков Дальнего Востока: «экономическое положение казачьего населения здесь до крайности неблагоприятно»²³. Так, 72% всего населения Амурского войска на 1876 г. имели менее 2/3 десятины земли на душу под посевом, и из них у 30% менее 1/2 десятины на душу. 55% населения собирали недостаточное количество хлеба для продовольствия, которого, за отделением на посев, приходилось менее 17 пудов на душу, и из них у 33% менее 10 пудов на душу. Это было ниже так называемого «голодного минимума», необходимо для поддержания минимальных условий жизни, определенного С.А. Нефедовым в 17 пудов на душу²⁴.

Уссурийское население проживало еще хуже – 60% засевали менее 1/2 десятины на душу, а в ряде станиц – 1/6 десятины, собирая только 5 пудов хлеба на душу, чего не хватало даже для посева на следующий год²⁵.

Причины такого бедственного положения казаков усматривались Комиссией в уже указанных выше обстоятельствах. Но основным фактором, который более всего задерживал экономическое развитие казачьих хозяйств, Комиссия назвала неоплаченные долги, накопившиеся с первых же лет переселения и державшие семьи «постоянно под страхом требования уплаты, что окончательно разорило бы всех казаков»²⁶.

Так, на 1 января 1876 г. на населении относительно немногочисленного Амурского войска, которое насчитывало в этом году всего 20364 души обоего пола, числился долг в 392 098 руб. 63 коп.²⁷, что в пересчете на душу населения составляло 19 руб. 25 коп., включая женщин и детей. Если считать, что по документам одна среднестатистическая дальневосточная казачья семья рассматривалась как состоящая из 5 человек (1 мужчина, 1 женщина, 3 ребенка), то в среднем долг на каждую семью составлял 96 руб. 25 коп. Учитывая, что средний годовой доход такой семьи составлял 33 руб. 58 коп.²⁸, то долг на каждой семье в среднем составлял почти 3 годовых семейных бюджета, что было огромной и неподъемной для них суммой.

Такой большой размер долгов объясняется тем, что государству приходилось выделять помощь дальневосточным казакам в денежной и натуральной формах достаточно часто, но происходило это каждый раз на различных условиях: возмездно и безвозмездно, в виде процентной ссуды и беспроцентно. Но местное начальство казаков затруднялось определить, какие из пособий выдавались безвозвратно, а какие в виде займа. А при существовавшем взгляде, что для развития хозяйств казаков их следует всегда держать под страхом взыскания выданных пособий, все выдачи записывались в долг. Причем значительная часть из этих долгов была либо уже уплачена, но не списана в документах, либо отсутствовал кредитор, требующий деньги, либо это были средства, выданные на безвозмездной основе, но по ошибке числящиеся как долг. В итоге, Амурское войско признавало в качестве долга различным ведомствам только сумму в размере 37 787 руб. 66 коп., т.е. подлежащий оплате долг был в 10,5 раз меньше числящегося по документам²⁹.

Военный совет, рассмотрев данную ситуацию, посчитал, что «ближайшее начальство, без сомнения, напоминает казакам время от времени об уплате, а иногда и взыскивает с них, что возможно. Постоянная угроза взыскания долга, разросшегося до неоплаченных размеров, не может не отражаться на экономическом развитии населения»³⁰. Как

²² Титлина Е.Ю. Власть и казачество Дальнего Востока (взаимоотношения Российского государства и дальневосточного казачества в период с 50-х гг. XIX в. по 30-е гг. XX в.). Благовещенск, 2006. С. 37.

²³ РГИА. Ф. 1152. Оп. 9. Д. 195. Л. 2.

²⁴ О причинах Русской революции / отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. М., 2010. С. 43.

²⁵ РГИА. Ф. 1152. Оп. 9. Д. 195. Л. 2.

²⁶ Там же. Л. 3.

²⁷ Там же. Л. 9.

²⁸ Титлина Е.Ю. Указ. соч. С. 37.

²⁹ РГИА. Ф. 1152. Оп. 9. Д. 195. Л. 9.

³⁰ РГИА. Ф. 1152. Оп. 9. Д. 195. Л. 12.

результат, в 1879 г. центральная власть была вынуждена сложить все долги с казаков Амурского войска.

Таким образом, если с военной точки зрения переселения казаков на Дальний Восток и включение их в состав местного казачества во второй половине XIX в. и усилили боевой потенциал данных войск и региона в целом, то с экономической точки зрения они еще более их ослабили, в первую очередь и без того слабое в экономическом смысле амурское и уссурийское казачество.

Только к началу XX в., когда основная масса казаков-переселенцев проживала на Дальнем Востоке уже ни одно десятилетие, успев прочно осесть, адаптироваться к местным условиям и завестись хозяйством, экономическое состояние дальневосточного казачества стало изменяться к лучшему. Одновременно этому начала способствовать и политика государства, взявшего курс с конца XIX в. на постепенное облегчение положения дальневосточных казаков, например, на сокращение количества натуральных повинностей³¹.

Тем не менее, к моменту начала нового века не прошло еще достаточного времени, чтобы ситуация кардинально изменилась. Одновременно, с наступлением XX в. дальневосточные казачьи войска были вынуждены принять участие в трех глобальных военных конфликтах, напрямую их затронувших: в русско-китайской войне (1900-1901 гг.), русско-японской войне (1904-1905 гг.) и Первой мировой войне. Тяготы войн, а также нестабильная внутривойсковая ситуация начала века, наложившиеся на еще неокрепшую экономическую базу данных войск, окончательно привели хозяйства дальневосточных казаков к 1917 г. к полному экономическому разорению, что непосредственным образом сказалось на революционных настроениях значительной части дальневосточного казачества.

EVERYDAY LIFE OF THE COSSACK SETTLERS IN THE FAR EAST OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

A.A. GOLIK

*Pushkin Leningrad
State University*

e-mail: golandr@inbox.ru

This article considers everyday life of the Cossacks, who resettled in the Far East of Russia during the second half of the 19th century and who were enlisted in the three Far Eastern Cossack armies (Zabaykalskoye, Amurskoye, Ussuriyskoye). Particular attention is paid to the economic status of the Far Eastern Cossacks, the state of their households in the considered time period, and the impact of their economic development on the events of the beginning of the 20th century.

Key words: everyday life, Cossacks, resettlement, Far East of Russia, Zabaykalskoye Cossack army, Amurskoye Cossack army, Ussuriyskoye Cossack army.

³¹ Голик А.А. Указ. соч. С. 75-76.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ ПРОТИВ НАУЧНЫХ КАДРОВ СЛУЖБЫ СВЯЗИ ВОЕННО-МОРСКИХ СИЛ

С. С. БЛИЗНИЧЕНКО¹⁾
С. Е. ЛАЗАРЕВ²⁾

*¹⁾Кубанский государственный
технологический университет*

e-mail: flagman.flota@yandex.ru

*²⁾Совет молодых учёных
города Серпухова*

e-mail: lasarev2009@yandex.ru

Статья посвящена репрессиям в отношении научных кадров службы связи Военно-Морских Сил. Рассмотрена судьба такого видного деятеля военно-морской науки, как начальник Научно-исследовательского морского института связи А.И. Берг, охарактеризована «чистка» в Училище связи Военно-Морских Сил Рабоче-Крестьянской Красной армии. Авторы приходят к выводу, что необоснованные репрессии в отношении ведущих учёных и преподавателей военно-морского ведомства в предвоенные годы повлекли за собой существенное ослабление боеспособности советских Военно-Морских Сил.

Ключевые слова: Научно-исследовательский морской институт связи Военно-Морских Сил Рабоче-Крестьянской Красной армии, Училище связи Военно-Морских Сил Рабоче-Крестьянской Красной армии, Аксель Иванович Берг, Христиан Мартынович Мурниэк, политические репрессии.

Политические репрессии против инженерно-технических кадров Рабоче-Крестьянского Красного Флота – тема сравнительно малоизученная, получившая освещение в научных трудах лишь в последние годы¹. Интерес вызывает судьба специалистов службы связи, о которых до сих пор почти ничего не было известно. Между тем, подготовка военных специалистов в 1930-е г.г. требовала от государства повышенного внимания. И внимание это не всегда было позитивным. Во время «Большого террора» (1937–1938 гг.) и позже многих учёных и преподавателей флотских военных учебных заведений репрессировали. Сказанное в полной мере относится к располагавшимся в г. Ленинграде Научно-исследовательскому морскому институту связи и Училищу связи Военно-Морских Сил Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА).

Надёжная связь и кадры флотских связистов всегда имели особое значение для флота. История образования в Российском флоте службы связи, её становление связаны с первыми шагами по обеспечению сил флота средствами боевого управления, развёртыванием береговой системы наблюдательных постов и станций на побережьях морей. В задачи этой системы входили сбор сведений об обстановке на море, доклад вышестоящему флотскому командованию и обеспечение связи по радио и сигнальными средствами с кораблями, находившимися в зоне её ответственности.

Юридическое оформление службы связи произошло 23 ноября 1909 г., когда морской министр вице-адмирал С.А. Воеводский подписал приказы № 310 и № 311. Первым из них вводилось «Положение о береговых наблюдательных постах и станциях морского ведомства», которое заложило основы построения системы связи флота. Второй приказ ввёл в действие «Положение о начальнике действующего флота», где были определены штатные должности начальников служб связи на Балтийском, Чёрном морях и Тихом океане, указаны их права и обязанности. Практически сразу назначили и первых руководителей служб связи. На Балтике им стал капитан 2-го ранга Н.Н. Апостоли, на Чёрном море — капитан 2-го ранга В.Н. Кедрин, на Тихом океане — корпуса флотских штурманов подполковник В.З. Лукин.

В начале 1911 г. начальником службы связи на Балтике стал капитан 2-го ранга А.И. Непенин, впоследствии вице-адмирал, командующий Балтийским флотом, деятельный, энергичный организатор и талантливый военачальник. Адриан Иванович Непенин

¹ Близниченко С.С. «Антисоветские заговоры» в научно-исследовательских организациях ВМС РККА и ВМФ СССР в 1937–1938 годах // Военно-исторический архив. 2012. № 10. С. 12–38; Его же. «Антисоветские заговоры» в военно-морских учебных заведениях в 1937–1938 годах // Военно-исторический архив. 2012. № 11. С. 3–33; Близниченко С.С., Лазарев С.Е. «Борьба с инакомыслием» в Военно-морском училище имени Ф.Э. Дзержинского в 1940-е гг. // Военно-исторический архив. 2013. № 4. С. 110–124.

сумел развернуть службу связи до крупнейшего флотского учреждения, в значительной степени обеспечивавшего успешные действия флота в годы Первой мировой войны². На Севере служба связи возникла в 1915 г. Возглавил её старший лейтенант М.С. Рошачковский.

Основу службы связи в гражданскую войну составляли так называемые «летучие посты», которые, обеспечивая наблюдение за противником и телефонную связь со своими силами, скрытно передвигались одновременно с частями Красной армии и флота. Повреждения линий связи приходилось устранять нередко прямо под огнём противника или ночью, но моряки-связисты с честью выполнили свой долг.

С окончанием гражданской войны в стране началось восстановление разрушенного флота. Становление советской службы связи Военно-Морских Сил связано с именем Христиана Мартыновича Мурниэка. Х.М. Мурниэк родился в 1887 г. в бедной латышской крестьянской семье. С 11 лет работал по найму. В 1908 г. был призван матросом на царский флот. В годы Первой мировой войны (1914–1918 г.г.) служил сигнальным кондуктором в службе связи Балтийского флота, награждён серебряной медалью с надписью «За усердие». За участие в обороне Моонзундских островов Христиана Мартыновича произвели в чин поручика по адмиралтейству. После Октябрьской революции (1917 г.) он добровольно перешёл на сторону Советской власти. В годы гражданской войны возглавлял Петроградский район службы связи Балтийского моря, участвовал в боях под г. Петроградом против войск генерала Н.Н. Юденича. Учился в Петроградском агрономическом институте. В 1920 г. вступил в Коммунистическую партию. После гражданской войны Х.М. Мурниэк возглавлял штаб службы наблюдения и связи Балтийского моря. В 1923 г. был удостоен звания «Герой труда и строительства службы связи Балтийского моря»³.

Когда в начале 1920-х гг. в отечественной военной печати развернулась дискуссия о том, каким быть новому флоту, как его строить, Христиан Мартынович на страницах журналов «Морской сборник» и «Красный флот» рассказал о том, что из себя представляет служба связи, какие задачи и как она решает, каким требованиям должны удовлетворять её специалисты. В 1923 г. в журнале «Красный флот» им были опубликованы следующие строки: «...Служба наблюдения и связи во флоте не осуществляет только одну техническую связь, специфическую по своим свойствам и не могущую быть объединённой в общегосударственном масштабе, она несёт ещё и другую, не менее ответственную работу — наблюдение, как показывается в её вновь принятом точном наименовании (прежде этот орган флота именовался просто «службой связи», что даже самим морякам не давало точного понятия о его задачах).

Она является как бы сторожем для Красного флота, стоящего на страже у берегов Рабоче-Крестьянской Республики. Служба наблюдения и связи должна всё усмотреть и видеть, что делает появление и действие неприятеля, грозит благополучию флота и Республики в целом...»⁴.

В 1927 г. Х.М. Мурниэк окончил Специальные курсы командного состава Военно-Морских Сил РККА с присвоением звания специалиста связи и остался служить на курсах на руководящих должностях. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. флот пополнился новыми кораблями, подводными лодками, авиацией. Развёртывались части береговой обороны для защиты побережья морей, шло строительство военно-морских баз. В 1932 г. были созданы Морские силы Дальнего Востока, в 1933 г. сформирована Северная флотилия. Возникла острая нужда в высококвалифицированных командных и инженерно-технических кадрах для кораблей и береговых частей флота. В связи с этим Реввоенсовет СССР своим Постановлением от 17 мая 1932 г. предусмотрел значительное расширение системы военно-морских учебных заведений.

В июне 1932 г. в г. Ленинграде при Военно-морском инженерном училище имени Ф.Э. Дзержинского организуется отдельная школа для подготовки начальствующего состава связи, затем — Школа связи Военно-Морских Сил РККА. Школу возглавил Христиан Мартынович Мурниэк.

² Мурниэк Х.М. Морская служба связи дореволюционного времени // Морской сборник. 1922. № 8-9. С. 129-134.

³ См.: Личное дело Х.М. Мурниэка // Российский государственный архив Военно-Морского Флота; личное дело Х.М. Мурниэка // Центральный военно-морской архив.

⁴ Мурниэк Х.М. Морская служба связи // Красный флот. 1923. №1-2. С. 63-66.

29 марта 1933 г. (этот день стал днём рождения училища) на базе Школы связи Военно-Морских Сил РККА было сформировано Училище связи Военно-Морских Сил (приказ № 43 начальника Военно-Морских Сил РККА). Училище связи готовило специалистов для флота в области радиотехники, гидроакустики, проводной связи и телемеханики.

Заслугой Х.М. Мурниэка явилось то, что ему удалось подобрать коллектив квалифицированных преподавателей, преданных порученному делу. К обучению курсантов привлекли опытных педагогов. Среди первых преподавателей того времени были математики И.Ф. Магала, Н.Н. Павлов, А.С. Робачевский, физик А.П. Дьяконов. Электротехнику преподавали Д.Ф. Климин, В.А. Положинцев, А.Г. Пронин. Проволочную связь и техническую механику вели Г.И. Гецов, А.С. Клафтон, Л.Г. Пархомов. Историю народов СССР преподавал К.Г. Капин.

5 ноября 1936 г. был произведён первый выпуск лейтенантов – связистов в количестве 72 человек. Все выпускники получили назначение на Морские силы РККА, двое из них за отличные успехи в учёбе удостоились чести быть занесёнными на мраморную Доску почёта (будущий контр-адмирал В.И. Волков и будущий вице-адмирал Г.Г. Толстолуцкий). За шесть предвоенных выпусков на флот пришли сотни специалистов, которые внесли большой вклад в управление силами флота в годы Великой Отечественной войны.

29 сентября 1937 г. состоялся второй выпуск командиров – связистов в количестве 151 лейтенанта. К этому времени на основании приказа Народного комиссара обороны СССР К.Е. Ворошилова №5 от 2 января 1937 г. Училище связи Военно-Морских Сил РККА было переименовано в Военно-морское училище связи, и 23 апреля 1937 г. ему присвоили имя Г.К. Орджоникидзе.

В 1938 г. полковнику Х.М. Мурниэку исполнился 51 год, и в соответствии с п. «а» статьи 43 «Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА» от 22 сентября 1935 г. он был уволен в запас (скончался в 1942 г. в блокадном г. Ленинграде). Училище возглавил военный инженер капитан 1-го ранга Василий Васильевич Токарев.

2 октября 1939 г. Военно-морское училище связи имени Г.К. Орджоникидзе было переформировано в Военно-морское гидрографическое училище им. Г.К. Орджоникидзе (приказ Народного комиссара Военно-Морского Флота СССР № 384). Часть курсантов и преподавателей были переведены на кафедру Службы наблюдения и связи Высшего военно-морского Краснознамённого училища имени М.В. Фрунзе. В 1940 г. Военно-морское гидрографическое училище имени Г.К. Орджоникидзе было расформировано⁵.

Но и за это недолгое время учебное заведение успело пережить не одну волну политических репрессий. В августе – сентябре 1937 г. из Вооружённых сил были уволены четыре представителя командно-начальствующего состава Военно-морского училища имени Г.К. Орджоникидзе. Все – по п. «б» ст. 43 «Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА» («в аттестационном порядке по служебному несоответствию»). Перечислим уволенных: начальник учебно-планового отдела учебного заведения, интендант 1-го ранга Евгений Иванович Марков; начальник строевого отдела, интендант 2-го ранга Николай Павлович Лукашевич; преподаватель, военинженер 3-го ранга Григорий Фоспанович Кулагин; начальник учебно-технического отдела, интендант 3-го ранга Юрий Николаевич Меньшиков.

Причины увольнений «по служебному несоответствию» следует искать в классовой плоскости. Двое уволенных (Е.И. Марков, Ю.Н. Меньшиков) происходили из дворянского сословия, в старом флоте получили образование (окончили Морской корпус и офицерские классы) и офицерский чин, в Коммунистической партии никогда не состояли. Один уволенный (Г.Ф. Кулагин) исключался из Коммунистической партии. В отношении 1 уволенного – интенданта 1-го ранга Е.И. Маркова – удалось установить факт ареста (в январе 1938 г.), дальнейшая его судьба неизвестна.

⁵ 14 сентября 1945 г. Военно-морское училище связи возобновило свою деятельность, получив статус высшего военного учебного заведения и имя выдающегося изобретателя А.С. Попова. Жизнь стремительно меняется, сейчас название иное: «Военно-морской институт радиоэлектроники, филиал Военного учебно-научного центра Военно-Морского Флота «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова». Располагается учебное заведение в г. Петродворце, являющемся пригородом г. Санкт-Петербурга. Готовит офицеров – специалистов с инженерным образованием.

В июле – сентябре 1938 г. из Вооружённых сил были уволены ещё три представителя командно-начальствующего состава Военно-морского училища имени Г.К. Орджоникидзе. Двое – по п. «б» ст. 43 «Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА» («в аттестационном порядке по служебному несоответствию»), один – по п. «в» ст. 44 («в связи с арестом судебными или следственными органами»). Перечислим уволенных: преподаватель, военинженер 2-го ранга Ганс Михайлович Кериг; заведующий делопроизводством, техник-интендант 1-го ранга Александр Александрович Глинский; преподаватель физической подготовки, техник-интендант 2-го ранга Герман Николаевич Михеев.

В апреле 1940 г. был уволен начальник программно-методического отделения интендант 1-го ранга Сергей Петрович Славинский по п. «б» ст. 45 «Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА» («как приговорённый по суду к лишению свободы»). Таким образом, в 1937–1940 гг. из Военно-морского училища имени Г.К. Орджоникидзе уволили восемь работников, в основном «по служебному несоответствию», в т. ч. трое были арестованы⁶.

Другим важным центром военной науки стал Научно-исследовательский морской институт связи. История его такова. В начале 1920-х гг. для научного обоснования путей возрождения отечественного флота, понёсшего большой урон в ходе Первой мировой (1914–1918 гг.) и гражданской (1918–1920 гг.) войн, был образован Научно-технический комитет Морского ведомства. Среди его специализированных подразделений имела и секция связи, которую возглавил выдающийся флотский радиотехник профессор Военно-морской академии Имант Георгиевич Фрейман. Проанализировав состояние радиотехники и связи в Военно-Морском Флоте, секция в 1927 г. выступила с программой создания первой системы радиовооружения флота «Блокада-1».

Одной из важнейших заслуг И.Г. Фреймана стало создание крупнейшей в нашей стране научной радиотехнической школы, давшей мощный импульс к развитию практически всех основных разделов этой науки. Под руководством И.Г. Фреймана защитили дипломы более 30 радиоинженеров, многие из которых стали докторами и кандидатами наук, руководителями и главными инженерами предприятий.

Одним из лучших учеников И.Г. Фреймана был Аксель Иванович Берг. А.И. Берг родился в г. Оренбурге в 1893 г. в семье военного. В 1914 г. окончил Морской корпус. В качестве штурмана английской подводной лодки Е-8, действовавшей совместно с русским флотом на Балтийском море, принимал участие в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Лейтенант старого флота. В 1918 г. участвовал в Ледовом походе Балтийского флота. Во время гражданской войны командовал подводными лодками «Рысь», «Волк». В 1921 г. появились его первые научные статьи, которые были посвящены проблемам исследования, расчёта и применения в морском флоте радиопередатчиков и радиоприёмников, использовавших электронные лампы, радиосвязи погружённых подводных лодок, применения ультразвуковых систем на флоте. В 1922 г. Аксель Иванович удостоился звания «Герой труда Отдельного дивизиона подводных лодок Балтийского флота», участвовал в разработке «Правил службы на подводных судах». В декабре 1922 г. А.И. Берг был зачислен слушателем электротехнического факультета Военно-морской академии, которую он закончил в 1925 г. Одновременно сдал все экзамены и защитил диплом в Военно-морском инженерном училище, получив звание инженера-электротехника флота. А.И. Берга зачислили преподавателем Военно-морского инженерного училища, где он продолжил свою научно-исследовательскую деятельность. В мае 1927 г. Аксель Иванович сменил И.Г. Фреймана на посту председателя секции связи Научно-технического комитета. В 1930 г. Акселю Ивановичу присвоили звание профессора. А.И. Берг доказал необходимость создания специализированного исследовательского подразделения для опытной проработки возникавших технических проблем. По его инициативе в октябре 1927 г. учредили Научно-испытательный полигон связи Военно-Морских Сил РККА⁷.

3 сентября 1932 г. путём слияния секции связи Научно-технического комитета Морского ведомства и Научно-испытательного полигона связи был создан единый науч-

⁶ Подсчитано авторами по материалам Российского государственного архива Военно-Морского Флота.

⁷ Более подробно см.: Лурье В.М. Адмиралы и генералы Военно-Морского Флота СССР в период Великой Отечественной и Советско-японской войн (1941–1945). СПб., 2001.

но-исследовательский орган – Научно-исследовательский морской институт связи Военно-Морских Сил РККА. Он стал научным и испытательным центром по разработке и внедрению на объекты Военно-Морских Сил средств связи и наблюдения, гидроакустических станций связи и наблюдения, средств радиоуправления.

Научно-исследовательский морской институт связи Военно-Морских Сил РККА развернул научно-исследовательские работы по созданию новых средств радиосвязи, средств проводной связи, гидроакустических станций связи и наблюдения, а также в области тепловидения и зрительной связи, применения лучистой энергии, телемеханики и автоматики, корабельных радиопеленгаторов и средств радиоразведки, но главное – по комплексному проектированию вооружения кораблей и береговых объектов средствами связи и созданию систем электропитания аппаратуры связи флота.

Институт вёл также фундаментальные поисковые работы по созданию технических средств поддержки контактов с погружёнными подводными лодками (А.И. Берг, А.Н. Щукин), созданию первых отечественных УКВ-станций и корабельной аппаратуры радиолокации (И.В. Бренёв), созданию гидроакустической аппаратуры связи и наблюдения (А.И. Пустовалов, П.П. Кузьмин), теории сверхдальнего распространения радиоволн КВ-диапазона (А.Н. Щукин).

Зарождение и развитие связи на флоте, формирование и становление службы и соответствующей системы как основной структуры, обеспечивавшей управление силами на всех этапах развития Военно-Морского флота, неразрывно связаны и базируются на использовании исследований и достижений отечественной и зарубежной науки и техники в области создания и боевого применения средств, комплексов связи и автоматизации. Научно-исследовательский морской институт связи Военно-Морских Сил РККА (ныне – Научно-исследовательский центр телекоммуникационных технологий Военно-Морского флота, корабельных комплексов и средств обмена информацией и разведки) являлся органом, обеспечивавшим создание научно-экспериментальной базы службы связи Военно-Морского флота.

А.И. Берг (рис.) возглавлял институт связи с 1932 г. по 1937 г. При нём были разработаны и внедрены в Военно-Морской Флот: система радиовооружения «Блокада-2» (радиопередатчики «Бриз-МК», «Скат», «Ураган-МК», «Шквал-М», «Шторм-М», «Щука» и радиоприёмники «Вихрь», «Вьюга», «Гроза-М», «Метель», «Пурга»), две 100-киловаттные длинноволновые радиостанции, научно обоснованный проект радиоцентра Тихоокеанского флота «Зенит», система гидроакустических приборов связи и шумопеленгования для подводных лодок и надводных кораблей, магнетроны для корабельных радиолокационных станций. Аксель Иванович подготовил кадровый состав для научно-исследовательских институтов радиолокации и гидроакустики, а также будущих учёных с мировым именем, в дальнейшем определявших идеологию развития военной радиоэлектроники.

Рис. А.И. Берг

26 ноября 1935 г. А.И. Бергу было присвоено специальное воинское звание «инженер-флагман 2-го ранга». Казалось, его карьера шла в гору. Однако наступила пора «Большого террора». После раскрытия в РККА «заговора Тухачевского», по флоту прокатилась волна доносов. И здесь Акселю Ивановичу припомнили и непривилегированное происхождение (сын генерала), и офицерский чин в царском флоте, и уклонение от вступления в Коммунистическую партию.

В Научно-исследовательском морском институте связи Военно-Морских Сил РККА начались увольнения. В августе – сентябре 1937 г. по п. «б» ст. 43 «Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА» («в аттестационном порядке по служебному несоответствию») из Вооружённых сил были уволены помощник начальника радиоотдела, военинженер 1-го ранга Анатолий Иванович Бабановский и секретарь Научно-исследовательского морского института связи, техник-интендант 1-го ранга Ферапонт Ильич Кудрявцев. По социальному происхождению служащие, по политической принадлежности беспартийные, в середине 1920-х гг. они уже выбывали из армии и исключались из Коммунистической партии за приверженность к троцкизму, но были восстановлены.

25 декабря 1937 г. А.И. Берг был арестован по обвинению во вредительстве, а 5 января 1938 г. уволен из Вооружённых сил по п. «в» ст. 44 «Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА» («в связи с арестом судебными или следственными органами»)⁸. Одновременно с А.И. Бергом в декабре 1937 г. был арестован его бывший заместитель военинженер 1-го ранга Владимир Иванович Рейтер (позже освобождён из заключения и восстановлен на преподавательской работе). Им вменялась в вину якобы имевшая место на флоте недооценка работы по радиообнаружению. Действительная причина арестов заключалась в том, что работу Научно-исследовательского морского института связи Военно-Морских Сил РККА курировал и поддерживал Маршал Советского Союза М.Н. Тухачевский (в 1931–1936 гг. – начальник вооружений РККА, в 1937 г. репрессирован как «враг народа»), который хорошо знал большинство сотрудников института. Именно он поддержал предложение А.И. Берга использовать на флоте не армейские радиостанции, а специальные, учитывавшие особенности морского театра военных действий, против чего выступали многие военные специалисты, считавшие такой подход излишним распылением сил и средств⁹.

Следователи НКВД добивались от А.И. Берга признательных показаний в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58.1. («измена Родине»), ст. 58.8. («совершение террористических актов») и ст. 58.11. («участие в контрреволюционной организации с целью совершения террористических актов») Уголовного кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

Аксель Иванович проходил по делу о «контрреволюционной организации», в которую якобы входили также такие видные специалисты Военно-Морского Флота, как А.Н. Гриненко-Иванов, М.А. Крупский, П.П. Литвинский и др.¹⁰ Они обвинялись в том, что являлись участниками «антисоветского военного заговора и в целях срыва снабжения и вооружения флота радиовооружением по заданиям иностранных разведывательных органов занимались контрреволюционной деятельностью»¹¹.

Военный инженер 2-го ранга Н.П. Суворов, с которым А.И. Берг учился вместе в Военно-морской академии, на допросе показал: «Начальник Научно-исследовательского морского института связи Берг Аксель Иванович – бывший морской офицер. Вредительская работа А.И. Берга сводится к тому, что он расширял работу отделов Научно-исследовательского морского института связи по созданию максимально большого числа образцов связи и специальной аппаратуры, создавая этим впечатление интенсивной работы института, но, не доводя образцов до полной законченности и окончательных испытаний для возможности передачи их на вооружение флота»¹².

Арестованный одновременно с А.И. Бергом начальник факультета связи Военно-морской академии военный инженер 2-го ранга М.А. Крупский показал на следствии: «То, что он (Берг – прим. С.Б., С.Л.) способный работник, – в этом нужно отдать ему должное. Но у него получалось так, что он брал на себя столько заведований и обязанностей, которые, конечно, физически выполнить не мог. В последний период в

⁸ Лурье В.М. Адмиралы и генералы Военно-Морского Флота СССР... СПб., 2001. С. 27.

⁹ См.: Берг М.А. Воспоминания об отце. Довоенная жизнь // Академик Аксель Иванович Берг (к 100-летию со дня рождения). М., 1993. С. 13.

¹⁰ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, архивно-следственное дело № 39612–37, т. 1, архив. номер 0172066.

¹¹ Биккенин Р.Р., Глущенко А.А., Портала М.А. Очерки о связистах Российского флота. (Краткая история создания и развития службы связи Военно-Морского Флота в период 1900–1930-х гг.). СПб., 1998. С. 318.

¹² Там же. С. 319.

1935–1936 гг., он, Берг, был: начальник Научно-исследовательского морского института связи; начальник кафедры Морской академии; профессор Ленинградского электротехнического института; преподаватель... Плюс к этому каждый год Берг посылался на 2–3 месяца в заграничные командировки. Отсюда, как следствие, то, что работа в Научно-исследовательском морском институте связи имела ряд недостатков в области прямого технического руководства, и в этом в первую очередь повинен Берг...»¹³.

Хотя все статьи обвинения были «расстрельными», А.И. Берг продолжил работать в заключении в одном из «особых» конструкторских бюро НКВД. Он руководил разработкой военных систем связи. Дело по обвинению А.И. Берга в контрреволюционных преступлениях было направлено на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР, которое прекратило его дальнейшим производством за недостаточностью собранных улик. 28 мая 1940 г. А.И. Берг был освобождён из-под стражи. Другим проходившим по его делу повезло меньше: А.Н. Гриненко-Иванов и Н.П. Суворов были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны.

А.И. Берга восстановили в воинском звании «инженер-флагман 2-го ранга», в июле 1940 г. назначили начальником кафедры общей электротехники Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова. Накануне Великой Отечественной войны А.И. Бергу было присвоено высокое воинское звание «инженер-контр-адмирал». Он продолжал много заниматься научной работой. Выдвинул и разработал ряд проблем, имевших важное значение для развития радиоэлектроники и для обороны страны. По его инициативе и под его руководством был создан ряд научно-исследовательских институтов и заводов. Впоследствии А.И. Берг стал заместителем министра обороны СССР, первым директором Института радиотехники и электроники. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1963 г. за выдающиеся заслуги в развитии радиотехники и в связи с 70-летием ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Скончался А.И. Берг в 1979 г. в Москве, а все несправедливые обвинения сняли с него только 18 октября 1991 года (посмертно)¹⁴.

После ареста А.И. Берга Научно-исследовательский морской институт связи Военно-Морских Сил РККА был переименован в Научно-испытательный морской институт связи и телемеханики. Возглавил его Яков Григорьевич Вараксин, ещё один выпускник Военно-морской академии, незадолго до этого исполнявший обязанности начальника связи Тихоокеанского флота.

Главной задачей, поставленной коллективу в предвоенный период, была разработка пятилетнего плана научных исследований, определявшего создание и обеспечение новой системы радиооборужения Военно-Морского Флота средствами связи и наблюдения¹⁵. Работа в институте велась по трём основным направлениям: связь Военно-Морского Флота; безопасность связи, радиоразведка и криптография; работы по снижению тепловой заметности. В этот период (1938–1940 гг.) по п. «а» ст. 43 «Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА» («в связи с сокращением штатов») были уволены начальники отделов Научно-испытательного морского института связи и телемеханики военинженер 3-го ранга А.Г. Быстров и капитан-лейтенант С.А. Подворский.

Таким образом, в 1937–1940 гг., по установленным данным, из Научно-исследовательского морского института связи Военно-Морских Сил РККА было уволено 6 командиров, из них двое арестовано, в том числе начальник НИИ. Все увольнения, так или иначе, носили политический характер. Особенно надуманными кажутся увольнения

¹³ Ерофеев Ю.Н. По страницам следственного дела Акселя Ивановича Берга // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, научная конференция. 2004. М., 2004. С. 663–665.

¹⁴ Подробнее о нём см.: Джигит И. С. Академик Аксель Иванович Берг: к 60-летию со дня рождения // Известия Академии наук СССР. Отделение технических наук. 1953. № 12. С. 1870–1874; Радунская И.Л. Аксель Берг – человек XX века. М., 1971; Путь в большую науку: академик Аксель Берг. М., 1988; Академик Аксель Иванович Берг: (К 100-летию со дня рождения): Сборник статей / Государственный Политехнический музей. М., 1993; Ерофеев Ю.Н. Берг Аксель Иванович. Жизнь и деятельность. М., 2007; Шокин А.А. Министр невероятной промышленности СССР. М., 2007.

¹⁵ Ершов В.Н., Катанович А.А. «Надёжная связь... даже в самые трудные месяцы войны... позволяла нам контролировать действия флотов и флотилий...» Основные этапы деятельности Научно-исследовательского центра телекоммуникационных технологий и разведки Военно-морского флота (История военной науки) // Военно-исторический журнал. 2013. № 7. С. 43–45.

«в связи с сокращением штатов», в то время, как страна стремительно наращивала свои военные силы.

Репрессии против научных кадров службы связи Военно-Морского Флота ещё недостаточно изучены ввиду того, что многие архивные материалы засекречены и недоступны для ознакомления. Однако и приведённых здесь примеров, на наш взгляд, достаточно, чтобы представить себе тот урон, который понесла из-за неразумной политики государства советская военно-техническая наука. Каждый из пострадавших в годы «Большого террора» учёный был представителем той или иной научной школы; гибель или продолжительное заключение видных деятелей советской военно-морской науки негативно сказывалось на состоянии науки в целом: начатые разработки некому было завершать, ученики оказывались без научного руководителя, уже достигнутые результаты замалчивались или присваивались недобросовестными коллегами.

Примеры А.И. Берга и В.И. Рейтера, уцелевших во время «чистки» и занимавших в последующем крупные посты в системе высшего образования, доказывают, что и другие военные специалисты службы связи могли бы принести пользу Военно-Морским Силам страны и способствовать их лучшей подготовке к Великой Отечественной войне. Напротив, репрессии против учёных, занимавшихся вопросами совершенствования технических средств, направленных на обеспечение безопасности государства и оптимизацию деятельности Вооружённых сил, порождали уязвимость СССР для потенциальных противников, и это, в конечном счете, привело к гибели на фронте многих тысяч людей, которую можно было бы предотвратить.

POLITICAL REPRESSION AGAINST THE SCIENTIFIC PERSONNEL OF THE COMMUNICATION SERVICES NAVAL FORCES

S.S. BLIZNICHENKO¹⁾

S.E. LAZAREV²⁾

¹⁾Kuban state technological University

e-mail: flagman.flota@yandex.ru

²⁾Young scientists Council of the city of Serpukhov

e-mail: lasarev2009@yandex.ru

The article is devoted to the repression of scientific personnel of the communication service of the Navy. Considered the fate of such outstanding figure of naval science, as a head of Scientific research Institute of marine communication A.I. Berg, characterized by «cleansing» in the School of communication of the Naval Forces of Workers' and peasants' red army. The authors come to the conclusion that the unjustified repression of leading scholars and teachers of the Navy Department in the pre-war years led to a significant weakening of the combat readiness of the Soviet Naval Forces.

Keywords: Scientific research Institute of marine communication of the Naval Forces of Workers' and peasants' red army, School of communication of the Naval Forces of Workers' and peasants' red army, Aksel Ivanovich Berg, Christians Martynovich Murniek, political repression.

ИЗУЧАЯ «РАБОЧУЮ ИСТОРИЮ» ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

И.М. ПУШКАРЕВА

Институт российской истории РАН

e-mail: pushkarev@mail.ru

В статье поставлена проблема забытого направления исследований – истории рабочих дореволюционной России. Предложены новые результаты статистики забастовочного движения с июля 1914 по февраль 1917 г., предопределившего выход России из Первой мировой войны. В статье представлены взгляды и оценки историков, изучающих рабочее движение в начале XX столетия, проанализированы роль и место металлистов как передового отряда рабочего класса, который смог обеспечить рывок в социально-политическом развитии российского общества.

Ключевые слова: Первая мировая война, рабочий в России, историография, фабричная статистика, Февральская революция 1917 г., свержение/крушение самодержавия.

Обращение к истории Первой мировой войны – это не только веление времени, но и память людей, в том числе о миллионной армии рабочих России, определивших судьбу страны в начале XX в.¹ История рабочих дореволюционной России – важное направление, но оно сегодня оказалось на обочине исторической науки. Пренебрежительное отношение к нему, как расплата за его «связь» с большевистской партией, казалось бы, должно уйти в прошлое². Но эта часть социальной истории России сегодня оказывается практически неустребованной не только в связи с Первой мировой войной. Результатом является встречающееся в литературе искажение представления о социальном облике рабочего класса, оценка массового протестного движения рабочих начала XX в., борьбу обездоленных и бесправных масс России за улучшение своего экономического и социально-политического положения.

Обращаясь к истории рабочих, бесспорно, необходимо, учитывать влияние на нее в советские времена идеологических трюизмов. Немало их и в литературе по истории рабочих в период Первой мировой войны. Чего стоит только сдерживавшая исследовательскую мысль десятилетиями концепция с подверстанными под нее схемами о направляющей и руководящей роли большевиков массовым рабочим движением. Она ограничивала разработку научных проблем, вела к некритическому использованию источников, прежде всего – воспоминаний участников революционного движения.

Нельзя забывать, что к дореволюционным рабочим России историки обращались в течение многих десятилетий. Создавались признанные мировым сообществом исследования, основанные на научной обработке большой информационной базы источников. К сожалению, сегодня в связи с пристрастием к монархам, представителям высших слоев дореволюционной России тема, связанная с положением народных масс, далека от этой конъюнктуры и последствия этого очевидны. На полках библиотек и в Интернете имеется большая литература о массовом рабочем движении, в том числе по периоду Первой мировой войны. Поэтому странно читать в новейших исследованиях, что в обстановке нарастания в России Февральской революции 1917 г. рабочее движение оставалась лишь «массовкой, причем не на основной сцене», является лишь «истлевшим театральным реквизитом»³.

Центром исследования истории труда в индустриальных странах сегодня является Международный институт социальной истории в Амстердаме (Нидерланды). Возникает вопрос: не пора ли вернуться и в России к исследованию забытого направления в отече-

¹ При общей численности населения в России на январь в 175,1 млн человек, рабочие, занятые в сфере разных производств, составляли 10% (18, 2 млн). Если учесть семьи рабочих из 3-4-х человек, то этот слой в общем составе населения составит примерно 1/5 населения страны. См.: Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 16; История рабочего класса в СССР. Рабочий класс России 1907 – февраль 1917 г. М., 1982. (Далее: Рабочий класс России). С. 42.

² См. об этом: Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX-XX вв. / отв. ред. И.М. Пушкарёва. СПб., 2011. С. 7-8.

³ Булдаков В.П. Красная смута. М., 2010. С. 141, 143; Никонов В.А. Крушение России. 1917 год. М., 2011. С. 182.

ственной исторической науке? В данной статье предлагается освежить в памяти некоторую часть прежнего научного багажа, полученного исследованием дореволюционной истории труда и положения рабочих в годы Первой мировой войны, ответить авторам на «массовку», напомнить о том, что в новых исследованиях не следует проходить мимо достигнутого наукой.

В советской историографии Первой мировой войны забастовочное движение рабочих считалось одной из наиболее разработанных тем. Внимание советских историков начиная с 20-х гг. было сосредоточено на статистике забастовок, как наиболее динамичной силе в борьбе с самодержавием. На протяжении почти полвека историки пользовались в данном случае веденными в научный оборот в 20-е г. показателями статистики стачек, представленной в «Сводах фабричной инспекции». В те годы М.Г. Флеер дополнил их показателями горной инспекции. На книгу М.Г. Флеера ориентировалась вся историография в течение долгих лет, в том числе фундаментальные труды – в 1967 г. – И.И. Минца «История Великого Октября»; в 1982 г. с небольшими дополнениями за январь 1917 г. она же представлена и в «Истории рабочего класса в СССР»⁴.

Изданная небольшим тиражом в 2005 г. книга Ю.И. Кирьянова книга осталась практически мало заметной⁵. Между тем она существенно изменила показатели забастовочной борьбы в России с начала Первой мировой войны и до Февральской революции 1917 г. Они превосходят ранее известные данные о стачках и их участниках соответственно – в 1,9 и 1,6 раза.

Сегодня мы имеем не только более уточненное представление о масштабах стачечного движения. Новые статистические сведения (см. далее таблицу.) представляют в новом ракурсе роль рабочего класса в революции 1917 г., как «ударной силы» в свержении/крушении монархии в процессе слияния «совершенно различных потоков, совершенно разнородных классовых интересов»⁶, давно желавших и ожидавших изменений в государственном строе России.

По подсчетам, сделанным на основе составленной нами таблице по книге Ю.И. Кирьянова, с начала войны 19 июля 1914 г. и до 28 февраля 1917 г., определившего победу революции в России, в 5 794 стачках в России приняло участие 3 млн 239,8 рабочих. Из них только в 1904 г. в политических стачках (в 32,9% случаях стачек от общего числа) участвовало 1 млн 183,0 тыс. рабочих (в 36,5% случаев). При этом 899 политических стачек и 732,7 тыс. их участников приходилось на Петроград с 23 по 28 февраля 1917 года.

Общий взгляд на забастовочное движение рабочих России в годы Первой мировой войны фиксирует внимание на двух важных моментах – о месте этого периода в рабочем движении, начиная с его зарождения и на его характеристике, которая изменилась в последние годы, что связано с отношением вообще к рабочей истории. Отдельные фрагменты исследования рабочего движения в дореволюционной России принципиально не меняют отношение к рабочим в исторической науке, как представителям народных масс, которые первыми подняли свой миллионный голос против войны.

⁴ Россия в мировой войне. 1914-1918 (В цифрах) М., 1925; Рабочее движение в России в годы войны / подг. к печати: М.Г. Флеер. М., 1925; Флеер М.Г. Рабочее движение в России в годы империалистической войны. Л. 1926; Рабочее движение в 1917 году. М.; Л., 1926. С. 14-17; Минц И.И. История Великого Октября. Т.1. Свержение самодержавия. М., 1967. С. 341-352, 374; Рабочий класс России С. 328. (В этом труде статистика стачек была дополнена показателями за январь 1917 г.).

⁵ Кирьянов Ю.И. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.) / отв.ред. С.В. Тютюкин. М., 2005. С. 216. Над статистикой стачек автор работал вместе с Г.Г. Касаровым, составителем хроники «Стачки в России в 1914 -феврале 1917 г.». М., 1989 г. Для получение новой информации автором был использован не только выверенный по сравнению с имевшимися в научном обороте показателями «наряд» помесечных сведений о рабочих стачках в России фабричных инспекторов и горных инженеров // Стачечное движение в России в годы Первой мировой войны: материалы официальной статистики за август 1914 – январь 1917 гг. В 4-х выпусках / отв. ред. В.Я. Лаверычев. М., 1987. «Наряд» фабричных инспекторов и горных инженеров использовался М.Г. Флеером, но его книга содержала некорректные перегруппировки статистики, неэкономические стачки М.Г. Флеер включал в разряд политических. Ю.И.Кирьяновым была проведена контаминация показателей с материалами местных изданий и тем самым уточнены и дополнены официальные сведения о стачках. Начавшийся кризис в исторической науке в 90-е г. задержали создание книги. В 2002 г. автор приступил вновь к работе над рукописью, но многое не успел осуществить. Рукопись книги была издана в 2005 г. его коллегами.

⁶ Ленин В.И. Письма из далека. Письмо 1. Первый этап первой революции. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 16.

Таблица

**Стачечное движение в России в годы Первой мировой войны
(19 июля 1914 г. – 23 февраля 1917 г.)**

	1914		1915		1916		1917		1914-1917	
	А*	Б**	А	Б	А	Б	А***	Б****	А	Б
Всего стачек	70	170 (149)	963	1928 (1854)	1542	2417 (2292)	400	1279 нет св.	2975	5794 (4995)
Всего стачечников	37,2	86,7	569,2	862,0	1.172,6	1.558,4	270,1	732,7	2.049,1	3.239,8
Политические стачки	8	18	216	355	243	252	229	1279	696	1904
Всего участников политических стачек	4,4	12,0	156,9	165,2	310,3	273,1	162,9	732,7	634,5	1.183,0

Примечание к таблице: итоговые данные стачечного движения в России за 1914-1917 г. – наши (И.П.).

* Здесь и далее в графе «А» – данные о стачках и стачечниках в тыс. в кн.: История рабочего класса СССР. Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917. М., 1982. С. 328. (В скобках – число стачек с известным количеством стачечников).

** Здесь и далее в графе «Б» – данные о стачках и стачечниках в тыс. в кн.: Кирьянов Ю.И. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.). М., 2005. С. 202-203. Таблицы.

*** В графе «А» за 1917 г. – известное число стачек и стачечников с 19 июля 1914 г. и только до января 1917 г. включительно.

**** В графу «Б» – *Сведения о политических стачках* – включены и в общие показатели стачечного протеста с 1 января до 28 февраля 1917 г. (В показатели политических стачек вошли подсчеты Ю.И. Кирьянова за январь – 22 февраля, а также данные ленинградских исследователей за 23-28 февраля 1917 г. – 393,8 тыс. забастовщиков (Кирьянов Ю.И. Указ. соч. С. 203)). Заметим, что в начале 1917 г. фабричные инспектора тоже затруднялись квалифицировать стачки по направлению борьбы и условно все стачки, включая февраль 1917 г., все стачки в коллективных выступлениях, сопровождавшиеся митингами и демонстрациями, считали политическими.

В советской исторической науке давно повелось отделять «китайской стеной» период до Первой мировой войны и после вступления России в войну с последовавшими событиями, предопределившими Февраль, а затем и Октябрь 1917 г. Эта периодизация в известной степени восходит к далеким временам и ленинским трудам⁷, но оказалась принятой и в новейшей историографии⁸.

Между тем, массовое рабочее движение в годы Первой мировой войны было теснейшим образом связано с глубочайшим полувекowym социальным кризисом в стране, с открытыми выступлениями рабочих еще во второй половине XIX в., с первой революцией в России в 1905-1907 г. и непосредственно с периодом, который именовался в отечественной историографии «новым революционным подъемом» и который слабо связывается с выступлениями рабочих в войну. Прежде всего в силу недостаточно глубокой разработки массового довоенного рабочего движения. В 1961 г. появился «региональный» труд о стачках и положении петербургских рабочих в 1912-1914 г. Э.Э. Крузе⁹, но не было подобного ему исследования в масштабах России. Так и не вошла в научный оборот объемная хроника стачечной борьбы в 1910-1912 г., составленная и обработанная В.П. Желтовой¹⁰. Автором подсчитано число участников забастовок в 1910-1912 г., которое в 79% случаев стачек составляло 774 тыс. участников. Оно превысило данные фабричной инспекции за этот период в 2,7 раза и более, чем в 1,5 раза показатели участников рабочих

⁷ Волобуев П.В., Володарская А.М. и др. О периодизации рабочего движения в России // Рабочий класс и рабочее движение в России 1861-1917. М., 1966. С. 36-50 и др.

⁸ Имеется в виду дискуссия 90-х г., в ходе которой высказывались мнения новейшей мировой истории с 1914 г. от довоенного времени // Гросул В.А. Труды по теории истории. М., 2014. С. 435-438 и др.

⁹ Крузе Э.Э. Петербургские рабочие в 1912-1914 гг. М.; Л., 1961. С. 68-70.

¹⁰ Стаечная борьба рабочих России на начальном этапе нового революционного подъема 1910 – март 1912. Хроника событий. Ч. I-II. М., 1980; Хроника рабочего движения в России. Апрель-декабрь 1912 г. Ч. I, II. М., 1991; Желтова В.П. Стаечная борьба российского пролетариата в 1910-1912 годах. М., 1993. С. 206-211; ее же. Стаечная борьба российского пролетариата на начальном этапе нового революционного подъема (1910 – март 1912 г.): автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1986. С. 16.

стачек за 1903 и 1904 гг. перед Первой русской революцией¹¹. К 1912 г. произошло перемещение центра рабочего движения в Петербургский район, металлисты среди фабрично-заводских рабочих утвердили себя ведущей силой протестного движения. Заметно энергичное участие в рабочем движении женщин, которые в этот период пошли «к станку», заменяя мужской труд на женский. К сожалению, монография, которая должна была продолжить специально исследование массового рабочего движения в 1912-1913 г, главное внимание уделила политической деятельности большевиков в этот период¹².

Но даже официальная статистика дает возможность сравнить довоенный и послевоенный периоды. Забастовочное движение в цифрах говорит само за себя. В 1912-1913 г. в 4436 стачках участвовал 1,6 млн (1.612587) рабочих. В 1912 г. 75,8% рабочих участвовало в политических стачках от общего числа забастовщиков, в 1913 г. – 56,8%. В первые семь месяцев до начала в 1914 г. войны в 3464 стачках уже участвовало 1,3 млн (1.306246 рабочих) и 73,5% – в политических стачках. Нельзя пройти мимо такого сравнения: в 1916 г. число бастующих рабочих в России составило по данным фабричной инспекции 1,2 млн. (1.172), по уточненным показателям – 1,5 млн (1.558,4) рабочих (см. табл. 1). Оно почти сравнялось с показателями довоенных двух лет – 1912-1913 годов.

До войны Петербург утвердил свою роль центра рабочего движения. Больше всего стачек в 1912-1913 г. приходилось на Петербургскую губернию: соответственно, 36,2% и 31,4%, а в 1914 г. – 50,1 %. С января по июль 1914 г. в 506 стачках в Петрограде участвовал 1,1 млн. (1.1245,8) рабочих¹³. Летом 1914 г. рабочие Петербурга выступили с протестом против репрессий нефтяников Баку, организовавших всеобщую стачку. 3 июля наряд конной и пешей полиции расстрелял 12 тыс. участников митинга – протеста в районе Путиловского завода. 2 человека были убиты, 50 – ранены, 65 – арестованы и избиты полицией. За неделю до революции в Выборгском районе столицы, за Невской и Московской заставам возникли баррикады. Начальник охранного отделения распорядился в те дни срочно «ликвидировать» лиц, связанных с большевистской фракцией, была разгромлена газета рабочих «Трудовая правда». Общество фабрикантов и заводчиков объявило локаут более 100 тыс. рабочим-металлистам заводов Путиловского, Невского, Нобеля, Лесснера, Парвиайнена и др. за их активность в протестном движении, было арестовано 433 человека. За два дня до начала войны 17 июля в столицу России были введены войска для прекращения демонстраций. Листовка большевиков призывала «готовиться ко второй революции»¹⁴.

В день объявления войны 19 июля 1914 г. в связи с призывом запасных по мобилизации на Выборгской стороне, бастовало 27,4 тыс. 26 предприятий. У завода Эриксона прошла демонстрация с криками «Долой войну!», пением «Рабочей Марсельезы». Конными городскими она была быстро рассеяна¹⁵. Радикальная печать отметила в ряде случаев антивоенные собрания, реже – скромные демонстрации. Одна из них, но довольно малочисленная прошла в Москве 20 июля по Тверской ул. с возгласами: «Долой войну!», «Не надо крови!». Так было в первую неделю после начала мобилизации. Далее забастовки прекратились: с 19 июля по 31 декабря в стране произошло лишь 170 стачек, в которых участвовало немногим больше 80 тыс. рабочих (см. табл.). В августе, октябре, декабре 1914 г. в столице не было ни одной политической стачки, лишь в сентябре – одна и в ноябре – две¹⁶. В них время участвовало тогда лишь 12 тыс. рабочих (см. табл.).

В Петрограде первая мобилизация 86,8 тыс. человек выбила из организованных групп рабочих наиболее активных членов. Объявление столицы на военном положении практически лишало рабочих права голоса, отвоёванного у царизма в 1905 г. Новый шквал репрессий в десятки раз сократил численность партийных и легальных рабочих организаций, закрылись рабочие газеты и журналы. Указом правительства от 24.07.1914 г. определялись уголовные наказания вплоть до тюремного заключения за со-

¹¹ Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX – XX вв. / отв. ред. И.М. Пушкарева. СПб., 2011. С. 69.

¹² Арутюнов Г.А. Рабочее движение в России в период нового революционного подъема. 1910-1914. М., 1975.

¹³ Рабочий класс России. С. 228-229.

¹⁴ История рабочих Ленинграда. Т. I. 1903-1917. Л., 1972. С. 455-459.; Листовки петербургских большевиков. Т. II. 1907-1917. Л., 1939. С. 109-110. В советской литературе цитируемые слова были веским аргументом в подготовке большевиками Февральской революции 1917 г.

¹⁵ Рабочее движение в Петрограде в 1912-1917 гг. Документы и материалы. Л., 1958. С. 247-248.

¹⁶ История рабочих Ленинграда. С. 474-475.

брана и манифестации, за участие в стачках – отправка в армию. «Беспорядки, стачки и забастовки как рукой сняло, подъем духа небывалый, все партии позабыты», – записал в своем дневнике вел. кн. Константин Константинович возвратившийся из-за границы в Россию¹⁷. Среди «культурных классов война «пробудила патриотическое чувство», – уточняет в своих воспоминаниях высокий царский сановник В.И. Гурко, – но – внимание: «в массе крестьянского, а теми более фабрично-заводского населения война не вызвала ни патриотического чувства, ни негодования»¹⁸.

В советской историографии при обращении к началу войны были две сменявшие одна другую концепции – «увлеченность» антивоенным протестом рабочих в начале войны¹⁹ и концепция массовой «зараженности» рабочих патриотизмом. В подавляющем большинстве случаев война в рабочей среде вызвала естественное молчаливое, глухое, покорное, а в ряде случаев и непокорное недовольство. Последнее проявлялось на призывных пунктах, где собирался семейный рабочий люд. Скрытый протест переходил в открытые выступления, которые жестко пресекались полицией и войсками²⁰. Эти протесты некоторые советские издания относили к антивоенным выступлениям и стачкам²¹.

В истории дореволюционного рабочего движения сохранилось много тезисов «публицистического» толка, не подкрепленных источниками. Например, что рабочие, увлеченные патриотизмом, затем пережив эту вспышку, возвратились к своему революционному делу.

Патриотизм – одно из наиболее глубоких формируемое веками чувств ко времени Первой мировой войны стал в России неотъемлемой частью общественного сознания. Патриотизм вообще – сложное понятие. Невозможно установить с точностью, какое количество рабочих демонстрировало свой патриотизм, точно также невозможно выяснить отношение рабочих к войне путем простого подсчета забастовок. «Цифрами нельзя объяснить, какие чувства овладевали рабочими, когда они слышали или пели свой национальный гимн»²², – заметил немецкий историк Х.Ф. Ян. Проявление патриотизма не вытесняло экономические и политические проблемы в сознании и в памяти рабочих и не исключало радикализм протестных выступлений. Спад стачек в начале 1914 г. объяснялся более всего еще не изменившимся в худшую сторону социально-экономическим положением рабочих по сравнению с довоенным временем.

Но расчёт царского правительства на то, что через три-четыре месяца война закончится, провалился. Рабочее движение начало возвращаться в прежнее русло. В 1915 г. число стачек в России возросло в 10 раз по сравнению с предыдущими военными месяцами, а число политических стачек – в 13 раз (см. табл.).

Петроград окончательно утвердил свою роль как центр общественного движения в стране. В то время, когда через год после начала войны, либеральная оппозиция отстаивала свои права в Государственной думе, а бюрократическая элита раскалывалась между властью и оппозицией²³, в рабочих районах столицы в начале сентября 1915 г. общего-

¹⁷ Дневники Николая II. 1894-1918. Т. II. 1905-1918. Ч. 2. 1914-1918. М., 2013. С. 47, 94.

¹⁸ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствовании Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 644-645.

¹⁹ Поиски антивоенных выступлений в начале войны начались с публикаций 1934-1939 г., стремившихся подтвердить ленинский лозунг превращения империалистической войны в гражданскую. В качестве иллюстраций приводились копии донесений с мест. Еще предстоит разораться, на основе каких фактов в этих донесениях говорилось, что «с самого начала войны рабочая масса была настроена патриотично», что «в с. Гальчиха Владимирской губ. при объявлении войны был сильный патриотической подъем в массах». См.: Из истории рабочего движения в годы Первой мировой войны. Стаечное движение в Костромской губернии // Красный архив. 1934. № 6(67). С. 25-28; Большевики в годы империалистической войны. 1914-февраль 1917 г.: сб. документов местных большевистских организаций. М., 1939. С. 62-63.

²⁰ 20 июля в Лысьве (Урал) в ходе столкновений нескольких сотен рабочих, а теперь мобилизуемых запасных полицией и войсками несколько человек были убиты и ранены. В Пермской губернии было отмечено 41 такого рода выступление промышленных рабочих с 18 по 28 июля. См.: История Урала а период капитализма. М., 1990. С. 361, 469.

²¹ Кирьянов Ю.И. Социально-политический протест. С. 41-44, 104-105.

²² Ян. Х.Ф. Русские рабочие, патриотизм и Первая мировая война // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1961 – февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 381.

²³ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914-1917 г.). М., 2003. С. 155-179; Никонов В.А. Указ. соч. С. 262-283 и др.; Пушкарева И.М. Власть, оппозиция и общество накануне падения самодержавия в России в новейшей историографии // Российская государственность: опыт 1150-летней истории. М., 2013. С. 240-243.

родская забастовка охватила 37 заводов и фабрик и не менее 71,7 тыс. участников. С августа 1915 по август 1916 г. в Петрограде в 663 экономических и политических стачках, включая повторные, участвовало уже полмиллиона (541,9 тыс.) рабочих. В 1916 г. продовольственный вопрос обострил ситуацию настолько, что с сентября 1916 г. и по 22 февраля 1917 г. в Петрограде в 530 стачках участвовало 589,3 тыс. рабочих. При крайне обострении кризиса верхов с 23 по 28 февраля 1917 г. в стихийно возникших политических стачках в столице участвовало 393,8 тыс. рабочих²⁴.

Сегодня в истории рабочих периода Первой мировой войны столкнулись две концепции, связанные с определением уровня политической «сознательности» массового рабочего движения, характера революционных выступлений рабочих Петрограда в дни Февральской революции 1917 г. Первая концепция зародилась в советской историографии в 20-е г. и началась со споров о «стихийности» и «сознательности» массового движения рабочих в дни революции. Основанная на марксистско-ленинской идеологии, эта концепция с 30-х г. утверждала «сознательность» и «организованность» рабочего движения благодаря руководству массовым движением большевистской партией. Коррективы в это понятие «организованности» были внесены в 60-е г. в связи с выходом в свет «Истории КПСС». «Руководящая» роль революционным процессом свелась к ленинскому определению ситуации – «работа большевиков на революцию». Идеологическая направленность исследований сохранялась при обращении к теме, мешая разобраться в облике участников нарастающей демократической революции, массовых выступлений в Петрограде в феврале 1917 г.

Другая концепция брала начало в зарубежной историографии с середины XX в., со времен «холодной войны». Поразительно, что она возрождается в новых работ уважаемых историков. Один из таких примеров – книга В.П. Булдакова «Красная смута». Британский ученый С. Смит в монографии 1983 г. «увидел» в рабочих демонстрациях 1917 г. в России сборище людей с «элементами запредельной бунтарской страсти», а во всеобщих забастовках в Петрограде в феврале 1917 г. – «неквалифицированную массу – женщин, молодежь, сезонников». Удельный вес последней в рабочем движении в годы войны составлял по подсчетам С. Смита (лаборатория подсчетов не известна) – 60%.

В.П. Булдаков склонен согласиться с С. Смитом. Стремясь «прочувствовать изнутри» «сгущенно-хаотическую атмосферу эпохи» (о чем сказано в предисловии к книге «Красная смута») он обращается к металлистам и практически их «дезавуирует», отказывая всему отряду рабочих в этой отрасли в тех чертах, которые подчеркивала советская историография, т.е. развитое и сложившееся классовое сознание. Основанием является изменение в годы войны состава этой отрасли труда в связи прежде всего с приходом женщин. Отказывая в организованности питерского пролетариата в ходе революции, В.П. Булдаков считает, что стачки и демонстрации рабочих и на крупных предприятиях имели лишь «узко практический интерес», а сами выступления были «нечто средним между действиями толпы и общины»²⁵. Но массовое сознание рабочих в России было эклектично и взаимопротиворечиво. Из «него» можно всегда взять то, что нужно и выгодно авторам.

Советская историография при обращении к исследованию социально-экономического и политического положения пролетариата особое внимание обращала на металлистов, среди которых росло число высококвалифицированных, грамотных, прогрессивно мыслящих рабочих. Стачки металлистов и их настроение выделяли фабричная инспекция и охранное отделение Департамента полиции. Многие работы отмечают быстрый рост этого отряда рабочего класса. К 1913 г. численность металлистов в стране по отношению к 1908 г. увеличилось на 75% и составила почти полмиллиона – 450,689 тыс. В Петербурге они были самой многочисленной из отраслевых групп, составляя 42% от общего состава рабочих столицы, которых финансировали ведущие банковские монополии²⁶. На казенных и частных предприятиях по обработке металла и в машиностроении работали высоко квалифицированные, грамотные, политически развитые и сравнительно хорошо оплачиваемые рабочие. Предприятия гиганты, начиная с Путиловского, Обуховского заводов и еще с десятков крупных металлообрабатывающих предприятий в

²⁴ История рабочих Ленинграда. Т. I. 1903-1917. Л., 1972. С. 485, 492-494, 500-501, 515, 529.

²⁵ Smith S.A. Red Petrograd: Revolution in the Factories. 1917-1918. Cambridge, 1983. P. 36. Булдаков В.П. Красная смута. С. 142-143.

²⁶ Рабочий класс и рабочее движение. С. 36, 44, 386.

столице, не случайно назвали «бастионами революции». К этим рабочим стремились войти в доверие с революционными призывами радикальные партии и достигали успеха.

В конце 80-х – начале 90-х г. научное сообщество за рубежом с особым вниманием относилось к революционному прошлому России. Тогда действовали международные научные проекты по сравнительной характеристике стачечной борьбы в индустриальных странах, а дискуссии международных научных коллоквиумов представили взгляд со стороны на изучение истории рабочих советскими учеными. Американский ученый Л. Хаймсон с группой своих учеников составляли схемы и диаграммы, которые подтверждали в России «революцию в ожиданиях» (revolution of rising expectations). Они отмечали динамичное развитие рабочего движения в России со второй половины XIX в. через революцию 1905 г. и далее к 1914 г.²⁷ Применив математические методы к фабричной статистике стачечного движения, эта группа исследователей то же, как и советские ученые подчеркивала ведущую роль металлистов. Пользуясь широко открытыми в те годы иностранным ученым архивами, она подтверждала достаточно высокий уровень культуры, организованности и политической зрелости этого передового слоя урбанизированных рабочих накануне 1914 г., их влияние в отдельных рабочих районах Петербурга на рабочих других производств²⁸.

Диаграммы, сравнительного анализа забастовочного движения металлистов «до» и в «ходе» войны – в 1913-1916 г. – на фоне других ведущих отраслей промышленности (обработка хлопка, шерсти химии полиграфы) еще в 20-е г. были представлены в книге Б.Б. Граве. В ней убедительно показано, что металлисты в войну также, как до войны, «тянули за собой» протестное движение, отстаивая экономические требования рабочих. В книге приведен документ петербургской охранки от 15 июля 1915 г. В нем отмечается, что металлисты отличались «крепкой внутренней спайкой и. были более других (рабочих других производств. – И.П.) сознательными и организованными». Говорилось, что металлисты проводят свои требования в жизнь «путем устройства по фабрикам и заводам митингов и собраний», требуя от фабрично-заводской администрации «увеличения заработка путем повышения расценки труда, а не путем увеличения сверхурочных работ» Уже в 1915 г. число успешных стачек составляло среди металлистов 83,6%. Все годы войны процент политических стачек среди металлистов превосходил все другие ведущие отрасли труда²⁹.

Роль петроградских металлистов в дни Февральской революции 1917 г. сохранивших свои позиции в годы войны, во многих случаях «застрельщиков» формировавшихся в ходе демонстраций отдельных групп массового движения с их революционной направленностью и соответствующими лозунгами подчеркнута в книге И.П. Лейберова³⁰.

Советская историография, констатируя изменения с первых месяцев войны численность и состав рабочего класса, указывала на сложность и неоднозначность процесса социальной деформации рабочего класса. Здесь нужна была бы корреляция изменения численности и сохранения довоенного состава, не говоря о более сложных методах тематического моделирования. Однако некоторые показатели говорят сами за себя. Считается, что к 1917 г. пролетариат обновился более чем на 29%, по отношению к его численности в 1913 г.³¹. В Петрограде же за всю войну было призвано лишь 17% общего числа про-

²⁷ Хаймсон Л. Исторические корни Февральской революции // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть*. СПб., 1994. С. 23; Hiamson L.H., Brian. *Labor Unrest in Imperial Russia during the First World War: a Quantitative Analysis and Interpretation* // *Annali Anno Ventisettesimo 1990/1991. Strikes, Social Conflict and the First World War. An International Perspective*. P. 389-452.

²⁸ Хаймсон Л., Петруша Р. Опыт статистического исследования данных «Сводов отчетов фабричных инспекторов о стачках рабочих в России в 1912-1914 гг. // *Математические методы ЭВМ в математических исследованиях: сб. статей / отв. ред. И.Д. Ковальченко*. М., 1985. С. 115-152; Хаймсон Л. *Российское рабочее движение накануне Первой мировой войны // Рабочий класс капиталистической России*. М., 1992. С. 41-66.

²⁹ Граве Б.Б. *К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 г. – февраль 1917 г.* М.; Л., 1926. С. 72, 82.

³⁰ Лейберов И.П. *На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914-март 1917 г.)*. М., 1979. С. 4, 15, 27, 38, 40, 51, 119, 165-173 и др.

³¹ Цифра около 40% промышленных рабочих, призванных в армию, оспаривается. См. об этом: *Россия в мировой войне 1914-1918 годов (в цифрах)*. М., 1925; Волобуев П.В. *Указ соч.* С. 17-20; *Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции*. Ч. III. М., 1967. С. 59-60.

мышленных рабочих³². От военных мобилизаций меньше пострадали крупные предприятия, работавшие на оборону и казенные предприятия.

В столице с прилегавшими к ней районами число рабочих в цензовой промышленности уменьшилась с 242,6 тыс. в 1914 г. до 392,8 тыс. в 1917 г., но это не касалось металлистов, где шло увеличение наемного труда. За три года войны в Петрограде оно составило 150,2 тыс. и в основном за счет металлистов: от 100,6 тыс. в 1914 г. до 237,4 тыс. в 1917 г. К 1917 г. численность промышленных рабочих в России уменьшилась до 15(14,9) млн., но она возросла на крупных предприятиях. В Петрограде к концу 1916 г. – примерно на 13%, а в 1917 г. – на 17-20%.³³

Тщательно проработав обращение к материалам ЦСУ, А.Л. Сидоров отметил, что в промышленности с 1913 г. на 1 января 1917 г. «на 10% уменьшился состав мужчин на столько, на сколько увеличился процент женщин. В среднем применение женского труда возросло на 1/3 по сравнению с довоенным уровнем». Но в металлообработке кажущиеся большие показатели замены мужского труда женским объясняются очень просто. Применение женского труда здесь увеличилось на 600%, поскольку сравниваются 3,2% в 1914 г. с 20,3% к 1917 г. В Петрограде за первые три года войны процент взрослых женщин на предприятиях повысился лишь на 8%. Сохранению прежнего состава рабочих способствовали отсрочки по призыву в армию. Ими пользовались в стране к октябрю 1916 г. не менее 1 млн 866 тыс. постоянных, опытных, квалифицированных рабочих, связанных с военной промышленностью³⁴. Среди них значительная часть была петроградских рабочих. Это касалось и военнослужащих, возвращенных из армии на петроградские предприятия.

В трудах российских историков имеются и другие доказательства поспешности новейших работ, утверждавших преобладание в массовом рабочем движении в годы войны бунтовских черт, свойственных крестьянским выступлениям. Участники стачек политического характера выступавших с такими требованиями (защита депутатов большевистской фракции Думы, протесты против репрессий, в память жертв расстрела 9 января 1905 г., Ленского расстрела в апреле 1912 г., в связи с 1 Мая) влились и составили «ядро» демонстраций в дни Февральской революции. По сведениям Ю.И. Кирьянова, число участников политических стачек в январе-феврале 1917 г. по сравнению с 1916 г. увеличилось в 2,6 раза (см. табл.). Уровень сознания февральских социально-активных массовых выступлениях рабочих в 1917 г. обеспечил поддержку Петроградскому Совету рабочих депутатов.

В ходе коллоквиумов в 90-е г. российскими и зарубежными учеными начался пересмотр прежних концепций истории рабочих в годы Первой мировой войны. Немецкий профессор Х.Ф. Ян пожелал советским историкам «оторваться от тусклого отражения (массового движения. – И.П.) в зеркале статистики, ведущей арифметический подсчет выступлениям и забастовкам»³⁵. Ведь цифрами, действительно, нельзя объяснить психологию рабочих, их восприятие войны, отношение к войне. В коллективном поведении рабочих громадную роль играл обычно достаточно устойчивый и сложный пласт массового сознания, механизм которого не ясен без анализа конкретных обстоятельств отдельной взятой стачки или других выступлений рабочих. Массовые выступления формировались под воздействием всей совокупности экономических условий, социальной среды, бытовых традиций, нравственных устоев, просвещения, идеологической, и политической пропаганды. Текущие события могли лимитировать партийно-политический фактор, но это не исключало его влияния. В сознании рабочих, стоявших у станка, все события, слухи, разные взгляды и идеи, бытовавшие в обществе, переправлялось как в тигеле, хотя и с разной интенсивностью. С этим приходилось иметь дело всем политическим лидерам. Проявление настроений, сходных с бунтом, случались в рабочей среде. Но, не выяснив их распространенности, вряд ли можно бунтовскими терминами характеризовать масштабные выступления рабочих. Тем более, что у истоков большинства стачек лежали

³² На военных заводах численность кадровых рабочих достигала в Петрограде к 1917 г. 50-52% мужчин призывного возраста. См.: Лейберов И.П. На штурм самодержавия. М., 1979. С. 18-19.

³³ История рабочих Ленинграда. Т.1. С. 465-466. С пригородами Петрограда – с 278 тыс. в 1914 г до 430 тыс. в 1917 г., исключительно за счет металлистов (на 148 тыс.). См.: Сидоров А.Л. Экономическое положение. С. 415.

³⁴ Сидоров А.Л. Экономическое положение рабочих в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 414-417. (Подсчеты наши. – И.П.)

³⁵ Ян Х.Ф. Русские рабочие, патриотизм и Первая мировая война // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть / отв. ред. В.Ю.Черняев. С. 381.

обычные производственные конфликты, свойственные капиталистическим предприятиям. Не менее важны внешние обстоятельства жизни города, сообщения с фронта, которые предопределяли «сознательность» протестного движения.

Советская литература подняла массу исторических источников, которые могут представить механизм организованности рабочих, притом, не формальную констатацию связи их с политическими партиями и общественными организациями. Проблема организованности рабочего движения в годы Первой мировой войны – тема специальной статьи, связанной с новой концептуальной историей. Предпосылкой исследований в области истории рабочих в годы Первой мировой войны является осмысление, например, новых теоретических подходов современной социологией общественных движений и прежде всего – парадигмы коллективных действий рабочих в дореволюционной России.

Поворот к рабочему в годы войны – обращение к проблемам антропологии – то же новый подход в оценке массового движения рабочих периода Первой мировой войны. Но определение характера движения невозможно без интеграции анализа фактов на уровне каждой стачки и даже глубже – более близкого знакомства с ее конкретными участниками. В этом отношении рабочие дореволюционной России «отстают» от крестьян: в новейших исследованиях уже показано восприятие последними войны, реакция на нарастание революционного кризиса по мере ее затягивания и другие черты их менявшегося облика в изменившихся условиях³⁶. Крестьяне приносили в рабочую среду в начале XX в. не столько бунтовские настроения, сколько нравственные и этические нормы – стремление строить отношения личности и коллектива по справедливости, механизм общественного мнения, обеспечивавший действенность протестной идеи, который находил отражение в собраниях, митингах и демонстрациях.

История дореволюционного рабочего требует серьезного обновления информационной базы. Это могут быть и проверенные на репрезентативность воспоминания рабочих, их современников с ними связанных и о них. В архивах имеется перлюстрированная корреспонденция в Департаменте полиции, по которой можно представить настроения грамотных рабочих, влияние на них политических партий. Не последнее место должно занять обращение к рабочему фольклору военного времени. История рабочих периода Первой мировой войны требует единой целевой программы с определенной методикой, подобной уже разработанной в свое время международным научным сообществом³⁷. Она позволит максимально уточнить статистику, выявить формат рабочих протестов, раскрыть связь рабочего движения с политическими партиями и рабочими организациями, представить облик рабочего и исходя из него – дать характеристику массовому рабочему движению в России в годы Первой мировой войны.

STUDYING LABOR HISTORY OF THE WORLD WAR I PERIOD

I.M. PUSHKAREVA

*Institute of Russian
History RAS*

e-mail: pushkarev@mail.ru

The author deals with forgotten direction in historical research in Post Soviet period – with the labor history of pre-revolutionary Russia. She offers new results of statistics of the strike movement in Russia since the July, 1914 to February, 1917. This events predetermined an exit of Russia from World War I and therefore they remain in the center of discussions of historians studying labor movement at the beginning of the XXth century. The author analyzes the role and a place of metalworkers as advance part of working class that provided a breakthrough in social and political development of the Russian society.

Keywords: World War I, Russian worker, historiography, factory statistics, February revolution of 1917, overthrow/crash of autocracy.

³⁶ Поршнева О.С. Социальное поведение российского крестьянства в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Социальная история. Ежегодник. М., 2000. С. 57-86.

³⁷ См.: Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX – XX вв. / Отв. ред. И.М. Пушкарева. СПб., 2011. С. 7-9, 17-56.

ОБЩЕСТВО БЫВШИХ МОРСКИХ ОФИЦЕРОВ В САН-ФРАНЦИСКО В 1920–1930-Е ГГ.

Н.А. НИЗОВЦЕВ

*Орловский
государственный
университет*

e-mail: pretorianetc@mail.ru

Эта статья рассказывает о возникновении и первых годах существования Русского общества бывших морских офицеров, больше известного как Кают-компания в Сан-Франциско. В статье нашли освещение такие аспекты, как место и время, цели и причины возникновения этой организации, анализируются её численный состав, организационная структура, связи с другими русскими эмигрантскими организациями. Статья написана на основе данных русской эмигрантской военно-морской периодической печати 1920-1930-х гг.

Ключевые слова: Калифорния, Сан-Франциско, Кают-Компания, М.Ю. Горденев, русская эмиграция, Общество бывших русских морских офицеров.

Революция 1917 г. в России и начавшаяся вслед за ней гражданская война привели к формированию такого удивительного феномена, как Российское зарубежье. Немаловажную часть российской эмиграции 1917-1922 гг. составляли военно-морская и военная эмиграции. Десятки тысяч офицеров бывших Российской армии и флота, спасаясь от преследования на родине, бежали и обосновались в самых разных уголках мира: Франции, Чехословакии, Германии, Югославии, Китае, Эстонии, Финляндии, США, Парагвае, Аргентине, Тунисе и т.д. Русское офицерство представляло из себя профессиональную касту, спаянную общими ценностями и интересами. За рубежом они столкнулись с новыми трудностями – плохое знание или совершенно незнание иностранного языка, невозможность найти работу, эмоциональная опустошенность. Эти обстоятельства служили причиной того, что за рубежом появились многочисленные русские офицерские общества, в том числе и общества морских офицеров. Они носили разные названия: кают-компании, кружки, кассы взаимопомощи, группы, объединения и т.д. К началу 1930-х гг. в разных уголках мира насчитывалось до 50 таких обществ¹. Они возникали стихийно, однако затем появилась необходимость в координации деятельности всех этих обществ. Такая координация была достигнута к 1929 г. путем создания Всезарубежного объединения морских организаций (ВОМО)².

Существовала подобная организация и в Сан-Франциско, которая носила название Общество бывших морских офицеров в Сан-Франциско, или – как ее чаще называли, Кают-компания в Сан-Франциско. О ней и пойдет речь в данной работе.

Источниковой базой работы послужили такие журналы, издаваемые русской военно-морской эмиграцией, как: «Морской журнал» (Прага), «Вахтенный журнал» (Сан-Франциско), «Зарубежный морской сборник» (Пльзень), «Бюллетень Общества бывших русских морских офицеров в Америке» (Нью-Йорк) и др.

Актуальность данной темы объясняется ее малоизученностью в отечественной исторической науке. Фактически деятельность Кают-компании в Сан-Франциско не нашла отражения в отечественных исследованиях. За исключением А.А. Хисамутдинова этой темой никто не занимался³.

Калифорния стала привлекать внимание русских моряков довольно давно, еще с XVIII в. В 1812-1841 гг. здесь существовала крепость-поселение Росс, куда часто заходили русские военные и торговые корабли, отправлявшиеся в кругосветное путешествие или в Русскую Америку. В 1863 г. в Сан-Франциско была отправлена эскадра контр-адмирала А.А. Попова, русские моряки заходили в Сан-Франциско во время русско-японской войны 1904-1905 гг. Однако складывание значительной общины русских моряков в Калифорнии произошло в 1920-х гг. Этому сильно поспособствовала эвакуация Сибирской флотилии

¹ 6 ноября 1930 года (ред. статья) // Морской журнал. Прага. 1930. № 11. С. 19. (Далее см. Мор. журнал...)

² О деятельности и структуре ВОМО см.: Мор. журнал. 1928. № 11. С. 33-36; 1929. № 4. С. 35; 1931. № 2. С. 11-13; 1932. № 10. С. 7; 1938. № 7. С. 21; № 10/11. С. 3 и др.

³ Хисамутдинов А.А. Русский Сан-Франциско. М., 2010. С. 232-236.

под командованием контр-адмирала Г.К. Старка в октябре 1922 г. из Владивостока. Транзитом через Гензан и Шанхай корабли флотилии проследовали до Олонгопо (Филиппины). Отсюда часть моряков была переправлена в Калифорнию. Для этого на Филиппины прибыл американский военный транспорт «Меррит», который и привез на своем борту 525 моряков в Сан-Франциско 1 июля 1923 г.⁴

Оказавшись в новой стране, русские моряки столкнулись со значительными сложностями. Впоследствии председатель Кают-компании в Сан-Франциско М.Ю. Горденев так опишет сложившееся в начале 1920-х гг. положение: «Мы, дети бывшей России, России классовой и кастовой, в большинстве были мало подготовлены к той жизни, какую волею судеб нам пришлось начать и продолжать здесь <...> Строго говоря, мы несмотря на десятки прожитых лет оказались в положении детей без родителей, выброшенных судьбой в чужую страну, с чуждыми для нас понятиями, с чуждым укладом жизни, для самостоятельной, тяжелой и упорной борьбы, сначала за право жить, а затем и за кусок хлеба, но уже с маслом»⁵. Без денег, без связей, без знания языка, не имея подходящей профессиональной подготовки, русские моряки, естественно, искали поддержки друг у друга. М.Ю. Горденев пишет далее: «Осмотревшись, мы стали искать выхода и первое, на чем сосредоточилось внимание всех, были поиски за единением, ибо каждый понимал, что один в поле не воин и бессознательно стремился к другим, себе подобным, ища поддержки хотя бы даже моральной»⁶.

С этой целью уже в 1923 г. на квартире контр-адмирала Е.В. Ключфеля стали собираться русские моряки. Эти встречи привели к созданию Общества бывших морских офицеров в Сан-Франциско 30 августа 1925 г.⁷ Образование Кают-компании имело несколько целей. Вновь предоставим слово М.Ю. Горденеву. Свои мысли по этому поводу он изложил в рассказе «Моряк за рубежом»: «Знаешь ли ты, что мы, бывшие офицеры-моряки, представляем из себя здесь за рубежом, организованные в кают-компанию?<...>». – «Я думал, что мы объединились для взаимной поддержки, помощи; ну встретиться кой когда; поболтать о старом незабываемом. Выпить стакан вина в приятельской и тебя понимающей компании<...>». – «Нет, не продолжай. Слышал я это и видел во что превращаются наши русские организации, построенные на этом принципе. В лучшем случае в «эмигрантские лавочки». Соберут гроши; раздадут их направо и налево кому следует и кому не следует <...>. В результате организация падает. Интересующимся, идейным членам, ничего дать не может и постепенно обращается в приют безработных <...> Потому что у нас нет дисциплины—это раз, идеи существования организации – это два и нет живого дела – это три <...>. Наша идея: сохранить душу старого флота и передать вековые заветы, его традиции и обычаи примыкающим к нам, ищущим познания Великой России, нашим сыновьям и внукам»⁸. Таким образом, целями организации являлись: поддержка членов бывшего Российского Морского ведомства, благотворительность, сохранение и передача идейного наследия Русского флота потомкам.

Первым председателем Кают-компании стал Е.В. Ключфель (1925-1934 гг.). После его смерти 16 мая 1934 г.⁹ пост председателя предложили контр-адмиралу Б.П. Дудорову, но он отказался, сославшись на занятость. Поэтому новым председателем общества стал ст. лейтенант М.Ю. Горденев(1934-1947 гг.)¹⁰.

Довольно трудно определить численность Кают-компании в Сан-Франциско, т.к. разные источники приводят разные цифры. Например, «Вахтенный журнал» свидетельствует, что в 1934 г. в обществе состоял 31 человек¹¹. Однако «Бюллетень Общества бывших русских морских офицеров в Америке», ссылаясь на выдержки из письма М.Ю. Горденева, говорит о 70 членах к 1937 г.¹² На момент начала Второй мировой войны в обще-

⁴ Хисамутдинов А.А. Русская диаспора на Тихоокеанском побережье США (первая половина XX в.) // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 113.

⁵ Горденев М.Ю. О нашей Кают-Компании // Вахтенный журнал. 1934. № 2. С. 15. (далее см.: ВЖ...).

⁶ Там же.

⁷ Меняйенко М. Русскому центру – 70 лет // Русская жизнь. 2009. 10 окт.

⁸ Горденев М.Ю. Моряк за рубежом // ВЖ. 1937. № 14. С. 26-27; № 2. С. 1.

⁹ Умершие (ред. статья) // Мор. журнал. 1934. № 3. С. 6; № 6. С. 15.

¹⁰ Постановления Общего собрания 19 августа 1934г. // ВЖ. 1934. № 1. С. 7.

¹¹ Общие положения. Законодательная и исполнительная власть Кают-компании // ВЖ. № 1. С. 5.

¹² Бюллетень Общества бывших русских морских офицеров в Америке. 1937. № 3.

стве насчитывалось 56 человек¹³. Эти данные свидетельствуют, что численность Кают-компании не была постоянной. Например, только в 1934 г. в общество вступило 2 новых члена и было подано 6 заявок на вступление¹⁴. В то же время какое-то количество офицеров выбывало, в том числе по причине смерти. Так, в 1934 г. умер Е.В. Клюпфель, в 1939 г. умерли А.И. Колосов и Т.В. Черкес¹⁵. Для того, чтобы вступить в ряды общества человек должен был являться служащим бывшего Российского военно-морского ведомства, а также заплатить вступительный взнос (например, в 1934 г. он составлял 2 долл.) и платить ежегодные членские взносы, размер которых время от времени изменялся (75 центов, 50 центов)¹⁶.

Весьма интересным является и вопрос о структурной организации Кают-компании. Высшим директивным органом власти в обществе являлось Общее собрание всех членов. Общее собрание принимало устав организации, решения Собрания носили обязательный характер. Высшим исполнительным органом власти являлось Правление из 8 человек, которое возглавлялось председателем (председателем должен быть старший флотский офицер из состава членов Кают-компании). Кроме председателя в состав Правления входили: вице-председатель, казначей, 2 секретаря, заведующий Заемным капиталом и 3 старшины. В апреле 1934 г. Общее собрание постановило учредить новый орган – Суд посредников в составе 6 человек для разрешения споров между членами Кают-компании¹⁷. В 1934 г. Правление общества подверглось значительному реформированию. Назрела необходимость разделения Правления на несколько отделов, каждый из которых ведал бы своей работой. В частности, появились Хозяйственный и Оперативный отделы. Хозяйственный отдел во главе с вице-председателем сосредоточил комплекс хозяйственно-финансовых дел (управление Заемным капиталом, благотворительность, устройство вечеров, балов и пр.). В компетенцию Оперативного отдела, который возглавлялся председателем общества, отходили следующие функции: издание «Вахтенного журнала» (периодический печатный орган компании, выходил с 1934 г. по 1938 г.), связь с прочими организациями, представительство в ВОМО, устройство лекций, сообщений и т.д. При этом Оперативный отдел получал значительную самостоятельность по отношению к Общему собранию, которое фактически не вмешивалось в деятельность отдела, ограничиваясь общими директивными установками. Такое разграничение полномочий устанавливалось для более эффективного ведения дел Кают-компании¹⁸. 1 марта 1937 г. при Кают-компании было организовано Морское кооперативное книгоиздательство, которое имело собственное Правление в составе 4 человек (председатель, вице-председатель, заведующий распорядительной частью и его помощник)¹⁹.

Отдельно стоит остановиться на деятельности Заемного капитала. Необходимость появления такой организации диктовалась самой сложившейся обстановкой. Эмигранты находились подчас в самых стесненных финансовых условиях, в результате чего и возникла потребность в учреждении такого органа, который не только управлял бы имуществом Кают-компании, но и оказывал бы всяческое финансовое содействие эмигрантам. Заемный капитал был организован на общем собрании общества 30 мая 1926 г., и первым его заведующим стал лейтенант Б.А. фон Ден²⁰. Средства Капитала формировались из вступительных и годовых членских взносов, паев, а также за счет ресурсов, полученных в результате коммерческих предприятий, в которых участвовала компания.

Вообще, финансовая составляющая деятельности Кают-компании в Сан-Франциско была организована лучше, чем во многих других обществах русской военно-морской эмиграции. Правление компании придерживалось того взгляда, что только хорошо организованное в финансовом смысле, самокупающееся предприятие может вести

¹³ Хисамутдинов А.А. Русский Сан-Франциско. М., 2010. С. 236.

¹⁴ Постановление Общего собрания 19 августа 1934 г. // ВЖ. 1934. № 1. С. 7; Жизнь Кают-компании // ВЖ. № 2. С. 4.

¹⁵ Умершие (ред. статья) // Мор. журнал. 1939. №4-5. С. 25; Умершие (ред. статья) // Мор. журнал. № 9. С. 20.

¹⁶ Отдел законодательный. Постановления Общего собрания за период времени с I-I по I-XI 1934 г. // ВЖ. 1934. № 1. С. 6.

¹⁷ Там же. С. 4-6.

¹⁸ Мысли о конструктивном характере нашей организации – Кают-компании морских офицеров Российского флота в Сан-Франциско (ред. статья) // ВЖ. 1934. № 2. С. 2-3.

¹⁹ Морской зарубежной семье и нашим читателям (ред.статья) // ВЖ. 1937. № 14. С. 35.

²⁰ фон Ден Б. Кают-компания в Сан-Франциско // Мор. журнал. 1928. № 4. С. 13.

успешную внутреннюю и внешнюю деятельность. «Строго говоря, – отмечала редакция «Вахтенного журнала», – наша Кают-компания есть клуб, то есть коммерческое предприятие в смысле организации дела. Следствием этого является необходимость в некоторых случаях поступаться идеалами и в некоторых случаях допускать и то, что не было допустимо в кают-компании корабля»²¹. Правление признавало, что только за счет членских и вступительных взносов не решить все финансовые нужды общества, поэтому Кают-компания должна научиться зарабатывать деньги. С этой целью в помещении компании функционировали бар, карточная комната, танцевальный зал, библиотека; часть помещения Кают-компания сдавалась в аренду с целью извлечения дополнительных денежных средств.

Все это позволяло, например, в «Годовом отчете объединенной морской семье» заявить Правлению следующее: «Собственная организация, – кают-компания, в Сан-Франциско трудами вице-председателя лейтенанта барона Р.А. Гейкинга и помощников его по части хозяйственной, материальное благосостояние кают-компания значительно улучшилось. Нет долгов, а есть даже наличие, которое позволяет производить всякого рода улучшения обстановки помещения добавочной мебелью, ремонт ее, заведение посуды и прочего. Усиленно производятся поиски более подходящего дома»²² (для помещения Кают-компания – *Н.Н.*). В другом месте отмечалось: « Все это (бар, карточная комната и пр. – *Н.Н.*) организовано и блестяще действует, и действует так, что самоокупает себя и даже дает небольшой доход»²³.

Деятельность Заемного капитала была организована частично и на акционерных началах, так как часть средств Капитала формировалась за счет распространения паев, на которые начислялись впоследствии проценты т.е. выплачивался дивиденд. Так, в 1927 г. была организована Паевая комиссия с капиталом в 1000 долл., разделенных на 200 паев по 5 долл. Каждый Члены Кают-компания в Сан-Франциско распределил между собой 475 паев, предлагалось и другим морякам принять в этом участие²⁴.

Финансовое состояние Заемного капитала Кают-компания в Сан-Франциско лучше всего характеризует его кредитная деятельность. Например, в 1928 г. ссудами из Заемного капитала воспользовались 23 члена общества из общего числа 46; всего же с момента основания Заемного капитала воспользовались его финансовой помощью 62 % членов Кают-компания²⁵. Общая сумма выданных ссуд членам Кают-компания за 5 лет с момента его основания (1926-1931) превысила 8,5 тыс. долл.²⁶, а размер единовременной суммы колебался в пределах от 13 до 200 долл.²⁷

Такая финансовая устойчивость позволила обществу очень скоро стать безоговорочным лидером в деле пополнения центральной кассы ВОМО. Приведем несколько красноречивых примеров. Так, за 1929-1931 гг. в Центральную кассу взаимопомощи при ВОМО, в Благотворительный фонд им. Адмирала Григоровича и в Фонд адмирала Колчака Кают-компанией в Сан-Франциско было перечислено свыше 150 долл.²⁸; в 1932-1933 гг. в те же фонды было перечислено еще 35 долл.²⁹; в 1935-1936 гг. – еще около 15 долл.³⁰; в 1938 г. – вновь около 15 долл.³¹ Однако эти цифры ни о чем не говорят, если их рассматривать вне связи с финансовой деятельностью ВОМО в целом. При сопоставлении же выходит совершенно иная картина. Например, в 1931 г. Кают-компания внесла в кассу ВОМО 858,85 франков (около 43 долл.), в то время как всего в кассу ВОМО

²¹ О нашей Кают-компания (ред. статья) // ВЖ. 1934. № 2. С. 12.

²² Годовой доклад объединенной морской зарубежной семье // ВЖ. 1936. № 10. С. 45-46.

²³ О нашей Кают-компания (ред. статья) // ВЖ. 1934. № 2. С. 12.

²⁴ фон Ден Б. Кают-компания в Сан-Франциско // Мор. журнал. 1928. № 4. С. 13.

²⁵ Из жизни морских организаций (ред. статья) // Зарубежный морской сборник. Пльзень. 1929. № 4/5. С. 135 (далее ЗМС...).

²⁶ Мор. журнал. 1932. № 3. С. 24.

²⁷ Из жизни морских организаций (ред. статья) // ЗМС. 1929. № 4/5. С. 135.

²⁸ Казимиров М.В. Отчет по Центральной Кассе взаимопомощи при ВОМО // Мор. журнал. 1932. № 3. С. 17-18.

²⁹ Федоров П.А. и др. Отчет Поверочной Комиссии о денежных суммах ВОМО за 1933 г. // Мор. журнал. 1934. № 2. С. 10.

³⁰ Шрамченко В. и др. Отчет Поверочной Комиссии о денежных суммах ВОМО за 1936 г. // Мор. журнал. 1937. № 2. С. 11.

³¹ Хорошавин А.И. Отчет Поверочной Комиссии о денежных суммах ВОМО с 1 января 1937 г. по 1 мая 1938 // Мор. журнал. 1938. № 8. С. 19.

в этом году остальными морскими организациями было перечислено 1511 франков (около 75 долл.), т.е. вклад калифорнийских моряков составил 56 % от общей суммы; в 1932-1933 гг. доля компании в Сан-Франциско составило 40,85%. Столь щедрые пожертвования, естественно, вызывали чувство глубокого удовлетворения в Совете старейшин ВОМО, по поводу чего даже проводились специальные заседания, где центральным пунктом повестки дня выступала деятельность Кают-компаний в Сан-Франциско³².

Относительное финансовое благополучие позволяло принимать обществу активное участие в благотворительной деятельности. Скажем, в течение 1929-1931 гг. общество выдало более 240 долл. на материальную поддержку нуждающимся морякам и членам их семей как в Европе, так и в США³³. В 1940г. члены Кают-компаний в Сан-Франциско и Сиэтле собрали и отправили 50 долл. материальной помощи на погашение долгов перед строителями морского храма-памятника в Бизерте (Тунис). В ответ на имя председателя Общества бывших морских офицеров в Америке С.В. Гладкого пришла благодарственная телеграмма от председателя строительного комитета храма, капитана 1-го ранга М.Ю. Гаршина, где в частности говорилось: «Глубокоуважаемый Сергей Владимирович. Прошу Вас принять и передать самую горячую сердечную благодарность адмиралу Никитину (председатель кают-компаний в Сиэтле – Н.Н.), Вашей и Сан-Францисской кают-компаний и гардемарину Захарченко (член Общества бывших русских морских офицеров в Америке – Н.Н.) за присылку 50 долларов для нашей общей морской церкви в Бизерте³⁴. Пожертвовали моряки из Сан-Франциско и определенную сумму на строительство храма-памятника во имя Св. Николая в Сиэтле, о чем упоминает председатель Союза русских инвалидов в С. Америке А.Я. Ельшин³⁵. Благотворительная помощь выражалась не только в выделении определенных финансовых средств нуждающимся морякам и их семьям. Члены общества и их близкие принимали участие в организации ежегодных инвалидных балов в Сан-Франциско, а дочь одного из активистов Кают-компаний В.В. фон Раабена Ирина избиралась на должность принцессы и королевы бала³⁶. Сама Кают-компания устраивала ежегодные морские балы, на которые приглашались не только русские, проживающие в Калифорнии, но и представители американских армии и флота. Так, на балу, устроенном 18 декабря 1927 г. присутствовало 400 человек; его освещали местные американские газеты, которые высказали сожаление, что подобные мероприятия устраиваются только один раз в год³⁷. Кроме того, члены Кают-компаний участвовали и в других общественных мероприятиях: отмечали свой ежегодный профессиональный праздник 6 ноября (основание Морского корпуса), оказывали помощь в подготовке «дня русского ребенка» в Сан-Франциско, делали доклады, сообщения, лекции³⁸.

Важнейшим фактором, во многом определявшим деятельность Общества в Сан-Франциско, являлось взаимодействие с другими эмигрантскими организациями, как в Калифорнии или США, так и в других частях света. В этом отношении предпринимались энергичные действия. Уже 3 октября 1925 г. несколько русских эмигрантских обществ в Калифорнии создали Объединенный комитет русских национальных организаций, в которое вошло и Общество бывших морских офицеров в Сан-Франциско. С 1926 г. до самой своей смерти в 1934 г. пост председателя Объединенного комитета занимал председатель Кают-компаний в Сан-Франциско Е.В. Клюпфель³⁹.

В начале 1929 г. Кают-компания присоединилась к ВОМО, о чем ее председатель письменно уведомил председателя Совета старейшин ВОМО адмирала А.И. Русина⁴⁰.

³² фон Кубе М.О. От Совета Старейшин ВОМО // Мор. журнал. 1933. № 7. С. 10.

³³ фон Ден Б. Финансовое состояние заемного капитала Кают-компаний в Сан-Франциско на 31 декабря 1931 г. // Мор. журнал. 1932. № 3. С. 24.

³⁴ Бюллетень Общества бывших русских морских офицеров в Америке. 1940. № 1. (б/с)

³⁵ Инвалид. Освящение Храма-Памятника во имя св. Николая Чудотворца в память Царя-Мученика и павших за Веру, Царя и Отечество, сооруженного русскими военными инвалидами в Сеаттле // Мор. журнал. 1937. № 3. С. 17.

³⁶ Отдел исполнительный. Часть распорядительная (Из протоколов Правления с I-I по I-XI 1934 г.) // ВЖ. 1934. № 1. С. 7 // Вестник Общества ветеранов Великой войны. 1937. № 135-135. С. 7а.

³⁷ Из жизни морских объединений за границей // Мор. журнал. 1928. № 2. С. 15.

³⁸ Жизнь Кают-компаний (ред. статья) // ВЖ. 1934. № 2. С. 4,7; Жизнь Кают-компаний // ВЖ. 1935. № 3. С. 37-38; Морские организации (ред. статья) // Мор. журнал. 1929. № 4. С. 18.

³⁹ Меняйленко М. Русскому центру – 70 лет // Русская жизнь. 2009. 10 окт.

⁴⁰ Морские организации (ред. статья) // Мор. журнал. 1929. № 6. С. 15.

Помимо участия в таких крупных организациях как Объединенный комитет РНО и ВОМО, общество пыталось также наладить двусторонние связи с другими эмигрантскими сообществами. В частности, сан-францисские моряки по мере возможностей пытались поддерживать русскую морскую эмигрантскую периодическую печать. Например, когда Кают-компания в Праге начала в 1928 г. выпускать «Морской журнал», контр-адмирал Б.П. Дудоров обязался распространить в Сан-Франциско 100 экземпляров первого номера, что особо отметил редактор «Морского журнала» С.М. Стахевич. И в дальнейшем подписка на «Морской журнал» продолжалась⁴¹. Кают-компания поддерживала также издание «Записок Исторического военно-морского кружка», два последних номера которого (№№ 7 и 8) были изданы в Сан-Франциско в Морском кооперативном издательстве⁴². В 1928 г. начал также выходить другой периодический орган русского морского зарубежья – «Зарубежный морской сборник» в Пльзене. В одном из первых номеров журнала редакция выразила благодарность «Кают-компания в Сан-Франциско, поставившую сделать подписку на «ЗМС» обязательной для всех членов Кают-компания»⁴³.

Общество морских офицеров в Сан-Франциско поддерживало периодическую связь с такими русскими эмигрантскими группами как: Общество русских ветеранов Великой войны в Калифорнии, кают-компаниями в Сياتле, Шанхае, Париже, Праге, Обществом бывших русских военных моряков в Америке т.д.

В целом, Кают-компания в Сан-Франциско являлась ярким образцом русского эмигрантского профессионального сообщества за рубежом. Созданная в 1925 г., она просуществовала до 1981 г. Время ее расцвета, безусловно, приходится на II пол. 1920-1930-е гг., когда существование Кают-компания было жизненной необходимостью для ее членов. Оторванность от родины и тоска о ней, трудности адаптации к новым условиям социально-экономической и политической реальности, профессиональная сплоченность морского офицерства – вот объективные факторы, обусловившие повсеместное возникновение и функционирование русских сообществ подобного толка в эмиграции. Важнейшими функциями таких организаций являлись: прием и поддержка соотечественников за рубежом, создание условий для облегчения интеграции эмигрантов с местным населением, сохранение элементов русской культуры и корпоративной профессиональной этики, передача всего этого подрастающим поколениям.

Русское Общество морских офицеров в Сан-Франциско в полной мере актуализировало эти функции на практике, что, безусловно, определило его жизнеспособность на протяжении десятилетий.

SOCIETY OF THE FORMER NAVAL OFFICERS IN SAN FRANCISCO IN 1920-1930TH.

N.A. NIZOVTSSEV

Oryol State University

e-mail: pretorianetc@mail.ru

This article tells about genesis and the first years of existence of Russian society of the former naval officers more known as the Wardroom in San Francisco. In this article the following aspects were touched upon: the place and time, the purposes and the reasons of genesis of this organization, is analyzed numerical structure, organizational structure, communications with other Russian emigre organizations. Article is written on the basis of the data of Russian emigrant naval periodicals of 1920-1930th.

Key words: California, San-Francisco, Wardroom, M.Ju. Gordenev, Russian emigration, the Society of the former Russian naval officers.

⁴¹ Стахевич М. От редактора // Мор. журнал. 1928. № 1. С. 4; Подписчики // Мор. журнал. 1932. № 10. С. 6; Подписчики // Мор. журнал. 1935. № 11. С. 8.

⁴² Годовой доклад объединенной морской зарубежной семье // ВЖ. 1936. № 10. С. 48.

⁴³ От редакции // ЗМС. 1929. № 3. С. 75.

УДК 94(47)

ПРОБЛЕМЫ, СОСТОЯНИЕ УЧРЕЖДЕНИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА ВЫБОРГА В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945 – 1953 ГГ.)

Н.Н. ГОРДЕЕВА

*Выборгский институт (филиал)
Ленинградского
государственного университета
имени А.С. Пушкина*

e-mail: vip.gordeeva@inbox.ru

В статье на основе документов Ленинградского областного государственного архива и материалах периодической печати дан комплексный анализ проблем и представлены результаты работы здравоохранения города Выборга в послевоенные годы.

Ключевые слова: лечебные учреждения, медицинское обслуживание населения, санитарно-эпидемиологическое благополучие.

Сохранение здоровья населения является важнейшей стратегической задачей каждого государства. В современной России здоровье населения ухудшается с каждым годом, а медицина становится бизнесом и коммерцией. В этих условиях стоит обратиться к одному из кризисных моментов истории государства, когда советское руководство, преодолевая последствия Великой Отечественной войны, принимало необходимые меры не только по восстановлению народного хозяйства, но и экстраординарные меры в сфере здравоохранения по сохранению генофонда, от которого зависело будущее страны. По мере восстановления экономики государство ежегодно увеличивало отпускаемые суммы на расширение медицинских учреждений. Однако недофинансирование, нехватка квалифицированных медицинских кадров, отсутствие необходимого оборудования и инвентаря, инструментария, медленные темпы капитального строительства зданий, предназначенных для медицинских учреждений, препятствовали работе органов здравоохранения и негативно отражались на уровне доступности медицинской помощи населению.

В работах П.Е. Заблудовского¹, Б.В. Петровского², в статистических сборниках³ раскрыта деятельность центральных и местных органов власти по выработке политики в области здравоохранения, расширению материальной базы медицинского обслуживания населения. В монографии В.П. Бякиной⁴ дан всесторонний анализ развития системы здравоохранения в Ленинграде и Ленинградской области в послевоенный период. Г.И. Большакова⁵, рассматривая адаптационные процессы и приживаемость советских переселенцев на Карельском перешейке в восстановительный период, указывает, что организация медицинского обслуживания переселенцев не соответствовала элементарным требованиям, но не проводит комплексный анализ проблем работы медицинских учреждений в городе Выборге в первые послевоенные годы.

Выборг, как вновь присоединенная территория, войдя в состав Советского Союза, получил возможность для развития здравоохранения. Бюджетные ассигнования, выделяемые и ежегодно увеличивавшиеся на охрану здоровья трудящихся города (см. таблицу), позволили за годы восстановления хозяйства расширить лечебную сеть от 2-х до 25-ти медицинских учреждений, увеличить количество и улучшить качество медицинского персонала. Однако ряд проблем препятствовал успешной работе учреждений, что

¹ Заблудовский П. Е. История медицины и здравоохранения. М., 1966.

² Петровский Б. В. Советское здравоохранение за 50 лет СССР. М., 1973.

³ Здравоохранение в СССР. Статистический справочник. М., 1957. Здравоохранение в СССР. Статистический сборник. М., 1960.

⁴ Бякина В. П. Восстановление и развитие здравоохранения в послевоенный период: 1945 – середина 50-х годов (на материалах северо-запада СССР). СПб., 1999.

⁵ Большакова Г. И. Карельский перешеек в 1940 – 1960 гг.: адаптация и приживаемость советских переселенцев. // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. № 4. Режим доступа: http://www.terrahumana.ru/archiv/11_04/11_04_10.pdf.

негативно отражалось на медицинском обслуживании населения, особенно в первые послевоенные годы.

Таблица

Расходы на здравоохранение г. Выборга (1946-1953 гг.)

Годы	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.
Бюджетные ассигнования (в тыс. руб.)	1735,5 тыс. руб.	3693,0 тыс. руб.	5302,2 тыс. руб.	5931,3 тыс. руб.	6524,0 тыс. руб.	6668,2 тыс. руб.	6522,0 тыс. руб.	7211,6 тыс. руб.

Медицинские учреждения, из-за ограниченного количества уцелевших зданий в послевоенном городе, располагались в помещениях, не соответствовавших назначению и не отвечавшим санитарным требованиям и нормам. В одном здании, приспособленном под лечебное учреждение, находилась поликлиника с тубдиспансером, санитарная инспекция, вендиспансер, детская консультация, зубопротезная лаборатория и ВТЭК. В результате большой скученности ощущался недостаток во врачебных кабинетах и в часы приема двум врачам терапевтам приходилось работать в одном кабинете без нумерации и с отсутствием табличек с фамилией врача⁶. Городская больница, приемный покой которой, по словам депутата Выборгского горсовета Жукова, представлял «темную туннель»⁷, располагалась в одном здании с госпиталем для инвалидов Отечественной войны, что вносило ряд неудобств в работе этих двух учреждений. Небольшое родильное отделение на 177 коек, не обеспечивало нормального обслуживания при большом поступлении рожениц. Женская консультация, не имея отдельного помещения, была отделением детской консультации. Хорошо технически оснащенный физиотерапевтический кабинет, занимавший одну комнату, не мог работать в полную мощность из-за отсутствия достаточной площади и кубатуры.

Все правилам содержания детских учреждений противоречили помещения, занимаемые детской поликлиникой, детской консультацией и яслями. Детская поликлиника, ежедневно принимавшая 15-20 человек, располагалась в одном кабинете⁸. Детская консультация, одновременно проводившая прием здоровых и больных детей, имела общий вход с поликлиникой. Отсутствовали боксы для изоляции случаев посещения больных детей. Для детей с легучей инфекцией были отведены две комнаты — изоляторы, но вход в них был через приемную, где находились здоровые дети. В приспособленных помещениях располагались ясли № 2, обслуживавшие круглосуточно детей от одного до трех лет, и ясли № 3⁹. Здания имели один центральный вход, поэтому единичный случай инфекционного заболевания накладывал карантин на все ясли. Кроме того, помещения детских яслей при отсутствии ремонта были непригодны в осенне-зимнее время. Требовало ремонта и здание городской больницы, в котором не проводился косметический ремонт со времен войны: «потолки и стены в палатах были сырые, грязные, отваливалась штукатурка, а рамы забиты фанерой»¹⁰. В результате недофинансирования, отсутствия достаточного количества рабочих рук и строительного материала, замедлявших ремонтно-восстановительные работы, создавалась угроза закрытия городской больницы на зимний период. На заседании исполнительного комитета в июле 1946 года заведующий городским здравотделом Переверзенцев, ввиду создавшейся ситуации, обратился с просьбой о срочном вмешательстве исполкома в дело крайне медленных восстановительных работ, которые задерживали развертывание коечной сети (инфекционных коек, хирургических, туберкулезных), вследствие чего имелся отказ от госпитализации¹¹.

⁶ Ленинградский областной государственный архив в городе Выборге (ЛОГАВ). Ф. Р. 437. Оп. 2. Д. 38. Л. 20.

⁷ Там же. Л. 19.

⁸ Там же. Ф. Р. 195. Оп. 1. Д. 22. Л. 13.

⁹ Там же. Л. 29.

¹⁰ Новожилов М. Городская больница // Выборгский большевик. 1946. 26 января.

¹¹ ЛОГАВ. Ф. Р. 437. Оп. 2. Д. 35. Л. 14.

На организацию работы в лечебных учреждениях негативно влияла недостаточная обеспеченность инструментарием, твердым и мягким инвентарем, необходимым медицинским и другим оборудованием. В женской консультации отсутствовали весы, ростомер, гинекологическое кресло, необходимое для полного обследования беременных женщин. В лаборатории имелся только один микроскоп. В поликлинике отсутствовало второе зубное кресло. Из заметки Лисиной в «Выборгском большевике»: «...Термометр быстро переходит из рук в руки. Дежурная сестра подкладывает градусник под мышку и буквально через 1-2 минуты вынимает обратно. ... Она спешит, где уж тут дезинфицировать термометр, если он в единственном числе»¹². При проверке больницы в январе 1946 года контролером-ревизором Министерства финансов СССР по Выборгу и району М. Н. Новожиловым было установлено: «в женском хирургическом отделении на 20 больных одно судно. Женского белья вообще нет, и больные пользуются своим бельем. ... Мыло выдается от случая к случаю. Отсутствуют полотенца, хотя на складе сколько угодно. На пищеблоке нет разделочных столов и шкафов для хранения продуктов»¹³. В больнице отсутствовали плиты для подогрева пищи и больные, особенно на 5-м и 6-м этажах, получали пищу недостаточно горячей. Кроме того, в результате проверки было выявлено: «Выборгторг» допускал срывы в снабжении больных мясом, сахаром, манной крупой и, что совершенно недопустимо, белым хлебом»¹⁴. В результате был сделан вывод, что питание «не только не лечебное, а подчас заниженное и несоответствующее»¹⁵.

Стационарная помощь в результате нехватки коечного фонда была ограничена не только терапевтическим, но и инфекционным больным и больным с социальными заболеваниями.

При обслуживании населения в медицинских учреждениях неблагоприятные условия создавали медленно восстанавливающиеся разрушенные службы коммунального хозяйства. «Первый раз в жизни встретилась с такими тяжелыми условиями: оперировать больных приходилось при слабом свете, при низкой температуре», – вспоминает Вязина, работавшая медицинской сестрой с января 1946 года¹⁶. В зимний период в палатах городской больницы температура достигала 5-10 градусов. Больным приносили из дома электроплитки. Все уборные не работали и были забиты¹⁷. Во врачебных кабинетах поликлиники температура не поднималась выше 10-12 градусов, не предоставляя врачам возможности раздевать больных. Об условиях в приемной детской консультации писала Левицкая, жительница города: «из-за холода невозможно перепеленать малыша. Врач т. Кузнецова не решается осматривать ребят, боясь простудить, и старается определить болезнь со слов матери»¹⁸. Работе женской консультации препятствовали частые перебои парового отопления, водопровода и канализации, которые, как отмечалось в отчете за 1948 год, «с марта по июнь совершенно не работают»¹⁹. В результате небрежной и несвоевременной стирки, больничное постельное белье, сдаваемое в городскую прачечную, возвращалось сырым и выглядело застиранным. Кипячение белья отсутствовало, что способствовало появлению вшей у больных, которые не посещали баню от 20 до 40 дней и столько же не меняли белье²⁰.

В лечебных учреждениях нарушался санитарный режим, отсутствовали культурно-хозяйственное оснащение, комфорт и уют. В приемной детской консультации, по словам Левицкой: «две необходимые скамейки и все. Нет столика, где можно было бы перепеленать малыша. Напоить ребенка нельзя. В приемной стоит бутылка с холодной водой, а единственная кружка хранится в кабинете врача»²¹.

¹² Лисина. Странные нравы // Выборгский большевик. 1946. 28 февраля.

¹³ Новожилов М. Городская больница // Выборгский большевик. 1946. 26 января.

¹⁴ ЛОГАВ. Ф. Р. 437. Оп. 2. Д. 38. Л. 18.

¹⁵ Там же. Ф. Р. 195. Оп. 1. Д. 21. Л. 10.

¹⁶ Там же. Л. 13.

¹⁷ Новожилов М. Городская больница // Выборгский большевик. 1946. 26 января.

¹⁸ Левицкая Р. Убогая обстановка // Выборгский большевик. 1946. 12 марта.

¹⁹ ЛОГАВ. Ф. Р. 195. Оп. 1. Д. 22. Л. 18.

²⁰ Новожилов М. Городская больница // Выборгский большевик. 1946. 26 января.

²¹ Левицкая Р. Убогая обстановка // Выборгский большевик. 1946. 12 марта.

«Мебели мало, грубые непокрытые скамьи. На стенах старые пыльные плакаты. Уборка во врачебных кабинетах проводится недостаточно тщательно. Убого оборудована регистратура и раздевалка. Часть больных раздевается, складывая одежду у кабинетов врачей на пол»²², – отмечала в отчете заведующая поликлиникой. «В больнице, – констатировал по итогам проверки контролер-ревизор Новожилов, – для больных одна тумбочка на 4-8 человек. Не хватает стульев, нет графинов для воды. ... На пищеблоке грязно. Территория лечебного заведения завалена нечистотами»²³.

В результате политики государства, которое, заселяя регион, обеспечивало трудовыми ресурсами, прежде всего, промышленные предприятия, в лечебных учреждениях Выборга оставался значительный недокомплект врачебного состава. Дефицит жилой площади в разрушенном городе ограничивал возможность привлекать на постоянную работу врачей высокой квалификации, вследствие чего медицинские учреждения вынуждены были использовать только кадры, случайно прибывшие в Выборг (семьи военнослужащих и т. д.)²⁴. Не хватало врачей специалистов: педиатров, ухо горло нос и др. Штат детской поликлиники состоял из одного педиатра и одного фельдшера. В Южном поселке из-за нехватки педиатров квартирные вызовы выполняли медсестры, небрежно и не всегда выполнявшие назначения врача. Отсутствовали опытные специалисты по социальным заболеваниям (туберкулеза и кожно-венерическим), которые могли бы правильно организовать лечение и профилактику данных заболеваний. Кроме того, отсутствие квалификации, низкий уровень компетенции и плохая подготовка медицинских работников способствовали большому количеству ошибочных диагнозов с применением неправильного лечения. В зубопротезной лаборатории, работа которой вызывала особые нарекания со стороны населения, в результате обследования было установлено: «благодаря тупой квалификации зубных техников ... производят брак на обслуживание живого человека»²⁵. Кроме того, в работе медицинских работников присутствовали такие факты, как формализм, бездушие и безответственность. «Обслуживающий персонал груб и неопрятен Стоило больной заикнуться, что нужно бы продезинфицировать термометр, как на ее голову посыпались оскорбления»²⁶, – жаловалась Лисина, жительница города. В протоколе заседания пятой сессии Выборгского городского совета депутатов трудящихся «О состоянии здравоохранения в городе Выборге» за 1948 год подчеркивалось: «врач Томашевский преступно-халатно отнесся к организации помощи туберкулезным больным на дому, что привело к усилению работы диспансера. ... Врачебный персонал и медицинские сестры вступают в споры с больными»²⁷.

В первые послевоенные годы реальную угрозу для жизни и здоровью людей создавало крайне неблагоприятное санитарно-эпидемиологическое состояние разрушенного города. Отсутствие санпропускника для прибывающих в Выборг переселенцев, критическое состояние банно-прачечного хозяйства, неудовлетворительная работа пищевых точек, особенно колхозного рынка, где не соблюдался санитарный режим, отсутствовал ветнадзор, мясоконтрольная станция, слабые санитарно-профилактические мероприятия, при небольшом количественном составе медицинских работников увеличивали рост эпидемиологических и кишечных заболеваний. В докладной записке начальника Выборгского дезинфекционного бюро Бутузова в 1946 году содержалось предостережение: «в Выборге ... создано угрожающее положение вспышки заболевания сыпным тифом»²⁸. Распространению малярии способствовала созданная с опозданием и неточностью противомаларийная карта города. В докладной записке Бутузова отмечалось: «Базой Выборгторга в октябре месяце были допущены к продаже явно испорченные коровьи головы, ввиду чего в госпитале инвалидов Отечественной войны произошла у трех человек интоксикация – отравление»²⁹.

²² ЛОГАВ. Ф. Р. 195. Оп. 1. Д. 22. Л. 5.

²³ Новожилов М. Городская больница // Выборгский большевик. 1946. 26 января.

²⁴ ЛОГАВ. Ф. Р. 195. Оп. 1. Д. 21. Л. 18.

²⁵ Там же. Ф. Р. 437. Оп. 2. Д. 38. Л. 20.

²⁶ Лисина. Странные нравы // Выборгский большевик. 1946. 28 февраля.

²⁷ ЛОГАВ. Ф. Р. 195. Оп. 1. Д. 22. Л. 13.

²⁸ ЛОГАВ. Ф. Р. 437. Оп. 2. Д. 40. Л. 3.

²⁹ Там же.

Несмотря на недостатки и проблемы, работа коллектива медицинских работников была направлена на выполнение задачи: лечить больных лучше и возвращать их к полноценному труду. Поэтому для повышения качества медицинского обслуживания решался вопрос помещений. В 1948 г. было выделено специальное помещение детской консультации для амбулаторного приема на Суворовском проспекте. Дополнительную комнату для сбора грудного молока получила молочная кухня. Тесное, но отдельное помещение из пяти кабинетов с отдельными входами для приема здоровых и больных детей, было выделено детской поликлинике. Отдельное, но без ремонта, помещение в Южном поселке в домике Ленина, было предоставлено тубдиспансеру. К 1951 г. было восстановлено и передано городской больнице здание бывшего морского госпиталя, соответствовавшее всем требованиям медицинского учреждения и с максимальными удобствами для больных. В 1952 г. во вновь выстроенном корпусе была выделена самостоятельная детская больница с соматическим отделением.

Ремонт лечебных учреждений являлся важным городским мероприятием, поэтому отдел здравоохранения обращался к руководителям крупных промышленных предприятий за помощью, в результате которой лечебные учреждения были отремонтированы к 1952 г. Однако в 1953 г. выделенных на капитальный ремонт 190 тыс. руб. было недостаточно и без капитального ремонта оставались детские ясли № 1, 2, 3, 4, отопительная система санэпидстанции, прачечная детской больницы, тубдиспансер, городская поликлиника, инфекционное отделение, морг.

Выделяемые дополнительные средства позволили к 1953 г. сравнительно обеспечить медицинские учреждения мягким инвентарем. Однако, несмотря на увеличенные суммы (в 1950 г. было отпущено 12 тыс. руб., в 1953 г. – 25,1 тыс. руб. и дополнительно 13,0 тыс. руб.)³⁰, с твердым инвентарем оставалось бедственное положение. Кроме того, не был решен вопрос об открытии в городе базы по снабжению медицинских учреждений мягким и твердым инвентарем.

Коечный фонд, состоявший в 1946 г. из 200 кроватей, к 1948 г. увеличился на 50 кроватей и оставался неизменным до 1951 г. В 1952 г. число коек возросло до 400, однако 50% кроватей пришли в негодность, о чем указано в отчете работы здравоохранения за 1953 г.³¹

Городским отделом здравоохранения на протяжении всего восстановительного периода велась работа по увеличению количества и качества медицинских кадров. Для повышения квалификации медицинского персонала в городе организовано работало научное общество, проводившее на базе больниц конференции врачей, медицинских сестер, патологоанатомов, где разбирались врачебные ошибки в диагностике и лечении. В соответствии с приказом Министерства Здравоохранения СССР от 24. 10. 1947 г. № 431 в целях повышения качества обслуживания населения и создания условий для систематического роста квалификации врачебных кадров, с 1948 г. по 1950 г. в городе проходило объединение больничных учреждений с амбулаторно-поликлиническими. Введенный участковый принцип позволил поднять ответственность участкового врача как врача домашнего, задача которого была не только наблюдать больного, но и знать его быт. К 1952 г. количество участков увеличилось до 7, что способствовало 100% обслуживанию больных всего участка. На участке работали терапевты, педиатры, туберкулезники, акушеры-гинекологи, венерологи.

Обеспечивая город квалифицированными кадрами, городской отдел здравоохранения направлял медицинских работников в Ленинград. В 1950-1951 гг. было организовано 27 выездов на краткосрочные семинары терапевтов, гинекологов и педиатров³². На базе ГИДУВа и областной больницы за 1950-1953 гг. повысили свои знания 16 врачей³³. В результате выросли способные квалифицированные кадры: врач-терапевт Гольберг, врач-хирург Лебединская, зав. инфекционным отделением врач Долгачева, врачи-педиатры Мысова, Нестеренко, Зотова, врач-бактериолог Матусевич. К 1953 году ответственные участки работы возглавляли квалифицированные врачи, среди которых

³⁰ ЛОГАВ. Ф. Р. 195. Оп. 2. Д. 7. Л. 10.

³¹ Там же. Д. 22. Л. 16.

³² Там же. Ф. Р. 437. Оп. 2. Д. 38.

³³ Там же. Д. 22. Л. 3.

главный врач городской больницы Милов, его заместитель, заслуженный врач республики Брегман Г. А., главный врач СЭС Волохина, зав. детским соматическим отделением врач Малупина, зав. здравпунктом сетевязальной фабрики врач Князева. Количество врачебных кадров увеличилось от 20 врачей в 1946 г. до 90 в 1953 г. Однако по народно-хозяйственному плану города Выборга были утверждены 112,5 врачебные единицы. Не хватало педиатров, терапевтов, рентгенологов, фтизиатров, отоларингологов. Из-за отсутствия специалиста-уролога больные направлялись на консультацию в Ленинград.

По отделениям, по специальной программе усовершенствовал свою работу средний медицинский персонал. За 1950–1951 гг. было подготовлено 3 операционные сестры, сестра по лечебной физкультуре, два лаборанта и сестра по уходу за новорожденными. Однако среднего медицинского персонала, состоящего из 180 человек, не хватало. Мало и нерегулярно занимались с младшими медицинскими работниками.

На основании приказа № 129 по Ленинградскому Областному Отделу Здравоохранения от 21 июня 1949 г.³⁴, для разбора поступающих жалоб и заявлений от трудящихся о недостаточной работе медицинских учреждений, были установлены сроки: по письмам трудящихся – 3 дня, на помещенные статьи в печати – 5 дней. Однако расследования, которые проводились по каждой жалобе, позволили лишь сократить их количество. Жалобы продолжали поступать: в 1951 г. из 30 поступивших жалоб – 11 на отдельных врачей и сестер³⁵, в 1953 г. из 46 жалоб – 15 обоснованных³⁶.

Санитарная инспекция, обеспечивая санитарно-эпидемиологическое благополучие города, использовала не только санитарно-эпидемиологическую, малярийную станции и лаборатории, но и организовывала вокруг себя общественность, привлекая к выполнению профилактических мероприятий силы «Красного Креста». Хорошо подготовленные дружины имел морской торговый порт, молокозавод, пивоваренный завод, кондитерская фабрика. Под контроль были взяты пищевые торговые точки. На колхозном рынке был введен запрет торговли без врачебного осмотра молочными, мясными и продовольственными товарами. Городским отделом здравоохранения с 01. 04. 1946 года было организовано проведение предохранительных прививок среди коллективов учреждений и предприятий. В 1947 г. начал работу оснащенный санпропускник, осуществивший в течение года прием 7427 человек и обработавший 10734 комплектов постельного белья³⁷. С населением велась санитарно-просветительная работа не только в виде профилактических лекций, которых за 1947 год было проведено 88 с охватом слушателей в 913 человек³⁸, но и через местную газету «Выборгский большевик», где в рубрике «Советы врача» публиковались статьи: «Что надо знать о сыпном тифе» (27 ноября 1946 г.), «Скарлатина и борьба с ней» (10 декабря 1946 г.). В результате эффективной работы медиков, Выборг в 1948 году «в части эпидемиологических заболеваний вышел самым благополучным городом области³⁹, – указано в отчете «О состоянии здравоохранения в городе Выборге» за 1948 г.

Органами здравоохранения города, благодаря ежегодно увеличивающимся бюджетным ассигнованиям на здравоохранение за годы восстановления хозяйства была проделана значительная работа по повышению качества медицинского обслуживания, в результате которой население было обеспечено всеми видами специализированной помощи. В городской больнице имелись хирургическое, терапевтическое, родильное, гинекологическое, туберкулезное отделения. Детская больница имела соматическое и инфекционное отделение. Были развернуты койки: глазные, ухо-горло-носа, нервные, венерологические, детского туберкулеза. В городе работали три рентгенкабинета, пять клинических лабораторий, патогистологическая, биохимическая, химическая и бактериологическая лаборатории. Медицинские работники овладевали современными методами профилактики и лечения больных таких, как лечение Павлова, новокаиновая блокада, использование антибиотиков, переливание крови.

³⁴ Там же. Оп. 1. Д. 27. Л. 26

³⁵ Там же. Оп. 2. Д. 7. Л. 19.

³⁶ Там же. Д. 22. Л. 5.

³⁷ Там же. Ф. Р. 195. Оп. 1. Д. 21. Л. 10.

³⁸ Там же. Л. 5.

³⁹ Там же. Л. 6 об.

Однако проблемы, которые способствовали отставанию качества медицинского обслуживания населения, решить до конца не удалось. В условиях повсеместной послевоенной разрухи и жесткой экономии средств, выделяемых государством на здравоохранение города Выборга, было недостаточно. Несмотря на предпринимаемые усилия местными властями и органами здравоохранения, не были решены вопросы, связанные с материально-технической обеспеченностью: медицинские учреждения нуждались в соответствующих помещениях с капитальным ремонтом, в мягком, и особенно, твердом инвентаре, другом оборудовании. В связи с недофинансированием при перевыполнении койко-дней, не хватало денег на питание больных.

Не был решен вопрос медицинских кадров из-за тяжелых условий труда и отсутствия жилья: в медицинских учреждениях оставался недокомплект врачей-специалистов.

В результате неудовлетворительной санитарной очистки города, низкого санитарного уровня целого ряда пищевых предприятий, отсутствия воды на 3-4 этажах домов нарушалось эпидемиологическое благополучие. И, хотя эпидемий удалось избежать, полностью ликвидировать такие инфекционные болезни, как малярия, дизентерия, скарлатина, дифтерия, туберкулез не удалось.

PROBLEMS, THE STATE OF HEALTH INSTITUTIONS AND PUBLIC HEALTH SERVICE IN VYBORG IN THE POSTWAR PERIOD (1945-1953 гг.)

N. N. GORDEEVA

*Vyborg Institute (branch)
of State Leningrad
Pushkin University*

e-mail: vip.gordeeva@inbox.ru

In article on the basis of documents available in Leningrad Regional State Archive and periodicals materials a comprehensive analysis of the problems and results of health of the city of Vyborg in the postwar years.

Key words: medical institutions, medical service of population, sanitary-epidemiological safety.

ОПЫТ СОТРУДНИЧЕСТВА В НАУЧНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРАХ ДРВ И СССР В 1960 – СЕРЕДИНЕ 1970 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

К.В. ПТИЦЫНА

*Курский государственный
университет*

e-mail: karina77712@rambler.ru

В статье рассмотрены вопросы советско-вьетнамского сотрудничества в сфере образования и науки в период 1960 – сер. 1970 гг. Полученные результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что в указанный период наблюдался взаимный обмен научным опытом между СССР и ДРВ.

Ключевые слова: советско-вьетнамские отношения, Общество российско-вьетнамской дружбы, вьетнамские учёные, советские педагоги.

В 2013 г. исполнилось 55 лет с момента создания Общества советско-вьетнамской дружбы, правопреемником которого стало Общество российско-вьетнамской дружбы (далее ОРВД). ОРВД выступает за сохранение, укрепление и развитие сотрудничества в области образования, науки, культуры, научно-технических и экономических связей, а также за дружбу между народами Российской Федерации и Вьетнама. В ст. 4 Соглашения о сотрудничестве между обществами российско-вьетнамской и вьетнамо-российской дружбы на 2011-2015 гг. говорится об укреплении отношений между общественными организациями, предприятиями и регионами двух стран¹.

В данной статье предпринята попытка на основе материалов советских периодических изданий 1960-1975 гг. уточнить некоторые аспекты в истории. История становления и развития научных связей между ДРВ и СССР насчитывает не одно десятилетие, поскольку ещё в августе 1955 г. было подписано Соглашение между правительством СССР и правительством ДРВ об обучении граждан ДРВ в высших учебных заведениях СССР².

Основными источниками в данной работе, выступают статьи советских и вьетнамских авторов, опубликованные в таких журналах как: «Наука и жизнь», «Народное образование», «Русский язык за рубежом», «Советское государство и право» и др.

В статьях указанных периодических изданий освещаются двусторонние контакты в области медицины, химии, юриспруденции, а также педагогики. Последней уделено наибольшее внимание, в частности, обмену опытом между советскими и вьетнамскими учителями и преподавателями в рамках двустороннего взаимодействия.

После признания в 1950г. Советским Союзом ДРВ и открытия в 1954 г. в Ханое здания Посольства СССР, между двумя странами установились полноценные контакты³.

В связи с актуализацией вопросов, связанных с повышением уровня грамотности и образования в ДРВ, вьетнамские педагоги стали изучать советский опыт. В 1956 г. по примеру СССР во Вьетнаме впервые вводилась десятилетняя средняя общеобразовательная система обучения. На вьетнамский язык были переведены учебники «Педагогика» под ред. И.А. Каирова, «Педагогика» П.Н. Шимбирева и И.Т. Огородникова, «Очерки по педагогике» И.М. Духовного, а также некоторые статьи журнала «Советская педагогика»⁴, в которых был представлен материал, касающийся теории и методики обучения школьников и студентов. На основе их изучения был разработан курс лекций по педагогике для подготовки молодых вьетнамских специалистов, проведены курсы повышения квалификации учителей, на которых слушатели изучали опыт работы советских и китайских педагогов по трудовому воспитанию подрастающего поколения. В последствие, в 1958 г. во вьетнамских школах появилась новая для Вьетнама учебная дисциплина – труд.

¹ Соглашение о сотрудничестве между Обществом российско-вьетнамской дружбы и Обществом вьетнамо-российской дружбы в 2011-2015 гг. Режим доступа: http://www.orvd.ru/images/doc/rus_ver.pdf

² Советский Союз–Вьетнам: 30 лет отношений, 1950-1980. Документы и материалы. М., 1982. С. 19-21.

³ Конорева И.А. СССР и дипломатическое признание Демократической республики Вьетнам в январе 1950 г. // Вопросы истории. 2008. № 6. С. 8.

⁴ Нгуен Хью Тао, Нгуен Лэн, Фам Кок, Дык Минь. Вьетнамские педагоги изучают опыт обучения и коммунистического воспитания в СССР // Советская педагогика. 1960. № 11. С. 123-124.

Необходимо отдельно подчеркнуть влияние идей и принципов А.С. Макаренко на развитие вьетнамской педагогической школы. Новым для Вьетнама явилось создание по аналогии с трудовой колонией им. М. Горького и коммуны им. Ф.Э. Дзержинского специализированных школ с профессиональной ориентацией. В качестве примера можно привести школу с усиленной сельскохозяйственной подготовкой, школу с морской подготовкой, школу с промышленной подготовкой и т.п. Во всех школах ДРВ стал вводиться принцип педагогической системы А.С. Макаренко – а именно, коллективного воспитания, понимаемый, как воспитание человека в коллективе и воспитание коллектива в целом. Необходимо отметить, что данные идеи также легли в основу социального семейного воспитания в ДРВ. Вьетнамские учителя, используя труды советского педагога, вели широкую разъяснительную работу среди родителей учащихся о принципах и методах правильного семейного воспитания, о взаимоотношениях в семье, роли авторитета родителей, о дисциплине, а также о недопустимости физического наказания детей⁵.

Помимо использования трудов советских педагогов в повседневной школьной практике, происходил обоюдный обмен опытом. Благодаря поездкам советских делегаций во Вьетнам и вьетнамских делегаций в Советский Союз, педагоги получали хороший опыт, в последствие применяемый на практике. Примером такого рода взаимоотношений может послужить присутствие делегации учителей из ДРВ, наряду с учителями из ГДР и США, на занятиях в так называемой школе-лаборатории № 1 Академии педагогических наук. Особенностью данной школы являлось то, что в ней, наряду со специализированными курсами, такими как электрорадиотехника, основы аналитической химии и химической технологии, основы общего земледелия, основы документоведения и архивного дела, преподавались профилирующие предметы в большем количестве часов, в отличие от обычных школ⁶.

Как отмечали сами вьетнамские исследователи, подобного опыта было недостаточно, чтобы поднять педагогическую школу ДРВ на должный уровень. Для устранения отставания были предприняты следующие меры: во-первых, некоторые учителя с высшим образованием командировались в СССР для специализации в области педагогики; во-вторых, в 1960 г. при Ханойском педагогическом институте разработали годовые курсы по подготовке преподавателей педагогики в школы провинции, на которые в этом же году были зачислены 60 слушателей; в-третьих, под руководством специалистов из СССР группа ассистентов кафедры изучала педагогику и психологию⁷.

В рамках расширения научных и образовательных связей советские специалисты неоднократно посещали ДРВ с целью обучения русскому языку вьетнамских студентов. При Ханойском педагогическом институте был сформирован факультет русского языка, куда приглашали работать советских специалистов. Изучение русской литературы на 2-м курсе проходило на вьетнамском языке, а советскую литературу на 3-м курсе студенты изучали уже на русском языке⁸.

От советских преподавателей требовалась максимальная подготовка не только к лекционным занятиям, но и разработка учебно-методического комплекса, для того, чтобы каждый студент имел возможность работать с готовым тестом, выполнять упражнения и использовать словарь. Помощь советским педагогам в сложном процессе адаптации учебных текстов оказывали вьетнамские коллеги, которые готовили материалы, основанные на понятном для вьетнамских студентов материале. Для закрепления полученных знаний проводились различного рода мероприятия: диспуты, беседы, вечера разучивания советских песен, а также вводились дни, когда студенты должны были разговаривать только по-русски. С целью укрепления навыков разговорной речи, советские педагоги совместно со студентами посещали предприятия, музеи, магазины, телеграф и т.п. К третьему курсу активный запас вьетнамцев составлял в среднем 1500–2000 русских слов⁹.

⁵ Нгуен Зуй Минь. Педагогические идеи А.С. Макаренко в школах ДРВ // Народное образование. 1967. № 3. С. 103–104.

⁶ Турган Е. Эксперимент, рождённый жизнью // Наука и жизнь. 1962. № 8. С. 48.

⁷ Нгуен Хью Тао, Нгуен Лэн, Фам Кок, Дык Минь. Вьетнамские педагоги изучают опыт обучения и коммунистического воспитания в СССР // Советская педагогика. 1960. № 11. С. 126.

⁸ Нгуен Ты Фонг, Нгуен Нем. Обучение русскому языку во Вьетнаме // Русский язык за рубежом. 1967. № 3. С. 106.

⁹ Солдатов А. Два года в ДРВ // Народное образование. 1965. № 9. С. 105.

Наряду с педагогическим направлением, активно развивались контакты в медицинской сфере. Как отмечали советские специалисты, частыми гостями в институте педиатрии были врачи из ДРВ¹⁰. Необходимо отметить, что, если в области педагогики преобладал советский опыт, то в области медицины вьетнамские врачи внесли значительный вклад в развитие отрасли.

Примером плодотворного сотрудничества может служить опыт вьетнамских специалистов, повлиявший на практику работы профессора кафедры хирургии университета Дружбы Народов им. Патриса Лумумбы В.В. Виноградова. Благодаря опыту вьетнамского хирурга Т.Т. Тунга, В.В. Виноградов стал проводить операции на печени, не прибегая к сложной процедуре остановки кровотечения, поскольку ранее наблюдал, как его вьетнамский коллега успешно справлялся с данной проблемой без дополнительных кровоостанавливающих мероприятий¹¹.

Необходимо также отметить, что вьетнамские учёные, в частности, профессор медицины Тон Тхат Тунг, директор больницы Вьет Дюк, являлся членом Академии медицинских наук СССР¹², что в указанный период было редким явлением для стран третьего мира, коим считали ДРВ.

Контакты между СССР и ДРВ позволяли обобщать имеющуюся теоретическую составляющую в других отраслях науки. Так, в 1961-1965 гг. была написана коллективная монография вьетнамских авторов «История государства и права Вьетнама с древнейших времён до наших дней». Данная работа явилась хорошим материалом для учёных юридического факультета МГУ при написании ими «Истории государства и права социалистических стран». С целью заимствования советского опыта в данной сфере, Государственный комитет ДРВ командировал двух юристов для ознакомления с организацией правовой деятельности, а также для изучения базовых основ в организации и деятельности различных научно-исследовательских юридических институтов (главным образом Института государства и права Академии наук СССР) и юридических факультетов университетов Советского Союза. Данная делегация находилась на территории СССР более 1,5 месяцев, и ей была оказана всесторонняя помощь советских специалистов¹³.

В качестве другого примера можно выделить работы вьетнамского исследователя Нгуен Динь Лока, который изучал проблемы вьетнамского государства и права. В одной из своих статей, опубликованной в советском журнале, он отмечает, что ДРВ следует по пути Советского Союза в строительстве социалистического общества. В частности, Нгуен Динь Лок рассматривал вопрос создания вьетнамской избирательной системы, изучал плюсы и минусы Конституции ДРВ, принятой в 1959 г.¹⁴.

Весомый вклад в развитие вьетнамской геологии внесли совместные исследования советских и вьетнамских палеонтологов, геологов и специалистов в области стратиграфии. За период с февраля 1960 по июнь 1962 гг. исследователи из СССР помогли своим вьетнамским коллегам составить первую геологическую карту северного Вьетнама, а также подготовить отряд высококвалифицированных вьетнамских геологов. Вьетнамские специалисты, помимо полевой деятельности, активно участвовали в камеральных исследованиях, пополняя свои знания в геологии, а будущие вьетнамские палеонтологи имели возможность перенять опыт у виднейших специалистов Всесоюзного научно-исследовательского геологического института: Дубатолова В.Н., Кипарисовой Л.Д., Пановой Л.А. и других¹⁵. Таким образом, к 70-м гг. сложился квалифицированный коллектив вьетнамских палеонтологов. Из вьетнамских геологов, работавших с советскими специалистами в 60-е гг., кандидатскую диссертацию защитил Нгуен Ван Тиен, кроме того кандидатские, а затем докторские диссертации защитили палеонтологи Тонг Зюй Тхань и

¹⁰ Левенталь Н. Здесь лечат детей // Наука и жизнь. 1970. № 1. С. 34.

¹¹ Кутузова Т. Всевидящий глаз фиброскопа // Наука и жизнь. 1974. № 3. С. 37.

¹² Ву Тоан. Наука Демократического Вьетнама // Наука и жизнь. 1965. № 11. С. 122.

¹³ Ву Бой Тан. Организационные мероприятия по изучению юридических наук в ДРВ // Советское государство и право. 1964. № 6. С. 130.

¹⁴ Нгуен Динь Лок. Избирательный закон Демократической Республики Вьетнам // Советское государство и право. 1961. № 1. С. 80-90.

¹⁵ Геологи вспоминают // Дружба народов. 1972. № 8. С. 203.

Данг Ву Кхук. Данные исследователи со временем стали крупными специалистами Юго-Восточной Азии¹⁶.

Отдельные отрасли народного хозяйства, в частности, химическая, также позволяли расширять контакты между специалистами. Примером может служить международная выставка «Химия-70», прошедшая в московском парке Сокольники в сентябре 1970 г. Делегация ДРВ продемонстрировала натуральный каучук, резиновые шины, различные химикаты, а также растительное сырьё. Советская сторона представила вниманию посетителей различное химическое оборудование: центрифуги, фильтры, сушилки, сепараторы, насосы, холодильные установки, находящие применение в самых разных областях промышленности и сельского хозяйства. Особый интерес привлекли новые технологии переработки и производства азотной и фосфорной кислот – важнейших компонентов для производства удобрений, а также экономичная схема производства серной кислоты, которая значительно сократила этот процесс во времени¹⁷.

Необходимо отметить, что на основе Общества советско-вьетнамской дружбы на территории СССР создавались местные филиалы данной организации, одним из которых являлось Дальневосточное краевое общество дружбы с Вьетнамом. 19 ноября 1971 г. во Владивостоке была проведена учредительная конференция, организованная моряками Дальневосточного морского пароходства, учеными Дальневосточного отделения Академии Наук СССР и специалистами других сфер знаний. Целью образования данного общества являлась поддержка вьетнамского народа, борющегося за свое освобождение¹⁸.

С 1970 г. активизировались советско-вьетнамские связи в области литературы. На территории Советского Союза проходил ряд конференций писателей, которые обсуждали проблемы современной литературы, а также касались вопросов национально-освободительной борьбы народов Азии и Африки¹⁹. В частности, в 1973 г. в г. Алма-Ата проведена конференция Ассоциации писателей стран Азии и Африки, в состав которой входили как советские, так и вьетнамские представители.

Такого рода примеры в большом количестве присутствуют в отечественных периодических изданиях, что позволяет говорить о наличии значительных связей между странами в различных сферах науки и образования. Представления о том, что Советский Союз, помогая ДРВ в различных сферах, не получал должной отдачи, не соответствуют в полной мере существующей действительности. Процесс взаимодействия был обоюдным, хотя и не столь заметным с точки зрения получения конкретных результатов. Однако нельзя не брать во внимание современные вьетнамские работы, в которых отмечается тот факт, что в советский период наша страна руководствовалась в отношении с Вьетнамом прежде всего собственными национальными интересами и советское руководство в некоторых случаях могло поступиться вьетнамскими интересами²⁰. Тем не менее, имеющийся опыт может и сегодня быть востребованным в связи с активизацией сотрудничества между РФ и Вьетнамом в различных сферах. В этой связи необходимо сказать, что взаимовыгодное сотрудничество продолжается не только на государственном, но и на региональном уровнях. Примером тому может служить презентация экономического и инвестиционного потенциала Курской области, прошедшая в октябре 2013 г. в посольстве Социалистической Республики Вьетнам, где глава региона А.Н. Михайлов подчеркнул, что курская сторона проявляет интерес к установлению более тесных и взаимовыгодных связей с вьетнамскими партнерами в разных отраслях экономики, образования, культуры и туризма. Поступило предложение рассмотреть с вьетнамскими коллегами возможность реализации программы двух дипломов, изучения ИТ технологий студентами в рамках общеобразовательной программы, вопросы стажировок и обмена студентами²¹. Таким образом, необходимость переосмысления результатов международного сотрудничества между ДРВ и СССР в научной сфере приобретает особое значение.

¹⁶ Геологической карте северного Вьетнама присуждена премия Хошимина. Режим доступа: <http://www.nhat-nam.ru/forum/viewtopic.php?p=41990>

¹⁷ «Химия-70» // Наука и жизнь. 1970. № 10. С. 160.

¹⁸ Дружба по-вьетнамски // Правда. 20 ноября. № 324 (19436). С. 4.

¹⁹ Советская литература в борьбе за коммунизм // Правда. 30 июня 1971. № 181 (19324). С. 3.

²⁰ Селиванов И.Н., Конорева И.А. Как в российских архивах выявлялись документы о советско-вьетнамских отношениях // Отечественные архивы. 2008. №3. С. 142.

²¹ Курская область и Вьетнам: новые перспективы сотрудничества. Режим доступа: <http://korsartravel.ru/news/33.html>

EXPERIENCE OF COOPERATION IN SCIENCE AND EDUCATION OF DRV AND THE USSR IN 1960 – MID. 1970 (BASED ON SOVIET PERIODICALS)

K.V. PTITSINA

Kursk State University

e-mail: karina77712@rambler.ru

The article discusses the Soviet-Vietnamese cooperation in the sphere of education and science in the period 1960 – middle 1970 years. The obtained results allow us to conclude that in this period there was a mutual exchange of scientific expertise between the USSR and the DRV.

Keywords: Soviet-Vietnamese relations, Association of the Russian-Vietnamese friendship, Vietnamese scientists, Soviet educators.

ПРОБЛЕМА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ ПРИАНГАРЬЯ В 1990-Е ГГ.

Т.П. УРОЖАЕВА

*Иркутский
государственный
университет*

e-mail: olgou@ya.ru

В 1990-е гг. в городах Иркутской области проблема продовольственного обеспечения стояла достаточно остро. Повышение экономической эффективности предприятий пищевой промышленности дополнялось постепенным улучшением рыночной конъюнктуры, ростом денежных доходов населения и покупательского спроса. Таким образом, уже к концу 1990-х гг. сложились все условия для достижения относительного продовольственного изобилия как за счет продуктов, произведенных в Иркутской области, так и за счет завозимых продовольственных товаров из других регионов РФ и из-за рубежа.

Ключевые слова: продовольственное обеспечение, структура потребления, норма продуктов, розничные цены, продовольственная помощь, пищевая промышленность.

Питание является одним из важнейших факторов, определяющим состояние здоровья населения. Правильное, сбалансированное питание обеспечивает профилактику заболеваний, приводящих к инвалидизации и смертности: сердечно-сосудистых, онкологических, болезней системы пищеварения, обмена веществ и др. Полноценное питание населения напрямую зависит от объемов продовольственного обеспечения, разнообразия ассортимента и качества продуктов.

В 1990-е гг. в городах Иркутской области проблема продовольственного обеспечения стояла достаточно остро. Доля неудовлетворенного спроса населения на продукты питания (по отношению к рекомендуемым нормам) с 4-6% в 1989 г. увеличилась до 35% в 1997 г. Изменения в структуре питания свидетельствовали о преобладании в рационе большей части населения хлебопродуктов и картофеля. Основными источниками белка являлись продукты растительного происхождения, которые обеспечивали около 60% потребности людей, причем на долю хлебопродуктов и блюд из зерновых приходилось 44%¹.

При рассмотрении динамики доходов и потребления населением региона продуктов питания в период с 1991 по 1999 г. необходимо выделить три этапа: I этап – 1992-1995 гг.; II этап – 1996-1998 гг. (до августа); III этап – 17 августа 1998-1999 гг. Первый этап характеризовался чрезвычайно сильными колебаниями денежных доходов населения и повышенным спросом на продовольствие. В 1995 г. 22% населения (включая многодетные семьи) имели доходы ниже прожиточного минимума. Произошли значительные изменения в структуре расходов населения, где доля продовольствия достигла в 1995 г. 51% против 28% в 1990 г.² Второй этап экономической реформы (1996 – первое полугодие 1998 г.) характеризовался некоторой стабилизацией денежных доходов и потребления продовольствия на низком уровне, сопряженном систематическими задержками выплаты заработной платы. На третьем этапе, в связи с кризисом августа 1998 г., еще более усилились различия в уровне доходов и потребления продовольствия.

Социальная дифференциация доходов и потребления продовольствия в 1990-е гг. постепенно увеличивалась, о чем свидетельствует анализ динамики потребления важнейших продуктов питания по социально-семейным группам. Существенной особенностью потребления продовольствия стала его натурализация, вследствие чего население могло противопоставить рыночной стихии различные формы натурального обмена, обеспечивающие выживание в экстремальных условиях.

Особенно трудным было положение горожан в начале 1990-х гг. Так в январе 1991 г. на одного жителя г. Братска было положено мясопродуктов – 1 кг; яиц – 15 шт.; крупы – 0,5 кг; макаронных изделий – 0,5 кг; сахара – 1 кг; масла сливочного – 0,3 кг; растительного масла – 0,5 л. Выдача гарантированных талонов производилась гражда-

¹ Прокопьев Ю. Через 25 лет Восточная Сибирь вернется к уровню 1989 г. // Коммерсант-Сибирь. 2000. № 18. С. 4.

² Индикаторы уровня жизни населения Иркутской области в графиках и диаграммах. Статистический сборник. Иркутск. 1990-1995 гг. С.21.

нам, имеющим городскую прописку, а также лицам, командированным в город и лицам, приезжающим к родственникам на месяц и более³.

Сложная ситуация с продовольственным обеспечением складывалась в г. Зиме. Осенью 1991 г. в редакцию газеты «Восточно-Сибирская правда» поступило обращение следующего содержания: «Мы, жители Зимы, с июля месяца не можем купить сахар даже по талонам. Почему же в Саянске, Ангарске и Шелехове – цена государственная и везде продают на талон не менее 1 кг, а у нас же только полкило? Почему бы у нас не ввести талоны на конфеты, когда в других городах они есть?» Имея свой пищекомбинат с конfectionным цехом, зиминцы были лишены возможности купить своим детям сладости. Не было талонов на растительное масло. Талоны на животное масло выдавали по одному на квартал, зато процветала спекуляция основными продуктами питания⁴.

В другом городе Приангарья – Железногорске-Илимском в 1991 г. свободно (без талонов) можно было купить в основном овощные консервы, пряники, яичный порошок, сухое молоко, кефир, сметану. Без очередей продавалось молоко и сливки. Снабжение молочными продуктами было немного лучше, чем в других городах области по причине того, что у работников ГОКа сложились крепкие хозяйственные связи с совхозами «Коршуновский» и «Березняковский», а также vyruchalo собственное ПСХ⁵.

Первый квартал 1992 г. был отмечен рекордным ростом цен на продукты. По отдельным наименованиям зафиксирован более чем 10-кратный рост цен (мясо, мясные и рыбные продукты), кондитерские и макаронные изделия – 12-19 раз, колбасные изделия – 28-32 раза. Маргарин стал дороже в 50 раз, сыр – в 58 раз. Вместе с тем, впервые за многие годы на прилавках магазинов можно было увидеть в свободной продаже колбасу, сметану, сыр, масло сливочное. Однако с либерализацией цен не произошло окончательное избавление от талонной системы. От двух до 13 наименований продуктов реализовалось по талонам. Критическая ситуация сложилась с мясными консервами, сахаром, кондитерскими изделиями, запасы которых были меньше нормативов на 40% и более⁶.

Гиперинфляция, характерная для 1992 г., сделала некоторые продукты попросту недоступными для широких слоев населения. В табл. 1. приведены цены на основные продукты питания в различных городах Приангарья:

Таблица 1

Средние розничные цены Госторговли, коопторгов на 17 августа 1992 г., в рублях за килограмм

Города	Хлеб	Говядина	Колбаса вареная	Молоко	Масло сливочное	Сметана	Сахар
Ангарск	20.00	72.00	112.00	12.00	226.60	74.00	39.50
Братск	22.00	107.00	169.00	18.50	150.00	72.00	104.00
Железногорск-Илимский	20.00	109.00	167.00	13.40	230.00	48.00	94.00
Зима	14.00	88.50	227.00	13.00	215.00	66.50	91.00
Тулун	9.00	71.00	204.00	12.60	262.00	72.00	84.00
Усть-Илимск	24.00	107.00	140.00	23.00	253.00	86.00	110.00
Усть-Кут	22.00	60.00	165.00	28.00	250.00	150.00	93.00

* Составлено по: Волков Н. «Ах вы цены, мои скакуны» // Восточно-Сибирская правда. 1992. № 155/156. 29 августа. С. 3.

Поданным таблицы можно отметить, что наиболее дорого обходились продукты жителям северных городов Иркутской области (Усть-Илимска, Железногорска-Илимского, Усть-Кута). Государственная статистика приводит данные о ценах и на рынках. Обобщенно они были на 30-45% выше, чем в государственной и кооперативной торговле. И, тем не менее, трудно объяснить резкие колебания цен в соседних городах, где экономические условия примерно одинаковы.

³ Индикаторы уровня жизни населения Иркутской области в графиках и диаграммах. Статистический сборник. С. 21.

⁴ Без сахара, без мыла (обращение жителей г. Зимы: всего 138 подписей) // Восточно-Сибирская правда. 1991. № 245. 22 октября. С. 3.

⁵ Молоко без очереди можно купить в Железногорске, но не всегда. Почему? // Илимские новости. 1991. № 19. 25 января. С. 2.

⁶ Покуда жива монополия... // Восточно-Сибирская правда. 1992. № 59/60. 28 марта. С. 4.

Изменения претерпела сама структура потребления. В частности, на основе обследования бюджетов 679 семей горожан, проведенного областным комитетом статистики, за 1993 г. были получены следующие результаты: потребление мяса уменьшилось на 20%; яиц – на 20; рыбы – на 15. Потребление хлебобулочных изделий снизилось на 13%, а вот картофеля добавилось в меню с 2 до 9%. Потребление сахара и кондитерских изделий увеличилось с 10 до 25-40% (к сожалению, в ущерб фруктам и ягодам). Потребление молока снизилось к уровню 1992 г. на 6-12%. Рабочие и служащие тратили на питание примерно 38% от общего заработка⁷.

В целом, очень скудным оставался ассортимент продуктов. В табл. 2 приведен продуктовый минимум на одного человека в октябре 1993 г.

Таблица 2

**Нормы продуктов, реализуемых по талонам в октябре 1993 г.
(на одного чел., в кг, л)**

Наименования продуктов	Минимальная норма на одного человека
Хлеб пшеничный	7,2 кг
Хлеб ржаной	7,2 кг
Пшено	1,5 кг
Вермишель	0,6 г
Сахар	2,1 кг
Масло растительное	0,8 л
Масло животное	0,3 кг
Говядина	3,3 кг
Колбаса	0,3 кг
Молоко	15 л
Капуста свежая	2,5 кг
Лук репчатый	1 кг
Яблоки	1 кг

*Составлено по данным: Развитие торговли в Иркутской области. Стат. сб. в двух частях. Ч. 2. С. 28-30. Иркутск, Ирк. обл. упр. статистики. 1993.

Стоимость набора из 19 важнейших продуктов питания в середине октября 1993 г. составила в среднем по области 23,5 тыс. руб. в расчете на месяц⁸.

Общий спад сельскохозяйственного производства, развал системы централизованного продовольственного снабжения, резкое повышение транспортных тарифов на перевозку грузов и ряд других причин повлекли за собой уменьшение объемов продукции агропромышленного комплекса, поставляемой по «северному завозу», и ее значительное удорожание. Осенью 1997 г. сложилась угрожающая ситуация со снабжением продовольствием северных районов области, где возделывание огородных культур было затруднено. Так в г. Бодайбо на зиму было запасено всего шесть тонн капусты вместо 240, две тонны свеклы и столько же моркови вместо 124 тонн. Не лучше выглядела картина в г. Железнодорожске-Илимском. Региональным заготовителям из-за больших расстояний сложно было доставить продовольственные товары до места назначения⁹. В северные районы в сентябре-октябре 1998 г. было завезено 6,7 тыс. тонн продовольствия, в основном мяса, муки, масла растительного и животного, яиц, сахара, макаронных изделий, детского питания. Недостающая часть продовольствия и бытовых товаров поставлялась по зимникам – от г. Усть-Кута до Киренска и Ербогачена, от станции Таксимо на БАМе до г. Бодайбо. В областном бюджете не хватало средств, чтобы обеспечить продуктами питания северные районы на полгода и более¹⁰.

Во второй половине 1990-х гг. набор продуктов значительно расширился. Однако оставалась нерешенной проблема постоянного роста цен. Так в апреле 1997 г. продукты питания для жителей Приангарья стали дороже на 0,9%, непродовольственные товары – на 0,5%. Заметно выросли цены на куриное яйцо (18,4%), молоко разливное (5,5%), рыбу

⁷ Филиппова В. Богач, бедняк...(статистика без ретуши) // Восточно-Сибирская правда. 1994. № 91. 28 апреля. С. 2.

⁸ О прожиточном минимуме /Справочное бюро «СМ» // Советская молодежь. 1993. 20 октября. С. 2; Развитие торговли в Иркутской области. Стат. сб. в 2 ч. Ч. 2. Иркутск, Ирк. обл. упр. статистики. 1993. С. 26.

⁹ Ленский Я. Север опять без овощей // Восточно-Сибирская правда. 1997. 26 октября. С. 2.

¹⁰ Крайний Север к зиме не готов // Восточно-Сибирская правда. 1998. 17 ноября. С. 3.

мороженую (4,9%), сыр (3,9%). Отмечалось снижение цен только на плодоовощную продукцию, включая картофель (97,6%)¹¹. В декабре 1997 г. индекс потребительских цен на продовольственные товары составил 100,3%. Подорожала плодоовощная продукция, в том числе капуста свежая (на 33,2%), картофель (на 10,9), свекла столовая (на 5,3), лук репчатый (на 4,2%). Произошло повышение цен на чай черный и сахар-песок (на 4,2%)¹².

В сентябре 1998 г. вышло известное Постановление губернатора Иркутской области «О мерах по ограничению роста цен на товары». В Приложении к постановлению был включен перечень продовольственных товаров, цены на которые регулировались предельными торговыми надбавками. Так размер надбавки к закупочной цене: по хлебу, хлебобулочным изделиям, муке, крупам, макаронным изделиям, детскому питанию, маргариновой продукции и куриному яйцу составил 25%; по маслу растительному, животному, сахару – 20%. По молоку и молочным продуктам, мясу и мясным полуфабрикатам надбавка составила 15%. Торговые «накрутки» были предусмотрены для розничного звена при внутригородских поставках, при районных поставках предельный размер надбавки увеличивался на 5%¹³.

По Закону Иркутской области «О налоге с продаж», принятому в октябре 1998 г., 5%-м налогом с продаж не облагались только социально-значимые продукты. В перечень вошли следующие продукты: хлеб и хлебобулочные изделия, мука, макаронные изделия, зерно, молоко и молокопродукты, масло растительное и животное, маргарин, яйца, чай, крупы, соль, сахар, картофель, овощи, плоды и ягоды местного производства, а также продукты детского и диабетического питания¹⁴.

В декабре 1998 г. жители области имели возможность на средний доход приобрести 3,6 набора из 25 основных продуктов питания. Для сравнения – покупательная способность в сентябре 1998 г. составляла 3,4 набора¹⁵. Для подавляющей части населения области закупить впрок продукты питания не представлялось возможным по причине низкой заработной платы, пенсий и пособий, а также многомесячных задержек их выплаты. За период с сентября по декабрь 1998 г. цены на продовольственные товары в среднем по области выросли в 1,5 раза, что было выше российских показателей. В 2-3 раза подорожали сахар, яйца, масло животное и растительное, крупы, от 120% до 190% составило увеличение цен на молочные, мясные и рыбные продукты, сыр, муку, фрукты, макаронные изделия¹⁶.

К концу 1999 г. покупательная способность граждан в Иркутской области составила 2,7 набора из 25 продуктов питания против 3,3 в 1995 г.¹⁷ Практически более 60% населения имело доход ниже установленного прожиточного минимума. Статистика свидетельствовала о том, что среднестатистический житель области потреблял мясных и молочных продуктов на уровне 1960 г., рыбы и рыбопродуктов – на уровне 1969 г.¹⁸ Необходимая калорийность обеспечивалась в основном за счет хлеба, картофеля и сахара. С составом и качеством питания была связана проблема ухудшения здоровья.

По поручению администрации области Иркутская продовольственная корпорация вела переговоры с Москвой о предоставлении региону части товарного продовольственного кредита, который был выделен США и странами Евросоюза. Правительство РФ подготовило постановление, согласно которому в первом квартале 1999 г. Иркутская область получила мясо, сухое молоко, рис, сою и другие продукты¹⁹.

Триста продовольственных посылок составила вторая партия гуманитарной по-

¹¹ Областной комитет государственной статистики сообщает // Восточно-Сибирская правда. 1997. 8 мая. С. 2.

¹² Чай нынче дорог // СМ. 1998. 8 октября. С. 3.

¹³ Постановление губернатора Иркутской области от 9 сентября 1998 г. № 560-п г. «О мерах по ограничению роста цен на товары» // Восточно-Сибирская правда. 1998. 10 сентября. С. 2.

¹⁴ Захарова Н. Перечень товаров, которые не облагаются налогом с продаж в Иркутской области // СМ. 1998. 19 ноября. С. 2.

¹⁵ Спрос на импорт упал // СМ. 1999. 3 марта. С. 2.

¹⁶ Открытое письмо Иркутского областного совета профсоюзов к губернатору Иркутской области Б.А. Говорину и Председателю Законодательного собрания Иркутской области И.З. Зеленту // Восточно-Сибирская правда. 1998. 24 декабря. С. 1.

¹⁷ Жить стали лучше? // СМ. 2000. 27 июля. С. 2.

¹⁸ Истомина Г. Без нормального здоровья нет будущего // Из обращения заместителя председателя Законодательного собрания Г. В. Истомина на заседании коллегии комитета здравоохранения Иркутской области // СМ. 2000. 5 апреля. С. 2.

¹⁹ Получим продовольственный кредит // СМ. 1998. 26 декабря. С. 1.

мощи, направленная в г. Ангарск для малообеспеченных и многодетных семей, пенсионеров и инвалидов в рамках программы «Зима-1998/99». По решению городской комиссии вся гуманитарная помощь была выделена наиболее нуждающимся. По решению совета ветеранов труда часть посылок попала в руки тружеников тыла и пенсионеров, чья пенсия не достигала 300 рублей. Стоявшие на учете в управлении социальной защиты малообеспеченные семьи получили талоны на бесплатные обеды в городских столовых²⁰.

В августе 1999 г. в Тулунском городском управлении социальной защиты населения побывала Дж. Спарнихт, делегат по материально-техническому обеспечению Международной федерации Красного Креста и Полумесяца. Совершая поездку по области, она знакомилась с тем, как готовятся на местах к приему гуманитарной помощи из США. От «заокеанских щедрот» тулунчанам было передано более 98 тонн продовольствия, которое было распределено через городское управление соцзащиты среди многодетных и неполных семей, опекаемых детей, инвалидов и престарелых одиноких граждан. Продовольственные наборы в общей сложности получили свыше 3 тыс. человек²¹.

Осенью 1999 г. более 400 булок свежеспеченного хлеба от общества Красного Креста и Полумесяца ежедневно поступало в три точки распространения г. Саянска. Пекари одной из частных фирм выпекали продукцию из муки, поступившей в город по линии этой общественной организации. Более трехсот получателей – а это в большинстве своем инвалиды, одинокие, пенсионеры, многодетные – приобретали хлеб по цене 2 руб. 33 коп. Доставленной в город муки хватило примерно на два месяца. После чего малоимущим слоям населения была оказана помощь другими продуктами первой необходимости: подсолнечным маслом, крупой, сахаром и др.²²

Начиная с мая 1999 г. на территории Иркутской области реализовалась программа «Продовольствие ради прогресса». Она предполагала обеспечение продуктами питания, и, прежде всего, мукой, горохом, рисом, растительным маслом учреждений здравоохранения, народного образования, исправительных учреждений, а также наиболее остро нуждающихся слоев населения. Норма продовольствия на одного человека составила 58 кг и была рассчитана на полгода²³.

Однако, несмотря на предоставленные федеральные займы и международную помощь, проблема продовольственного снабжения населения в Иркутской области так не была решена. В аналитической записке, подготовленной в октябре 1998 г. информационно-аналитическим комитетом администрации Иркутской области, говорилось, что «произошел опасный отрыв фактического потребления продовольствия в регионе от рекомендуемых медицинских норм». По этому показателю состояние продовольственной безопасности Приангарья являлось неудовлетворительным. Причину потребительского самоограничения составители записки видели в уменьшении собственного производства сельскохозяйственной, прежде всего – животноводческой продукции. Регион мог полностью обеспечить себя картофелем и куриным яйцом, также достаточен был уровень самообеспеченности овощами, молоком и молочной продукцией. А вот по мясу и мясопродуктам дела обстояли неважно. Зависимая от завозного продовольствия и сырья Иркутская область, в отличие от других, более благополучных регионов, что называется «дала своим жителям сполна хлебнуть» горечь от резкого повышения цен на импорт, к которым подтянулись и цены на местные продукты.

Производственных мощностей предприятий пищевой промышленности Приангарья было недостаточно. Так в 1998 г. в Иркутской области было произведено 600 тонн сырья. Однако если вспомнить, что в 1986 г. в регионе было выработано до 2 тыс. тонн этого продукта и на всех его не хватало, то указанный показатель не впечатлял. Выпуск мяса и субпродуктов I категории сократился к уровню 1997 г. на 4% и составил 7,2 тыс. тонн, мясных полуфабрикатов – на 2% (5,9 тыс. тонн). Ангарский мясоперерабатывающий комбинат сократил выработку колбасных изделий соответственно на 36%. Кризис «прошелся» и по молочным предприятиям. За девять месяцев 1998 г. на 33% сократилось производство сливочного масла²⁴.

²⁰ Подарок от Красного Креста // Время. 1999. 29 апреля. С. 1.

²¹ От американских щедрот // Земля Тулунская. 1999. 7 августа. С. 2.

²² Хлеб для малоимущих // Новые горизонты. 1999. 10 октября. С. 2.

²³ Пруцков Г. Голодным иркутянам – от сытых американцев // Восточно-Сибирская правда. 1999. 14 сентября. С. 3.

²⁴ Богачев Е. Еда наша – хлеб да каша... В Приангарье падает производство основных продуктов питания // СМ. 1998. 21 октября. С. 3.

Согласно распоряжению губернатора Ю.А. Ножикова «О мерах погашения задолженности по товарному кредиту 1996 г.», местные производители сельскохозяйственной продукции должны были заключить договоры на поставку продуктов питания с учреждениями социальной сферы²⁵. Приведем один из положительных примеров такого партнерства: «Мясо бройлеров пошло не только в магазин, но и в детские сады, больницы и другие муниципальные учреждения в счет погашения зернового кредита», – сообщил директор Братской птицефабрики А. Панькин. Для производителя это был очень выгодный вариант в условиях финансового кризиса, когда цены на импортные продукты стали запредельными. Так в г.Братскепродуктам птицефабрики удалось потеснить «заморские» поставки²⁶.

В 1999 г. дестабилизация потребительского рынка сохранялась, поскольку более половины продовольственных товаров в Приангарье привозилась извне: молока – 40%, мяса – 60%, муки – 50%, масла животного – 85%, крупы – 90%, макаронных изделий – 80%. Положение усугублялось еще и тем, что в области не хватало сырья для перерабатывающих предприятий. Еще в 1994 г. население региона сдавало более 50 тыс. тонн мяса ежегодно, в 1998 г. – лишь 8 тысяч. В результате мясокомбинат «Усольский» (г. Усолье-Сибирское) 70% сырья закупал за пределами области и за рубежом, что, в свою очередь, вело к повышению цен на продукцию²⁷.

В 1999 г. практически все предприятия г.Братска, выпускающие продукты питания, за исключением ОАО «Братский комбинат хлебопродуктов», повысили объемы производства. Ими было произведено пищевой продукции на 163,1 млн. рублей (127 % к уровню 1998 г.). В 1999 г. ЗАО «МПК «Падунский» увеличил по сравнению с 1998 г. среднемесячный выпуск мясопродуктов на 38,8%. В июле 1998 г. с приходом нового руководства, получил второе рождение Братский рыбозавод. В целом по городу, по сравнению с 1998 г., на 12,3% больше было произведено цельномолочной продукции, на 36,3% – хлеба и хлебобулочных изделий²⁸.

Пример слаженной работы предприятий пищевой промышленности и местной администрации в гг. Братске, Саянске, Ангарске и других городах Иркутской области позволяет оценить возможности муниципальных властей по решению задач продовольственного обеспечения населения. Повышение экономической эффективности предприятий пищевой промышленности дополнялась постепенным улучшением рыночной конъюнктуры, ростом денежных доходов населения и покупательского спроса. Таким образом, уже к концу 1990-х гг. сложились все условия для достижения относительного продовольственного изобилия как за счет продуктов, произведенных в Иркутской области, так и за счет завозимых продовольственных товаров из других регионов РФ, и из-за рубежа.

THE PROBLEM OF FOOD SUPPLY TO THE POPULATION OF CITIES IN THE ANGARA REGION IN THE 1990S

In the 1990s, in the cities of Irkutsk region food security was enough. The increase of economic efficiency of enterprises of food industry was supplemented by the gradual improvement of the market conditions, growth of monetary incomes and consumer demand. Thus, by the end of the 1990s, there are all the conditions for achieving relative food abundance as by-products produced in the Irkutsk region, and at the expense of imported food products from other regions of Russia and from abroad.

T.P. UROZHAEVA

Irkutsk State University

e-mail: olgoy@ya.ru

Key words: food security, structure of consumption, the rate of products, retail prices, food aid, food industry.

²⁵ Пищепром – социальной сфере // Восточно-Сибирская правда. 1996. 24 октября. С. 2.

²⁶ Монахов В. Потесним «ножки Буша» // Торговая газета. 1998. 6 ноября. С. 4.

²⁷ Пищевая промышленность Иркутской области в 1998 году. Стат. сб. Иркутск. 1999. С. 42-43.

²⁸ Будем сыты! // Знамя. 2000. 29 апреля. С. 1.

УДК 271.2:316.3/7

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕРКОВНОЙ ПОЗИЦИИ К ПРОЦЕССАМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОФИЦИАЛЬНЫЙ И ВНУТРИЦЕРКОВНЫЙ ДИСКУРСЫ

В статье исследуются особенности оценки священнослужителями РПЦ процессов глобализации. На основании исследований материалов синодальных решений, Архиерейских Соборов, выступлений, заявлений священнослужителей, работ православных публицистов определяются основные принципы официальной позиции высшего церковного руководства, а также анализируется внутрицерковный дискурс отношения к последствиям глобализации.

На основе анализа материалов работы Архиерейских Соборов и синодальных решений автором делается вывод, что проблема глобализации воспринималась священнослужителями как одна из самых значимых. В начале XXI века оценка РПЦ глобализации сформировалась. Выражение официальной позиции РПЦ в отношении глобализации отличается сдержанной, дипломатичной и компромиссной риторикой. Тезисы, сформулированные в концепции, позволяют Церкви оставаться на «нейтральной» позиции и дают возможность вести диалог с субъектами глобализации.

Глобализация признается как данность современной эпохи, РПЦ может бороться только с негативными ее проявлениями. Однако радикальный дискурс оценки глобализации в церкви и в православной среде все же является преобладающим: целью борьбы являются не последствия глобализации, а сама глобализация как парадигма, угрожающая христианству.

Ключевые слова: церковь, глобализация, РПЦ, Патриарх, священнослужители, секуляризм, официальная позиция.

А.В. ЕРЕМИН

*Ярославский
государственный
педагогический
университет
им. К.Д. Ушинского*

e-mail: a.eremin@yspu.org

В постсоветской России одной из главных задач для Русской Православной Церкви стала необходимость выработки своей позиции к процессу глобализации, который стал главной парадигмой современного мира. На протяжении 90-х годов XX века Патриарх Алексий II выступал с критикой всех безнравственных реалий современного мира, которые несет с собой глобализация. Еще в 2003 году митрополит Кирилл (впоследствии Патриарх Кирилл) обращал внимание на пагубные последствия глобализации для общества.

Критический анализ социальной действительности иерархами Церкви осуществлялся на протяжении всего последнего десятилетия XX столетия. Критически оценивали действительность как рядовые церковнослужители, так и высшие церковные иерархи. Эта особенность нашла свое выражение и в факте формирования, и в содержании социальной концепции РПЦ. Если проанализировать заявления церковных Соборов, Святейших Синодов, послания и речи Патриарха, влиятельных церковных иерархов и других представителей Церкви, то можно составить отчетливое представление о бедах и проблемах, которые заботили РПЦ¹.

В начале второго десятилетия XXI века российское общество переживает нелегкий период: не только материальная сфера, но и нравственная находятся в удручающем состоянии, поэтому это не может не волновать Церковь. Позиция РПЦ на протяжении постперестроечного времени изменялась в более радикальную сторону, то есть критический взгляд Церкви на существующую жизнь постоянно усиливался.

В XXI веке критические оценки приняли конкретную форму предостережения о негативном влиянии глобализации. Однако следует предположить, что антиглобализационный дискурс был не инициирован, а скорее «подхвачен» Московским Патриархатом и конкретно Патриархом Кириллом. Истоки развития этого дискурса следует искать в среде рядовых священников и прихожан. С началом умеренной антиглобалистской риторики Патриарха Кирилла дискурс антиглобализма получил официальную церковную поддержку.

Как известно, митрополит Кирилл был главным идеологом и разработчиком принятой Юбилейным Архиерейским Собором 2000 года «Социальной концепции Рус-

¹ Обращение Патриарха Алексия II к законодателям // Журнал Московской Патриархии. 1995. № 5. С. 23; Заявления священников Синода РПЦ от 1 марта 1996 // Журнал Московской Патриархии. 1996. № 4-6. С. 6-13; Доклад Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Юбилейном Архиерейском соборе // Журнал Московской Патриархии. 2000. № 9. С. 16-54 и др.

ской Православной Церкви». В концепции не дается четкого определения глобализации, а также процессы глобализации не связываются с ситуацией в России, но все же в концепции звучат некоторые предостережения: «признавая неизбежность и естественность процессов глобализации, во многом способствующих общению людей, распространению информации, эффективной производственно-предпринимательской деятельности, Церковь в то же время обращает внимание на внутреннюю противоречивость этих процессов и связанные с ними опасности. ... Церковь ставит вопрос о всестороннем контроле за транснациональными корпорациями и за процессами, происходящими в финансовом секторе экономики. ... Духовной и культурной экспансии, чреватой тотальной унификацией, необходимо противопоставить совместные усилия Церкви, государственных структур, гражданского общества и международных организаций ради утверждения в мире подлинно равноправного взаимообразного культурного и информационного обмена, соединенного с защитой самобытности наций и других человеческих сообществ....В целом вызов глобализации требует от современного общества достойного ответа, основанного на заботе о сохранении мирной и достойной жизни для всех людей в сочетании со стремлением к их духовному совершенству. Помимо сего, необходимо достичь такого мироустройства, которое строилось бы на началах справедливости и равенства людей перед Богом, исключало бы подавление их воли национальными или глобальными центрами политического, экономического и информационного влияния»².

В 2003 году в телепередаче «Слово пастыря», будучи еще в то время председателем ОВЦС, митрополит Кирилл отметил, что остановить глобализацию невозможно, а интеграция мира – дело естественное. Глобализация может иметь и положительные эффекты, но у нее есть очень негативные последствия. Патриарх Кирилл подчеркнул, что эти опасности могут возникать в политической, экономической и, самое главное, в культурной, информационной и правовой сферах. Политические последствия – это потеря суверенитета, прежде всего, слабыми и неразвитыми странами, экономические – власть сосредотачивается в руках транснациональных корпораций, бюджет которых больше чем бюджет многих государств. Эти финансовые центры определяют мировую экономическую политику выгодную им. Определенные силы, владеющие финансовыми капиталами, могут контролировать и СМИ, что часто нарушает свободу слова, так как свобода становится мнимой, в условиях, когда СМИ работают «по заказу». Главная опасность в том, что уже сейчас есть проблема расхождения христианских и светских ценностей. По сути дела, под влиянием глобализации меняется аксиологическая составляющая социокультурного контекста религиозной жизни (вспомним, что в начале XX века Н.А. Бердяев писал об «опрокидывании ценностей» как характерной особенности жизни вне России, но к началу XXI века эта проблема приобрела актуальность и для России). В новой системе ценностей отсутствует понятие греха, только понятие человеческих прав и свобод. В центре новых светских ценностей греховный, падший человек «растрачивающий свой потенциал во имя реализации похоти плоти... Если такие идеи станут господствующими в мире, то глобализация обернется духовным рабством и духовной гибелью людей. Церковь настаивает на том, чтобы не было господства одной идеологической системы. Мир может объединяться только на основе духовной свободы. Не может быть духовного диктата. И в этом смысле Церковь настаивает на необходимости многополярного мира. Не только в смысле полюсов политической власти, но и в смысле присутствия на нашей планете разных взглядов и убеждений, среди которых должны присутствовать христианские взгляды и убеждения. Потому что только тогда у человека остается надежда на спасение... Дай Бог, чтобы глобализация никогда не бросила вызов христианским ценностям, без которых не может жить человек!»³.

Следовательно, можно признать, что проблема глобализации к настоящему времени осознана РПЦ как первостепенно значимая.

Патриарх Кирилл в ходе социокультурных акций, в заявлениях, выступлениях, интервью действует как мыслитель и культуртрегер эпохи глобализации, стремясь оказывать воздействие не только на паству в ходе богослужебной практик, но и на максимально широко понимаемый социум.

² Основы социальной концепции Русской православной церкви. М., 2000. С. 60.

³ Митрополит Кирилл. Об отношении церкви к идеям глобализации. Телепередача «Слова пастыря». 2003 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tv-soyuz.ru/aboutchannel/at1186?start=30>

Выступая в Российском государственном университете имени Канта в Калининграде в 2009 году, Патриарх Кирилл отметил, что в эпоху глобализации Россия должна научиться отвергать чуждые ей ценности и защищать свои: «только защищая ценности своей национальной культуры, российский народ «не потеряется на развилках и перипетиях глобализации, но станет носителем яркого и сильного национального самосознания и сможет критически относиться ко всему, что этому не соответствует»⁴.

Антиглобалистская направленность выступлений патриарха Кирилла все четче прослеживалась в его выступлениях с начала XXI века. Однако стоит отметить, что эта риторика была скорее взвешенной и сдержанной, чем радикальной и резко критической. В сложных условиях влияния глобализационных процессов на все сферы жизни общества, в условиях, когда глобализация стала скорей реальностью жизни и главной парадигмой бытия, Церковь не могла вступить в открытый конфликт с действительностью. Такой конфликт был бы чреват конфликтом со всеми институтами государства, включая власть. Сама РПЦ тоже являлась частью социума, и ставить себя в асоциальные рамки было делом безнадежным. «Церковь не отделена от общества» – об этом заявляли все иерархи, включая самого Патриарха. А если это так, то Церковь вынуждена не вступать в конфликт с существующей реальностью, а выработать новую программу своей социокультурной деятельности. Или, точнее сказать, предложить новый дискурс православного мировосприятия современного человека. В светском понимании мировосприятия, в основе которого находится нравственность, духовность и традиции.

18 марта 2010 года Патриарх Кирилл посетил Ереванский государственный университет. Выступая перед студентами, он оценил современные секулярные ценности, по которым живет современный мир. Он также проанализировал ключевые позиции современной системы ценностей и обратил внимание на те мировоззренческие конфликты и проблемы, которые несет глобализация.

Проблема глобализации, казалось бы, органично выводит рассуждения служителей Церкви на одну из важнейших аксиологических компонент социокультурной практики – свободу. Однако следует учитывать традиции понимания свободы в религиозном сознании.

Ключевая ценность современного мира – свобода, по мнению Патриарха, понимается искаженно: «сегодняшнее понимание свободы имеет в своей основе идею человеческой автономии – утверждается, что человек автономен от других, от социума и от Бога, а потому он является критерием истины. Современная либеральная философия и рассматривает индивидуум как критерий истины: сам человек определяет, что хорошо, а что плохо. Ни общественные институты, ни Церковь не имеют никакого привилегированного права определять критерий нравственной истины – только сам человек. Возможно, это было бы правильно, если бы в нашу природу не вошел грех»⁵.

Убеждение в том, что человеку не нужно мешать быть свободным привело современное общество к тому, что христианство стало восприниматься им как тирания над личностью. Такая ситуация привела к тому, что стираются границы между добром и злом: «Само проставление человека в центр бытия и передача ему права быть критерием нравственной истины имеет страшные для человечества последствия: происходит смешение святости и греха, добра и зла, правды и лжи. Появились даже такие термины – постмодернистское общество, философия постмодерна, которая вообще исключает понятие объективной истины, а вместо объективной истины предлагает идею плюрализма мнений: каждый имеет право на свою истину, и никто не имеет права никого судить. Нельзя сказать: «ты прав», «ты виноват», потому что каждый может сказать: «я так считаю». Исходя из либеральной философии и философии постмодерна, каждый человек признается носителем права быть критерием, в том числе для определения нравственной правды. Но если мы теряем различие между добром и злом, правдой и ложью, если мы воспитываем в идее человеческой автономии подрастающее поколение, то, как же мы будем отличать добро от зла?»⁶

⁴ Патриарх Кирилл. В эпоху глобализации Россия должна научиться отвергать чуждые ей ценности и защищать свои. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://jesuschrist.ru/news/2009/3/24/15669>.

⁵ Патриарх Кирилл. «В условиях глобализации самая большая опасность – это разрушение традиции» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/svyatejshij-patriarx-kiрилл-v-usloviyax-globalizacii-samaya-bolshaya-opasnost-eto-razrushenie-tradicii/>

⁶ Патриарх Кирилл. «В условиях глобализации самая большая опасность – это разрушение традиции».

Свобода, по мнению Патриарха Кирилла, – это, прежде всего, свобода от греха, а неполная автономия человека: «свобода, как говорит слово Божие, есть, в первую очередь, свобода от греха, свобода от зла. Если мы делаем выбор в пользу добра, тогда свобода реализуется в соответствии с Божиим замыслом. Тогда и создается личность, тогда и создаются добрые общественные отношения, тогда Бог присутствует в истории. К сожалению, эта евангельская концепция свободы сегодня оспаривается либеральным философским подходом. Я думаю, что абсолютное большинство людей, живущих сегодня на нашей планете, сохраняют способность отличать добро от зла. Но особенно важно, чтобы Церковь никогда и ни при каких обстоятельствах — ни под прямым давлением сильных мира сего, ни под изощренным философским влиянием, ни через стандартизацию мышления, которая происходит в системе образования, ни через влияние стандартов масс-медиа и моды — не изменяла Божественному критерию и всегда сохраняла мужество и способность говорить людям, где добро, а где зло, и воспитывать людей в свободе, которая ведет человека к личному развитию и помогает ему обрести силу к тому, чтобы совершенствовать мир»⁷.

Суждения Патриарха Кирилла позволяют установить, что иерарх РПЦ непосредственно видит опасность глобализации в господстве культа потребления, стираются все традиции, которые являются главным носителем критерий добра и зла: «Сегодня вся массовая культура направлена на потребление... Ну, а если, как я сказал, будет демонтировано духовное измерение, сняты все табу и человек будет взвинчивать планку потребления, что и происходит в некоторых странах? Это животная жизнь — она подавляет творческое и духовное начала. В результате из жизни уходят очень важные ценности, такие как подвиг, жертва, любовь к Отечеству, к ближним своим, способность пожертвовать собой ради другого.. Но самое важное, о чем нужно помнить — что с разрушением духовного начала, самой способности ориентировать свободу в сторону добра мы открываем простор для развития инстинктивного начала человеческой жизни и губим человека... Традиция — это механизм передачи ценности от одного поколения к другому. В традицию включаются не только ценностные измерения, но и культурные — мы говорим о культурной, национальной традициях, традициях в литературе, изобразительном искусстве, музыке. Но сердцевинной традицией является система ценностей. Каким образом формируется нравственный облик поколения? Предыдущее поколение передает следующему систему ценностей — через учебники, книги или непосредственно... Ценности, которые сформировали, в том числе, и наши нации, передаются через традицию. Вот почему сегодня, в условиях глобализации, самая большая опасность — это разрушение традиции как механизма передачи ценностей от одного поколения к другому»⁸.

Итак, с точки зрения РПЦ, последствия глобализации представляют угрозу современному обществу. В частности Патриарх обращает внимание на те аспекты, о которых говорили философы, социологи, историки в XX веке. Задача церкви оставаться хранителем традиций и нести в общество религиозные основы понимания свободы.

Официальная позиция РПЦ, которую высказывал Патриарх и высшее духовенство, разделялась не всем духовенством. Анализ интерпретации глобализации в среде священников, не имеющих должности в Московской Патриархии, а также в среде православных публицистов, позволяет отметить наиболее радикальный уровень оценки глобализации.

С точки зрения православных авторов, понятие «глобализация» является нечетким и неясным. Она воспринимается скорее как глобальная ложь, за которой скрываются слуги Антихриста, целью которых является установление власти над миром. Такой позиции придерживается, например, публицист В. Филимонов, митрополит Агафангел («глобализация – выстроенная антихристианская система мирового зла»⁹). О том, что в России существует организованный террор в СМИ с целью разрушения русского самосознания и духовности заявлял Епископ Владивостокский и Приморский Вениамин¹⁰.

На VII пленуме Синодальной Богословской комиссии Русской Православной Церкви, состоявшемся в Московской Духовной Академии 19-20 февраля 2001 г., Архимандрит Алипий (Кастальский-Бороздин) отмечал, что «глобализация – это антихристи-

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Филимонов В. Но избави нас от лукавого. СПб., 2004. С. 20, 10, 25; Душенов К. Выбор судьбы. Проблемы современной России глазами русских архиереев. СПб., 1996. С. 204.

¹⁰ Архимандрит Алипий (Кастальский-Бороздин). Глобализация как инструмент апостасии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/sobytia/sbk-inn/alipij.htm>

анская идеология создания «нового мирового порядка» с единым управляющим сверхнациональным центром. По замыслу его строителей, это планетарное государство, созданное на развалинах существующих государств, должно иметь единую религию, единую культуру, единое экономическое и политическое пространство... Глобализационные процессы осуществляются под руководством политико-финансовой элиты развитых стран. Существование уже сегодня такого надгосударственного центра подтверждается идеологами глобализации в нашей стране»¹¹.

По словам Архимандрита Алипия, религия будущего – это синтез всех мировых религий (христианства, ислама, иудаизма, буддизма и индуизма). По его мнению, в массы уже несколько десятилетий назад выброшен тезис о постхристианском мире и о необходимости создания новой религиозной парадигмы «Нью Эйдж». Православные оказываются подозреваемым и преследуемым меньшинством. Он приводит слова апостола Павла, как пророческие, о том, что люди в последние времена будут вести безнравственную жизнь, отступив от христианства. Как проявления глобализации называются: массовая культура, пропаганда насилия, цинизма, разврата, культ удовольствий и денег. Формируются люди, которые без имени, без Родины, без культурной идентификации. Ссылаясь на слова директора Всемирной организации здравоохранения при ООН: «Чтобы прийти к созданию единого мирового правительства, необходимо освободить людей от их индивидуальности, от привязанности к семье, национального патриотизма и религии, которую они исповедуют», делается вывод о том, что главная задача для глобалистов – разрушение основ человеческой цивилизации: религии, государственности, семьи, патриотизма. В качестве аргументов приводятся и высказывания сторонников глобализации. Например, Жака Аттали (советника Франсуа Миттерана) о том, что наступает третья эра в жизни человечества – «эра денег», эпоха, когда человека будут воспринимать как товар, а высшей формой жизни будет «кочевничество» при котором люди будут лишены чувства Родины, веры предков, жить интересами потребления и зрелищ: «Кочевники будут регулироваться через компьютерные сети в глобальном масштабе. Каждый кочевник будет иметь специальную магнитную карточку со всеми данными о нем и, прежде всего, о наличии у него денег. И горе тому, кто окажется лишенным денег, и кто угрожает мировому порядку!»¹².

В качестве аргументации Архимандрит Алипий приводит слова теоретика мондиализма С. Хантингтона о том, что Россия является «страной, предназначенной для разрыва», слова бывшего премьер-министра Великобритании Мейджора о том, что: «Задача России... – обеспечить ресурсы благополучные страны. Но для этого им нужно всего пятьдесят-шестьдесят миллионов человек»¹³, слова Д.Бжезинского о главном враге – православии и др. Архимандрит Алипий делает вывод о том, что глобализация ведет к единому компьютерному концлагерю, где человек обезличен и беззащитен перед системой. В соответствии с этим выводом подбираются и факты. Заявления высших государственных лиц о поддержке глобализации, присвоение ИНН, проект тотальной электронной регистрации граждан, получивший название «Государственный регистр населения Российской Федерации» (АС ГРН) с целью создания «многофункциональной интеллектуальной карты», способной контролировать жизнедеятельность человека по многим параметрам, в том числе касающимся его личной жизни. Как переход к компьютерному управлению – это единые карты учета персональной информации гражданина (например, карта Москвича) за счет финансирования не только государством, но транснациональными корпорациями, например, «ORACLE» – одной из основных разработчиков систем базы данных для Пентагона и Шенгенской зоны. Помимо этих фактов, также в выступлениях православных иерархов и авторов указывается: инициативы государства по переходу на безналичные расчеты, идеи о сокращении денег и постепенный переход к практике введения чипов в тело человека в будущем по примеру некоторых зарубежных государств. В качестве вывода архимандрит Алипий отмечает: «Православный русский народ осознает пагубность глобализации, первым шагом к которой является присвоение личных номеров, а затем и электронных документов с единым личным номером. Сегодня было бы необходимо Русской Православной Церкви возвысить свой голос в защиту верующих. Просить правительство РФ отказаться от глобализационных программ, как опасных для России, и от тоталитарных форм учета, ущемляющих свободу граждан и смущающих религиозные чувства верующих.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

Просить органы Государственной власти РФ по примеру Украины и Белоруссии предоставить населению России возможность не принимать по религиозным убеждениям личные номера и электронные документы, содержащие закодированные идентификаторы личности»¹⁴. Необходимо отметить, что это позиция высказывалась в процессе работы официальной комиссии РПЦ и поддерживалась ей, что ставит подобные мнения и оценки в разряд официальных, пусть и не поддержанных открыто Патриархом.

Для определения особенностей интерпретации глобализации в церковной среде также представляет интерес издание антиглобалистского публициста В. Филимонова: «Архипастыри, пастыри и монашествующие Русской Православной Церкви о глобализации и цифровом кодировании людей»¹⁵. Эта книга заслуживает внимания тем, что в ней собрана масса примеров мнений православных иерархов о глобализации. Книгу благословил патриарх Алексий II. Так, например, в издании опубликовано «Послание» Синода Украинской православной церкви Московского патриархата от 29 декабря 2003 года, в котором нумерация электронной идентификации с числом 666 оценивается шаг на пути к антихристу. В этом видится подавление свободы, глобализации, признаки будущего сверх тоталитаризма. Схожие характеристики делаются и другими синодами РПЦ, монахами, иереями архиереями, богословами, православными преподавателями¹⁶.

Интерес представляет и издание культуртреггера современного православия Андрея Кураева – «Сегодня ли дают печать Антихриста?» Он отмечает, что в самой Церкви были споры по поводу электронного кода, но все же победила точка зрения о том, что нужно выступать против «печати Антихриста». Так, он пишет: «Случилось, что для государства перестало быть существенным, какое имя вам дала мать. Для государства перестало иметь какое-либо значение и то, какое имя вы получили при крещении. По логике, государству нужно, чтобы имя тебе дала компьютерная машина... Техническое решение, согласно которому человек в электронной базе данных фигурирует как число, содержащее 12 цифр, которые при помощи трех линий разбиваются на три группы, причем каждая новая группа начинается с шестерки. Таким образом, цифры из области математики перешли в область проблемного поля религии»¹⁷.

Анализ официальных заявлений духовенства РПЦ позволяет сказать, что крайне резкая негативная оценка последствий глобализации высказывалась и священниками высшего уровня – архиепископами и митрополитами.

Так, 4 февраля 2004 года митрополит одесский и измаилский Агафангел на VII Всероссийском народном соборе, отметил, что в России появилась проблема разрушения христианских и традиционных ценностей, что России и всему православному миру брошен вызов глобализма, который ведет к регрессу человечества и к Антихристу. Разоблачение лжи глобализации есть главная задача православия. О хаосе и подчерке Антихриста говорит и Архиепископ брюссельский и бельгийский Симин¹⁸.

Таким образом, можно отметить, что в среде духовенства «на местах» преобладает наиболее резкий, негативный подход. Такое отношение к последствиям глобализации не могло не оказывать влияние на синодальные решения и на процесс принятия официальных церковных документов.

В официальном Послании Синода РПЦ от 7.04.2000 звучит протест против кодификации. «В последнее время российские власти при помощи некоторых организаций пытаются собрать сведения о гражданах. Данная информация предназначена для хранения в государственном компьютерном архиве. Подобный акт вызывает обеспокоенность верующих, которые опасаются абсолютного контроля над личной и общественной жизнью человека, также пугает полная свобода тех, кто отвечает за информацию, которая может содержаться на упомянутых карточках... В то же время, Священный Синод обращает внимание государства на то, что данные действия противоречат праву на личную жизнь, признаваемому как во всем мире, так и Конституцией Российской Федерации, га-

¹⁴ Филимонов В. Архипастыри, пастыри и монашествующие Русской Православной Церкви о глобализации и цифровом кодировании людей. СПб., 2004.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Кураев, А. Сегодня ли дают печать антихриста? // Русская Православная Церковь об ИНН. Ростов н/Д., 2001. С. 7-8.

¹⁷ Филимонов В. Архипастыри, пастыри и монашествующие Русской Православной Церкви о глобализации и цифровом кодировании людей. С. 23-24.

¹⁸ Там же. С. 65-66.

рантирующей сохранность информации о частной жизни человека и запрет доступа к ней без личного согласия субъекта (статья 24)»¹⁹.

Анализ материалов работы Архиерейских Соборов и синодальных решений позволяет сказать о том, что проблема глобализации воспринималась священнослужителями как одна из самых значимых. Проблему глобализации обсуждали и на Юбилейном архиерейском Соборе 2000 года. Общая мысль заявлений – Церковь должна противопоставить себя тем инициативам и той власти, которая способствует нарастанию новых гонений на церковь, более страшных, чем в эпоху атеизма. Компьютерный контроль за личностью, при которой компьютеры будут контролировать результат «полоскания мозгов» людям телевизорами не мыслим²⁰.

7 марта 2000 года Синод принял решение о проведении диалога с властями по вопросу борьбы с глобализацией. Также было отмечено, что убеждение в том, что отрицание всех последствий глобализации – личная обязанность христиан является неправильным. Такая позиция может привести к расколу в церкви²¹.

В основах социальной концепции РПЦ, принятых Юбилейным Архиерейским собором 2000 года, была сформулирована официальная позиция РПЦ в отношении глобализации. Эта позиция отличается сдержанной, дипломатичной и компромиссной риторикой. Тезисы, сформулированные в концепции, позволяют Церкви оставаться в «нейтральной» позиции и оставляют возможность вести диалог с субъектами глобализации.

Таким образом, в начале XXI века оценка РПЦ глобализации сформировалась. Позиция высшего церковного руководства менее радикальна: глобализация признается как данность современной эпохи, РПЦ может бороться только с негативными ее проявлениями. Однако радикальный дискурс оценки глобализации в церкви и в православной среде все же является преобладающим: целью борьбы являются не последствия глобализации а сама глобализация, как парадигма, угрожающая христианству.

THE FORMATION OF THE CHURCH POSITION TO GLOBALIZATION: THE OFFICIAL CHURCH AND INTERNAL DISCOURSES

The article studies the features of assessing of globalization processes by the clergy of the Orthodox Church. The main principles of the official position of senior leadership in the Church are defined on the base of the research materials of synodally solutions bishops' Councils, speeches, statements priests, works of Orthodox journalists. The internal discourse of relation to the effect of globalization is analyzed.

Based on the analysis of the work of the Episcopal Cathedrals and Synodal decisions the author concludes that the issue of globalization was perceived by the clergy as one of the most important problem. In the beginning of XXI century, the estimation of the ROC globalization was formed. The official ROC position in respect of globalization differs discreet, diplomatic, and compromise rhetoric. Formulated in the concept theses allow the Church to remain in “neutral” position and leave the opportunity for dialogue with the subjects of globalization.

Globalization is recognized by ROC as given the modern era, the ROC is able to deal only with its negative manifestations. However, radical discourse assessment of globalization in the Church and in the Orthodox environment is predominant: the aim of the struggle is not the consequences of globalization but the globalization as paradigm, threatening Christianity.

Keywords: Church, globalization, the Russian Orthodox Church, Patriarch, priests, secularism the official position.

A.V. EREMIN

*Yaroslavl State
Pedagogical University
K.D. Ushinskiy*

e-mail: a.eremin@yspu.org

¹⁹ Шпатаков, В. Годовникова, К. Церковь о нашем времени / В. Шпатаков, К. Годовникова. М., 2000. [Книгу благословил патриарх Московский и Всея Руси Алексий II]. С. 25-26.

²⁰ Там же. С. 27.

²¹ Там же. С. 30-31.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 321.6/8; 323.2

РАСПАД ГОСУДАРСТВА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

В.Ю. КРАВЧЕНКО

*Днепропетровский
национальный университет
им. Олеса Гончара, Украина*

e-mail: Darkliths@rambler.ru

Определяются специфика и актуальные закономерности трансформации природы современного политического насилия в условиях кризиса и распада государства. Проанализированы главные аналитические подходы к проблеме взаимозависимости политического насилия в несостоявшихся государствах и разрушения монополии на легитимное применение силы.

Ключевые слова: политическое насилие, трансформация, слабые и недееспособные государства, международная безопасность, легитимность.

Общепризнанным является тот факт, что значительное количество современных транснациональных угроз и рисков поступают из неудачных и неуправляемых государств. Современная история человечества дает нам достаточное количество эмпирического материала. От полного краха государственных институтов в Сомали и распада бывшей Югославии, к глубокому политическому кризису, насилию и нестабильности в Руанде, Гаити, Либерии, Конго, Сьерра-Леоне, Афганистане. В рамках политической науки такие тенденции привели к значительному распространению концепций слабых, гибнущих и неудачных государств (*weak, failing, failed*), которые рассматриваются в качестве одного из основных источников современного политического насилия, нестабильности и угроз.

Изучению данного вопроса в политической науке, так или иначе, свои работы посвятили Р. Лем, Р. Гайс, Д. Тюрер, Р. Ротберг, Дж. Розенау, Г. Хеллман, С. Ратнер А.С. Орбелян, М. Минаев и Ф. Попов. Большинство из этих исследователей согласны с тем, что можно говорить о разной степени государственной слабости и недееспособности, а, следовательно, отличается и уровень потери государственной монополии на легитимное насилие. Распространение недееспособных государств пришлось на 90-е годы XX века и было связано с появлением новых государств, быстрой сменой границ, общей нестабильностью и усилением процессов глобализации. По поводу этого Дж. Розенау заявляет о бифуркации тогдашней мировой политики, что привело к стремительному формированию новых негосударственных акторов, которые начали на свое усмотрение использовать силовые инструменты и формировать новые модели политической легитимности¹. Кризис легитимности слабых государств, проявляется в том случае, когда их институты не способны поддерживать общественно-политическое доверие и больше не признаются обществом в качестве основного источника власти. Л. Эдвардс небезосновательно считает, что нетрадиционные

¹ Rosenau J.N. Governance in the twenty-first century // Global Governance. 1995. № 1. P. 13-43.

модели легитимности политического насилия, скорее всего, основаны на отношениях покровительства и клановости, которые значительно отличаются от принципов рационально-правовой модели предложенной М. Вебером². В недееспособных и неудачных государствах кризис легитимности подрывает систему конструктивной связи между институтами государства и обществом, ослабляет государство и приводит к росту насилия. Так происходит из-за формирования новых источников легитимности, между которыми возникает конфликт, который не позволяет установить приемлемые правила игры.

Популяризация концепции «государств-неудачников» началась в 1993 году благодаря докладом М. Олбрайт в рамках ООН, в которых она одной из первых подчеркнула специфику угроз, источником которых могут быть такие государственные образования. В дальнейшем, к данной проблеме обратились американские исследователи Г. Хелман и С. Ратнер, которые в 1993 году в своей работе «Сохранение несостоятельности государств» выступали за передачу ООН права осуществлять управление неуправляемыми территориями в любой точке мира. В их понимании недееспособные государства не в состоянии поддерживать функционирование своих жизненно важных институтов и структур, а значит, несут в себе угрозу, как для собственных граждан, так и для международного сообщества³. Одна из первых попыток проанализировать и обосновать зависимость между коллапсом государства и формированием на его территории новых субъектов политического насилия была сделана Уильямом Зартманом в работе «Крах государства», которая была опубликована в 1995 году. Он описал упадок государства, как ситуацию, когда оно больше не может выполнять большинство своих жизненно важных функций⁴.

В дальнейшем углубленное изучение данной проблематики было осуществлено американским исследователем К. Пауэллом, для которого недееспособность и слабость государства проявлялась в том случае, если его институты не могут и/или не желают обеспечивать граждан основными благами. В таком случае, государства могут прекратить свое существование во всем кроме названия, и все члены общества окажутся перед угрозой анархического, неконтролируемого и частного насилия⁵.

В настоящее время в политической науке отсутствует единое видение проблемы неудачной государственности и порожденных этим фактом угроз. Значительное количество исследователей соглашаются с тем, что сила и дееспособность государства является относительным понятием, которое почти невозможно адекватно измерить, а поэтому лучше осуществлять анализ поддержания основных функций: уровня физической безопасности, законных политических институтов, социального обеспечения. Большое количество государств имеют существенные недостатки в функционировании одного или двух уровней, но о полном коллапсе государства можно говорить при условии провала государства по всем трем направлениям.

Начало систематических исследований проблемы трансформации политического насилия под влиянием ослабления института государства связывают с деятельностью американского Центра по глобальному развитию (Center for Global Development), создание которого стало ответом на террористические акты 11 сентября 2001 года. Выбор исследователями Центра, в качестве предмета исследования, слабых и недееспособных государств обусловлен тем, что в начале XXI века их стали рассматривать в качестве главного источника распространения бедности, политического насилия и экстремистских движений (идеологий). Кроме уже упомянутого Центра по глобальному развитию, сегодня существует несколько других ведущих исследовательских центров (как международных, так и национальных), занимающихся изучением проблемы политического насилия и слабых государств:

1. Американский Фонд мира (Fund for Peace), который вместе с журналом «Foreign Policy» с 2005 года ежегодно публикует «Показатель неудачных государств».
2. Центр по изучению кризисных государств (Crisis States Research Center).
3. Центр оборонной информации США (Center of Defense Information).
4. Всемирный Банк (World Bank).

² Эдвардс Л. Государственное строительство в Афганистане: случай свидетельствующий о наличии ограничений? // Международный журнал Красного Креста. 2011. № 880-881. С. 114.

³ Helman G. Ratner S. Anarchy rules: Saving Failed States // Foreign Policy. 1992. Vol. 89. № 3. P. 4.

⁴ Zartman W. Collapsed States: The Disintegration and Restoration of Legitimate Authority. London, 1995. P. 304.

⁵ Cojanu V., Popescu A. Analysis of Failed States: Some Problems of Definition and Measurement // The Romanian Economic Journal. 2007. № 25. P. 115.

5. Департамент международного развития Великобритании (the United Kingdom's Department for International Development).

6. Комиссия США по национальной безопасности и слабости государств (the Commission on Weak States and US National Security).

7. Агентство по международному развитию (United States Agency of International Development – USAID), которое в 2005 году предложило два понятия, которые лучше всего характеризуют специфику политического насилия в условиях слабой государственности:

- кризисные государства (crisis state) – Судан, Сальвадор, Афганистан, Сьерра-Леоне;

- уязвимые государства (vulnerable state) – Индонезия, Македония, Сербия.

Также, существует целый ряд других академических и государственных аналитических центров, которые, так или иначе, посвятили свои исследования неудачным государствам. Так, в 2008 году Институт Брукинга предложил «Индекс государственной слабости развивающихся стран», который был призван дать оценку способности государств выполнять свои базовые функции и предупредить распространение политического и уголовного насилия. Почти в этот же период университет Джорджа Мейсона разработал «Индекс хрупкости государств»⁶, а университет Мэриленда – «Индекс нестабильности, мира и конфликтов»⁷, которые ранжировали государства в соответствии с уровнем угрозы политического насилия. Современные аналитические центры все чаще подчеркивают, что государства со слабым или отсутствующим управлением неспособны контролировать свои границы, что позволяет транснациональным преступным и террористическим группировкам использовать их территорию для расширения собственных сетей. По данным исследователей университета Мэриленда, с 1991 по 2001 годы большинство террористических организаций базировались на территориях слабых и бедных авторитарных государств⁸. В частности, Аль-Каида пользовалась территории Йемена, Кении, Судана, Афганистана. На этих территориях размещались тренировочные лагеря, осуществлялось рекрутирование новых членов, планировались и финансировались операции.

Все эти исследовательские и аналитические центры стремились создать систему показателей, по которым то или иное государство можно было бы отнести к категории неудачных. Проанализировав разработанные ими индексы оценки нам удалось выделить наиболее распространенные признаки неудачных государств :

- высокий уровень политического и уголовного насилия;
- отсутствие эффективного контроля над целостностью собственных границ;
- длительное этническое и религиозное вооруженное противостояние;
- постоянный террор против гражданских лиц;
- слабость, неэффективность и коррумпированность государственных институтов;
- разрушение социальной и стратегической инфраструктуры;
- упадок системы здравоохранения;
- снижение продолжительности жизни и быстрый рост детской смертности;
- отсутствие доступа к образованию;
- стремительный рост инфляции, снижение уровня ВВП, голод.

Как мы можем увидеть, провал государства и превращения его в источник насилия и опасности зачастую вызван тремя группами кризисов: экономическими, политическими и кризисом легитимности официальных властей. Экономический кризис вызван неэффективным клановым управлением и массовой коррупцией, нарушением социальных прав граждан и снижением уровня жизни. Политический аспект системного кризиса государства, прежде всего, проявляется в пренебрежении власти к демократическим нормам, ценностям и институтам, ликвидацией гражданского общества и независимости судебной системы, дискриминацией широких масс населения. Это приводит к быстрому падению легитимности власти и мобилизации граждан против существующего несправедливого режима, что становится причиной роста угрозы военного насилия, поскольку законность больше не является приоритетом для участников политического процесса.

⁶ Marshall M. Global Report on Conflict, Governance and State Fragility 200 // Foreign Policy Bulletin. 2007. № 1. P. 5.

⁷ Hewitt J., Gurr T.R. Peace and Conflict 2008: Executive Summary. Maryland, 2008.

⁸ Stewart P. Weak States and Global Threats: Assessing Evidence of «Spillovers» // The Center for Global Development. 2006. № 73. P. 13.

Результатом многочисленных аналитических исследований и докладов, разработанных представителями указанных исследовательских центров и институтов, стало понимание того, что государства с такими проблемами должны стать объектом пристального внимания исследователей всего мира, учитывая то, что они обладают значительным «потенциалом» для дестабилизации целых регионов. Специфика функционирования субъектов политического насилия в неудачных государствах приводит к гуманитарным катастрофам, массовой миграции, деградации окружающей среды, региональной нестабильности, энергетическому кризису, глобальным пандемиям, международной преступности, торговли оружием, террористической деятельности.

Государства, отнесенные к неудачным или недееспособным превращаются в главных кандидатов для внешних интервенций, как со стороны других государств, так и – международных организаций. Концепция «государств-неудачников» превратилась в главный источник легитимизации, обоснования и оправдания превентивного насилия. Одно из первых обоснований такой идеи нашло свое место в принятой в 2002 году американской Стратегии национальной безопасности⁹. В данном документе феномен неудачной государственности рассматривается в качестве главного источника политической нестабильности и насилия в современном мире. Уильям Коэн, заместитель министра обороны США, неоднократно заявлял, что Соединенные Штаты будут вынуждены в одностороннем порядке вступать в военное противостояние с государствами-неудачниками каждый раз, когда они будут угрожать американским жизненно важным интересам. В таком случае, государства-неудачники будут определяться на основе национальной юрисдикции отдельного государства, что не можно считать объективной и независимой оценкой. Подтверждением такого одностороннего анализа в современном мире являются слова Роберта С. Литвака: «Государства-неудачники это государства определены Соединенными Штатами такими»¹⁰.

Главными последствиями коллапса и распада государства является рост масштабов насилия и смертности среди гражданского населения, повышение военных расходов, потеря социального и финансового капитала и падение уровня экономического роста. Это можно назвать внутренними эффектами. К региональным эффектам следует отнести перетекание насилия через границы государства, гражданские войны и региональную нестабильность. Согласно последнему исследованию Всемирного банка, в государствах, имеющих общую границу с недееспособными государствами, показатель экономического роста, в среднем, на 1,6% ниже, чем у государств, которые не имеют общих границ с такими нестабильными образованиями¹¹. Все чаще мы можем наблюдать распространение глобальных эффектов от существования неудачной и недееспособной государственности. Поскольку мир становится все более взаимозависимым, глобальные угрозы, поступающие с территории таких государств, приводят к расширению глобальных террористических и преступных сетей. Глобализация повысила риск развертывания политического насилия, источником которого становятся неудачные и слабые государства. Но отличительной чертой такого процесса является то, что насилие и нестабильность не ограничиваются только территорией таких государств, а становятся глобальной угрозой для всех участников международной системы и тормозят глобальное экономическое развитие. Неспособность слабых государств контролировать собственное территориальное пространство приводит к тому, что они превращаются в центры террористической деятельности, международной преступности, незаконной торговли оружием, наркотиками, людьми.

По данным Департамента международного развития Великобритании к неудачным и слабым государствам, в различных частях мира, можно отнести 46 стран с населением около 870 миллионов человек¹². Но следует понимать, что для отнесения того или иного государства в эту категорию важнейшими являются три признака: невозможность обеспечить безопасность; неспособность удовлетворить базовые потребности собственного населения; отсутствие легитимной власти. В последнее время, такое положение вещей все чаще становится причиной распространения различных форм политического насилия с большим количеством погибших среди гражданских лиц и потерей контроля над

⁹ National Security Strategy of the United States of America, 2002 // [Electronic resource]. Regime to access: <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss.html>

¹⁰ Деррида Ж. Существуют ли государства-мошенники? // Логос. 2003. № 1 (36). С. 26.

¹¹ Cojanu V., Popescu A. Analysis of Failed States: ... P. 117.

¹² Ibid. P. 118.

значительной частью территории государства (Судан, Сомали, Демократическая Республика Конго, Либерия, Ангола). Именно поэтому, Г. Хеллман и С. Ратнер, заявляют, что определяющим признаком неудачных государств является отсутствие правительственного контроля над частью или всей территории государства¹³.

Фонд мира (Fund for Peace) предложил собственные показатели, которые указывают на коллапс государственных институтов:

1. Массовое движение беженцев или внутреннее перемещение лиц.
2. Применения политического насилия в качестве мести или с целью удовлетворения узкогрупповых интересов.
3. Территориальная неравномерность экономического развития.
4. Криминализация и/или делегитимизация государственных институтов.
5. Ухудшение качества общественных услуг.
6. Приостановления или произвольная трактовка принципов верховенства права.
7. Вмешательство международного сообщества в форме гуманитарных интервенций¹⁴.

Наличие хотя бы части этих показателей может свидетельствовать о том, что государство со своими институтами теряет свое привилегированное положение в качестве основного источника легитимного насилия, а следовательно, не может гарантировать безопасность, социальное обеспечение и правосудие, что приводит к стремительному росту негосударственных и неформальных институтов, которые заполняют функциональный вакуум от упадка государства.

Политическое насилие, порожаемое неудачными формами государственности, приводит к трансформации государственных институтов, особенно силовых структур и судебной системы, полностью или частично парализует управление, осуществления правопорядка, порождая ситуацию полного хаоса и анархии. Даниэль Тюрер пришел к выводу, что такое насилие характеризуется взрывной динамикой и непредсказуемостью, радикальностью и иррациональностью. Он считает, что международное сообщество должно иметь полностью законное право применить насилие по отношению к таким государствам, если на их территории происходит масштабное нарушение прав человека, или если они своим существованием подрывают безопасность международной системы¹⁵. То есть, мы наблюдаем своеобразное противостояние между правом государства на автономию и правом народа на безопасность.

В условиях неудачной и слабой государственности функции государства приватизируются и используются для удовлетворения групповых, индивидуальных или корпоративных интересов. Методика системного анализа позволяет взглянуть на неудачные формы государственности, как на системы, которые идут по пути упрощения контроля и иерархизации. Упрощение системы приводит к конфликту с окружающей средой, которая наоборот, постоянно усложняется. Это приводит к значительному разрыву между возможностями системы (неудачного государства) и требованиями к ней со стороны внешней среды. В значительной степени специфика политического насилия в неудачных и слабых государствах определяется сетевой структурой власти. Это проявляется в перехвате сетевыми структурами и группировками функций государства. Это приводит к тому, что не государство становится частью сети, а сеть – частью государства. В условиях слабости и нестабильности политических институтов государство начинает функционировать на основе сетевых структур – с неформальными связями и договоренностями, с внутренними нормами и привязанностями.

Авторитетный исследователь Ф. Фукуяма в своей работе «Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке» попытался проанализировать причины, характер, закономерности и тенденции дальнейшей трансформации политического насилия в условиях неудачных слабых и кризисных государств. Ф. Фукуяма утверждает: «Принципы суверенитета и неприкосновенности национального государства, что являлись основой Вестфальской системы, фактически разрушены и, по сути, их сегодня не соблюдают, поскольку то, что происходит внутри отдельных государств – в их внутреннем

¹³ Helman G. Ratner S. Anarchy rules... P. 3.

¹⁴ Cojanu V., Popescu A. Analysis of Failed States: ... P. 125.

¹⁵ Thurer D. The «failed State» and international law // International Review of the Red Cross. 1999. № 836. P. 731.

управлении – часто оказывает большое влияние и на жизнь других членов международного сообщества»¹⁶.

По его мнению, 11 сентября стало доказательством того, что такие государства превратились в один из главных источников политического насилия и нестабильности в современной международной системе. На их территории осуществляется подготовка и распространение террористических сетей, массово нарушаются и попираются права человека, осуществляется торговля оружием, наркотиками и людьми, что приводит к значительным волнам массовой незаконной миграции и конфронтации с соседними государствами. К слабым и неудачным государствам Ф. Фукуяма отнес: Сомали, Боснию, Руанду, Либерию, Конго, Сьерра-Леоне, Восточный Тимор, Афганистан. Для него, слабость этих государств проявляется в бессилии государства, недостатках его административного аппарата, потере монополии на легитимное применение силы, нелегитимности политической системы в целом. Эрозия государственных институтов порождает новые или способствует узакониванию старых форм политического насилия. Характер угроз, источником которого являются неудачные государства, подрывает принцип суверенитета, потому что растет количество субъектов, которые готовы применить превентивное насилие или осуществить гуманитарные интервенции. Нерешенным остается вопрос о том, кто имеет законное право и при каких условиях нарушать государственный суверенитет таких государств и как это скажется на роли государства в ближайшей перспективе? Слабость, некомпетентность и недееспособность государственных институтов является типичной ситуацией в развивающихся странах, которые превращаются в основной источник социально-политической нестабильности и угроз.

В течение последнего десятилетия наблюдается актуализация проблемы политического насилия на Африканском континенте, что объясняется неэффективностью, коррумпированностью и нелегитимностью главных институтов государства. Большинство миротворческих миссий ООН в странах Африки слабо справляются со своими задачами и не направляют свои усилия на реформирование политических институтов, которые бы способствовали институционализации системы социально-политических отношений. В большом количестве африканских государств ситуация близка к коллапсу, а характерные для данного региона гуманитарные катастрофы и межэтнические столкновения в ближайшем будущем могут стать поводом для международного вмешательства. Однако, решить проблемы слабости государства посредством внешнего вмешательства почти невозможно. Некоторые исследователи, используя преимущества сравнительного анализа, пришли к выводу, что за последние несколько десятилетий процент успешного внешнего государственного строительства был крайне скудным. В частности, Роланд Пэрис проведя сравнительный анализ 11 миссий ООН с 1989 по 1999 годы обнаружил, что только две из них были успешными (Намибия и Хорватия), две были однозначно провальными (Ангола и Руанда), а результаты всех остальных были крайне неоднозначными¹⁷. Другие авторитетные исследователи Н. Самбанис и М. Дойл разделяют это беспокойство и приводят данные собственного сравнительного исследования 121 случая государственного строительства с 1945 по 1999 годы, согласно которому меньше половины из этих попыток привели к установлению политической стабильности и прекращения насилия в недееспособных государствах.

Необходимо понимать, что значительная часть африканских государств не обладают монополией на легитимное применение насилия, в веберовском смысле, что становится причиной стремительной «приватизации» части функций негосударственными группировками и движениями, которые усиливают нестабильность и анархичность в пределах определенного государства или целого региона. По данным исследования 17 африканских государств Афробарометром оказалось, что в среднем 19% граждан этих государств считают приемлемым использование политического насилия для достижения индивидуальных или групповых целей. Оказалось, что в среднем ежегодно 17% граждан этих государств принимают непосредственное участие в актах политического насилия¹⁸.

О распространении политического насилия в слабых и уязвимых государствах свидетельствуют данные из государств Африканского Рога (Эритрея, Эфиопия, Кения,

¹⁶ Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006. С. 157.

¹⁷ Эдвардс Л. Указ. Соч. С. 98.

¹⁸ Kirwin M.F., Wonbin C. Weak States and Political Violence in sub-Saharan Africa // Afrobarometer working papers. 2009. № 111. P. 10.

Сомали, Джибути). По данным Стокгольмского международного института по исследованию мира эти государства постоянно страдают от организованного негосударственного насилия. За 2001-2010 годы на Африканском Роге было зафиксировано 77 негосударственных конфликтов (35% мирового количества), которые порождены недееспособностью и слабостью государственных структур¹⁹.

Для американских экспертов среди африканских государств Сомали выступает в качестве классического примера неудачной государственности. США не хотят, чтобы территория данного государства была местом расположения террористических сетей и источником нестабильности в регионе. Сомали можно рассматривать в качестве типичного примера государства-неудачника, в котором отсутствие центрального правительства вызвало переход власти к частным субъектам политического процесса. Поэтому, политическое насилие в Сомали рассматривается в качестве главной угрозы политико-экономической безопасности и стабильности. В значительной степени это обусловлено сетевой природой насилия в африканских государствах. Незаконные, неконтролируемые и анархические локальные сети играют ключевую роль в процессе контроля частными элементами функциональной структуры государств-неудачников. Из всех недееспособных и слабых африканских государств кризисная ситуация в Сомали является наиболее длительной и острой. В последнее время, мы можем наблюдать постепенную интернационализацию политического насилия за пределы границ данного государства. В первую очередь, это связано с деятельностью террористических, преступных и подпольных движений, которые совершают преступления на территории Кении и Уганды, провоцируя международное сообщество к решительным и жестким действиям.

Выделяют следующие основные политические угрозы от упадка института государства в Сомали:

1. Эскалация внутреннего терроризма (организация «Исламское единство»).
2. Сотрудничество с организациями международного терроризма (связь с Аль-Каидой).
3. Угроза эскалации политического насилия в отношении соседних государств (Эфиопии, Кении).

Природа негосударственного политического насилия в государствах Африканского Рога является типичной и для всего африканского континента. Свидетельством этого является то, что около 80% политического насилия в данном регионе происходит между неформальными организованными этническими, преступными или религиозными группировками. Причиной таких насильственных конфликтов является ограниченность ресурсов, этническая, религиозная или клановая принадлежность граждан.

Выводы. Появление новых форм и проявлений политического насилия стало серьезным вызовом для международного сообщества, которое должно продемонстрировать адекватную реакцию и понимание природы и тенденций трансформации современного политического насилия. В таких государствах, в лучшем случае, работает только исполнительная власть, а законодательная власть, если она вообще существует, становится инструментом в руках исполнительной власти. Граждане неудачных государств значительно чаще становятся объектом политического и уголовного насилия, чем граждане, живущие в условиях стабильной государственности.

THE COLLAPSE OF THE STATE AND THE TRANSFORMATION OF POLITICAL VIOLENCE

V.J. KRAVCHENKO

*Dnepropetrovsk National
University Named
after O. Honchar, Ukraine*

e-mail: Darkliths@rambler.ru

The specific relevant factors of transformation the nature of modern political violence in the crisis and failed state is determined. The main analytical approaches to the problem of interdependence of political violence in failed states and international security are outlined.

Keywords: political violence, transformation, weak and failed states, international security, legitimacy.

¹⁹ Бауманн Й. Організоване насильство на Африканському Розі // СІПРІ 2012: Щорічник: Озброєння, роззброєння та міжнародна безпека. К., 2013. С. 52.

РОЛЬ ДОВЕРИЯ В ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ*

Е.В. РЕУТОВ

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: reutovevg@mail.ru

В статье рассматривается взаимосвязь легитимности власти и политического доверия. На основании данных регионального социологического исследования фиксируется близость показателей доверия к власти и удовлетворенности населения деятельностью властных структур. Утверждается, что доверие к власти как форма личного позитивного отношения к политическим институтам, персонам и процедурам приобретает большую роль в условиях индивидуализации политического процесса.

Ключевые слова: власть, легитимация, доверие, удовлетворенность.

Пример Украины, в которой с необычайной скоростью и непредсказуемостью произошла смена политического режима и властной элиты, а ряд регионов оказались в состоянии гражданской войны, вновь актуализировал вопрос о природе и пределах легитимности политической власти. Законная, но не имеющая массовой поддержки в своей стране и во внешнем мире власть не выдержала противостояния с относительно малочисленными группами протестующих, поддержанных странами Запада, и даже не смогла использовать свое право на легитимное насилие. Власть же, пришедшая ей на смену, использует это право в полной мере, спеша оседлать короткую волну поствыборной поддержки президентской власти, характерную для украинской политики.

Процессы утраты и приобретения легитимности политической властью имеют универсальный характер – просто в Украине в силу комплекса причин они обозначились столь явно. Но чаще всего установить степень легитимности власти бывает достаточно сложно – по причине того, что не существует универсальной оценочной шкалы, и каждая политическая система по-своему уникальна.

В основе легитимности власти лежит согласие большинства членов сообщества относительно целей и ценностей, реализуемых в процессе управления, а также относительно процедур, посредством которых организуются властные институты. Таким образом, легитимность – это сложная структура, в которой ментальные конструкции объективируются посредством функционирования институтов.

Проблема легитимности политической власти является одним из аспектов легитимности социального порядка – его принятия и одобрения большинством участников политического сообщества. При этом одобрение и признание могут быть выражены как явным, так и латентным образом. Открытое признание выражается достаточно широким спектром коллективных действий, имеющих конвенциональный (голосование на выборах, плебисцитах) и неконвенциональный (спонтанные акции поддержки) характер. Латентное признание социального и политического порядка чаще всего выражается в отсутствии протестных выступлений, а также в массовой включенности в функционирование политических институтов (выборы, политические партии, местное самоуправление и т.д.). Социологи, проводя опросы общественного мнения, также стремятся выявить то, что не выходит на поведенческий уровень, а связано с массовыми оценками, установками и ценностями. И хотя институциональные механизмы легитимации, ключевым из которых являются выборы, безусловно, важны, поскольку они позволяют организовать и формализовать процесс признания власти со стороны сообщества, в основе легитимности лежат все же социокультурные феномены – такие как сформировавшиеся в общественном сознании диспозиции относительно власти как таковой, ее конкретных институтов и носителей, а также управленческих практик и технологий, применяемых ими.

* Статья выполнена в рамках гранта Департамента внутренней и кадровой политики Белгородской области на разработку технологии реализации Стратегии «Формирование регионального солидарного общества» на 2011-2025 годы (Договор 1-ОВ/Г от 7 апреля 2014 года).

Одним из наиболее глубоких позитивных установок, которые формируются у людей по отношению к внешнему миру, в том числе, миру политики, является доверие. Доверие представляет собой необходимое условие стабильности мироощущения людей, без которой оно деформируется и становится подверженным фрустрации и стрессу. Наличие доверия позволяет также исключить из личных и социальных контактов затратные механизмы взаимного контроля и сосредоточиться на содержании коммуникации. Политическое доверие в ряде случаев перекрывает институциональные дефициты (например, несовершенство электоральных механизмов) и создает основу для массовой мобилизации на решение тех или иных задач, стоящих перед сообществом.

А. Гидденс определяет доверие как уверенность в надежности некоторой личности или системы относительно данного комплекса последствий или событий, где эта уверенность выражает веру в честность или любовь другого лица или в правильность абстрактных принципов (технического знания). Причем, доверием облакаются не только личности, но и «абстрактные системы», такие как экспертное знание или финансовая система¹. Н. Луман же считает необходимым разделение доверия и уверенности: «Если у вас нет альтернатив, вы находитесь в ситуации уверенности. Если вы выбираете одно действие, предпочитая его другим, вопреки возможности быть разочарованным в действиях других, вы определяете ситуацию как ситуацию доверия»².

Ф. Фукуяма определяет доверие как возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами³.

Во всех этих дефинициях обращает на себя внимание, во-первых, неоднозначность трактовки доверия и, во-вторых – особенно у Н. Лумана – непредсказуемость доверия по своим последствиям. Будучи только отношением, основанным на неких субъективных предпочтениях и опыте, доверие с легкостью может трансформироваться в свою противоположность. Эту непредсказуемость хорошо характеризует политическое доверие, уровень которого варьирует в зависимости от социально-экономической ситуации или даже по причине того, что завышенные ожидания от власти, сформировавшиеся в широких массах в силу разных причин, не реализуются в управленческой практике.

Как отмечалось выше, доверие является достаточно текучим социальным феноменом, изучение которого особенно проблематично применительно к политической сфере. Так, в российской политической культуре доверие к власти сильно персонифицировано. Причем, концентрируется оно, как правило, в верхушке властной иерархии. Последнее, например, хорошо иллюстрирует разрыв между уровнями доверия В. Путину и остальным политикам. Так, в мониторинге ВЦИОМ (июль 2014 г.) респондентам задавался открытый вопрос с просьбой назвать политиков, которым они доверяют решение важных государственных вопросов. В итоге В. Путина назвали 66% опрошенных, а ближайшего к нему по рейтингу Д. Медведева – всего 18%⁴.

Поскольку в российской традиции доверие привычно увязывается с личностно окрашенной коммуникацией, его перевод на макросоциальный и институциональный уровень представляет собой определенную социально-психологическую и социокультурную проблему для массового сознания. И дело здесь не только в собственно культурной традиции. Традиция остается актуальной, поскольку постоянно воспроизводится в управленческой практике. А в российской управленческой практике институт вторичен по отношению к политическому курсу и к персональной структуре власти. Самоутверждение властных элит посредством непродуманных законодательных новаций и иных способов экспериментирования над социумом дискредитирует саму идею институтов как ограничителей произвола. Так, эпопея с переходом на «летнее» время или введения «нулевого» промилле в легислатуру Д. Медведева с последующей отменой данных решений, скорее всего, усугубила проблему «правового нигилизма», с которым он предполагал бороться.

Для иллюстрации ситуации с политическим доверием в Белгородской области ниже приведены результаты социологического исследования «Оценка эффективности

¹ Giddens A. The consequences of modernity. Cambridge, 1990. P. 34-36.

² Luhmann N. Trust and Power. Chichester, 1979. P. 99.

³ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 52.

⁴ Доверие политикам [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/confidence-politicians/>

реализации Стратегии «Формирование регионального солидарного общества», проведенного в мае 2014 г. (N=1000).

Опрос выявил довольно высокий уровень доверия населения области к административно-политическим институтам области. Вместе с тем, доверие распределено неравномерно – в зависимости от уровня института, его функционального характера и степени персонификации. Наибольшим доверием пользуется Губернатор области, которому доверяют 68,30% респондентов. Индекс доверия (разница между долями доверяющих и не доверяющих респондентов без учета затруднившихся с ответом) Губернатору области составил 47,80 п.п. На втором месте в рейтинге доверия – главы местного самоуправления муниципальных образований. Им доверяют 51,50% опрошенных (индекс доверия – 27,4 п.п.). Персонифицированные институты, таким образом, ближе и понятнее гражданам.

Правительству Белгородской области доверяет уже меньшее число опрошенных – 40,80% (индекс доверия – 14,7 п.п.). Практически на таком же уровне – доверие Белгородской областной Думе – 40,00% (индекс доверия – 11,9 п.п.). При этом следует отметить, что значительная часть граждан абсолютно индифферентна к деятельности двух последних институций – на это указывает то, что фактически треть респондентов затруднилась определить свое отношение к ним. Еще более непонятной для граждан является деятельность Общественной палаты Белгородской области, отношение к которой затруднились определить 41,70% опрошенных. Доверяют же ей 32,70% (индекс доверия – 7,1 п.п.). Очевидно, что медийный образ правительства области, Областной думы и Общественной палаты, на основании которого во многом формируется отношение к ним граждан, не отличается какой-либо определенностью и последовательностью. Но, главное, сама система власти в регионе структурирована так, что центр принятия решений находится вне коллегиальных, в том числе, представительных институтов.

Примерно такая же ситуация с доверием депутатам муниципальных советов, которым доверяют 43,00% опрошенных (индекс доверия – 21,3 п.п.). Более трети респондентов не смогли определить свое отношение к ним. Здесь также ощутим разрыв с персонифицированным институтом муниципальной власти – главой местного самоуправления, с которым население, как правило, отождествляет также главу администрации муниципалитета (табл. 1).

Таблица 1

**Доверяете ли Вы следующим органам власти и управления,
должностным лицам Белгородской области?**

		Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Не отве- тили	Всего
Губернатор Белгородской области	абс.	683	205	110	2	1000
	%	68.30%	20.50%	11.00%	0.20%	100.00%
Правительство Белгородской области	абс.	408	261	331		1000
	%	40.80%	26.10%	33.10%		100.00%
Белгородская областная Дума	абс.	400	281	317	2	1000
	%	40.00%	28.10%	31.70%	0.20%	100.00%
Общественная палата Белгородской области	абс.	327	256	414	3	1000
	%	32.70%	25.60%	41.40%	0.30%	100.00%
Органы местного самоуправления Вашего городского округа (района)	абс.	515	241	240	4	1000
	%	51.50%	24.10%	24.00%	0.40%	100.00%
Органы местного самоуправления Вашего городского (сельского) посе- ления	абс.	430	217	344	9	1000
	%	43.00%	21.70%	34.40%	0.90%	100.00%

Таким образом, на доверие властным институтам ощутимо влияет степень их персонификации. Хотя данное влияние, скорее всего, является просто лишь отражением российской управленческой традиции с ее моноцентризмом. Деятельность же представительских институтов (в том числе, связанных с гражданским обществом) чаще всего не выходит за пределы имитации народовластия.

Если считать одним из основных показателей легитимности власти удовлетворенность граждан деятельностью властных институтов, то данные опроса дают основание говорить о достаточно прочной привязке показателей удовлетворенности к рейтингу до-

верия. Так, индекс удовлетворенности деятельностью Губернатора составил 46,7 п.п. (разница с индексом доверия – всего 1,8 п.п.); правительства области – 12,4 п.п. (разница с индексом доверия – 2,3 п.п.); Белгородской областной Думы – 7,6 п.п. (разница с индексом доверия – 4,3 п.п.); Общественной палаты Белгородской области – 1,1 п.п. (и здесь наиболее существенный разрыв – 6 п.п.) (табл. 2).

Характерно, что в отношении всех коллегиальных органов уровень доверия по своим показателям, хотя и ненамного, но превышает удовлетворенность их деятельностью. Объясняется это, по-видимому, тем, что информированность и реальная включенность населения в проблематику их функционирования существенно отстает от стереотипизированных суждений. Доверие к этим институтам явно несет на себе отпечаток доверия к Губернатору области и поэтому превышает удовлетворенность их работой.

Таблица 2

Удовлетворены ли Вы деятельностью?

		Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Не ответили	Всего
Губернатора Белгородской области	абс.	653	186	156	5	1000
	%	65.30%	18.60%	15.60%	0.50%	100.00%
Правительства Белгородской области	абс.	374	250	373	3	1000
	%	37.40%	25.00%	37.30%	0.30%	100.00%
Белгородской областной Думы	абс.	345	269	381	5	1000
	%	34.50%	26.90%	38.10%	0.50%	100.00%
Общественной палаты Белгородской области	абс.	302	291	401	6	1000
	%	30.20%	29.10%	40.10%	0.60%	100.00%
Органов местного самоуправления Вашего городского округа (района)	абс.	468	210	315	7	1000
	%	46.80%	21.00%	31.50%	0.70%	100.00%
Органов местного самоуправления Вашего городского (сельского) поселения	абс.	232	94	186	488	1000
	%	23.20%	9.40%	18.60%	48.80%	100.00%

Анализ низового уровня контактов граждан и власти также не позволяет говорить о значительной степени удовлетворенности деятельностью официальных органов. Лишь чуть более трети опрошенных (37,50%) отметили, что удовлетворены отношением к таким людям, как они, представителей власти, сотрудников государственных и муниципальных учреждений. Доля неудовлетворенных оказалась меньше – 24,70% – и это, несомненно, является позитивным фактом. Тем не менее, с учетом большого числа тех, кто затруднился с ответом (37,80%), можно говорить о значительной социальной дистанции между властью и рядовыми гражданами (табл. 3).

Таблица 3

Удовлетворены ли Вы отношением к таким людям, как Вы, со стороны представителей власти, сотрудников государственных и муниципальных учреждений?

Варианты ответов	Количество опрошенных	
	абс.	%
Да	375	37.50%
Нет	247	24.70%
Затрудняюсь ответить	376	37.60%
Не ответили	2	0.20%
Всего	1000	100.00%

При оценке легитимности власти нужно учитывать также более широкий социальный и социокультурный контекст. Как отмечалось ранее, легитимность власти является частным выражением легитимности социального порядка в целом. И здесь далеко не все благополучно. Только 35,90% респондентов удовлетворены реализацией принципа социальной справедливости в Белгородской области. Правда, доля неудовлетворенных в данном случае несколько ниже – 30,40% – при 33,70% затруднившихся ответить и не ответивших на вопрос (табл. 4).

Таблица 4

Удовлетворены ли Вы осуществлением принципа социальной справедливости в Белгородской области?

Варианты ответов	Количество опрошенных	
	абс.	%
Да	359	35.90%
Нет	304	30.40%
Затрудняюсь ответить	334	33.40%
Не ответили	3	0.30%
Всего	1000	100.00%

Таким образом, социологические данные позволяют констатировать наличие взаимосвязи между показателями доверия и удовлетворенности деятельностью властных структур, а, следовательно, и их легитимностью. Вместе с тем, очевидно, что основания легитимности в российском обществе власти не являются достаточно прочными, поскольку в массовом сознании присутствует неудовлетворенность существующими управленческими практиками. Во многом эта неудовлетворенность основана на стереотипах и нежелании большинства людей включаться в общественно-политическую проблематику. Доверяя власти без достаточной информированности о ее деятельности и включенности в общественно-политическую деятельность, люди зависят от медийных образов власти, сформированных в данный момент в обществе. И изменение характера этих образов может существенно подорвать это доверие и делегитимировать власть.

Нужно учитывать, что, в связи с развитием электронных средств коммуникации, сам процесс выражения доверия/недоверия кому бы то ни было намного упрощается. Доверие становится значимым фактором политики и социальных процессов в целом. Это, в значительной мере, снижает роль в легитимации власти формальных институтов – таких, как выборы. В условиях стремительных трансформаций увеличивается степень мозаичности социальной, социокультурной и «смысловой» картины мира. Благодаря инновациям в информационно-коммуникативной сфере становится возможным образование социальных сетей кратковременного характера с ситуативной идентичностью их участников. Люди получают возможность коммуницировать напрямую не только на горизонтальном уровне, но и по вертикали – с органами власти. Технологии «электронной демократии» позволяют гражданину включаться в управленческую деятельность в режиме реального времени. На фоне индивидуализации политического процесса большую роль приобретает доверие как форма личного позитивного отношения к политическим институтам, персонам и процедурам.

ROLE OF TRUST IN THE LEGITIMATION OF POWER

The article examines the relationship of legitimacy and political trust. On the basis of a regional sociological research proximity indicators of trust to the government and population's satisfaction with the activities of the authorities is fixed. It is argued, that the trust to the government as a form of personal positive attitude towards political institutions, persons and procedures acquires an important role in terms of individualization of the political process.

E.V. REUTOV

*Belgorod National
Research University*

e-mail: reutovevg@mail.ru

Keywords: power, trust, legitimation, satisfaction.

УДК 328.182: 314.962

ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД В ПОЛИТИКЕ: МИРОВОЙ ОПЫТ И РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Т.В. САЕНКО*Парламент Кабардино-Балкарской Республики, г. Нальчик**e-mail: saenko_tatyana@mail.ru*

В статье проведен сравнительный анализ представительства женщин в органах законодательной власти зарубежных стран и России: в обеих палатах Федерального Собрания РФ, региональных парламентах, а также представительных органах местного самоуправления (на примере Кабардино-Балкарской Республики).

Ключевые слова: женщины в политике, гендерный баланс, органы законодательной власти.

Проблема равноправия мужчин и женщин (так называемый «женский вопрос») была актуальна во все времена, и в различные исторические периоды она наполнялась конкретным содержанием с соответствующими характеристиками: целями, формами, степенью социальной справедливости и др.

В последние годы предметом исследования многих общественных наук стало гендерно сбалансированное представительство в органах законодательной власти. Актуальность этого вопроса обусловлена значением реализации принципа представительства, который лежит в основе современной демократии и означает, что представители, избранные народом, являются выразителями как общих, так и специальных интересов. В этом смысле право быть представленным и право выбирать своего представителя стали основными, всеобщими и гарантирующими конституциями государств¹.

Однако, несмотря на то, что в современном мире позиции женщин в государственных структурах значительно изменились, гендерные отношения по-прежнему остаются наиболее проблематичными и напряженными в политической сфере общества, а политическая деятельность продолжает оставаться сферой, где в основном преобладают мужчины.

Мировая практика участия женщин в законодательной деятельности показывает следующее. На 57 сессии Комиссии ООН по положению женщин 5 марта 2013 года был представлен доклад Межпарламентского союза (Inter-Parliamentary-Union), в котором сообщалось, что в Европе в целом показатели представленности женщин в парламентах выше среднестатистических. В 2012 году парламентские выборы были проведены в 48 странах. В 22 из них использовались квоты, которые привели к тому, что число женщин среди законодателей увеличилось до 22-24%, а там, где такая система не применялась, женщины получили на выборах в парламенты не более 12% мест². На сегодняшний день в европейских государствах среди народных избранников женщины составляют в среднем 23,2%. Лидирует в данном вопросе Андорра, где доля женщин-депутатов в процентном соотношении к общему числу депутатов составляет 50, далее следуют скандинавские страны: в Швеции этот показатель – 44,7%, в Финляндии – 42,5%, в Норвегии – 39,6%³.

Статистика Межпарламентского союза о представительстве женщин в национальных парламентах зарубежных стран и России свидетельствует о том, что в 2007 году Российская Федерация делила 84 место с Гвинеей-Бисау, 85 место занимал Камерун. По данному показателю нас оставили далеко позади многие страны не только Европы, Африки, Северной и Южной Америки, но и Таджикистан (17,5%), Узбекистан (17,5%), Туркменистан (16%), Казахстан (15,9%)⁴.

Гендерный анализ состава обеих палат Федерального Собрания РФ, проведенный на основе сравнения данных, размещенных на официальных сайтах указанных органов

¹ Кочетков А.В. Конституционно-правовые основы обеспечения гендерно сбалансированного представительства в законодательных органах Российской Федерации и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 3.

² Центр новостей ООН [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/news/ru/story.asp?NewsID=19180>.

³ Законодательницы правят бал // Парламентская газета. 2013. № 8. С. 12-13.

⁴ Никовская Л. Гендерное неравенство – серьезное препятствие на пути построения социального государства // Новая политика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://novopol.ru/-jenschinyi-v-politike-text63324.html>

законодательной власти, показал следующее. В 2007 г. в верхней палате – Совете Федерации – доля женщин составляла всего 5% от общего числа сенаторов; в нижней палате – Государственной Думе – женщин-депутатов было 15,2%. На сегодняшний день представительство женщин в Совете Федерации увеличилось до 8,3%, в Государственной Думе, наоборот, уменьшилось до 14,6%.

В советский период использовался совершенно иной подход к вовлечению женщин в общественно-политическую жизнь страны, который был основан на четко отработанной системе квотирования. В результате этого еще в 80-е годы XX века удельный вес женщин в парламентских структурах был достаточно высоким: в Верховном Совете СССР – 32,8%, в РСФСР – 35%, в союзных республиках – 36,2%, в автономных – 40,3%⁵.

Между тем женщины занимают особое место в структуре современного российского общества. По данным Росстата, на 1 января 2013 года доля женщин в общей численности населения составляла 53,7%; в структуре трудоспособного населения России показатели численности мужчин и женщин разнятся незначительно: 44545 чел. и 41592 чел. соответственно⁶. Однако, как считают многие исследователи проблем гендерного равенства, женщинам отводится меньшая, по сравнению с мужчинами, роль в выработке и принятии государственных решений, в осуществлении властных функций через представительные, исполнительные и судебные органы государственной власти, что является отражением реального положения женщин в обществе⁷.

Примечательно, что об этом говорили еще в середине 90-х годов прошлого века, т.е. в начале становления новой России. В 1996 году Президентом Российской Федерации Б.Н. Ельциным был издан Указ «О повышении роли женщин в системе федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации»⁸. В нем отмечалось, что количество женщин на высших и главных должностях в системе федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации не соответствует их роли в обществе, хотя участие женщин в принятии ответственных государственных решений способствовало бы повышению качества этих решений и эффективности их исполнения. Указом постановлялось Совету по кадровой политике при Президенте Российской Федерации совместно с Советом по вопросам государственной службы при Президенте Российской Федерации, Комиссией по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте Российской Федерации рассмотреть вопрос о возможности введения минимальной квоты для замещения женщинами государственных должностей федеральной государственной службы и представить соответствующие предложения; принять меры по формированию банка данных о женщинах – федеральных государственных служащих в целях создания системы их обучения и повышения квалификации, а также создания кадрового резерва. Предлагалось даже поощрять руководителей федеральных органов исполнительной власти, подразделений Администрации Президента Российской Федерации за привлечение женщин к государственной службе на ответственных должностях. Органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления было рекомендовано разработать систему повышения роли женщин в органах управления на региональном и муниципальном уровнях.

Вместе с тем «жизнь» данного правового акта оказалась недолгой – всего лишь пять лет. В 2001 году он был признан утратившим силу Указом уже другого Президента Российской Федерации – В.В. Путина.

Сравнительный анализ ныне действующих составов представительных (законодательных) органов государственной власти субъектов РФ выявил следующую картину. В тройку лидеров по представительству женщин в региональных парламентах (на 1 июня 2014 г.) входят Кемеровская область (26,6%), Санкт-Петербург (24%), Республика Коми (23,3%). Но

⁵ Прекрасная половина российской политики // Российская Федерация сегодня. 2013. № 4. С. 8-9.

⁶ Распределение населения Российской Федерации по полу и возрастным группам (на 1 января 2013 г.) // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/2013/demo/nasvoz13.xls

⁷ Коновалова Г.В. Реализация права женщин на представительство в системе управления государством (на материалах социологического исследования) // Научный журнал КубГАУ. 2006. №5(21) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2006/05/pdf/05.pdf>

⁸ Указ Президента РФ от 30 июня 1996 г. № 1005 «О повышении роли женщин в системе федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_56248.html

это, скорее, исключение из правил. В среднем по стране показатель представительства женщин в законодательных органах государственной власти субъектов РФ менее 14%; ниже 5% в Самарской, Магаданской, Оренбургской областях, Чеченской республике; минимальные показатели – в Новосибирской области (1,3%) и Республике Дагестан (1,1%).

В числе законодательных органов субъектов Северо-Кавказского федерального округа по данному показателю лидирует Парламент Кабардино-Балкарской Республики пятого созыва: на сегодняшний день из общей численности депутатского корпуса доля женщин составляет 17% (см. рис. 1). Кроме того, по итогам выборов 14 сентября 2014 г. впервые за всю историю высшего законодательного органа Кабардино-Балкарии возглавила его женщина.

Рис. 1. Доля женщин-депутатов в законодательных органах субъектов СКФО⁹

Совершенно иная картина представляется при анализе составов всех 12 созывов Верховного Совета КБАССР (1938-1993 годы). Средний показатель доли женщин в высшем органе государственной власти республики, который являлся в тот период одновременно законодательным и высшим представительным органом, составлял 31%, а максимальный показатель – 43,7% зафиксирован в Верховном Совете КБАССР восьмого созыва (1971-1975 годы)¹⁰.

Сегодня и в муниципальном звене представительной власти прослеживается общая тенденция гендерных распределений внутри каждого отдельно взятого органа. Удельный вес женщин – депутатов представительных органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов КБР незначительно выше республиканского показателя – в среднем 13%. Всего лишь по одной женщине в составе депутатского корпуса Советов местного самоуправления Баксанского и Эльбрусского муниципальных районов. Абсолютным рекордсменом в данном вопросе является Совет местного самоуправления Майского муниципального района, где женщин 50% (возглавляет его тоже женщина). Также в тройку лидеров входят Советы Зольского (22,9% женщин-депутатов) и Прохладненского (22,2%) районов (см. рис. 2).

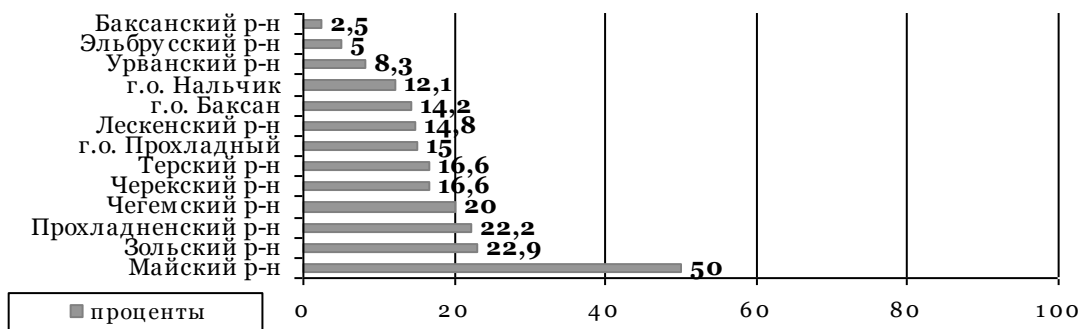

Рис. 2. Доля женщин-депутатов в представительных органах местного самоуправления муниципальных районов и городских округов КБР¹¹

⁹ Анализ проведен на основе данных, размещенных на официальных сайтах законодательных органов государственной власти субъектов СКФО, по состоянию на 01.11.2014 г.

¹⁰ Во благо республики, во благо России. Нальчик, 2013. С. 50-64.

¹¹ Анализ проведен на основе данных, размещенных на официальных сайтах представительных органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов КБР, по состоянию на 01.06.2014 г.

Можно было бы предположить, что такая ситуация обусловлена сутобо кавказской ментальностью, однако аналитика проблемы в общероссийском масштабе свидетельствует о том, что тенденция «мужского большинства» в парламентах характерна для всех субъектов Российской Федерации. Сравнительный анализ представительства российских женщин в органах законодательной власти всех уровней позволяет сделать вывод, что на политико-управленческом пространстве страны главенствует закон «гендерной властной пирамиды»: женщин меньше там, где больше реальной власти, особенно подкрепленной финансово.

Современный расклад численного состава парламентских структур в России исследователи проблем гендерного равенства называют «законотворческим патриархатом». Вместе с тем многие эксперты, как российские, так и зарубежные, говорят о том, что участие женщин-депутатов в работе парламентов и иных представительных органов крайне важно не только для самих женщин, но и для общества в целом. Как показывает практика, для женщин наиболее актуальными являются вопросы охраны прав и интересов детей, образования, экологии, здравоохранения, социальной защиты населения, борьбы с алкоголизмом и наркоманией и многие другие, находящиеся, как правило, на периферии интересов мужчин.

Дискуссии о том, каким же образом достичь оптимального баланса представительства мужчин и женщин в органах власти, продолжаются до сих пор. Сторонники различных форм квотирования считают, что поддержка в продвижении женщин в политике необходима в переходный период. Противники же полагают, что женщин никто не ущемляет в их правах, поэтому они должны вести политическую борьбу на общих основаниях, так как льготы прививают пассивность, притупляют чувство конкуренции и поэтому не могут считаться демократическими. Доступ женщин к представительным (законодательным) органам зависит во многом от факторов, связанных с организацией и функционированием самой политической власти, с процедурой и критериями отбора, используемыми политическими партиями в избирательном процессе.

Дальнейшие перспективы роста роли женщин в принятии политических решений будут в немалой степени зависеть от путей развития женского движения в России, от того, удастся ли координация и выработка общей целенаправленной линии женским объединениям¹². В любом случае, для продвижения женщин в политике, для достижения гендерного баланса в политических структурах необходимо развитие гражданской инициативы самих женщин, приобретение ими опыта политической деятельности, получение лидерских навыков.

GENDER APPROACH IN POLITICS: WORLD EXPERIENCE AND THE REALITIES OF MODERN RUSSIA

T.V. SAYENKO

The Parliament of the Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik

e-mail: saenko_tatyana@mail.ru

The article gives a comparative analysis of the female presence in the Russian and foreign judicial establishments: in both chambers of the Federal Assembly of the Russian Federation, regional legislatures and local representative bodies (in the context of the Kabardino-Balkarian Republic).

Key words: women in politics, gender balance, parliament.

¹² Артемьева Л. Женщины и политика // Развитие личности. 2004. № 1. С. 97-107 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rl-online.ru/articles/1-04/417.html>

УДК 321.01 (4-014) "1989/2002"

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА: РЕФОРМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВЕКА

А.К. КИСЕЛЁВ*Северо-Кавказский социальный институт, г. Ставрополь**e-mail: akiselev2@yandex.ru*

Проведён анализ начального этапа реформ правоохранительных структур в странах Юго-Восточной Европы на рубеже XX-XXI веков по 2002 год включительно. Цель исследования – предоставить широкий, хотя и не исчерпывающий обзор первого этапа реформ правоохранительного сектора в Юго-Восточной Европе для того, чтобы лучше понять их сущность и влияние на ситуацию в сфере безопасности в странах региона.

Ключевые слова: полиция, безопасность, Юго-восточная Европа, ООН, НАТО, демократия, реформы, политические элиты, комбатанты, разделение властей.

Введение.

После 1989 и вплоть до 2002 года страны Юго-Восточной Европы (ЮВЕ) с переходной экономикой, а именно: Албания, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Македония, Румыния, Сербия и Черногория, предприняли попытку реформирования своих правоохранительных органов и органов безопасности. Целью реформ было создание функционирующего демократического государства и общества, в котором граждане имеют возможность жить без страха, чьи основные свободы и права человека гарантируются, и чье право на имущество защищено. Наследие социалистического режима до 1989 года и последствия вооруженных конфликтов, имевших место в период 1991-2001 годов в регионе, нарушили нормальное функционирование органов безопасности, что стало причиной усилий по их реформированию. Эти учреждения были не в состоянии выполнить конституционные и правовые обязанности, которые были на них возложены, они сами стали нарушителями прав человека, что и стало одним из основных источников нестабильности и отсутствия безопасности в доминирующей части общества стран Юго-Восточной Европы.

1. Значение реформ.

Реформа правоохранительного сектора (РПС) исходила из парадигмы содействия экономическому росту и стабильности¹. Некоторые политики были обеспокоены негативным воздействием чрезмерного или неверно направленного сектора безопасности на внутреннее руководство и управление². Другие обращали особое внимание на права человека и демократизацию общественных отношений, которые, в свою очередь, связаны с вопросами прозрачности и подотчетности сектора безопасности³.

«Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы», принятый в 2001 году европейским сообществом, определил в качестве сектора безопасности «все те организации, которые имеют полномочия на использование или распоряжение силы или угрозы силой, для защиты государства и его граждан, а также те гражданские структуры, которые отвечают за их управление и надзор. Они включают в себя: (а) военные и военизированные формирования; (б) разведывательные службы; (в) полицейские силы, пограничников, таможенные службы; (г) судебную и пенитенциарную систему; (е) гражданские структуры, которые отвечают за управление и надзор за всем вышеназванным»⁴.

Армия, полиция, спецслужбы и другие учреждения сектора безопасности, нарушающие конституционные и правовые рамки и участвующие в массовых нарушениях, организованной преступности и коррупции, стали как бы «обычными» в странах ЮВЕ.

¹ Chalmers M. Security sector reform in developing countries: an EU perspective // Saferworld Conflict Prevention Research Report. Macedonia, Gostivar, 2000.

² Ball N. Good Practices in Security Sector Reform, in: Security Sector Reform. Bonn, 2000.

³ Chanaa J. Security Sector Reform: Issues, Challenges and Prospects // Adelphi Paper 344. Oxford, 2002.

⁴ Stability Pact for Southeast Europe // Report of the Ad Hoc Working Group on Security Sector Reform to the Working Table III. Brussels, 2001, November 27.

Вся система их контроля и управления стала неэффективной. Парламент под влиянием коррупционных и организованных преступных синдикатов, функционирующих в структурах государственной безопасности, не мог контролировать действия этих органов. Судебная власть, не готовая и не способная действовать самостоятельно, преимущественно стояла на службе только определенных групп или фракций политических элит. Их сверхвысокие доходы, в сочетании с увеличением уровня бедности и безработицы и уменьшением уровня жизни, привели к вовлечению сотрудников безопасности в контрабанду и торговлю оружием, наркотиками и людьми. Короче говоря, правоохранительные органы стали препятствием в укреплении структуры управления в правительстве и в улучшении ситуации в области безопасности, способствуя увеличению нестабильности и отсутствию фактической безопасности в регионе.

Даже сегодня, во втором десятилетии XXI-го века, вышеупомянутые характеристики органов безопасности продолжают преследовать процесс демократизации стран ЮВЕ. Это является препятствием для полнокровной интеграции этих стран в евроатлантические структуры.

Отсутствие безопасности остается одним из основных препятствий к развитию демократии в ЮВЕ. Из семи получателей помощи от европейского сообщества в соответствии с «Пактом стабильности», пять (Албания, Босния и Герцеговина, Хорватия, Македония, Сербия и Черногория) пострадали от вооруженных конфликтов во время 1990-х годов и в начале 2000-х годов. Другие бенефициары «Пакта стабильности», Болгария и Румыния, остаются уязвимыми к вызовам, которые могут представлять трудности для реформирования сектора безопасности. В этом контексте, РПС являются важным элементом более широкой повестки дня по предотвращению конфликтов и могут выступать в качестве важной региональной меры по укреплению доверия.

Эффективные и действенные структуры сектора безопасности позволяют гражданам вести свои политические, экономические, социальные и культурные дела, не будучи под страхом возможного насилия. Эффективность правоохранительного сектора также является важным элементом в создании сильных, жизнеспособных государственных структур. Страны ЮВЕ обладали слабыми структурами безопасности, и эти структуры находились под сильным влиянием коррупции и организованной преступности, что привело к недовольству судебной властью, которая не в состоянии была принять меры против тех, кто нарушает закон.

Нереформирование сектора безопасности создало странам ЮВЕ трудности в достижении целей развития рыночной экономики. Слабость и неэффективность сектора безопасности приводили к нестабильности и непредсказуемости, которые, в свою очередь, провоцировали сбои в экономическом развитии страны. Коррупция являлась самым наглядным результатом нереформированности правоохранительного сектора безопасности, что приводило к неэффективному распределению ресурсов и подрывало легальные экономические мероприятия. Нереформирование сектора безопасности вело к излишним расходам бюджетных средств, что предотвращало создание мирного задела, при котором можно было бы использовать часть бюджетных ресурсов, перенаправив их из сектора безопасности в экономику. Нереформирование сектора безопасности также создавало трудности для демократизации страны. Конфликты 1990-х годов в странах ЮВЕ привели к потере контроля над частью территории названных стран и к политическому и экономическому коллапсу. В некоторых странах ЮВЕ верховенство закона даже сейчас, спустя десятилетие после реформ, не распространяется на все части территории той или иной страны.

РПС также были важным критерием вступления стран ЮВЕ в евро-атлантические институты, такие как НАТО и ЕС. НАТО особенно активно работало в продвижении вопросов РПС в ЮВЕ через действия организации «Партнерство ради мира». Эти факторы имели большое значение для стран региона для понимания важности РПС. Тем не менее, стимул к реформам в этой области был дан сочетанием внутренних и внешних причин.

2. Условия проведения реформ.

Новые обстоятельства и новая региональная и международная обстановка в начале XXI века создали условия для реформ, которые были проведены в секторе безопасности в странах ЮВЕ.

Обратимся к оценке этой новой внутренней и региональной, а также международной обстановки, которая создала предпосылки к проведению реформы системы безопасности (РСБ).

РСБ являются непрерывным процессом. Внутренние и региональные условия безопасности по своей природе динамичны, и все государства должны иметь возможность эффективно адаптировать свои структуры безопасности к новым условиям.

Реформа правоохранительной безопасности в странах ЮВЕ в целом состояла в процессе замещения старых структур и создания новых конструкций⁵. Политическая нестабильность, коррупция и прогнившие государственные учреждения, склоны в руководящих элитах были доминантными чертами политических систем рассматриваемых стран. Посткоммунистический электорат в странах ЮВЕ был активен в продвижении реформ, однако его роль была хрупкая, так как общественное мнение колебалось между реформистской и националистической повесткой дня, создавая эффект «снежного кома»⁶.

В странах ЮВЕ имелось сложное историческое наследие: этнические разногласия, тоталитарные и авторитарные традиции и т.п. Конечно, историческому наследию как таковому было не остановить реформы, но оно тормозило их исполнение и, в зависимости от обстоятельств, могло сместить процесс реформ с демократических путей на путь авторитаризма. Посткоммунистические последствия этого наследия в виде слабого управления и слабости гражданского общества, коррупции, организованной преступности или отсутствия верховенства права в некоторых частях региона, могли сорвать процесс РПС.

Эволюцию самой безопасности эпохи реформ в странах ЮВЕ можно разделить на два периода. Первый – последнее десятилетие 1990-х годов, – был характерен неадекватными действиями правительств для начала процесса реальных реформ в секторе безопасности. Второй – период самого рубежа веков, – имел уже благоприятную внутреннюю и региональную среду для проведения РСБ.

В 1990-х годах ЮВЕ испытала неэффективность в функционировании процесса принятия решений о безопасности, связанной с т.н. человеческим фактором, а именно – концептуального и управленческого бессилия справиться с проблемами внутренних социальных, экономических и политических изменений, которые негативно влияли на попытки реформ и привели к их провалу или же к простой декларативности. Когда кризис в бывшей Югославии и вакуум безопасности, который существовал в 1990-е годы, перестал иметь место, страны бывшей Югославии плюс Албания сделали большой шаг вперед в стабилизации и демократизации. Болгария и Румыния больше не сталкивались с дилеммой стратегических приоритетов в плане евроатлантической интеграции: они были приглашены присоединиться к Североатлантическому альянсу⁷ и им была дана возможность закончить свои политические и экономические реформы, равно как и реформы сектора безопасности, которые способствовали их членству в ЕС с 2007 года. Эти изменения заставили названные страны приложить огромные усилия и имевшиеся ресурсы для формирования своих правоохранительных систем.

Болгария, Македония, Румыния постарались быстро выполнить обширные программы реформ при усилении институциональной стабильности. Появление стабильного, реформистского управляющего большинства, пришедшего к власти в этих государствах в конце 1990-х и начале 2000-х годов, позволили реализовать программы радикальных реформ в области сектора безопасности⁸. Причём эти реформы сопровождалась общей реформой административной системы, реформой системы социального обеспечения, здравоохранения, пенсионной системы и образования⁹. Последние, как оказалось, имели решающее значение в успехе первых. И, что важно, была обеспечена обществен-

⁵ Stan V. Influencing Regime Change in the Balkans. In: Experimenting with Democracy: Regime Change in the Balkans. London – New York, 2000.

⁶ Pridham G. Democratization in the Balkan Countries: From Theory to Practice. In: Experimenting with Democracy: Regime Change in the Balkans. London -New York, 2000. P.10.

⁷ NATO. Prague Summit Declaration. Press Release 127. November 21, 2002 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nato.int/docu/pr/2002/p02-127e.htm>

⁸ Falls Donald R. NATO Enlargement: Is Romania ready to join the Alliance / MIT Security Studies Program Working Paper 00-3. May 2000.

⁹ IRIS. State Democracy: Roadmap for Reforms /Country Report. 2001 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iris-bg.org/publications/countryreport.htm>

ная поддержка предпринятых реформ. Такой успех Болгарии, Македонии и Румынии был не полностью использован в других странах ЮВЕ, таких как Албания, Босния, Хорватия и Сербия-Черногория.

Наследство неудачного и болезненного перехода 1990-х годов продолжало преследовать эти страны. Их политические элиты были плохо подготовлены для управления новой ситуацией, с которой они столкнулись, и эти элиты стали свидетелями последующего снижения общественной поддержки радикальных реформ безопасности. Посткоммунистические правительства часто манипулировали реформами. В результате переход к подлинно демократическому реформированию и функционированию сектора безопасности в этих странах протекал нестабильными, прерывающимися темпами.

Благоприятная международная обстановка и усилия международного сообщества Европы также сыграли значительную роль в стимулировании реформы правоохранительной системы в регионе ЮВЕ. На рубеже веков растет внимание международного сообщества к реформированию правоохранительного сектора в странах ЮВЕ. Крупные доноры, такие как Великобритания и США, и международные организации, такие как ЕС, НАТО, ОЭСР, ОБСЕ, Всемирный банк, сыграли значительную роль в стимулировании стран региона для начала и проведения радикальных реформ. Например, в 2001 году ЕС предоставил только Македонии пакет помощи стоимостью 1,7 млн €. Цель помощи была в том, чтобы поддержать реформу полиции в Македонии¹⁰.

Дорожная карта для стран ЮВЕ с момента ее создания в мае 1997 года¹¹, предусматривала консультации и проведение обучения для правоохранительных органов Албании. В соответствии с ней был составлен новый Закон Албании о Государственной полиции, в котором содержались основы для построения демократической полиции в соответствии с признанными международными стандартами, и было проведено обучение около 3000 офицеров полиции¹².

Большую роль в процессе реформ во многих странах ЮВЕ сыграло НАТО. Такие Программы НАТО, как Партнерство ради мира, Инициатива по Юго-Восточной Европе, продвинули темпы процессов реформирования. Инициатива НАТО по Юго-Восточной Европе представляла собой серию программ, направленных на развитие регионального сотрудничества и долгосрочной стабильности на Балканах. Инициатива была запущена на Вашингтонском саммите в 1999 г. с целью содействия развитию регионального сотрудничества и долгосрочной безопасности в регионе. Миротворческие миссии НАТО, такие как «Силы по стабилизации в Боснии и Косово», многонациональные военные учения, такие как «Medceur» (медицинские учения)¹³, «Rescuer» (подготовка спасателей), «Cooperative Best Effort 2002» (совместные усилия)¹⁴ и другие помогли подвести персонал национальных правоохранительных органов «к нормам и операционным процедурам» стран НАТО.

Из правительственных учреждений основными донорами стали USAID и DFID¹⁵. USAID с середины 1990-х годов запустил многочисленные программы, поддерживающие реформу полиции, армии и судебного сектора. В своем докладе от апреля 1997 года, USAID призвал к развитию связей между военными и гражданскими организациями стран ЮВЕ¹⁶.

¹⁰ European Commission, Support Program for Police Reform in Macedonia in 2001. Brussels, 2001.

¹¹ Дорожная карта предполагала работу в её продвижении 143 участников, в число которых входили как целые государства юго-восточной Европы, так и их правительственные и неправительственные организации.

¹² The MAPE's mission terminated on May 31, 2001 // WEU, Crisis Management Operations 1997-2001 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.weu.int/History.htm#4A>

¹³ MEDCEUR – (Медицинская Подготовка для Центральной и Восточной Европы) – представляет собой серию совместных объединенных мероприятий по совершенствованию операций по предотвращению и минимизации массовых медицинских потерь, навыков планирования и координации, а также обеспечения многоуровневой медицинской подготовки.

¹⁴ Ежегодные полевые учения НАТО по поддержанию мира. Персонал из шести стран НАТО и десяти стран-партнеров проходили подготовку для улучшения взаимодействия и эффективности в военной области. В дополнение к военной составляющей, учения включали «оказание медицинской помощи местному населению».

¹⁵ USAID является ведущим агентством правительства США, которое работает по преодолению бедности в глобальном масштабе и способствует слаборазвитым государствам, проводящим демократические реформы, реализовывать свой потенциал. DFID – Департамент Великобритании по международному развитию.

¹⁶ European Commission, The Stabilization and Association Process for countries of Southeastern Europe, P. 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://europa.eu.int/comm/external_relations/see/sap/

Правительство Великобритании постепенно также приняло участие в повестке дня реформ. Оно переориентировало программу военной помощи, известную как ASSIST (помощь для поддержки обучения полиции) – и создало дипломатическую миссию Министерства обороны Великобритании, которая имела задачу подготовки и обучения силовых структур региона¹⁷.

Все эти международные инициативы и разработки имели большое влияние на реформы сектора безопасности стран региона.

3. Реализация реформ правоохранительного сектора.

Страны ЮВЕ вошли в первое десятилетие XXI-го века с успешным завершением реформ первого поколения, которые включали создание новых институтов и структур, а также соответствующих структур для демократического контроля над субъектами сектора безопасности. В ходе этого первого этапа (поколения) реформ была заложена основа принципов и структур по надзору за деятельностью сектора безопасности; полномочий парламента по такому надзору и по утверждению бюджетов сектора безопасности; предприняты попытки для выхода сектора безопасности из бюрократических пут. Кроме того, одним из ключевых элементов реформы правоохранительных органов первого поколения было обеспечить правовую основу для их реформирования и профессионализации. Это повлекло определение миссии, задач и структуры для субъектов сектора безопасности в соответствии с приоритетами, изложенными в соответствующих правовых документах, таких как конституции, законы об обороне, концепции национальной безопасности и военные доктрины. В странах ЮВЕ все эти реформы первого поколения произошли через разработку и реализацию конституционных и законодательных положений, которые четко определяли роли и обязанности соответствующих департаментов и их должностных лиц.

Страны ЮВЕ преуспели в создании правовых структур, которые подчиняют сектора безопасности и обороны политической и гражданской форме правления, и в то же время разделили контроль над вопросами обороны и безопасности между законодательной и исполнительной ветвями власти. Гражданский контроль указывает на примат гражданских институтов на основе народного суверенитета в процессе принятия решений, касающихся обороны и безопасности¹⁸. Гражданский контроль за военными должен быть единственным вариантом для военных с целью поддержания демократии¹⁹. Это было крайне необходимо, т.к. условия нестабильности, характерные для всех посткоммунистических государств, участвующих в демократическом переходе, отличны от условий, которые характерны для институтов безопасности в стабильных политических системах²⁰. В этом плане, по выражению Джозефа Ная, южноевропейские демократии пошли на «либеральную сделку» с правоохранительными органами²¹. При этом представители правоохранительного сектора и обороны в странах ЮВЕ официально признали, что они подотчетны законности и согласились формально оставаться беспартийными и уважать гражданские власти. Они также признали особую роль гражданского населения, которую оно играет в реформах всего сектора безопасности в Юго-Восточной Европе²².

Конституции стран ЮВЕ образуют основу для демократического контроля в области правоохраны и обороны. В конституциях этих стран есть четкая иерархия демократического контроля над армией. Эти конституции определяют роль Президента страны в качестве верховного главнокомандующего.

Несмотря на это сходство в правовой сущности демократического контроля, имеются и иные договоренности во всех странах, вытекающие из различий исторических

¹⁷ Там же.

¹⁸ Joe R. The Democratic Control of Armed Forces /ISS-Chailot Paper 23. February 1996 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iss-eu.org/chailot/chai23e.html>

¹⁹ Huntington S.P. The Soldier and the State. Cambridge, 1957. P. 83-85.

²⁰ Ulrich M.P. Democratizing Communist Militaries: the Cases of the Czech and Russian Armed Forces. Ann Arbor: the University of Michigan Press. 1999. P. 83-85.

²¹ Nye J. Concluding Address. In: Civil-Military Relations and the Consolidation of Democracy International Forum for Democratic Studies and George C. Marshall European Center for Security Studies/Conference Report. June 1995.

²² Pantev Pl. The New National Security Environment and Its Impact on the Civil-Military Relations in Bulgaria, ISIS-Research Study 5. 1997. P. 20-21 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isn.ethz.ch/isis/Publications/Pantev_New%20National%20Security%20Environment_.htm

традиций, характеристик обществ и эволюции политических режимов. В Албании, например, по конституции Президент Албании является главнокомандующим и председателем Совета национальной безопасности республики²³. Через премьер-министра и министра обороны он осуществляет командование вооруженными силами. В Македонии и Хорватии Президент Республики является верховным главнокомандующим и, в отличие от, например, Албании, он сохраняет некоторые ключевые области в пределах своей компетенции, в то время как администрация вооруженных сил в значительной степени оставалась под юрисдикцией министерства обороны²⁴.

В Румынии президент не имеет исключительных полномочий в сфере командования вооруженными силами. Он разделяет их с другими членами Верховного Совета Национальной Обороны²⁵. В Болгарии президент в определенной степени обладает исключительными полномочиями, однако, он должен реализовывать их при консультациях с правительством и с членами Консультативного Совета национальной безопасности²⁶.

Македония является одной из стран, которые совершили наибольший прогресс в установлении демократического контроля над вооруженными силами. Тем не менее, и в Македонии имеют место пробелы в законодательной базе и неясности в разделении ответственности между Президентом, Правительством и начальником Генерального штаба.

Хорватия сталкивается со своими собственными уникальными проблемами, в частности, в связи с наследием Туджмана и участием страны в югославских конфликтах. Она разработала законодательную и институциональную базу для демократического контроля над ее секторами безопасности и обороны. Тем не менее, проблемы остаются в непропорциональном соотношении сил между президентом и парламентом. Первоочередная задача на будущее состоит в необходимости повышения роли парламента, управляющего безопасностью, и серьезные усилия должны быть предприняты для того, чтобы ограничить некоторые из полномочий президента в этой области.

В Албании установление гражданского контроля над вооруженными силами не позволило сохранить армию от процесса принятия политических решений, необходимых политическим элитам²⁷. Реформы в этой области часто были использованы для политических чисток.

В Боснии и Герцеговине (БиГ) и Сербии-Черногории возникли основные трудности в достижении демократического контроля над сектором безопасности. БиГ вряд ли соответствует требованиям гражданского контроля над сектором безопасности и обороны, потому что ему не хватает единства в своих структурах сектора безопасности. Дейтонское мирное соглашение 1995 года привело в бытие сложные структуры государственной безопасности и обороны. Оно узаконило военное разделение страны и позволило националистическим партиям проводить свою политику сегрегации²⁸.

В БиГ высокий уровень автономии, которой наделены два субъекта государства, приводит к неэффективности работы государственных учреждений. Аналогичная ситуация в Сербии и Черногории, где оба субъекта заключили соглашение о процессе создания нового федеративного государства²⁹, который на сегодняшний день продолжает быть процессом и пока свет в конце этого туннеля не виден.

В Хорватии работал специальный комитет по вопросам внутренней политики и

²³ Aliaj I. Armed Forces in Albania and Civil Society//Paper prepared for a Seminar «Legal framing of democratic control of armed forces and the security sector: norms and reality» organized by the Geneva Center for the Democratic Control of Armed Forces. May 4-5, 2001.

²⁴ Tanner F. Security Sector Reform: Lessons from BiH// unpublished paper presented at IISS/DCAF conference. April 23, 2001.

²⁵ Конституция Румынии, ст.117-118[Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.uznal.org/constitution.php?text=Romania&language=r>

²⁶ Cox M. State-building and Post-conflict Rehabilitation: The Lessons of Bosnia// 4th International Security Forum. November 15-17. 2000.

²⁷ Aliaj I. Armed Forces in Albania and Civil Society // Paper prepared for a Seminar «Legal framing of democratic control of armed forces and the security sector: norms and reality» organized by the Geneva Center for the Democratic Control of Armed Forces. May 4-5, 2001.

²⁸ Tanner F. Security Sector Reform: Lessons from BiH // unpublished paper presented at IISS/DCAF conference. April 23, 2001.

²⁹ Cox M. State-building and Post-conflict Rehabilitation: The Lessons of Bosnia // 4th International Security Forum. November 15-17. 2000. P. 8.

национальной безопасности в рамках хорватского парламента (состоящего из двух подкомитетов: обороны и внутренней политики) с определенными полномочиями в области обороны. Однако этот орган несравним по своим полномочиям с сильным парламентским контролем. Старшие чиновники МО или МВД нерегулярно отчитываются перед Комитетом. Он не издает директивы политики или руководящие принципы. Там нет дискуссий или парламентских расследований некоторых событий в оборонных институтах. Особенно важно, что нет процедуры, четко определяющей, как решения и рекомендации Комитета вступили в силу. Существует один рабочий орган на уровне правительства Хорватии – координационная группа по внутренней и внешней политике. Однако, в связи с её направленностью к другим областям жизни, в ней почти не обсуждаются вопросы правоохраны и обороны³⁰.

В Македонии действовали два комитета с правом контролировать сектор безопасности: Комиссия для внутренней политики и обороны и Комиссия по надзору Департамента по безопасности и контрразведки и Агентства по разведке. Парламент Македонии также может сформировать специальную комиссию для расследования обвинений в сфере безопасности. В соответствии со статьей 76 конституции Македонии, такие органы могут быть созданы, «чтобы установить ответственность среди государственных чиновников». Но они не функционируют достаточно эффективно, они не получают регулярные отчеты МВД, Минобороны и Агентства по вопросам разведки. Их работа во многом зависит от отношения депутатов, которые склонны не выступать в качестве профессиональных критиков МВД, Минобороны и Агентства по разведке, т.к. эти органы могут возглавляться кем-нибудь из той же партии, к которой относятся и депутаты.

Вышеупомянутые пункты показывают, что во всех демократиях ЮВЕ принцип демократического контроля над сектором безопасности по-прежнему хрупок. В частности, появляются политические разногласия, из-за того, что в чрезвычайных ситуациях каждый из органов безопасности получает мандат на конкретные действия. Это вызывает серьезные политические разногласия, которые могут привести к политическому соперничеству между президентом, премьер-министром, министром обороны и парламентом. Гражданские и военные элиты в странах ЮВЕ согласны, что гражданские лидеры должны иметь последнее слово в том, чтобы использовать силу, но не согласны на то, что сами эти гражданские лидеры должны иметь решающий голос при принятии оперативных решений, касающихся использования силы.

Полицейские структуры стран ЮВЕ после изменений 1989 года так и не смогли полностью преодолеть наследие бывшего социалистического строя, сохранив милитаристский характер полицейских сил, поскольку их конечной целью долгие годы была защита и поддержание социалистического режима.

Еще одним источником общественного порядка является адекватная или неадекватная представительность этнических меньшинств и женщин в полицейских структурах стран ЮВЕ. На протяжении многих лет в полицию набирали и представителей национальных меньшинств и женщин, однако их количество в начале нового века по-прежнему не соответствует составу групп этнических меньшинств и женщин в общей численности населения той или иной страны. Например, в Сербии к середине 2002 года только 4,9 процента полицейских были представителями национальных и этнических меньшинств³¹.

Большую проблему накануне и в ходе реформ представляло стрелковое оружие, находившееся на руках у населения стран ЮВЕ. Поэтому при содействии структур ООН и НАТО в регионе была проведена большая работа по разоружению населения, и было собрано большое количество лёгкого стрелкового оружия. В Албании было изъято 188 тысяч единиц оружия; в Хорватии – 40.000; в 2001 году в Сербии-Черногории – 50.000; в 2001 году в Македонии – 3.300 единиц оружия было собрано и уничтожено. Всего же силами НАТО и ООН на июль 2002 года было изъято у населения стран ЮВЕ 23.387 единиц стрелкового оружия, 7,5 млн. патронов, 98.208 гранат, 25.908 мин, 22.401 кг взрывчатых веществ, 90.931 единица разнокалиберных минометов, гранат к ним и самодельных стрелковых вооружений.

³⁰ Radicevic T. Developing Defense Transparency in Croatia. In: Transparency in Defense Policy, Military Budgeting and Procurement / ed. Todor Tagarev, G.C.Marshall Association-Bulgaria. Sofia. 2002. P. 110-111.

³¹ UNMIBH SRSG Report, 8 June 2002 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.unmibh.org

Другим вопросы обеспечения проведения реформ стала демобилизация и реинтеграция бывших комбатантов. В БиГ демобилизация прошла в три этапа: сначала в качестве фазы срочной демобилизации в конце 1995/1996; второй этап в рамках промежуточной профессионализации в 1997/1998; а затем, в продолжение процессов репрофессионализации комбатантов в 1999/2000 годах. Как минимум 400.000 солдат в 1995, и 370.000 солдат в последующие пять лет были демобилизованы и переориентированы на мирный труд³². Подобные демобилизации прошли также в Македонии и Хорватии.

Заключение.

Современный взгляд на реформы в странах Юго-Восточной Европы показывает, что реформы первого поколения не были достаточными, и что второе поколение реформ должно быть связано с дальнейшей консолидацией демократического контроля над вооруженными силами; укреплением процедур прозрачности и подотчетности; широком участии гражданского общества; реформированием спецслужб; разоружением, демилитаризацией и реинтеграцией; поддержанием судебно-правовой реформы; борьбой с коррупцией и организованной преступностью в сфере безопасности. Реформы правоохранительного сектора без адекватных необходимых реформ в экономической и социально-бытовой сфере конкретного общества не могут иметь своих положительных последствий. В начальный период реформ социальные аспекты не привлекают внимания реформаторов, однако если они не включены в повестку дня реформы, то сами станут стимулами в росте преступности.

Только структурные изменения общества, которые определяют характер и работу полиции, а также изменения в традициях полиции при их взаимодействии с общественностью будут способствовать прогрессу на пути к демократической форме полицейской и вообще правоохранительной работы.

SOUTHEAST EUROPE: REFORM OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES ON THE BOUNDARY XX – XXI CENTURIES

A.K. KISELEV

*North Caucasus social Institute,
Stavropol*

e-mail: akiselev2@yandex.ru

The analysis of the initial phase of the reform of law enforcement agencies in the countries of South-Eastern Europe at the turn of the XX-XXI centuries, until 2002 inclusive is carried out. The idea of the study – to provide a broad, though not an exhaustive review of the first phase of the reform of the law enforcement sector in South-east Europe in order to better understand their nature and impact on the security situation in the region.

Keywords: police, security, Southeast Europe, the UN, NATO, democracy, reform, political elites, combatants, the separation of powers.

³² King J. A. Dorn W. and Hodes M. An Unprecedented Experiment: Security Sector Reform in Bosnia and Herzegovina. Bonn, 2002. P. 20, 11.

329.14(430):327(470+571)**ЖУРНАЛ НЕМЕЦКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ****В.Н. ШИЛОВ***Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: Shilov@bsu.edu.ru*

Анализируются статьи журнала «Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte», посвященные внешней политике России в связи с событиями на Украине. Отмечается стремление авторов статей, несмотря на их негативную оценку внешней политики России, к воссозданию партнерских отношений ЕС с Россией.

Ключевые слова: Россия, ФРГ, Социал-демократическая партия Германии, Евросоюз, Украина, США, внешняя политика, евроинтеграция, евразийская интеграция.

В странах Запада с начала 2014 г. обострилось внимание к внешней политике России. В отношении неё преобладают негативные оценки, но степень негативизма и практические рекомендации по поводу того, как вести теперь дела с Россией, различны. В этом плане представляет интерес позиция немецких социал-демократов – одной из главных политических сил наиболее авторитетной страны Евросоюза. Рассмотрим статьи сентябрьского номера за 2014 г. центрального общественно-политического журнала Социал-демократической партии Германии (СДПГ) – «Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte»¹, где в качестве центральной определена тема «Путь России» (Russlands Weg)².

Все авторы единодушно отмечают, что внимание к России актуализировано в связи с конфликтом на Украине, в силу чего отношения Запада с Россией не могут быть прежними. «Поведение России в украинском конфликте воспринимается как потрясение эпохального характера...», что вызывает необходимость «...переоценки отношений с Москвой»³, – отмечают Р. Трауб-Мерц и Ф. Хетт. «Украинский кризис стал...самым серьезным конфликтом между Западом и Российской Федерацией после окончания холодной войны»⁴, – заявляет Г. Эрлер. Вслед за остальными авторами Х. Цёпель обвиняет Россию в противоправных действиях в Крыму и на Востоке Украины⁵.

Р. Трауб-Мерц и Ф. Хетт пишут о двух неожиданных для Запада особенностях в действиях Москвы в украинских событиях: «Вместо того чтобы, как обычно, только реагировать на события, русская внешняя политика уже в преддверье саммита в Вильнюсе перехватила инициативу... другое состояло и в том, что до сих компромиссная и прагматичная внешняя политика включила в себя готовность к угрозе военными средствами и их дозированного использования для достижения преимуществ»⁶.

Статьи анализируемого тематического номера журнала содержат упреки в том, что Россия отвергла интеграцию, предложенную Западом. «Европейско-российские отношения после окончания холодной войны укладывались в парадигму паневропейской интеграции»⁷, – отмечает Л. Фикс. С этой целью делались попытки со стороны ЕС сблизить Россию с Восточным партнерством. И далее Л. Фикс констатирует, что «создание евразийского таможенного союза в июле 2010 года означает формально окончание европеизации России и отказ от интеграционной парадигмы в пользу становления России в качестве самостоятельного полюса между Европой и Азией»⁸.

¹ Журнал издается при поддержке Фонда Фридриха Эберта. Фридрих Эберт – немецкий социал-демократ, первый германский президент (1919-1925).

² Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. 2014. № 9. S. 20-43. Не все авторы статей данного номера по указанной теме являются членами СДПГ – есть и приглашенные специалисты из-за рубежа: из Польши редактор журнала «Polityka» А. Кржеминский, из России представитель партии «Яблоко» Г. Михалева.

³ Hett F., Traub-Merz R. Russlands Rolle in der Welt – Anspruch und Möglichkeiten // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. 2014. № 9. S. 23.

⁴ Erler G. Russland, die Ukraine und der Westen: Autopsie einer Krise und ihrer Folgen // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. 2014. № 9. S. 27.

⁵ Zöpel Ch. “Der Westen” und Russland. EU-Strategie auf der Basis gemeinsamer wertegebundener Interessen // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. 2014. № 9. S. 37.

⁶ Hett F., Traub-Merz R. Russlands Rolle in der Welt ... S. 23-24.

⁷ Fix L. Die Masken sind gefallen. Das Ende der Beziehungen zwischen der EU und Russland, wie wir sie kennen // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. 2014. № 9. S. 30.

⁸ Ebenda. S. 31.

Почти все авторы, рассматриваемых статей, отмечают стремление России к повышению своего международного статуса, вплоть до возвращения статуса СССР. Говорится также о претензиях России быть одним из полюсов многополярного мира, идущего на смену мира однополярного. «Основой подобного притязания являются стабилизация и новый подъем страны после хаотических 90-х годов»⁹, – поясняют Р. Трауб-Мерц и Ф. Хетт. Почти всеми авторами отмечается, что Россия стремится к доминированию на постсоветском пространстве, к его интеграции, одним из институтов которой является Евразийский экономический союз. «Россия никогда не скрывала, что в Украине она видит главную цель своих усилий по региональной интеграции... и было большой наивностью со стороны ЕС верить, что Россия будет без заметной реакции наблюдать за ориентацией Украины на Запад»¹⁰, – объясняют Р. Трауб-Мерц и Ф. Хетт основные причины активной политики России в отношении Украины.

Общее мнение всех авторов, что у России нет ресурсов для выполнения взятой миссии – быть самостоятельным полюсом силы на международной арене. «Евразийский проект придает России решающую порцию веса, чтобы обосновать себя на глобальной сцене в качестве великой державы – несмотря на сырьевой характер экономики, которая соответствует масштабам Италии...»¹¹, – с долей иронии констатирует Л. Фикс. «Восприятие Россией себя в качестве нового глобального игрока порождалось в последнем десятилетии растущими доходами от энергоносителей... шансы на дальнейший рост доходов от энергоносителей малы... без роста доходов на энергоносители экономика будет стагнировать, не имея перспектив на оздоровление... Мировая держава без сильной и растущей экономики может основывать свои глобальные притязания только политико-милитаристским образом, и то до тех пор, пока финансовые ограничения не введут их в рамки... В экономической области Россия не является даже региональным гегемоном... Будучи зависима сама от поставок извне, страна не может быть мотором в развитии новых технологий»¹², – поясняют свой скептицизм в отношении амбиций России Р. Трауб-Мерц и Ф. Хетт. Россия «пытается за неоимпериалистическими аллюрами скрыть провалившуюся модернизацию страны... однако едва ли обладает путинский Евразийский союз «мягкой силой»»¹³, – полагает А. Кржеминский, отмечая незначительную, с его точки зрения, привлекательность для бывших советских республик евразийского интеграционного проекта.

Таким образом, по мнению всех авторов, Россия повела себя «не по чину», вне ответственности со своими экономическими и информационными ресурсами, поэтому реакция России на действия Запада на Украине явилась для него неожиданностью. При этом высказываются и критические замечания в адрес политики ЕС, мол, надо было все же предусмотреть эту неадекватную реакцию России¹⁴, страдающей, якобы, маниями величия и преследования со стороны Запада.

Общим для всех авторов является и сожаление по поводу разрушения уже сложившихся достаточно гармоничных и привычных отношений России и Запада. Но при этом все признают, что реакция со стороны Запада в отношении «агрессивной политики» России была необходима, иначе это было бы предательством по отношению к тем ценностям, которые лежат в фундаменте западной цивилизации. «И чем еще как не санкциями мог реагировать ЕС на политику, которая насильственно меняет границы в Европе, ... стремится удушить демократическое движение в соседней стране, и саму Россию ведет от дефектной демократии к сырьевой диктатуре?»¹⁵, – вопрошают Г. Бергвангер и К. Рудольф. Однако все авторы говорят о том, что повторения холодной войны быть не должно, что нужно стремиться к налаживанию партнерских отношений. «Мероприятия как реакция на аннексию Крыма были необходимы. Молчаливого принятия этого акта, нарушающего все международные нормы, быть не могло. Мы не хотим возвращения к отношениям холодной войны... Потребуется много времени чтобы восстановить разрушен-

⁹ Hett F., Traub-Merz R. Russlands Rolle in der Welt ... S. 24.

¹⁰ Ebenda. S. 24-25.

¹¹ Fix L. Die Masken sind gefallen... S. 31.

¹² Hett F., Traub-Merz R. Russlands Rolle in der Welt ...S. 25-26.

¹³ Krzeminski A. Die imperiale Haftcreme verwittert // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. 2014. № 9. S. 23.

¹⁴ Например см.: Fix L. Die Masken sind gefallen... S. 31.

¹⁵ Berwanger H., Rudolph K. Das demokratische Versprechen. Deutsche Außenpolitik im Ukraine-Konflikt // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. 2014. № 9. S. 42.

ное доверие... при любом варианте будущего мы нуждаемся в России, уважающей международные ценности и нормы, как в конструктивном партнере»¹⁶, - пишет Г. Эрлер. «...является преувеличением выводить из действий России её готовность к агрессивному изменению международного порядка, спекулировать по поводу военного захвата ею соседних стран и требовать вооружения НАТО, чтобы посредством мощной военной защиты границ предотвратить превращение предполагаемой холодной войны в горячую...»¹⁷ Страхи, что Россия после аннексии Крыма ухватится за другие бывшие области Советского Союза, вроде Казахстана или даже членов НАТО в Прибалтике преувеличены... Повторение российской кризисной политики по типу восточной Украины нигде не заметно. Лица, группы, которые об этом говорят, реализуют свои собственные интересы (не в последнюю очередь – в вооружении Запада)¹⁸, – констатируют Трауб-Мерц и Ф. Хетт, делая вывод, что «с точки зрения Запада и в его собственном правильно понятом интересе целью внешней политики должна быть находка выхода из кризиса, позволяющего сохранить лицо всем сторонам. Совместная стабилизация ситуации в Украине есть предпосылка того, что Россия может снова стать партнером Запада»¹⁹.

«Изоляция России не только не мыслима, но и нежелательна, слишком тесны экономические связи – Россия является третьим по величине торговым партнером ЕС после США и Китая... Все же от иллюзии общего базиса ценностей и интересов нужно отказаться. Россия не является стратегическим партнером... необходим новый прагматический подход в отношениях с Россией...»²⁰ – призывает Л. Фикс к партнерству с Россией, но на другой основе.

«Распределение глобальных военных расходов ... – 1.558 миллиардов долларов США – показывает сомнительность требования их повышения в Европе. США инвестируют 600 миллиардов (38,5%), Китай 112 (7,2%), Россия 68 миллиардов (4,4%). ЕС расходует 254 миллиарда (16%), больше чем Россия и Китай вместе взятые. Также число солдат ЕС превосходит то, что есть в России (1.559.000 к 845.000). Если сюда добавить США, то сообщество США/ЕС превосходит Китай с 2.333.000. Это превосходство «Запада» есть, скорее всего, стимул для России и Китая повысить свои расходы, нежели поднять их в ЕС»²¹, – призывает к сдержанности в расходах на вооружение Х. Цёпель и делает вывод, что «вести переговоры с Россией на базе ущемленных, но общих, связанных с ценностями интересов – должно быть стратегией ЕС»²².

Нежелание, высказанное всеми авторами, далее обострять отношения с Россией, связано со стремлением изменить политику России. И здесь основная ставка делается на её гражданское общество.

«Почему существуют ...дефициты в понимании и совместной работе? – спрашивает Г. Эрлер и сам отвечает не него. – Нужны оба гражданских общества, если мы хотим заложить основы для лучшего будущего»²³. Имеются в виду гражданское общество России и гражданское общество стран ЕС.

«Возможности влияния Европы на официальную российскую политику будут всё меньше. Отсюда важно, поддерживать тех, кто в конечном итоге принимает решение о развитии России: российское общество. По меньшей мере, либерализация условий предоставления виз, что легко осуществить, могла бы стать первым шагом... нужно протянуть руку российскому обществу, не считая обязательной поддержку политических элит»²⁴, – резюмирует Л. Фикс. Реализация её предложения по поводу снятия визовых ограничений, несомненно, обрадовала бы многих россиян и существенно снизила бы нарастающий уровень их недоверия к Западу.

Х. Цёпель пишет о том, что Евросоюз должен искать партнера в российском обществе, прежде всего, в экономическом приватном секторе и намекает на то, что «в самой России есть возможность смены режима»²⁵.

¹⁶ Erler G. Russland, die Ukraine und der Westen... S. 29.

¹⁷ Hett F., Traub-Merz R. Russlands Rolle in der Welt ... S. 24.

¹⁸ Ebenda. S. 26.

¹⁹ Ebenda. S. 27.

²⁰ Fix L. Die Masken sind gefallen... S. 32.

²¹ Zöpel Ch. «Der Westen» und Russland... S. 39-40.

²² Ebenda. S. 40.

²³ Erler G. Russland, die Ukraine... S. 29.

²⁴ Liana Fix Die Masken sind gefallen... S. 33.

²⁵ Zöpel Ch. «Der Westen» und Russland... S. 40.

Видимо, именно в гражданском обществе видится сила, способная сменить политический режим нынешней России. На сегодняшний день оно, по мнению Г. Михалевой, лишено самостоятельности. «Сломлено ли сопротивление?»²⁶, – таково название её статьи о гражданском обществе в России, где она пишет о том, что население страны, в основном, поддерживает Путина, «готово прощать ему ошибки и ложь... лишь незначительное меньшинство способно к открытой критике режима или к защите собственных прав»²⁷. Несомненно, гражданское общество в России развивать необходимо и нельзя исключать возможности смены им политического режима. Важно, чтобы это происходило ненасильственным образом, чтобы не было больше майданов типа киевского в 2013-2014 гг. или московского августа 1991 г., на что часто ориентируются создатели «цветных революций» – нетерпеливые «борцы с авторитаризмом»²⁸.

Обвинительный по отношению к России уклон связан с искаженной интерпретацией действий Запада и украинских протестантов, свергнувших президента В. Януковича. На фоне этой интерпретации, идеализирующей Запад и нынешнюю власть в Украине, поведение России выглядят действительно неправомерным. «Движение майдана было успешным восстанием эмансипированных средних слоев украинского общества»... одной из причин которого было нежелание, чтобы страна была поглощена «русской сатрапией»... «главная ответственность за эскалацию ситуации в Украине лежит, как это ясно и отчетливо видно, на Москве»²⁹, которая руководствуется амбициями великой державы и теориями заговора. Ни слова о том, что майдан был организован и финансирован Западом и, прежде всего США. Нигде не упоминается о том, что действия протестантов на майдане носили насильственный и противоправный характер, и что смена власти в Украине была антиконституционным переворотом.

Нужно отметить, что, как показывают данные медиастатистики, пресса Германии по сравнению с другими странами носит по отношению к России наиболее недружелюбный характер³⁰, и в этом плане статьи авторов журнала партии, входящей в правительственную коалицию, вполне соответствуют общему официальному мнению, осуждающему Россию. Но так же, как мнение прессы Германии не отражает мнение всех граждан ФРГ, мнение социал-демократических идеологов и политических деятелей не отражает мнение многих рядовых членов СДПГ. В этом отношении показательны отзывы читателей на статью К. Фойгта «Подорванное доверие» в онлайн-журнале, «Международная политика и общество» («Internationale Politik und Gesellschaft») ³¹, также поддерживаемым социал-демократическим Фондом Фридриха Эберта. К. Фойгт в систематизированной форме изложил историю и перспективы восточной политики СДПГ. Его оценки ситуации в плане украинской проблематики российской внешней политики совпадают с мнением авторов рассмотренных выше статей. Общий вывод К. Фойгта, что Россия своими агрессивными действиями, подорвала доверие к себе, и если она хочет вписаться в международный порядок, то должна изменить свою политику.

Читатели в своих комментариях критикуют сглаженную версию интерпретации ситуации с Украиной, идеализирующую действия официальных кругов ФРГ и ЕС. Читатели пишут о зависимости лидеров ФРГ от США, их чрезмерном атлантизме (К. Фойгту напоминают, что в прошлом он был стипендиатом одного из фондов США³²) и призывают власти ФРГ и ЕС быть более независимыми во внешней политике от США³³. «Вмешательство (ошибочная оценка) ЕС в украинском конфликте, геостратегические интересы США, расширение ЕС и НАТО, заставили Россию по-новому определить свою позицию в

²⁶ Michaleva G. Ist der Widerstand gebrochen? // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. 2014. № 9. S. 33.

²⁷ Ebenda. S. 36.

²⁸ Подробнее об этом см.: Шилов В.Н. Московский майдан августа 1991 года: предпосылки и последствия // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2014. № 15(186). Выпуск 31.

²⁹ Berwanger H., Rudolph K. Das demokratische Versprechen... S. 41.

³⁰ Николайчук И. Россия в зеркале мировых СМИ: мира по-прежнему нет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ria.ru/analytics/20141113/1033178855.html#14161169872983&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration>

³¹ Voigt K. Erschüttertes Vertrauen // Internationale Politik und Gesellschaft. 2014. Oktober [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipg-journal.de/kommentar/artikel/erschuettertes-vertrauen-642/>

³² Комментарии к статье К. Фойгта читателя Д. Брайера [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipg-journal.de/kommentar/artikel/erschuettertes-vertrauen-642/>

³³ Следует напомнить, что Ф. Штайнмайер, нынешний министр иностранных дел ФРГ – один из лидеров СДПГ.

отношении Запада. Аннексия Крыма изображается в этой статье (в статье К. Фойгта – В. Шилов) как возбудитель конфликта. Но она была ответом на западную политику в отношении Украины. Или кто-либо будет сомневаться, что США повели бы себя иначе?»³⁴, – пишет в своем комментарии Х. Трибштайн. Можно только поддержать мнение и других членов СДПГ, пишущих о необходимости более реалистично подходить к оценке восточной политики ФРГ и надеяться, что и руководство СДПГ, и его аналитический аппарат отойдут от упрощенной версии событий, а будут руководствоваться в своем анализе интересами собственной страны, брать в рассмотрение все факторы. А главное нужно быть последовательными. Если вы разделяете какие-то ценности, то следуйте им во всех случаях. Иначе получается так, как об этом сказал президент РФ В. Путин, рассуждая о двойных стандартах в политике Запада: «что позволено Юпитеру, не позволено быку»³⁵. Страны Запада выдвигают требования к России следовать определенным принципам, но сами, ссылаясь на исключительные обстоятельства, эти принципы нарушают.

Вполне возможно, действия России в отношении Украины в чем-то непротиворечивы, но это вынужденный ответ на явно непротиворечивые акции со сторон стран Запада. И возникает вопрос: почему бы не подождать Западу и поддержанным им оппозиционным, проевропейским силам Украины где-то год с небольшим – до весны 2015 г., до установленных законом выборов президента Украины? Ведь если бы не было успешного насильственного антиконституционного государственного переворота, то и не было бы катастрофических событий на Украине, и не было бы «агрессии» со стороны России.

Несомненно, что твердая позиция России в отстаивании своих интересов уже заставила часть западных политиков пожалеть о том, что они втянулись в украинскую авантюру, и удержит их от рискованных, не до конца продуманных действий в будущем.

В ситуации же с самой Украиной главная интрига теперь состоит в ожидании действий Запада. Окажет он или нет необходимую финансовую помощь Украине? Для предотвращения экономической и социальной катастрофы страны необходимы десятки миллиардов евро, для развития экономики Украины нужны уже сотни миллиардов³⁶. В анализируемых статьях эта проблема даже не поднимается. Но именно надежды масштабную помощь Запада были одним из главных мотивов действий активистов майдана. Население Украины ждет разочарование, если эта помощь не будет оказана.

MAGAZINE OF GERMAN SOCIAL DEMOCRATS ABOUT FOREIGN POLICY OF RUSSIA

V.N. SHILOV

Belgorod National Research University

e-mail: Shilov@bsu.edu.ru

Articles of magazine «Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte», devoted to foreign policy of Russia in connection with events in Ukraine are analyzed. The aspiration of the articles authors to a reconstruction of partner relations of EU with Russia, despite their negative estimation of foreign policy of Russia is marked.

Keywords: Russia, Germany, Social-democratic party of Germany, the European Union, Ukraine, the USA, foreign policy, euro integration, the eurasians integration.

³⁴ Комментарии к статье К. Фойгта читателя Т. Трибштайна // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipg-journal.de/kommentar/artikel/erschuettertes-vertrauen-642/>

³⁵ Прежде всего имелась в виду различная оценка двух однотипных событий в Косово и в Крыму. См.: Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/46860>

³⁶ Об этом см.: Шилов В.Н. К вопросу о геополитической ориентации современной Украины // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2014. № 1(172). Выпуск 29. С. 187-191.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Киселёв А.К.** – заведующий кафедрой государственного права Северо-Кавказского социального института, г. Ставрополь, доктор исторических наук, доцент
- Бембай К.** – аспирант кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Березняк Я.В.** – аспирант кафедры истории, краеведения и правовых дисциплин с методикой преподавания Крымского гуманитарного университета, г. Ялта
- Близниченко С.С.** – доцент кафедры транспортных сооружений Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар, кандидат технических наук
- Болгов Н.Н.** – заведующий кафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук, профессор
- Болгова А.М.** – доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук
- Голик А.А.** – аспирант кафедры истории Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина
- Гордеева Н.Н.** – преподаватель Выборгского института филиала Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина; аспирант кафедры истории Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина
- Еремин А. В.** – доцент кафедры отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, кандидат исторических наук
- Зотов С.А.** – доцент кафедры всемирной истории Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат исторических наук
- Кравченко В.Ю.** – аспирант кафедры политологии Днепропетровского национального университета им. Олеся Гончара, Украина
- Крупская С.Ю.** – старший преподаватель кафедры международных отношений и украиноведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Лазарев С.Е.** – член Совета молодых учёных города Серпухова (Московская обл.), член редакционного совета научно-популярного журнала «Военно-исторический архив» (г. Москва), кандидат исторических наук
- Липич В.В.** – профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Малько Ю.С.** – аспирант кафедры экономической политики и менеджмента Харьковского регионального института Национальной академии государственного управления при Президенте Украины
- Московкин В.М.** – профессор кафедры мировой экономики Белгородского государственного университета, доктор географических наук
- Низовцев Н.А.** – аспирант Орловского государственного университета
- Птицына К.В.** – аспирант кафедры всеобщей истории Курского государственного университета

- Пушкарева И.М.** – ведущий научный сотрудник-консультант Института российской истории РАН, доктор исторических наук
- Разуваев Ю.Д.** – доцент кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета, кандидат экономических наук
- Реутов Е.В.** – доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат социологических наук
- Саенко Т.В.** – депутат Парламента Кабардино-Балкарской Республики (г. Нальчик), кандидат педагогических наук
- Семенова Н.Л.** – доцент кафедры истории Отечества и методики преподавания истории Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, кандидат исторических наук
- Сизов С.К.** – профессор кафедры истории древнего мира и классических языков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор исторических наук
- Сорокина Л.И.** – доцент кафедры всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета, кандидат философских наук
- Супрун Н.О.** – соискатель кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, Украина
- Третьякова М.В.** – доцент кафедры всемирной истории Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета, кандидат исторических наук
- Унжаков А.В.** – заведующий кафедрой основ английского языка Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, кандидат исторических наук
- Урожаева Т.П.** – старший преподаватель кафедры политологии и истории Иркутского государственного университета, кандидат исторических наук
- Хайдарлы Д.И.** – старший научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия Академии наук Молдовы (г. Кишинев), кандидат исторических наук
- Шатохин И.Т.** – профессор кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Шатохина С.Б.** – старший преподаватель кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Шилов В.Н.** – профессор кафедры культурологии и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук
- Ярцев С.В.** – старший научный сотрудник кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, кандидат исторических наук, доцент

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в двух экземплярах:

- по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный национальный исследовательский университет;
- по электронной почте редакторам разделов: «Актуальные вопросы отечественной истории» – shatohin@bsu.edu.ru (Шатохин Иван Тихонович – заместитель главного редактора); «Актуальные вопросы всеобщей истории» – bolgov@bsu.edu.ru (Болгов Николай Николаевич); «Актуальные вопросы политологии» – Shilov@bsu.edu.ru (Шилов Владимир Николаевич – заместитель главного редактора); «Актуальные проблемы экономики» – Lomovceva@bsu.edu.ru (Ломовцева Ольга Алексеевна – заместитель главного редактора); ответственный секретарь серии журнала – onoprienko@bsu.edu.ru (Оноприенко Инна Григорьевна); сайт журнала: <http://unid.bsue.edu.ru/unid/res/pub/index.php>.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлегией не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ИНФОРМАТИКА» ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГУ»

В материалы включается следующая информация:

1) УДК научной статьи; 2) аннотация статьи (не более 1200 знаков); 3) ключевые слова; 4) сведения об авторах (Ф. И. О., должность с указанием места работы (без сокращений), ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны); 5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук); 6) текст статьи; 7) ссылки.	<table border="0"> <tr> <td style="font-size: 3em;">}</td> <td style="vertical-align: middle;">на русском и английском языках</td> </tr> <tr> <td style="font-size: 3em;">}</td> <td style="vertical-align: middle;">на русском языке</td> </tr> </table>	}	на русском и английском языках	}	на русском языке
}	на русском и английском языках				
}	на русском языке				

Технические требования к оформлению текста

1. Текст набирается в Microsoft Word 2000/2003. Лист – А4, портретный. Без переносов.
2. Поля:
 - правое – 1,5 см;
 - левое – 3,0 см;
 - нижнее – 2,0 см;
 - верхнее – 2,0 см.
3. Шрифт:
 - гарнитура: текст – **Georgia**; УДК, название, ФИО автора – **Impact**;
 - размер: в тексте – **11 пт**; в таблице – **9 пт**; в названии – **14 пт**.
4. Абзац:
 - отступ 1,25 мм, выравнивание – по ширине;
 - межстрочный интервал – одинарный.
5. Ссылки:
 - номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
 - нумерация – автоматическая, сквозная;
 - текст сноски внизу каждой страницы;
 - размер шрифта – 9 пт.
6. Объем статей: до **8 страниц (Georgia, 11 пт)**.
7. Формулы набираются в «Редакторе формул» Word, допускается оформление формул только в одну строку, не принимаются формулы, выполненные в виде рисунков, формулы отделяются от текста пустой строкой.
8. Требования к оформлению статей, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи

УДК 65. 01

**КЛЮЧЕВЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЮ РЕГИОНА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ^{*}****А. В. ИВАНОВ¹⁾
Л. Н. ПЕТРОВ²⁾**¹⁾ *Департамент экономического
развития Белгородской
области*²⁾ *Белгородский государ-
ственный национальный
исследовательский
университет**e-mail: bor@bsu. edu. ru*

При выборе пути инновационного развития необходимо учитывать возможные риски и ограничения социально-экономического развития, продуцированные перспективами постепенного вступления России в единое мировое экономическое пространство. В работе рассмотрены ключевые вызовы развитию России и регионов на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: глобализация, вызовы развитию, риски и ограничения социально-экономического развития, региональная политика.

В последние годы в российском обществе обозначился явный дефицит долгосрочного (на 10-15 и более лет) видения перспектив развития национальной экономики¹.

**KEY CHALLENGES TO REGION DEVELOPMENT
IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY****A. V. IVANOV¹⁾
L. N. PETROV²⁾**¹⁾ *Department of Economic
Development, Belgorod Region*²⁾ *Belgorod National Research
University**e-mail: bo@bsu. edu. ru*

Choosing a way of innovative development it is necessary to take into account the risks and restrictions of socio-economic development, produced by prospects of the gradual introduction of Russia into the whole world economic space. There considered key challenges to development of Russia and its regions for the long-term prospect.

Keywords: globalization, challenges to development, risks and restrictions of socio-economic development, regional policy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов А. В. — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и права Белгородского государственного университета 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: dizelsnab@mail. ru, тел. 33-22-44

¹ Караганов С. А. XXI век и интересы России // Современная Европа. 2004. № 3. С. 6; Айналов Д. В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900. С. 2.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на 2-х страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Расположение начала таблицы.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Продолжение таблицы, расположенное на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру под рисунком.

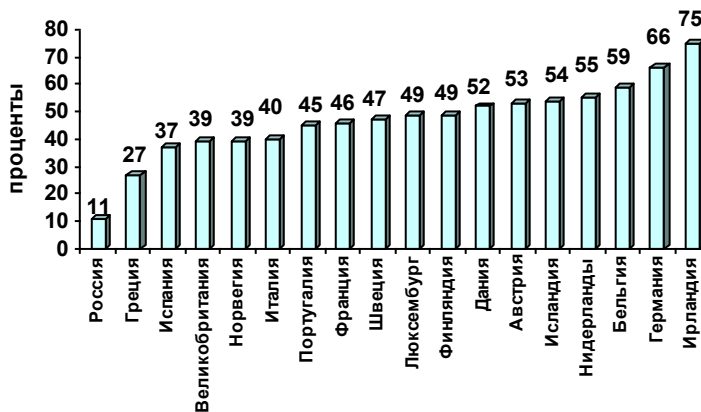

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

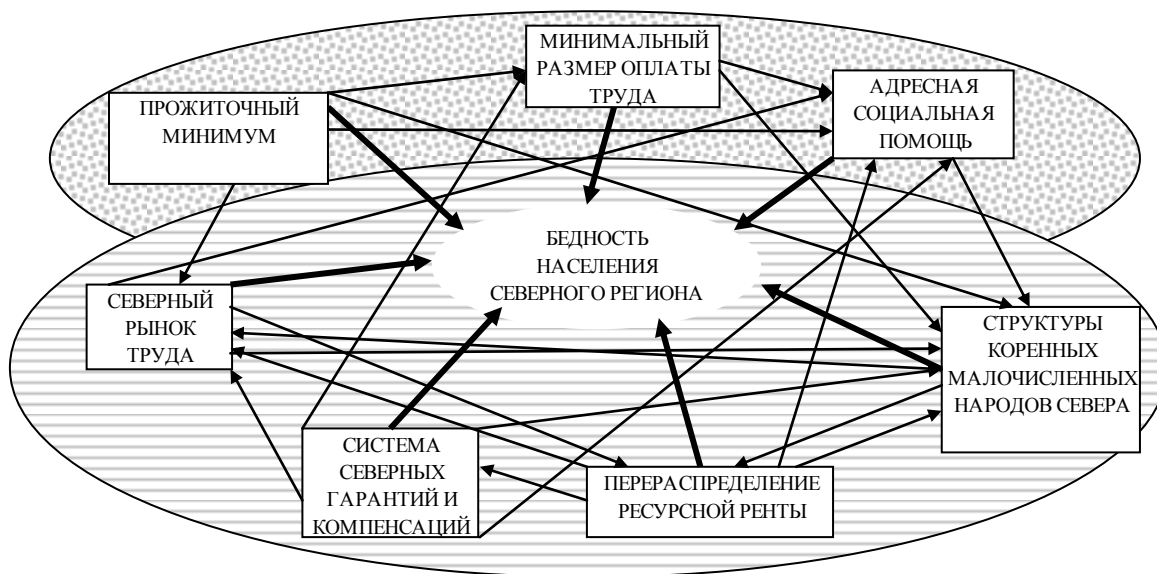

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.

За публикацию рукописи в журнале «Научные ведомости Белгородского государственного университета» плата с авторов не взимается.